
Бернард Бейлин
Идеологические истоки Американской революции

БИБЛИОТЕКА
СВОБОДЫ

Bernard Bailyn
The Ideological Origins
of the American Revolution

Бернард Бейлин
Идеологические истоки
Американской революции

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)
Б35

Серия «Библиотека свободы» издается с 2009 года в рамках издательской программы проекта «InLiberty.Ru: Свободная среда»

Издатель Андрей Курилкин
Дизайн Анатолий Гусев

Перевод с английского Дарья Хитрова, Кирилл Осповат
Редактор Андрей Курилкин

Published by arrangement with Harvard University Press

Бейлин Б.
Б35 Идеологические истоки Американской революции / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2010. — 308 с. — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-136-7

«Идеологические истоки Американской революции» Бернарда Бейлина — классическое исследование интеллектуальной атмосферы, в которой сформировался идеологический фундамент Соединенных Штатов Америки — самой амбициозной и самой успешной в мировой истории попытки создать государство, опираясь на новые политические идеи, а не традиции и образцы других стран. Описывая вдохновляющий пример влияния общественной дискуссии о границах государственной власти на ход политических событий, Бейлин показывает, каким образом радикальные идеи свободы личности и ограниченного государства смогли стать основой жизнеспособного политического устройства.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7)

ISBN 978-5-98379-136-7

© President and Fellows of Harvard College, 1967, 1992

© Новое издательство, 2010

Оглавление

7	Предисловие к расширенному изданию	
<hr/>		
10	Введение	
16	Глава I	Литература революции
28	Глава II	Традиции и истоки
45	Глава III	Власть и свобода: антиномии политической теории
64	Глава IV	Логика мятежа
95	Отступление о заговоре	
105	Глава V	Перетолкования
147	Глава VI	Вирус свободы
206	Эпилог	Воплощение: комментарий к Конституции
<hr/>		
245	Список сокращений	
246	Примечания	
303	Указатель имен	

Предисловие к расширенному изданию

Почти три десятилетия назад, когда я работал над настоящей книгой, посвященной идеологическим спорам эпохи Американской революции, я в известном смысле чувствовал себя первооткрывателем. Вместе с коллегами я поражался картине, представшей перед взглядами исследователей после того, как были отброшены расхожие слова о Просвещении и мы задумались о том, что, собственно, говорили вожди революции, откуда взялись их идеи, как эти идеи сочетались друг с другом и как они, несмотря на свое заокеанское происхождение, помогали осмыслять мало на что похожие североамериканские обстоятельства. Такого рода разыскания опирались на «контекстуальный» подход к истории: нужно было не искать в историческом прошлом предвестия будущего, но, внимательно рассматривая детали, восстанавливать ушедшую эпоху такой, какой видели ее современники.

В этой перспективе стало очевидно, что идеология Американской революции представляла собой смесь идей и представлений, исключительно радикальных для своего времени (и, если вдуматься, не утративших радикальности до сих пор). При первой публикации настоящая работа именовалась «Преобразовательный радикализм Американской революции» («The Transforming Radicalism of the American Revolution») и содержала особую, шестую, главу «Вирус свободы» («The Contagion of Liberty»). Революционная идеология опиралась на самые разные источники, однако главным образом восходила к специфическому течению британской политической мысли, сосредоточившемуся на вопросах защиты индивидуума от злоупотребления властью, от государственной тирании. Вместе с тем глашатаи революции, авторы многочисленных памфлетов и рассуждений, не были философами и не образовывали обособленной «интеллигенции». Это были политики, купцы, адвокаты, помещики и проповедники, и они не имели в виду записываться

в последователи того или иного гранда политической философии, чье влияние современный исследователь обнаружит в их сочинениях. Они не считали себя «гражданскими гуманистами», и я тоже не буду пользоваться этим термином. Они удивились бы, что их идеи так хорошо уместаются в схему развития политической философии. Они полагали, что любой государственный строй, в первую очередь республиканский, должен в значительной мере основываться на добродетели, но они не обманывались относительно добродетели обыкновенного человека; все они верили в основополагающую роль собственности и экономического роста. Они были и «гражданскими гуманистами», и «либералами» — в разной мере и в разных обстоятельствах. В исследованиях последнего времени очень точно описана подвижность и вариативность их идей, не исключавшая постоянства основных установок. Мы с самого начала признавали объединяющую мощь этих идей, но недооценивали их гибкость перед лицом новых запросов и обстоятельств. Эти качества стали видны тогда, когда мы обратились к истории послереволюционных лет и смогли рассмотреть столкновения исходных доктрин с новыми сложностями.

Однако эти столкновения начались гораздо раньше 1776 года. На ранней их фазе, которой главным образом посвящена настоящая работа, размышления над излюбленными идеями и их практическим применением заставили будущих революционеров обратить внимание на внешние и внутренние опасности. Они пришли к заключению, что надолго сохранить свободу можно, только любой ценой разрушив существующую систему власти. На следующем этапе нужно было обустроить общественную жизнь отдельных государств-штатов в соответствии с прогрессивными принципами; в этот момент были востребованы идеи и навыки, связанные с либерализацией малых правительств, о деятельности которых эти люди были хорошо осведомлены и которые не претендовали на державное могущество национальных государств. Затем пришло время третьего этапа, разрушительного, по мнению многих, для изначальных установок революции: время строительства общенациональной центральной власти, обладающей значительной силой и способной управлять разрозненным обществом. Даже слабое подобие такой власти до сих пор допускалось только под предлогом тяжелой войны; новая централизация, как будто бы возвращавшая только что свергнутое иго, на первый взгляд оборачивала вспять свершившуюся идеологическую революцию. Чтобы этого не случилось, приходилось заново задумываться над принципами и убеждениями, направлявшими революцию, уточнять их и применять к новым обстоятельствам. В конце концов оказалось, что не окончательное

разрушение власти, а построение ее на новых началах позволило выполнить первоначальные цели революции.

Об этой последней фазе развития революционной идеологии, обнаружившей — и в теории, и на практике — ее чрезвычайную гибкость, а точнее, о длительных и мучительных дебатах вокруг принятия Конституции, идет речь в добавленном позднее эпилоге. Если материалом для начальных глав послужили самые разнообразные писания участников революции, то в эпилоге рассматривается обширнейший круг текстов, порожденных годовым спором о Конституции, — газетные статьи, личная переписка, государственные документы и речи в учредительных конвентах.

Этот спор, в котором принимали участие все общины и все политически сознательные жители бывших колоний, служил послесловием к прошедшему и предисловием к будущему. Он породил новую систему общенациональной власти, но в то же время не обозначил разрыва с общеамериканской идеологией предшествующих времен. Мощный заряд политических представлений, направлявший революцию, не выветрился после принятия Конституции. Конституция, по моему убеждению, не была результатом термидорианского поворота, растоптавшего революционный идеализм в интересах капиталистической хунты или обеспеченного патрициата. Статья X «Федералиста» не похоронила старых политических убеждений и не означала начала новой политической науки. Исходные учения приспособлялись к новым условиям, но не отвергались. Безусловно, Конституция предполагала создание сильного государства, удобного для определенных экономических групп и напоминавшего многим антифедералистам о недавно свергнутой деспотии. Однако даже большинство антифедералистов со временем (не в последнюю очередь после принятия правовых гарантий Билля о правах) осознало ложность этой параллели. Старые принципы сохранялись в новых, усложненных формах и воплощались в новых государственных учреждениях, обеспечивавших сохранность революционного наследия. Свобода человека от государства, даже от реформированного государства, составлявшая главную ценность для преобразователей XVIII столетия, остается ею и для нас.

Введение

Работа над этой книгой началась несколько лет назад, когда Говард М. Джоунс, в то время главный редактор серии «John Harvard Library», предложил мне подготовить к печати сборник политических памфлетов времен Американской революции. Как и все исследователи этой эпохи, я хорошо знал около полдюжины самых известных текстов этого рода, безусловно достойных републикации, и имел в виду еще полдюжины. Предложение мне понравилось, показалось не слишком обременительным и к тому же хорошо согласовывалось с замыслом книги о политике XVIII века, которую я тогда писал. Я согласился.

В начале нужно было составить полный перечень этих памфлетов. Это оказалось не самым простым делом, и, только принявшись за него, я осознал масштаб начатой мною работы. Полная библиография памфлетов, касающихся англо-американского противостояния и опубликованных в колониях по 1776 год включительно, содержит не десяток, а более четырехсот пунктов; семьдесят два из них я в конце концов решил перепечатать. Однако не количественные показатели определяли истинный масштаб моего предприятия. Среди памфлетов были сочинения самого разного рода: политические трактаты, исторические работы, изложения той или иной политической программы, проповеди, письма, стихи; здесь шли в ход самые разные риторические и литературные приемы; однако все эти тексты в равной мере обладали одним не самым обычным свойством: они носили объяснительный характер. Они не только заявляли о той или иной точке зрения, но объясняли ее становление и излагали стоявшие за ней фундаментальные убеждения, иными словами — мировоззрение, сказывавшееся в событиях эпохи. Благодаря этому я изучал не только определенный срез печатной продукции, но и — ни больше ни меньше — идеологические истоки Американской революции. Надо сказать, что открывшаяся картина меня удивила: исто-

рическая перспектива, задававшаяся литературой памфлетов, существенно отличалась от привычной. Моя задача становилась все более увлекательной, ведь Американскую революцию постигла в памяти потомков та же участь, что и многие другие узловые исторические события: ее стали считать само собой разумеющейся. Профессор Тревор-Роупер писал по другому поводу: «Наши предположения, объяснения, истолкования [исторических событий] создают видимость естественности и неизбежности; мы уничтожаем подобающее ощущение чуда, непредсказуемости, а значит, свежести». Памфлеты открывали путь к непредсказуемой действительности революционной эпохи и ставили перед исследователем новые вопросы. Итак, я счел, что моя задача не исчерпывалась перепечаткой и комментированием некоторого числа текстов.

Изучение памфлетов укрепило меня в несколько старомодном убеждении, что Американскую революцию породил прежде всего идеологический конфликт вокруг вопросов политического и конституционного устройства, а не противостояние социальных групп, вызванное попыткой одной из сторон навязать другой реформы в экономической и общественной сферах. Я также утвердился во мнении, что идеологическая эволюция последнего предреволюционного десятилетия вызвала к жизни интенсивную рефлексию и идеализацию предшествующего полуторавекового социального опыта Америки и что именно непосредственная связь революции с американскими условиями сообщила ей грандиозный преобразовательный потенциал. Вместе с тем публицистическая аргументация памфлетов содержала детали, существенно дополнившие мой исходный взгляд и сообщившие ему новую и неожиданную перспективу.

Чаще всего политическую мысль революционной эпохи считают простым изложением философии естественного права — идей об общественном договоре, неотчуждаемых правах, естественном законе и договорной природе правительства. Некоторые исследователи осуждают такую точку зрения, усматривая в ней «прямолинейный секуляризм»; они наделяют исключительным значением проповеди соответствующих лет и утверждают, что отцы-основатели только из уважения к мировому общественному мнению облекли свою аргументацию в «сдержанный язык разумного века», хотя на самом деле успех революции объясняется только верой в первородный грех и необходимость благодати. Их оппоненты возражают, что проповеди представляли собой лишь пропагандистский инструмент, рассчитанный на простонародье и ловко использовавшийся особой группой духовенства, почему-то приверженной революционным идеям. Сторонники еще одной

концепции вообще не видят в революционных событиях влияния философии или богословия эпохи Просвещения и даже не считают их революцией; они предпочитают говорить о консервативном движении в защиту устоявшихся практик обычного права и сопряженных с ним старинных свобод.

В революционных памфлетах обнаруживается воздействие и философии Просвещения, и некоторых взрывоопасных религиозных идей, и обычного права, и даже античной литературы; однако все эти составляющие объединяются неожиданным (по крайней мере для меня) образом. Роль своеобразного идеологического стержня выпадает особой традиции, в значительной мере обособленной от хорошо знакомых нам течений мысли, хотя и связанной с ними. Эту традицию колонисты непосредственно унаследовали от группы радикальных британских публицистов начала XVIII века, которые, в свою очередь, восприняли и применили к английской политике эпохи Уолпола специфическое анархическое учение времен гражданской войны в Англии. Судьбы этой традиции на Британских островах отчасти рассмотрены в обширном исследовании Кэролин Робинс «Республиканцы XVIII столетия», а также в других работах о различных сторонах английской истории этого времени: в книгах Арчибальда С. Фурда об английской оппозиции XVIII века, Алана Мак-Киллопа, Бонами Добре и Луи И. Бредвольда о политическом и социальном фоне литературы начала XVIII века, Айна Кристи, Джорджа Руде, Люси Сатерланд и С. Маккоби о радикальных учениях XVIII века. Однако их изыскания, кажется, никогда не соотносились с историей Американской революции. Убедившись в значимости этой традиции, я решил расшифровать все ссылки в публикуемых мной памфлетах и рассмотреть полученную картину. В результате сложилась работа об источниках и природе американской революционной идеологии, сначала представленная в форме предисловия и комментариев к подготовленному мной сборнику, а затем составившая главы II, III настоящей книги.

Рассмотренный мной идеологический контекст позволил заново взглянуть на привычное словоупотребление революционных публицистов, в котором историки привыкли видеть в общем бессодержательную пропагандистскую риторику. Такие сильные слова, как «рабство», «разложение», «заговор», использовались многими авторами самого различного происхождения, социального положения и религиозной принадлежности, хорошо вписывались в общую логику оппозиционной и радикальной мысли и точно соответствовали монархическому веку, когда «смешанное» государственное устройство Анг-

лии казалось недавним завоеванием, а боязнь заговоров против существующего правления была естественным элементом политики. Исходя из этого, я стал все больше убеждаться в том, что перед нами далеко не просто эффектные риторические ходы, имевшие своей целью пробудить косное простонародье; напротив, эти понятия обладали глубоким смыслом как для самих публицистов, так и для их читателей, и отражали действительные опасения. Чем дальше, тем больше я стал сомневаться в уместности понятия пропаганды в современном его истолковании применительно к публицистике Американской революции (на этой теме я предполагаю остановиться отдельно). В конце концов я пришел к выводу, что в основе революционного движения в североамериканских колониях лежал страх перед повсеместным заговором против свободы, возникшим вследствие всеобщего разложения и охватившим весь англоязычный мир. Притеснения колонистов казались им самим только симптомами всеобщей болезни. Этот вопрос стоило рассмотреть подробно. Ему посвящен особый раздел в «Общем введении» к сборнику памфлетов и «Экскурс о заговоре»; в настоящей книге им соответствует глава IV вместе с сопровождающим ее отступлением.

Помимо того, в памфлетах отразились те трансформации, которым подвергались в колониях заимствованные в 1760-х годах политические и общественные убеждения. Наощупь и сами того не зная, руководствуясь по большей части конкретными обстоятельствами, мыслители-колонисты предреволюционного времени ставили под сомнение и трансформировали основные понятия и предпосылки политической теории XVIII века. Они выходили за ее границы и формулировали новые вопросы; этот процесс, начавшийся еще до 1776 года, в ходе спора об имперских отношениях определяющим образом сказался в первых конституциях отдельных штатов и в федеральной конституции. Он, безусловно, заслуживал внимания; так возникла глава V. Наконец, можно заметить, что этот мыслительный переворот, столь хорошо сочетавшийся с практическими условиями американской действительности, не ограничился сферой англо-американского противостояния. Напротив, он затронул столь далекие от нее темы, как вопрос о рабстве, и столь тонкие, как устройство человеческих отношений. Эта «экспансия» освещается в главе VI.

Я не ставил своей целью описать все точки зрения на ту или иную проблему, но с самого начала рассматривал идеи и представления, преобладавшие в умах революционеров. Конечно, у революции были явные противники, и в некоторых случаях речь пойдет об их позиции; однако будущее было не за ними, а за вождями революционного движения,

и именно их интеллектуальная эволюция, параллельная разворачивающейся истории восстания, стала предметом моей книги. Для краткости я буду именовать моих героев «колонистами».

Вот так, одна за другой, возникали главы, сперва составившие «Общее введение» к сборнику памфлетов¹. Два рода соображений побудили меня продолжить эту работу и развернуть ее в книгу. Во-первых, первоначальное издание стало пользоваться некоторым спросом, а высокая цена затрудняла доступ к нему. Во-вторых, в ходе дальнейшей работы над политической историей и политической мыслью начала XVIII века мне стал известен обширный круг источников, не использованных в «Общем введении»; благодаря им открылись незамеченные до того, но принципиально важные аспекты затронутых мною проблем. В книге, получившей название «Истоки американской политики», было показано, что идеологические констелляции, описанные в «Общем введении» как идеология революционной эпохи, существовали уже в 1730-х годах и частично зародились еще раньше, на рубеже столетий. Английская традиция оппозиционной мысли, породившая позднее революционную идеологию, стремительно проросла на американской почве в начале XVIII века и в силу особенностей раннеамериканской политики приобрела здесь намного большее влияние, чем ей когда-либо было суждено иметь в Англии. Предреволюционное время не было жестко отделено от волнений 1760–1770-х годов. Самые разнообразные соображения, утверждения и опасения, наполнявшие памфлеты, письма, газеты и политические документы революционных лет, повторялись и до этого, на протяжении всего XVIII века. Вопрос теперь был не в том, почему произошла революция, а в том, как возникла столь взрывоопасная смесь политики и идеологии, почему она не потеряла своей силы за годы видимого спокойствия и почему она в конце концов взорвалась.

Я постарался переработать «Общее введение» и включить туда новый материал и связанные с ним новые вопросы, сохранив исходную структуру и распределение по главам. В итоге за счет нового материала значительно увеличился объем примечаний, хотя в основной текст (особенно в главах II–IV) также внесено множество дополнений, призванных уточнить и усложнить общую картину. В примечаниях я старался возвести генеалогию отдельных взглядов и формулировок, складывавшихся в идеологию Американской революции, к американским текстам начала XVIII века и, когда это было возможно, к европейским сочинениям.

В предисловии к первому тому «Памфлетов Американской революции» мне уже случилось поблагодарить тех, кому я был обязан за помощь. Многие из них способствовали и появлению настоящего, расширенного варианта работы. Я бы хотел особо упомянуть Джейн Н. Гэррет, помогавшую мне в поисках ранних источников революционных учений, и Кэрол С. Торн, умевшую в самых недоступных закоулках библиотечной системы Гарварда разыскать следы неуловимых изданий и печатавшую рукопись этой книги с неизменной добросовестностью и весельем.

Глава I

Литература революции

Что считаем мы революцией? Войну? Она не была частью революции, но лишь следствием ее. Революция происходила в умах людей между 1770 и 1775 годами, на протяжении пятнадцати лет, до того, как первая капля крови пролилась в Лексингтоне. Протоколы тринадцати законодательных собраний, памфлеты, газеты всех колоний за это время удостоверяют, как общественное мнение постепенно было просвещено и осведомлено относительно власти парламента над колониями.

ДЖОН АДАМС — ДЖЕФФЕРСОНУ, 1815

Что-что, а немногословие нельзя поставить в вину вождям Американской революции. Они писали легко и много и всего за полтора десятилетия, имея в своем распоряжении ограниченное количество печатных станков, создали обширный корпус теоретических и полемических сочинений. Газеты — к 1775 году в континентальных колониях их насчитывалось 38 — были переполнены публикациями, касавшимися актуальных политических вопросов. Это были письма, официальные документы, выдержки из речей, проповеди. Повсюду вывешивались и передавались из рук в руки листовки — отдельные листы, на которых печатались не только сообщения крупным шрифтом, но и статьи в три-четыре столбца петита, несколько тысяч слов. На дополнительных страницах и в колонках календарей, ежедневно и повсеместно читавшихся в колониях, обильно высказывались соображения о политике¹. Но больше всего было памфлетов — брошюр из нескольких печатных листов, сложенных по-разному в зависимости от требуемого размера и количества страниц и продававшихся в свободной брошюровке, без обложки и переплета, за шиллинг или два². Именно в таком виде увидели свет многие важнейшие политические сочинения Американской революции. В гла-

зах этого поколения, как и многих других начиная с начала XVI века, памфлет как средство сообщения обладал определенным достоинством: он освобождал от многих ограничений, накладывавшихся иными печатными формами. Джордж Оруэлл, современный памфлетист, писал:

Памфлет — театр одного актера. Ты совершенно свободен в выборе выражений, ты можешь говорить непристойности, оскорблять, попирать общепризнанное; или, с другой стороны, рассуждать с такой обстоятельностью, серьезностью и рафинированностью, которая непредставима в газете и большинстве периодических изданий. В то же время памфлет краток и печатается без переплета, так что его изготовление требует намного меньше времени, чем издание книги, и достигает он, как правило, намного более широкой публики. Главное, однако, что памфлет не связан никакой установленной формой. Он может быть в прозе или в стихах, в виде рассказа, басни, письма, статьи, диалога или сообщения. Требуется только, чтобы он был жизненным, острым и кратким³.

Пожалуй, определяющей чертой памфлета была вариативность размера: памфлет мог занимать несколько страниц и содержать короткие пасквили или лаконичные опровержения, однако столь же хорошо подходил и для более обстоятельных сочинений. Некоторые памфлеты революционной эпохи занимают 60–80 страниц и представляют собой подробные и вдумчивые трактаты. Однако наиболее распространенная форма памфлета находилась между этими двумя крайностями: от 5 до 25 тысяч слов, 10–15 страниц ин-кварто или ин-октаво.

Этот срединный объем соответствовал потребностям сочинителей. Он позволял развить аргументацию: рассмотреть посылки, объяснить логику и обосновать выводы; он без труда вмещал столь свойственные XVIII столетию литературные ухищрения; он давал достаточно места для неспешных проповедей с их риторическим инструментарием, государственных документов, газетных выписок и эпистолярных подборок. Благодаря этому именно в форме памфлета «находили выражение самые передовые идеи той эпохи», разрабатывался «прочный каркас конституционной мысли» и «впервые появлялись на свет основные элементы американской политической мысли революционного времени»⁴. Вместе с тем памфлеты такого объема редко были абстрактны. Даже самые серьезные и широковещательные сочинения имели конкретные, постоянно менявшиеся цели, связанные с вновь возникшими

трудностями, неожиданными спорами или стремительно возвышавшимися политическими фигурами. Благодаря этому лучшие памфлеты отличались редким сочетанием основательности и сиюминутности, напора и аргументированности, тщательности и случайности.

Пригодные для любой цели, легкие в изготовлении и дешевые памфлеты печатались в колониях везде, где только были печатные станки, живые умы и политические мнения. Условно памфлеты можно разделить на три группы в соответствии с их происхождением. Наибольшее число их возникло в ответ на значительные политические события. Закон о гербовом сборе вызвал целую волну памфлетов, в которых кристаллизовались взгляды американцев на конституционные вопросы; отмена этого закона стала поводом по меньшей мере для 11 печатных благодарственных проповедей, фактически посвященных политической теории. Поток памфлетов сопровождался и пошлыми Тауншенда, и Бостонская резня, и последовавшие за ней эпизоды мятежа: Бостонское чаепитие, «репрессивные законы» и созыв Первого Континентального конгресса⁵.

Однако отзывы на конкретные события далеко не исчерпывают корпус памфлетов. Он существенно преумножался за счет своего рода цепной реакции, порождавшей возражения и ответы на возражения. В каждой полемике такого рода отражались общие конфликты. Любое броское суждение о насущном вопросе могло положить начало длинной цепи печатных выступлений, выдержанных во все более резком тоне и обычно заканчивавшихся личной бранью. В 1763 году Ист Эпторп выступил против Общества для распространения Евангелия, учрежденного англиканской церковью и грозившего установлением в колониях англиканского диоцеза. В ответ последовал 176-страничный памфлет Джона Мейхью, а затем в течение следующих двух лет по меньшей мере девять авторов, возражая друг другу, приняли участие в этом споре. Точно также выступление Ричарда Бленда против преподобного Джона Камма по поводу вирджинского Закона о двух пенсах (Two-Penny Act) вызвало не только два пространственных опровержения со стороны тори, но и по меньшей мере четыре памфлета, поддерживавших идею о независимости, но оспаривавших представления Бленда о конституционном устройстве, религии и человеческой природе⁶.

Памфлеты третьего рода, также составлявшие значительную часть революционной литературы, носили своего рода ритуальный характер и заключали памятные, обычно ежегодные речи в честь того или иного торжественного дня. В более ранний период это были главным образом проповеди ко дню выборов и официальным праздникам, а также выходившие перед выборами открытые письма к «свободным

землевладельцам и уполномоченным избирателям». Затем с начала 1760-х годов сюда добавились политические годовщины: годовщины отзыва Закона о гербовом сборе, Бостонской резни, прибытия Пилигримов и другие официальные памятные даты уже светского, а не религиозного свойства⁷.

Такого рода памятные речи строились, безусловно, по риторическим канонам, однако в контексте жарких дебатов привычные ходы обретали силу и новизну; в некоторых текстах сочетание двух этих качеств поражает до сих пор. В Массачусетсе и Коннектикуте предвыборные проповеди начали публиковаться за сто лет до революции, к 1760 году они выработали не только свой стиль, но и традицию наставительного обращения к власти. Тем не менее в предвыборной проповеди Эндрю Элиота (1765) старинные формулы прозвучали с исключительной свежестью. Провозглашая перед лицом массачусетских должностных лиц в год выхода Закона о гербовом сборе, что подчинение заморской тирании преступно, Элиот совершал акт политического неповиновения, и этот эффект только усиливался благодаря закреплению традицией весу его формулировок. Когда Джон Кармайкл произнес перед артиллерийской ротой проповедь «Законность оборонительной войны», использованный им тезис, несмотря на расхожесть, в ситуации 1775 года звучал исключительно взрывоопасно. Помещенные в конце этой проповеди клишированные суждения о долге воина-христианина своей риторической напряженностью напоминают молитву перед боем. Если одну из годовщин Бостонской резни сопровождали сочинения на редкость бледные и простодушные, то установленный Континентальным конгрессом памятный день вдохновил безвестного пастора на возвышенную и проникновенную проповедь, одновременно гимн американским надеждам и интересный гибрид богословских и конституционных представлений. По всей Новой Англии в связи с такого рода годовщинами проповедники воскрешали традицию «иеремиад» и доказывали, что никакая «защита провинциальных прав невозможна без нравственного обновления»⁸.

Конечно, не все издания могут быть подверстаны под очерченные нами категории. Некоторые из них, например, «Протоколы свободных землевладельцев Бостона» (1772), изданные в форме памфлета, сами по себе составляли политические события и в этом качестве вызвали печатную реакцию. Другие декларировали позицию действующих политических сил; таков «Общий обзор прав Британской Америки» (1774) Т. Джефферсона, его наказ депутатам от Вирджинии на Первом Континентальном конгрессе. Третьи принадлежали к сфере художественной словесности и, несмотря на нескрываемую политическую тен-

денцию, отражали личные установки авторов; назовем хотя бы стихотворение Дж. Трамбалла «М'Фингал», а также пьесы Мерси Отис Уоррен «Болваны» и «Группа».

Месяц за месяцем, год за годом в кризисные 1760-е и 1770-е выходили в свет памфлеты — полные личной брани, острые, но по большей части продуманные отзывы на значительные события, или печатные версии прочувствованных речей, произнесенных в тот или иной памятный день. В 1750–1776 годы увидели свет более 400 брошюр, касавшихся англо-американского противостояния; к 1783 году это число превысило полторы тысячи⁹. Памфлеты составляли специальную литературу революции: они провозглашали и объясняли намерения и убеждения революционных вождей и их последователей. Благодаря этому они лучше всего документируют историческое звучание переломных событий.

Памфлеты двух предреволюционных десятилетий интересны прежде всего в качестве продукта политической мысли, а не в качестве литературных произведений. Однако разделить форму и содержание не так легко. Литературные свойства памфлетов тоже имеют значение — не сами по себе даже, но как свидетельства целей и мыслительного стиля их авторов.

Изданные в колониях брошюры были составной частью английской полемической и публицистической словесности XVII–XVIII веков, которой отдавали дань самые выдающиеся писатели. Мильтон, Галифакс, Локк, Свифт, Дефо, Болингброк, Аддисон писали памфлеты точно так же, как Бленд, Отис, Дикинсон, Адамсы, Уилсон и Джефферсон. В то же время с литературной точки зрения между английскими и американскими памфлетами существовали значительные различия.

Дело даже не в технике: американские писатели хорошо освоили все приемы «великого века» английской публицистики. Согласно подсчетам, многоликий жанр сатиры, охватывавший самые яркие публицистические сочинения того времени, в 1763–1783 годах был представлен в Америке по меньшей мере 530 текстами; значительная часть их была издана или переиздана в форме памфлета¹⁰. Были востребованы и другие модусы литературной речи: тонкая ирония и грубая пародия, развернутая аллегория и неприкрытая брань, расчетливая или простодушная издевка. В памфлетах встречается множество расхожих приемов, нередко в довольно неожиданных сочетаниях.

Надо сказать, что результат иногда поражает. Кто слышал об Эбенезере Чаплине? В предреволюционные годы он был пастором второго прихода городка Саттон в Массачусетсе, произносил ничем не выдающиеся проповеди и иногда выступал в печати по церковным вопросам.

Однако в 1773 году в виде памфлета вышла его проповедь, отличавшаяся чрезвычайной литературной изощренностью. Она называется «Гражданское государство в сравнении с реками» и на двадцати из двадцати четырех страниц развивает аналогию, обозначенную в заглавии. Эта аналогия пронизывает авторские рассуждения, обеспечивает им напряженность, колорит и эстетическое качество, которого не могла бы достигнуть прямолинейная логика. Благодаря литературной изобретательности Чаплина его сочинение на голову превосходит сотни пресных проповедей того времени¹¹.

Столь же нетривиально, хоть и совсем в другом роде, сочинение Филиппа Ливингстона «Другая сторона вопроса», появившееся в ходе тяжелых полемических боев 1774 года. Вместо обычной инвективы Ливингстон прибегнул к издевательской насмешке и сделал это столь естественно, что отсылки к «Тристраму Шенди» выглядят здесь вполне уместными. Пара скатологических пассажей кажутся допустимой издержкой светского остроумия¹².

Не меньшей яркостью отличался пародийный катехизис, опубликованный в 1771 году и направленный против коррупции. Далеко не бесталанный автор подчеркивал ее мерзость при помощи интересного приема: верность продажных чиновников своим теневым хозяевам он изобразил кощунственным аналогом христианского долга. Сходным образом строится, «пожалуй, самая смелая и едва ли не самая успешная из полудюжины библейских парафраз революционного времени» «Первая книга американской летописи времен», пародийный перепев библейской книги Паралипоменон. Ее сюжет столь насыщен, что расшифровка упомянутых там имен и топонимов сама по себе может составить увлекательную задачу. Благодаря богатству художественных подробностей «Первая книга» достигает значительного художественного эффекта¹³.

Памфлетисты прибегали к самым разнообразным ухищрениям. Чаще всего автор сатиры скрывался за псевдонимом. Когда судья Мартин Говард назвал губернатора Род-Айленда Стивена Хопкинса «сельским оборванцем», тот ответил грубой бранью — под тем предлогом, что оборванцам подобает некоторая неотесанность. По изощренности всех своих собратьев превзошел Ричард Бленд: он высмеял оппонента, встав на его место и осудив его от его же имени. Несчастливая жертва вынуждена была ограничиться простым разъяснением, кто есть кто. Однако даже более простые и прозрачные формы фиктивного авторства создавали простор для литературной изобретательности. Так, маску «сельчанина» использовал не только знаменитый Джон Дикинсон, но и с неменьшим успехом преподобный Самюэл Сибери, выступавший

в защиту аграрных интересов Нью-Йорка и против запретов на импорт. Эта маска не только задавала определенную ценностную перспективу, но и обеспечивала материал для прихотливых словесных автопортретов¹⁴.

Но и это еще не все. Томас Брэдбери Чандлер, например, составил свой знаменитый памфлет «Американский вопрошатель», пользовавшийся большой популярностью в среде тори, из сотни вопросов, направленных против притязаний Континентального конгресса. Каждый вопрос был набран с абзаца, и вместе они занимали двадцать одну страницу ин-октаво. В ответ на сочинения Мейхью против Общества для распространения Евангелия один из его оппонентов выпустил в свет ядовитое стихотворение из девяти строф, сопроводив его тяжеловесными примечаниями. Иногда сатирические тексты принимали форму «разговоров», как, например, «Разговор между тенью генерала Монтгомери, только что прибывшей с Елисейских Полей, и американским делегатом» и «Разговор между делегатом с юга и его супругой». Такого рода примитивные драматические формы, не требовавшие сложной литературной техники, имели больше успеха, чем немногочисленные полноценные пьесы, написанные для публикации в виде памфлета¹⁵.

В колониальных памфлетах использовался хорошо разработанный риторический инструментарий английской публицистической традиции. Они изобиловали афоризмами — в одной из проповедей целый раздел заполнен исключительно ими¹⁶, — а также обращениями, гиперболоми, олицетворениями. Где-то мысль разворачивается гладко и плавно; где-то автор перебивает сам себя, заставляя читателя врасплох и приковывая его внимание. Даже в самых напыщенных речах встречаются разнообразные литературные уловки.

Однако, несмотря на очевидную литературную компетентность памфлетистов, самые изощренные публицистические тексты эпохи Американской революции не поднимаются выше посредственного уровня. По сравнению с английскими произведениями такого рода они кажутся только бледными подражаниями. Разница особенно заметна тогда, когда американский автор ставит себе сложную литературную задачу. Американские памфлеты не идут ни в какое сравнение со «Скромным предложением» Свифта или «Кратчайшим способом расправы с диссидентами» Дефо, они далеки от изощренного аллегоризма «Истории Джона Булля» Арбетнота или мастерской сатиры его «Искусства политической лжи». Более того, лишь немногие американские памфлеты могут равняться даже с более прямолинейной английской публицистикой XVII–XVIII веков, средний уровень которой представлен «Письмом народу Англии» Шеббера, обличающим общее разложение и неудачу экспе-

диции Брэддока, а высшую точку составляет «Поведение союзников» Свифта. Почему же литературная техника наиболее изощренных американских памфлетов так сильно уступает английским образцам? Хотя этот вопрос трудно разрешить окончательно, он заставляет обратить внимание на принципиально важные свойства интересующих нас текстов.

Прежде всего следует сказать, что американские публицисты по сравнению со Свифтом и Дефо были дилетантами. В сравнительно единообразном колониальном американском обществе не было до 1776 года профессиональных литераторов, способных подобно Дефо или другу Франклина Джону Ральфу обеспечивать себя литературным трудом, писать по собственной воле или на заказ и отдавать себе отчет в своих сильных и слабых сторонах, руководствуясь собственным опытом полемических столкновений. В колониях к такому профессионализму ближе всего подошли некоторые известные печатники, но и они, за исключением Франклина, с трудом выходили за пределы своего ремесла и редко играли первую скрипку в полемических баталиях. Почти все американские памфлеты были написаны адвокатами, священниками, купцами или землевладельцами, погруженными в свои обыкновенные занятия. Полемическое сочинительство было для них своего рода развлечением и занимало далеко не первое место среди их интересов. Эти люди писали легко и много, но до кризиса в англо-американских отношениях не возникало поводов для публицистической продукции, сопоставимой по объему с продукцией английских памфлетистов. Самым опытным публицистом в колониях был, по всей видимости, житель Нью-Йорка Джон Ливингстон, вместе с друзьями издававший в 1752–1753 годах журнал *The Independent Reflector*, выпуски которого составляют вместе увесистый том¹⁷. Публицистическая проза Свифта занимает 14 томов, а Дефо, как известно, сочинил более 400 брошюр, памфлетов и книг; только для одного периодического издания он написал за десять лет 5000 страниц, и это меньше половины от написанного им за эти годы. Джон Ральф, профессионал, пробовавший себя в поэзии, драматургии и критике и в конце концов ставший платным политическим писателем, сумел, не переставая выпускать памфлеты и статьи, издать в свет объемистую «Историю Англии»; только библиографическое и критическое предисловие к ней занимало 1078 страниц ин-фолио¹⁸.

В десятилетия между смертью Котона Мэтера и Декларацией независимости ни один американский литератор не обладал сопоставимым опытом. Общераспространенный дилетантизм и отсутствие постоянной писательской практики в значительной мере объясняют литературную ущербность революционных памфлетов. Колониальные

сочинители хорошо знали литературную технику своих британских собратьев и старательно подражали ей, но зачастую не справлялись со своей задачей и теряли власть над текстом. Все упомянутые выше публицистические сочинения, претендовавшие на литературную изощренность (и поэтому представляющие особенный исторический интерес), в техническом отношении несовершенны. Проповедь Чаплина «Гражданское государство в сравнении с реками» выделяется на фоне современной ей продукции благодаря последовательно проведенной стержневой аллегории, но в конце концов эта аллегория становится слишком навязчива и отвлекает внимание читателя от авторской мысли, тем самым ослабляя содержательный эффект. «Служебному катехизису» недостает тщательности в словесной инструментровке, и он скатывается в несколько топорную подмену слов. «Первая книга американской летописи времен» представляет собой развернутую и замысловатую пародию, однако, по замечанию исследователя, ее язык «несколько неестественен, а французский фрагмент в одном месте производит отталкивающее впечатление»¹⁹. Авторские маски в большинстве случаев, в том числе в сочинениях Хопкинса, были слишком прозрачны и плохо выдерживались; иногда сочинители откидывали их после первой же страницы и снова вспоминали о них только на последней. Даже Бленд, в писательском навыке не уступавший ни одному из литераторов-колонистов, не всегда справлялся с собственными словесными построениями. Хитрой игрой он обескураживал не только жертву, но и читателя, временами теряющегося в лабиринтах его иронии. Pamфлет Чандлера «Американский вопрошатель» не спутаешь ни с чем, но монотонная череда вопросов может стать очень утомительной, если они не составлены с исключительным умом. Даже пятьдесят вопросов тяжело прочесть, а сто вопросов Чандлера изнуряют любого.

Пока мы говорили только о самых сильных в литературном отношении памфлетах. Излишне было бы добавлять, что уровень самых слабых приближается к катастрофическому. Поэтические, вернее сказать, стихотворные, тексты трудно читать без боли. Редко где найдется несколько строф, заслуживающих именоваться поэзией; обычно это сбивчивая трескотня, в которой смысл и размер попеременно уничтожают друг друга, и борьба их по необходимости прерывается только с окончанием текста. Драматические «разговоры», вне зависимости от темы, безжизненны и ходульны. Пьесы, особенно стихотворные, начисто лишены характеров и литературной правдоподобности.

Однако литературные неудачи американских публицистов объясняются не только их дилетантизмом. Джефферсон и Адамс были дилетантами, однако их сочинения, без сомнения, талантливы. Джеффер-

сон замечательно владел искусством тонких, хоть и несколько абстрактных формулировок, и современники отдавали ему должное. Адамс, человек как будто приземленный и прозаический, фиксировал свой житейский опыт в удивительно яркой и выразительной прозе, но только эпистолярной и дневниковой. В памфлетах они избегали литературных ухищрений: от Джефферсона осталось прямое, хоть и изящно написанное, изложение политических намерений, а главное сочинение Адамса — трактат о правительстве²⁰.

Итак, дело не только в отсутствии природного воображения или литературной техники, но и в их применениях. Словесное изящество занимало далеко не первое место среди интеллектуальных ценностей той эпохи, и это в высшей степени показательно для революционного движения. Поиски литературности диссонировали с глубинным историческим движением, а потому не привлекали первостепенные дарования и не могли составить главного дела памфлетистов. За неловкостью беллетризованной публицистики стоял недостаток в мотивировке, в той «особой эмоциональной напряженности», которая отличала политическую прозу Свифта²¹. Американские памфлетисты старались не слишком далеко удаляться от рассудительности и благопристойности. Нельзя сказать, чтобы все памфлеты были вялы и чопорны, довольно часто они написаны очень резко. Иногда их стиль исключительно brutalен: именно так, например, писались в лагере тори яростные памфлеты 1774–1775 годов. Грубая брань была в порядке вещей. В эпоху, когда публичные оскорбления никого не могли удивить, публицисты не стеснялись вменить в вину Джорджу Вашингтону совращение прачкиной дочери, изобразить Джона Хопкинса одновременно бастардом и импотентом, Уильяма Дрейтона — проигравшимся и отчаявшимся искателем должностей, а судью Мартина Говарда — известным шулером²².

Однако бранчливая напористость мало чем походит на художественное напряжение. Всего трое колониальных памфлетистов: Дж. Отис, Т. Пейн и странный бродяга-баптист Джон Аллен — обладали энергией, напоминавшей о виртуозной литературной ярости Свифта, и каждый из них был исключением в своем роде. Страсть Отиса, вызвавшая оторопь современников, к 1765 году начинала выходить из берегов и в скором времени привела к совершенной бессвязности. Свое «дерзкое бесстыдство», «своеобычное неистовство», придававшее «Здравому смыслу» столько силы, Пейн вывез в 1774 году из Англии; оно произросло на другой почве и в колониях считалось явлением чужеродным. Аллен, значительно уступавший Пейну, также усвоил свою литературную манеру за границей²³.

Американские публицисты были люди здравомыслящие. В их текстах мог отражаться гнев, презрение, возмущение; но ими редко двигала слепая ненависть или панический страх. В отличие от своих английских собратьев, они старались переубедить, а не уничтожить своих противников. Повседневная рассудительность и деловитая трезвость, столь далекие от туманных фантазий творческого воображения, соответствовали американским обстоятельствам и проистекавшим из них политическим потребностям. Главной целью революции, решительно изменившей американскую жизнь и составившей эпоху в истории человечества, было не свержение или даже исправление существующего общественного порядка, но защита и утверждение политических свобод, которые, как считалось, оказались под угрозой из-за разложения законного строя. Поиски взаимопонимания, таким образом, подразумевались самой сутью революционного движения, и лучшие из порожденных им памфлетов носили разъяснительный характер и отличались скорее систематической логикой, чем литературным воображением. Форма проповеди или трактата подобала им больше, чем стихотворный размер, описание — больше аллегии, объяснение — больше пародии. Читателю представляли доводы, а не образы: его следовало убедить.

Разрушение общественного уклада, всегда несущее за собой страх, отчаяние и ненависть, в Американской революции уступало место долгу перед наследственной свободой и идее об особой исторической роли Америки. Социальные потрясения, разрушившие во время русской и французской революций тысячи судеб, в Америке не грянули сразу, но совершались постепенно, почти незаметно, и на протяжении предшествующего столетия подспудно изменили устройство общества. Опорные структуры европейской жизни — церковь и идея правой веры, государство и идея власти, а также другие значимые представления и институты — к 1763 году растеряли свое влияние на дикой американской почве. Однако до волнений 1760-х годов в этом не видели причин для пересмотра общественного и политического порядка; зачастую в этом видели вредное отклонение, шаг назад, к первобытной жизни. Напротив, после 1760 года, особенно в 1765–1775 годах, колонисты обратились к этим вопросам, стараясь применить передовые общественные и политические принципы к своим собственным затруднениям²⁴.

Как известно, англо-американское противостояние началось с вопроса о пределах власти парламента над колониями. Но он не мог обсуждаться сам по себе; в орбиту разворачивавшегося спора попадало все большее число общественных и политических проблем, и к 1776 году этот спор привел к общему переосмыслению американской

жизни. К тому времени американцы стали рассматривать себя как своего рода «избранный народ», predetermined историей к окончательному исполнению предназначения человека. Они сочли, что изменения в их окраинных обществах были к лучшему и привели не к регрессу и упадку, а к заметным улучшениям, что американское общество не упростилось, а достигло самого высокого уровня политической и общественной жизни на памяти человечества. Провинциальные огрехи превратились в символы избранности. В год принятия Закона о гербовом сборе Джон Адамс писал: «Свобода и слава человеческого рода находятся в его собственных руках. Провидение предназначило Америке служить теми подмостками, где человек встанет в полный рост, где познание, добродетель, свобода, счастье и слава смогут наслаждаться миром»²⁵.

Все революционное поколение посвятило себя тому, чтобы осознать, объяснить и исполнить это предназначение, и преемники революционеров продолжали этот труд, пока в XIX веке он не застыл в догме. Можно выделить три особенно интенсивных периода: годы до 1776 года включительно, когда рефлексия сосредоточилась на англо-американских различиях; время учреждения первых правительств в отдельных штатах, главным образом в 1776–1780 годах; и повторное обсуждение проблем местной и государственной власти, закончившееся восстановлением общенационального правительства во второй половине 1780-х — начале 1790-х годов. Все три этапа были отмечены важными достижениями не только в опорной конституционной теории, но и в соседних областях общественной мысли. Однако и по напряженности умственной работы, и по исторической значимости результатов предреволюционные годы не знают себе равных. Именно тогда были определены предпосылки всей политической рефлексии, совершены первые открытия в неизведанных мыслительных сферах, составлены первые карты и намечены первые маршруты. Именно тогда рухнули психологические и умственные барьеры. Это был самый продуктивный период в истории американской политической мысли; последующие эпохи основывались на нем, как на фундаменте.

Предреволюционные памфлеты представляют собой лучшее выражение этого прорыва. Конечно, существовали и другие средства сообщения; однако все дебаты тех лет отражались в памфлетной продукции, все важные полемические тексты печатались или перепечатывались в этой форме. В трактатах, проповедях, речах, корреспонденциях, иногда даже в сатирах на личность — везде слышен был могучий гул тех исторических споров.

Глава II

Традиции и истоки

Я вручаю моему сыну, когда он достигнет пятнадцати, сочинения Алджернона Сидни, Локка и лорда Бэкона, гордоновского Тацита и «Письма Катона». Да почитет на нем дух свободы!

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ДЖОСАЙИ КВИНСИ МЛАДШЕГО, 1774

Под напором событий в переломную пору между 1763 и 1774 годами в колониях окончательно установился особый взгляд на мировую историю и роль, отведенную в ней Америке. Отдельные его составляющие бытовали давно, некоторые с момента основания американских поселений; но они неизменно уравнивались иными точками зрения и не пользовались всеобщим признанием, хотя к ним апеллировали в ходе политических дебатов. Однако после 1763 года в раскаленной атмосфере политического кризиса эти ходячие, но разрозненные представления переплавились в единую идею поразительной нравственной и интеллектуальной притягательности. История становления этой идеи, покорившей большинство американских вождей и сообщавшей новый смысл происходившим событиям, проливает больше света на истоки Американской революции, чем простое перечисление обид и неудовольствий. Она была своего рода датчиком, улавливавшим предупреждения об опасности и позволявшим делать заключения о происхождении и сценариях развития этой опасности. Задолго до 1776 года сведения, полученные этим датчиком, приводили только к одному безошибочному выводу — выводу, которого давно опасались и на который можно было ответить только одним способом.

Откуда же произошла эта идея? Каковы были ее источники?

На первый взгляд политическая мысль колонистов, выраженная в частных и официальных документах и, в первую очередь, в развернутых

объяснительных памфлетах, оставляет впечатление эклектической неразборчивости. Если судить хотя бы по ссылкам, то колониальные авторы помнили и использовали значительную часть культурного наследия западной цивилизации — от Аристотеля до Мольера, от Цицерона до Ричарда Бентли, от Вергилия до Шекспира, Пьера де ла Раме, Пуфендорфа, Свифта и Руссо. Колониальные публицисты исключительно добросовестно и обильно ссылались на авторитеты. Иногда их сочинения буквально тонули в примечаниях и, как бывало у Джона Дикинсона, в примечаниях к примечаниям¹. Однако в действительности это обилие авторитетов можно свести к нескольким четко различающимся группам источников и интеллектуальным традициям; при этом все они объединяются в одно целое всеобъемлющим воздействием одного конкретного течения мысли.

В сочинениях революционной эпохи более всего бросаются в глаза ссылки на древних авторов. Все колонисты, получившие хоть какое-нибудь образование, были к какой-то мере осведомлены в классической древности. Эти знания приобретались в грамматических школах и колледжах, у частных учителей или при самостоятельном чтении, так что привычка ссылаться на древнюю историю и древних писателей была всеобщей. «Гомер, Софокл, Платон, Еврипид, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Аристотель, Страбон, Лукиан, Дион, Полибий, Плутарх и Эпиктет из греков; Цицерон, Гораций, Вергилий, Тацит, Лукан, Сенека, Ливий, Корнелий Непот, Саллюстий, Овидий, Лукреций, Катон, Плиний, Ювенал, Курций, Марк Аврелий, Петроний, Светоний, Цезарь, законоведы Ульпиан и Гай, и Юстиниан из римлян» — на всех ссылаются и многих цитируют авторы революционной эпохи. «Только самый заштатный памфлетист не мог выискать хотя бы одного античного примера или подходящей к случаю максимы»².

Однако это изобилие ссылок обманчиво. За ними часто скрывались вполне поверхностные познания; довольно часто их использовали, чтобы «украсить страницу или речь и добавить веса своим доводам», потому что, как сказал доктор Джонсон, цитаты из древних были «паролем для образованных людей по всему свету». Джонатан Мейхью как-то упомянул Платона вместе с Цицероном и Демосфеном в ряду тех, кто в юности посвятил его в «учение гражданской свободы». Оксенбридж Тэчер тоже относил Платона к числу вольнолюбцев и бунтарей. Напротив, Томас Джефферсон действительно прочел его диалоги и нашел в них только «пустые и невнятные софизмы», порожденные «туманным умом». К этой точке зрения с облегчением присоединился и Джон Адамс; в 1774 году он упоминал Платона в числе сторонников равенства и само-

управления, но потом ознакомился с его сочинениями и в сильнейшем недоумении заключил, что «Государство», по всей видимости, представляет собой сатиру³.

Джефферсон внимательно читал древних авторов, и не он один. В числе знатоков античности был, например, Джеймс Отис, автор трактатов о латинской и греческой просодии. Однако, хотя колонисты могли ссылаться на любых авторов, истинные их интересы и познания в античной литературе, определявшие их взгляды на весь Древний мир, были ограничены одной эпохой и одной немногочисленной группой писателей: временем между римскими завоеваниями на востоке в начале I века до н.э. до установления империи на обломках республики в конце II века н.э. Знания о политической истории этого времени они черпали только из Плутарха, Ливия и в первую очередь Цицерона, Саллюстия и Тацита, то есть авторов, живших или во время кризиса республики, или во времена, когда республиканский строй и республиканские добродетели давно уже находились в упадке. Эти авторы ненавидели и презирали дух своего времени и предпочитали настоящему славное прошлое, якобы лишенное пороков их собственной развращенной эпохи. Старые времена представлялись им временами добродетелей — простоты и любви к отечеству, честности, справедливости и свободолюбия; в настоящем они видели продажность, цинизм и гнет⁴.

Для колонистов, обосновывавших американские права в дебатах 1760–1770-х годов, аналогия с их собственной эпохой напрашивалась сама собой. Они были уверены, что их провинциальным добродетелям, старинным и простым, но подлинным и непреклонным, угрожает развращенная метрополия с ее деспотизмом и деградировавшим конституционным порядком. Они хотели видеть самих себя в Бруте, Кассии и Цицероне и слышать свой голос в их сочинениях — подобно двадцатитрехлетнему Джону Адамсу, который с восторгом декламировал в ночном одиночестве речи против Катилины. Колонисты принимали роль простого и несгибаемого Катона, отчаянного в самопожертвовании Брута, красноречивого Цицерона и язвительного Тацита, обличавшего римский упадок и превозносившего добродетель германцев. Молодой Джон Дикинсон писал в 1754 году из Лондона, что Англия напоминает Рим Саллюстия: «Ее также легко купить, был бы покупатель». Чуть позднее им станет ясно, что Британия для Америки то же, «что Цезарь для Рима»⁵.

Античные авторы повсеместно присутствовали в сочинениях революционной эпохи, но играли роль иллюстративного материала и не имели решающего влияния на характер политической и общественной мысли. Они обеспечивали ей броский словарь, но не логику или

грамматику, общепризнанные символы, но не идеи или концепции. Классическое наследие подогревало чувствительность общества к веяниям, имевшим совсем иное происхождение.

Намного более прямое воздействие на революционное поколение оказывал просветительский рационализм, соединявший апологию либеральных реформ с просвещенным консерватизмом. Несмотря на все попытки оспорить влияние «блистательных обобщений» европейского Просвещения на американскую мысль XVIII века, это влияние нужно признать исключительно сильным, и политическая литература той эпохи свидетельствует о нем. Далеко не только ученые вожди американского Просвещения, такие как Франклин, Адамс и Джефферсон, опирались на классиков европейской мысли и боролись за юридическое признание естественных прав и упразднение общественных институтов Старого порядка. Любой колониальный автор, претендовавший на сколько-нибудь широкий кругозор, считал своим долгом ссылаться на ведущих европейских мыслителей, на социальную критику Вольтера, Руссо и Беккариа и консервативные идеи Монтескье. Один памфлет за другим упоминают Локка в связи с естественными правами, общественным договором и обязанностями правительства, Монтескье и позже Делолма — в связи с британской свободой и институциональными условиями ее осуществления, Вольтера — в связи с опасностями клерикального гнета, Беккариа — в связи с реформой уголовного права, Гроция, Пуфендорфа, Бурламаки и Ваттеля — в связи с естественным и международным правом и принципами гражданского правления.

Обилие такого рода ссылок зачастую поражает. Джон Отис в двух своих самых известных памфлетах упоминает и пространно цитирует Локка, Руссо и Гроция и нападает на таких консерваторов, как Филмер. Джосайя Квинси одобрительно отзывается о целой армии мыслителей Просвещения, в том числе о Беккарии, Руссо, Монтескье и историке Робертсоне. Молодой Александр Гамильтон со снисходительным презрением советует своему почтенному противнику, Сэмюэлю Сибери, обратиться к трудам Пуфендорфа, Локка, Монтескье и Бурламаки и там поискать принципы истинной политики. Примеры можно множить почти без конца. Уважительные ссылки на европейские авторитеты и цитаты из них повсеместно обнаруживаются в американских памфлетах революционного времени⁶.

В то же время за этими цитатами, как и за ссылками на древних авторов, стоит довольно ограниченная эрудиция. Колониальные авторы со знанием дела ссылаются на мнения Локка по политической теории, но в других случаях ссылки на него совершенно случайны, как будто

бы его именем можно было подкрепить любое рассуждение⁷. Болингброка и Юма порой смешивали со сторонниками радикальных реформ, а второстепенные фигуры вроде Бурламаки оказывались на одной доске с Локком⁸. К тому же сочинения просветителей-реформистов, даже самых радикальных, привлекались не только сторонниками левого крыла революционного движения. Все публицисты, какого бы мнения они ни придерживались относительно независимости или действий парламента, ссылались на этих европейских мыслителей; почти никто, ни из виггов, ни из тори не спорил с ними и не считал необходимым оправдывать ссылки на них. Тех, кого относили к противникам просветительского рационализма, то есть главным образом, Гоббса, Филмера, Сибторпа, Мандевиля и Мэйнуоринга, единодушно осуждали и лоялисты, и патриоты; а авторитет Локка, Монтескье, Ваттеля, Беккарии, Бурламаки, Вольтера и даже Руссо оставался в период до 1776 года почти полностью неприкосновенен⁹. В пьесе Мерси Отис Уоррен «Группа» описана библиотека собирательного тори; но за исключением Филмера ни одно из упомянутых в ее списке имен в действительности не фигурировало в консервативной публицистике. Когда лоялист из Мэриленда Джеймс Чэлмерс напал на Пейна, он ссылался не на Гоббса, Сибторпа, речи Веддерберна и установления Генриха VIII, как это сделал бы герой пьесы, но на Монтескье и Хатчинсона, и даже на Вольтера и Руссо. Нью-Йоркский лоялист Петер ван Шаак стал убежденным противником независимости после вдумчивого и сочувственного чтения Локка, Ваттеля, Монтескье, Гроция, Беккарии и Пуфендорфа, и в 1777 году отказывался признать власти штата Нью-Йорк, ссылаясь «на мнения г. Локка и других защитников прав человечества, чьи положения признаются и в некоторых случаях выполняются конгрессом». Лоялист из Пенсильвании Джозеф Гэллоуэй ссылался на Локка и Пуфендорфа столь же охотно, как и его оппоненты; а когда Чарльз Инглис решил разыскать и подвергнуть критике источник антимоноархических взглядов Пейна, этот источник обнаружился не в просветительской философии, которую Пейн превозносил, но в забытом трактате некоего Джона Холла, «пенсионера времен Оливера Кромвеля»¹⁰.

Итак, все стороны и приверженцы всех политических позиций ссылались на первостепенных и второстепенных мыслителей европейского Просвещения, которые, безусловно, внесли существенный вклад в становление колониальной политической мысли; однако хотя влияние этих фигур — за исключением Локка — и было более существенным, чем воздействие древних авторов, его тем не менее нельзя назвать ни всеобщим, ни определяющим.

Не последнюю роль играла еще одна группа авторов и концепций. Колонисты не только восторженно ссылались на теоретиков всеобщего разума, но и без лишних раздумий причисляли себя к наследникам английского обычного права. В колониальной публицистике, в первую очередь в юридических сочинениях, постоянно встречаются имена великих английских законоведов, главным образом, писавших в XVII веке теоретиков обычного права. Разменной монетой было имя Эдварда Коука: ссылки на «доклады милорда Коука», «Коук на Литлтона», «второе установление Коука» встречаются не реже, чем ссылки на Локка, Монтескье и Вольтера, и превосходят их в расплывчатости. Иногда упоминались и более ранние труды Брэктона и Фортескью, и сочинения современников Коука, таких как Френсис Бэкон и преемники Коука на посту главного судьи Матью Хейл, Джон Вон и Джон Хольт¹¹. Несколько позднее в ряду авторитетных трудов появились «Комментарии» Блэкстона и мнения главного судьи Кэмдена. Кроме того, публицисты ссылались на процессуальные отчеты Реймонда, Солкелда, Уильямса и Голдсборо, а также на классические трактаты по английскому праву: «Лекции о законах Англии» Салливана, «Законы доказательства» Гилберта, «Коронное законодательство» Фостера, «Наблюдения над древнейшими статутами» Беррингтона.

Обычное право довольно существенным образом повлияло на сознание революционного поколения, хотя и нельзя сказать, что оно полностью определяло решения, принимавшиеся в ту переломную пору. Отис и Хатчинсон преклонялись перед Коуком, но совершенно по-разному истолковывали его суждения по «делу Бонама»¹², и эти расхождения не имели отношения к британскому судье. Право не могло подсказать, что делать дальше. Колонисты видели в нем свод накопленного опыта человеческих взаимоотношений, согласующихся с началами справедливости, равенства и свободы; прежде всего право представляло собой историю — древнюю, восходящую к незапамятным временам истории народа и политического порядка, — и в этом качестве проясняло ход и значение современных событий. Особенно показательны не всегда оправданные ссылки колониальной публицистики на законоведов XVII века, главным образом специалистов по истории права — Генри Спелмана, Томаса Мэдокса, Роберта Бреди и Уильяма Петита, — чей вклад в становление английской исторической мысли мы осознали только недавно. Авторитетное английское право — одновременно воплощение основополагающих принципов, источник прецедентов и историческая парадигма — соседствовало в мышлении колонистов с просветительским рационализмом¹³.

Еще одной составляющей общественно-политического мышления колонистов было идейное наследие новоанглийского пуританства, прежде всего, богословия ковенанта. Сложная система воззрений, разработанная вождями первых британских поселений в Америке, была закреплена и развита в сочинениях публицистов XVII века, затем благодаря целому поколению просвещенных проповедников волилась в общий поток политической рефлексии XVIII века, постепенно растратила конфессиональный ригоризм и была усвоена почти всеми течениями американского протестантизма¹⁴.

В каком-то смысле это направление мысли было наиболее локальным из всех составляющих революционной идеологии. Оно опиралось главным образом на колониальные источники и, несмотря на новообретенную терпимость, адресовалось прежде всего к тем, кто, подобно первым пуританам, осмыслял действительность в богословских категориях. В то же время оно было и самым масштабным, потому что придавало повседневным событиям вселенское измерение. Именно отсюда люди XVIII века и революционеры восприняли идею о провиденциальном значении колонизации Америки. Эта идея была разработана в проповедях и публицистике первых поселений, затем возобновлена в таких сочинениях, как «История пуритан» и «История Новой Англии» Дэниела Нила (1732–1738) и незаконченная «Повременная история Новой Англии в виде анналов» Томаса Принса (1736), распространилась по колониям и сообщала убежденность в том, что Бог предназначил Америке особую, еще не раскрытую роль. «Нагнетая предчувствие катастрофы ветхозаветными проклятиями выродившемуся народу» и помещая местные заботы колонистов на карту всемирной истории, она готовила взрыв. В колониях должны были осуществиться исторические предзнаменования, столь любезные американцам, внимательно читавшим «Священную и мирскую историю в их связи» Самюэля Шакфорда (где, в частности, имелась карта с точным местоположением Эдема) и «Старый и Новый Заветы в их связи» Хамфри Придо¹⁵.

Однако все перечисленные традиции не образовывали связанного концептуального единства и не исчерпывали политического мышления колонистов. Они могли существенно противоречить друг другу. Так, теоретики обычного права опирались на силу обычая, восходящего к незапамятным временам, и ставили его мудрость выше рациональных суждений современного человека. Такой подход был совершенно чужд просветителям, которые считали обычай уздой для свободного духа и замыслили пересоздать общественные установления на разумной основе, не связывая себя старинной несправедливостью. Богословы ковенанта

не соглашались ни с теми, ни с другими: они не верили в способность человека самостоятельно улучшить свою участь и выводили принципы политики из провиденциальных предначертаний и обязательств искупленного человечества перед Богом.

Разнонаправленные течения объединялись в сознании колонистов на общем фоне другой традиции, составлявшей основу их политического сознания. Эта традиция, в некоторых случаях созвучная вышеперечисленным, тем не менее заметно отличалась от них всех. Ее истоки восходили к радикальным общественно-политическим теориям эпохи гражданской войны в Англии, но окончательно она оформилась на рубеже XVII–XVIII веков в сочинениях плодовитых оппозиционных публицистов и политиков, представлявших «сельский» («country») консерватизм.

В ряду прародителей этого направления, критиковавших в XVII веке власть двора и кабинета, важное место занимал Мильтон, благодаря не столько своим поэтическим сочинениям, сколько радикальным трактатам «Иконоборец» и «Обязанности королей и сановников» (оба — 1649). С неменьшим почтением американские публицисты ссылались на не столь внятные им систематические труды Херрингтона и его единомышленника Генри Невила; но первостепенное значение для них имели теории Алджернона Сидни, этого «мученика гражданской свободы», чьи «Речи относительно правительства» (1698) стали в Америке, по выражению Кэролин Робинс, «учебником революции»¹⁶.

Колонисты преклонялись перед героями-освободителями XVII века, но намного ближе были им публицисты начала XVIII столетия, которые переработали и расширили первоначальные установки, объединили их с более современными веяниями и применили к английской политике нового века. Эти публицисты — радикалы кофеен, оппозиционные политики, сторонники враждебных двору независимых депутатов и не представленных в парламенте недовольных, создатели «сельской» консервативной политической программы, дожившей до XIX века, — теперь почти забыты, однако именно они оказали решающее воздействие на американскую политическую мысль революционной эпохи.

Из этих интеллектуальных посредников американцы выше всего ценили радикальных либертарианцев Джона Тренчарда (1662–1723) и Томаса Гордона (ум. 1750). Тренчард, богатый землевладелец и ветеран публицистических схваток эпохи Славной революции, в 1719 году, в возрасте 57 лет, познакомился с Гордоном, «умным молодым шотландцем <...> только что из Абердинского университета», прибывшим в Лондон «искать богатства, имея на вооружении только острый язык и быстрый ум». Вместе они сначала издавали журнал *Independent Whig*,

нападавший на официальную англиканскую церковь и — шире — институционализацию веры; 53 выпуска журнала вышли отдельной книгой в 1721 году. Затем стали выходить «Письма Катона» — яростные филиппики против современного английского общества и политики, вызванные крахом аферы Южных морей и последовавшим за ней финансовым кризисом. «Письма Катона» сперва появлялись в *The London Journal*, затем, с 1720 года, в книжной форме¹⁷. Эти либертарианские сочинения, начавшиеся с полемик против постоянной армии в правление Уильяма III¹⁸, в живописной и яркой манере трактовали основные вопросы, заботившие «левую» оппозицию времен Уолпола, и оставили заметный след в политической мысли всего англоязычного мира. В Америке их постоянно перепечатывали, на них ссылались все «колониальные газеты от Бостона до Саванны» и, естественно, авторы памфлетов. В вопросах политической свободы авторитет Тренчарда и Гордона не уступал авторитету Локка и превосходил его, когда дело касалось социального происхождения угрожавших ей опасностей¹⁹.

Вместе с Тренчардом и Гордоном почетное место в ряду «наставников гражданской свободы» начала XVIII века занимал либеральный англиканский епископ Бенджамин Ходли. Он вызывал, как указывает Л. Стивен, живейшую ненависть среди духовенства, но пользовался поддержкой властей, которые при всей своей неприязни к нему не могли без него обойтись. Ходли завоевал определенную известность в Англии в годы разделившего церковь «Бангорского спора» 1717–1720 годов, когда ему помогал Гордон. Эта жаркая полемика, породившая множество печатных выступлений, принесла Ходли и любовь, и ненависть английских читателей; но колонисты в большинстве своем причислили его к первостепенным политическим мыслителям. Конечно, американские англикане, как и их собратья в метрополии, не могли разделить отказа Ходли от понятия о святости церковной иерархии и его отрицание видимой церкви, а также были далеки — по крайней мере в теории — от его необычайной веротерпимости. Однако взгляды Ходли на церковные дела не очень занимали колонистов; их внимание сосредоточивалось главным образом на его полемических сочинениях начала века, направленных против неприятели и их учения о божественном праве и бездейственной покорности, а также на составленных им ярких и заостренных манифестах политической теории вигов — «Рассуждении о происхождении и установлении гражданского правления» (1710), «Рассуждении о мерах покорности светским властям» (1705) и др. В конце концов Ходли стал своего рода живым символом продолжающейся традиции английского радикального и оппозиционного мыш-

ления — он начал свою деятельность в конце XVII века, но дожил до 1761 года и в старости общался с английскими радикалами поколения Джефферсона и даже с такими представителями передовой американской мысли, как Джонатан Мейхью²⁰.

В одном ряду с Ходли, хотя и несколько уступая ему в известности среди колонистов, стоял его современник, знаменитый парламентский оппонент правительства Уолпола и глава целой группы вольнодумцев-вигов виконт Роберт Моулсворт. Он был другом Тренчарда и Гордона, поклонником «Писем Катона» (которые часто ему приписывались) и автором хорошо известного в Америке «Отчета о Дании» (1694), в котором подробно изображалось постепенное подавление свободного государства деспотической монархией²¹. Более сложную роль в воспринятой колонистами английской политической традиции начала XVIII века играл другой вождь оппозиции, знаменитый якобит, политик, философ и писатель виконт Генри Болингброк. Десять лет, в 1726–1736 годах, раз или два в неделю выходил в свет его журнал *Craftsman*, обрушивший обвинения и насмешки на кабинет Уолпола. Яростная и напористая публицистика *Craftsman* отстаивала те же принципы, что и «Письма Катона». Журнал Болингброка изобиловал ссылками на сочинения Тренчарда и Гордона и в той же стилистике обличал развращенный век и предупреждал об опасностях зарождающейся деспотии²². К поколению Болингброка принадлежали также шотландский философ Фрэнсис Хатчинсон, учитель-нонконформист Филип Додридж и религиозный публицист и гимнограф Айзек Уоттс, сочинения которых были хорошо известны в колониях и упоминались все в том же ряду²³.

Эту традицию продолжали и британские сверстники будущих американских революционеров. Ричард Барон, республиканец и диссентер, помощник и преемник Томаса Гордона, переиздал в 1750-х годах сочинения Мильтона и Сидни, а затем выпустил сборник более поздней радикальной публицистики, среди авторов которого был и Джонатан Мейхью. Колоссальную пропагандистскую работу проделал в одиночку Томас Холлис. Его переписка 1760-х годов с Мейхью и Эндрю Элиотом хорошо иллюстрирует прямое влияние радикальной и оппозиционной мысли на идеологические истоки революции. Еще позднее, непосредственно в годы революции, английские публицисты следующего поколения, выступая заодно с заокеанскими апологетами колониальных прав, распространили старые идеи на англо-американское противостояние. Это поколение сторонников политической и религиозной реформы было представлено в первую очередь Ричардом Прайсом, Джозефом Пристли и Джоном Картрайтом; их главной книгой были

трехтомные «Политические изыскания» (1774) учителя, политического мыслителя и моралиста Джеймса Бурга²⁴. Серьезное значение имела для колонистов и республиканка Катарина Маколей, автор «Истории Англии», которую исследователь справедливо именуется «образной апологией республиканских принципов под видом истории». Колонисты ссылались и на других историков-вигов, таких как Балстрод Уайтлок, Джилберт Бернет, Уильям Гатри и Джеймс Ральф, однако первенство отдавали высланному из Франции гугеноту Полю де Рапен-Тойра. Его перу принадлежала «неоценимая сокровищница сведений» — выдержанная в духе вигов пространная «История Англии», опубликованная на английском в 1725–1731 годах, а также ее более раннее резюме, «Рассуждение... о вигах и тори» (1717; перепечатано в Бостоне в 1773 году). Сочинения Рапена неопровержимо доказывали верность оппозиционных и радикальных доктрин на материале тысячелетней английской истории²⁵. В то же время не только английская история была востребована в политической мысли революционного поколения. Не случайно, что лучшие и наиболее современные переводы Саллюстия и Тацита, доступные колонистам, вышли из-под пера неутомимого Томаса Гордона, в чьих руках Тацит стал «едва ли не апологетом английского вигизма». Переводам Гордона предшествовали обширнейшие предисловия, не оставлявшие никакого сомнения относительно политического и нравственного значения древних историков²⁶.

Сказать, что традиция английской оппозиционной мысли хорошо привилась в Америке и завоевала там широкое признание, значит ничего не сказать. Колонисты в буквальном смысле слова жили этой традицией в том виде, какой она обрела на рубеже XVII–XVIII веков. С начала столетия именно она питала идеологию и политические рефлексы американцев. После воцарения в Англии ганноверской династии не было, кажется, такого момента, когда бы эта традиция не занимала центрального положения в колониальной мысли или не сказывалась бы в публицистических дебатах. В *New England Courant* Джеймса Франклина цитаты из «Писем Катона» начали появляться меньше чем через год после выхода первых из них в Лондоне; к концу 1722 года брат Джеймса Бенджамин использовал их в статьях под девизом «Молчание — добродетель»²⁷. В 1721 году Айзак Норрис просил своего книгопродавца в Лондоне высылать ему новые выпуски *The Independent Whig*, и они были полностью перепечатаны в Филадельфии в 1724 и 1740 годах. Знаменитый *New York Weekly Journal* Джона Питера Зенгера, выходивший с 1733 года, в первые годы полнился выдержками из Тренчарда и Гордона²⁸. Уже в 1728 году увидела свет типично американская апология британских сво-

бод на заморских землях, неотличимая от многочисленных публикаций намного более позднего, революционного времени и представлявшая собой сплав «Писем Катона» с Локком, Коуком, Пуфендорфом и Гроцием²⁹. За полтора десятилетия «Письма Катона» приобрели в колониях такой авторитет и такую политическую актуальность, что вместе со знаменитой пьесой Аддисона «Катон»³⁰ и тенденциозно истолкованными римскими историками они породили грандиозный образ Катона, сплавывший полуполюгендарную судьбу римского героя с писаниями двух лондонских журналистов и ставший средоточием политической рефлексии того времени. Читатели *Boston Gazette* от 26 апреля 1756 года хорошо понимали двойную отсылку — историческую и библиографическую — в анонимной статье, взывавшей к жителям Массачусетса «словами Катона к свободным землевладельцам Великобритании».

Оппозиционная мысль, оказывавшая повсеместное влияние на американскую публицистику XVIII века, составляла ту интеллектуальную почву, на которой произросли споры революционной эпохи³¹. В некоторых случаях в нашем распоряжении имеются прямые признания и заявления. Джон Мейхью, по его собственным словам, «будучи посвящен в юности в учения гражданской свободы, проповедуемые такими людьми <...> как Сидни и Мильтон, Локк и Ходли <...> одобрил их, они казались разумными». Джон Адамс, оспаривая, как он думал, общее мнение английской образованной публики, утверждал, что истинные принципы благотворного правления можно найти только у «Сидни, Херрингтона, Локка, Мильтона, Недема, Невила, Бернета и Ходли»; в другом месте он перечислял выдающихся политических мыслителей 1688 года: «Сидни, Локк, Ходли, Тренчард, Гордон и Возрожденный Платон [Невил]». Джосайя Квинси-младший в 1774 году завещал своему сыну «сочинения Алджернона Сидни, Локка и лорда Бэкона, гордоновского Тацита и „Письма Катона“». Да почиет на нем дух свободы!»³² В иных случаях влияние английской оппозиционной мысли видно по тому, сколь часто колониальные публицисты ссылались на «Письма Катона» и *The Independent Whig*, подражали им и заимствовали оттуда целые куски. Однако важнейшим доказательством этого влияния служит специфическая логика, перешедшая от английских оппозиционеров к их заокеанским ученикам.

Эту преемственность легко упустить из виду. Оппозиционные публицисты XVIII века не отличались оригинальностью мысли, опирались на достижения других и часто удостаивались — и от своих современников, и от позднейших исследователей — презрительного наименования популяризаторов. Их размышления строились вокруг общих мест либеральной

мысли того времени: признания естественных прав, договорной природы общества и правительства и исключительности «смешанной» английской конституции. Однако в рамках этих общих идей они расставляли свои акценты. Приверженцы всех партий с равной гордостью превозносили британскую свободу и соглашались между собой в том, какие нравственные качества необходимы для поддержания этой свободы. Однако если сторонники большинства восхищались конституционными и политическими достижениями эпохи короля Георга, то оппозиционеры с опаской взирали на современные обстоятельства, везде находили «угрозу древним английским установлениям и утрату исконной добродетели», постоянно говорили о распаде и усматривали вокруг себя свидетельства всеобщего разложения, обещавшие темное будущее. Они исполняли роль Кассандры своего века, и хотя их предвещения «использовались в партийных целях, <...> их речи о древней добродетели, прирожденной свободе, общественном духе, опасностях роскоши и разложения имели всеобщее значение» и опирались на общий запас политических представлений. Они использовали общие места для филиппик, они боролись с самодовольством в одну из самых самодовольных эпох английской истории. Немногие из них согласились бы с лордом-канцлером, выразившим в 1766 году настроение большинства: «Я не ищу свободы и установлений в этом королевстве прежде [Славной] революции: я останавливаюсь там»³³. Немногие из них считали Славную революцию и установившийся после нее беспринципный политический прагматизм решением всех политических проблем эпохи. Они отказывались верить, что переход верховной власти от короля к парламенту совершенно обеспечивал личную свободу перед лицом государства. Вопреки всеобщей самодовольной удовлетворенности они призывали остерегаться правительства Уолпола, как их предшественники остерегались Стюартов. Их современникам казалось, что впервые за двести лет в Англии установилось недеспотическое правительство, а они напоминали, что правительство по природе своей враждебно свободе и счастью человека, что оно существует только по воле людей, чьим нуждам оно служит, и что оно должно быть отставлено или свергнуто, как только пожелает превысить свои полномочия.

Потребность обуздать правительственную власть диктовала им проекты реформ, пока политических, а не социальных или экономических — ведь эти английские радикалы жили в XVIII, а не в XIX или XX веке³⁴. Однако в век Уолпола, а также в последующие эпохи английской политики вплоть до XIX столетия их проекты превосходили всякое вероятие. Они предлагали предоставить избирательное право всем совершеннолетним мужчинам, упразднить «гнилые местечки» и ввести

пропорциональное деление на избирательные округа, обязать депутатов проживать по месту избрания и получать наказания избирателей, изменить определение «мятежного пасквиля», то есть открыть путь для печатной критики властей, и добиться полного устранения правительства от дел вероисповедания.

Эти идеи, в основе которых лежала забота о правах отдельной личности и недоверие к правительству, выливались в мрачные предсказания. Оппозиционеры не оспаривали успехов Англии и ее процветания, однако напоминали о слабости человеческой природы, доказанной великим множеством примеров. Их опасения подкреплялись современной им политической действительностью. Они считали, что политика эпохи Уолпола, при всей своей устойчивости, строится на подкупе парламента со стороны исполнительной власти — подкупе, постепенно разъедающем основания свободы. Опасность установления деспотии казалась им вполне серьезной; Дж. Покок следующим образом суммирует воззрения «сельской» оппозиции, извлеченные из множества сочинений 1675–1730-х годов:

У исполнительной власти есть все возможности отвлекать парламент от его прямых задач; она соблазняет парламентариев предложениями мест и пенсий <...> уговаривает их поддержать меры вроде постоянного войска, национальных долгов и акцизов, благодаря которым действия правительства становятся неподотчетны парламенту. Эти разрушительные меры известны под общим именем разложения, и если оно целиком овладеет парламентом или теми, кто его избирает — разложение может достигать и туда, — то настанет конец независимости и свободе³⁵.

Именно об этом говорили, кричали оппозиционеры неделю за неделей, год за годом, во весь голос обличая подкуп парламента и распущенность века, допускающего такой подкуп. О дурных предчувствиях заявляли и на правом, и на левом флангах оппозиционного спектра. «Письма Катона» не уставали повторять, что

нас угнетает повсеместное разложение и злоупотребления; вознаграждения в большинстве служб, если не во всех, чрезвычайно выросли; места и должности, которые вообще не следовало продавать, продаются по тройной цене; общественные потребности вынуждают к еще большим сборам, а общество в больших долгах; в то время, как эти долги растут и люди беднеют, повышаются жалования и умножаются пенсии³⁶.

Болингброк еще более настойчиво уверял, что Англии угрожают два старинных и связанных между собою зла: всевластие кабинета и политическая развращенность. Его прозаические иеремиады, отзывавшиеся в художественных сочинениях великих сатириков-тори Свифта, Поупа, Гея, Мандевиля и в не столь ангажированных патриотических рапсодиях Томсона «Свобода» и «Британия»³⁷, превосходили выразительностью даже «Письма Катона». Он разработал особую систему понятий для описания насущной опасности. В правление Уолпола, по его мнению, установилась «робинократия» — режим, при котором первый министр, сохраняя видимость конституционных процедур, фактически монополизировал всю государственную власть:

Робинарх, или главный правитель, номинально лишь министр и ставленник монарха; на самом же деле он властитель, деспотичный и самовластный настолько, насколько это только возможно в этой части света <...> *Робинарх* <...> преступно завладел всей властью нации <...> к важным должностям, сопряженным с доверием и могуществом, [он] не допускает никого, кроме своих родственников, ставленников или испытанных марионеток, которым можно поручить любое грязное дело, не раскрывая своих замыслов и их последствий.

Средства, позволяющие «робинарху» управлять утратившей свободу законодательной властью, не составляют тайны. Порочный министр и его сообщники поощряют «роскошь и расточительство, предвестники нужды, зависимости и раболепия». Одни депутаты

связаны почестями, титулами и должностями, распределение которых *Робинарх* присвоил себе, а другие взятками, которые в сих землях именуется пенсиями. Некоторые продают себя за скудную награду надежд и обещаний; а другие, превосходящие бесчувственностью всех остальных, принесли свои убеждения и совесть в жертву партийным именам, ничего не значащим, или же тщеславной жажде придворного фавора.

Придя к власти, правительство Робинарха питается собственным пороком. Оно обкладывает народ податями и обязательствами, а потом создает наемную армию — как будто для защиты нации, а на самом деле для укрепления своего господства. Размышления Болингброка согласуются здесь с выводами более раннего трактата Тренчарда о постоянном войске³⁸.

На левом и правом флангах оппозиции по-разному представляли себе выход из кризиса. «Левые» настаивали на институциональных, политических и законодательных преобразованиях, позднее воплотившихся в парламентской реформе XIX века. «Правые» стремились вручить действительную, а не только символическую власть утопическому монарху-патриоту, который стоял бы над партиями и правил бы в согласии с верными и независимыми общинами. За этими несходными рецептами стоял один и тот же диагноз: разложение и коррупция. Коррупция, позволявшая властолюбивому министерству управлять действиями парламента, казалась частным случаем общего разложения, настигшего алчное, избалованное нежданым богатством и утопающее в роскоши поколение. Если не бороться с этим злом, считали оппозиционеры, то Англия, подобно многим другим народам, безвозвратно скатится к деспотии.

Эти мрачные мысли, хотя и были востребованы радикалами и нонконформистами времен Уолпола и Гиббона, не имели существенного влияния на общие политические настроения в Англии. Однако в колониях североамериканского материка они пользовались чрезвычайной популярностью. Крайние и заостренные взгляды в иных жизненных условиях стали казаться бесспорными и очевидными. Распространение свободного землевладения породило широкий электорат. Необходимость создавать систему представительства с нуля и постоянные конфликты между законодательными собраниями и исполнительной властью поощряли возникновение постоянных и полномочных представительных органов, а также ограничивали манипулятивные возможности любой властной группировки. Множество сосуществующих вероисповеданий и удаление от европейских церковных властей беспрецедентно ослабили влияние религиозных институтов.

Нравственные основания здорового и свободолюбивого общества, казалось, уже существовали в колониях, в простом быту независимых и неиспорченных землевладельцев, составлявших существенную часть колониального населения. В то же время именно в колониях, за исключением тех, что находились в частном управлении, угроза всевластия исполнительных органов была особенно наглядна, и местные власти — продажные представители слепых или даже преступных хозяев, как считали колонисты, — пользовались такими полномочиями, которые в самой Англии были отняты у короны после Славной революции и считались неподобающими свободному правлению³⁹.

В этой атмосфере настроения ведущих английских радикалов и оппозиционеров казались вполне разумными и обоснованными

и быстро завоевали колониальную публику. Группы, искавшие прецедентов для согласованного противостояния властям, повсеместно обращались к соответствующим сочинениям. Адвокат Джона Питера Зенгера, в 1735 году подбиривший основания для критики привычного представления о «мятежном пасквиле», в конце концов остановился на «Письмах Катона». Через четыре года массачусетский публицист составил столь яростный памфлет против губернатора, что бостонские типографии отказались его печатать; этот публицист тоже опирался на «Письма Катона», «написанные о славном деле свободы». В 1750 году Джонатан Мейхью написал знаменитое «Рассуждение о безграничном подчинении», где подробно доказывал необходимость противостояния правительству; Мейхью ссылаясь не на Локка, у которого он вряд ли нашел бы подтверждение своих мыслей, а на проповедь Ходли, откуда он заимствовал не только идеи и фразы, но и фигуру оппонента (Мейхью обличает непрямого Чарльза Лесли)⁴⁰. В 1752–1753 годах Уильям Ливингстон с друзьями издавал журнал, критиковавший общественную жизнь Нью-Йорка и саму идею привилегированного режима; этот журнал назывался *The Independent Reflector* по образцу *The Independent Whig* Тренчарда и Гордона и заимствовал оттуда важнейшие политические формулировки. В 1754 году в Массачусетсе противники строгого акцизного закона в поисках прецедентов для своей кампании обратились к оппозиционной публицистике, посвященной акцизному законопроекту Уолпола 1733 года, главным образом — к соответствующим публикациям болингброковского *Craftsman*, чьи доводы, лозунги и даже фигуры речи они взяли на вооружение⁴¹. Традиция английского оппозиционного радикализма, возникшая в XVII веке и разрабатывавшаяся публицистами следующего столетия, нашла в колониях повсеместный отзвук и заложила основания для деятельности местной оппозиции.

Однако этим ее роль не ограничилась. Английская радикальная мысль сыграла роль обобщающего начала, объединившего несходные элементы общественно-политического сознания революционного поколения и позволившего свести в единую политическую теорию просветительские абстракции и прецеденты обычного права, богословие кovenанта и античные образцы, Локка и пророка Авраама, Брута и Коука. Именно эта традиция, зародившаяся во время гражданской войны в Англии и продолжавшая существовать в виде подводного течения вокруг теоретиков либертарианства, обиженных политиков и религиозных диссидентов, обусловила реакцию колонистов на новые правила, предписанные колониям после 1763 года.

Глава III

Власть и свобода: антиномии политической теории

В Европе уставы свободы даровались властью. Впервые в Америке, а затем и во Франции, уставы власти предписывались свободой. Этот переворот может поистине считаться самым торжественным моментом в мировой истории, и самым утешительным предвестием грядущего счастья.

ДЖЕЙМС МЭДИСОН, 1792

В основе политических представлений американской публицистики предреволюционных лет лежала убежденность в том, что за каждым эпизодом политической жизни, за каждым спором стоял вопрос о распределении власти. Столь ясное понимание проблемы в колониальной литературе XVIII века, удивительное для читателя нашего времени, обеспечивает самую непосредственную связь между революционным поколением и нами.

Колонисты твердо знали, что такое власть, и осознавали ее центральную, движущую роль в любой политической системе. Джеймс Отис подчеркивал, что власть не следует путать с неопределенным «простым физическим качеством», о котором говорят физики. Как колонисты смотрели на власть, хорошо видно из бумаг Джона Адамса. Подбирая слова для своего «Рассуждения о каноническом и феодальном праве», он дважды отказывался от слова «власть» и вновь возвращался к нему, но в конце концов остановился на понятии господства. Для всего его поколения «власть» означала господство одних над другими, подчинение, насилие и принуждение¹. В языке колонистов, как и в нашем, это понятие было «сильно нагружено». Возможно, они потому возвращались к нему с навязчивым постоянством, что их завораживал его «садомазохистский привкус»². Во время англо-американского противостояния понятие власти вспоминали, обсуждали, развивали публицисты всех мастей.

Обыкновенно обсуждение власти сосредоточивалось на ее важнейшем свойстве — хищной потребности распространяться за установленные пределы. Рассуждая об этом свойстве, исключительно много объяснявшем в политических событиях прошлого и настоящего, колониальные публицисты превзошли самих себя в словесных ухищрениях — бесчисленных метафорах, уподоблениях и параллелях. Чаще всего писали о вторжении. Публицисты вновь и вновь напоминали, что власть «от природы склонна к вторжению»; «если ее не сдержать в начале, то она ползком и по частям быстро подчиняет себе целое». Иногда речь шла о цепкой «руке власти», тянущейся и хватающей, — она символизировала природную алчность власти: «если она схватит, то удержит». В других случаях говорили, что власть «подобна океану, которому трудно предписать пределы», «подобна раку, ест быстрее и быстрее с каждым часом». Власть представляла собой одновременно движение и желание, «неутомимое, страстное и ненасытное» или уподоблялась челюстям, «вечно открытым» и готовым «пожирать». Она пронизывает общественную жизнь и всюду угрожает, давит, захватывает и зачастую уничтожает в конце концов свою неизменно добродетельную жертву³.

Хищничество власти потому имело универсальное значение, что ее естественной добычей и жертвой были свобода, закон и право. Публицисты видели перед собой мир, разделенный на две враждебные друг другу части: сферу власти и сферу свободы и права. Первая отличалась жестокостью, неутомимостью и беззастенчивостью; вторая — хрупкой чувствительностью и покорностью. Первой следовало противостоять, вторую — оборонять, и ни в коем случае не подобало смешивать их. По словам Ричарда Бленда, «право и власть совершенно различны между собой, это два отдельных понятия»; «власть, обособленная от права, не может оправдать господства», в то же время невозможно, с точки зрения закона и простой логики, «построить право на силе». Когда они сливаются, когда «грубая сила» становится «неопровержимым доводом безграничного права», как в годы диктатуры Кромвеля, писал Джон Дикинсон, невинности и справедливости остается только вздохнуть и смиренно склоняться⁴.

Нельзя сказать, чтобы колонисты считали любую власть злом. Существование власти они признавали естественным и необходимым. Она имела законные основания во «всеобщем и взаимном соглашении» людей, добровольно налагающих на себя ограничения ради всеобщего блага; благодаря этому из природного состояния образуется общество и государство, оберегающее вверенную ему совокупность единичных волей. Из сочинений Локка колонисты знали, что такого рода вза-

имные договоры закономерны, по собственному опыту — что они удобны. Установленная при их помощи законная власть доставалась в удел правительству и правителям, а свобода, вечно слабая и обороняющаяся, «прячущаяся, — по словам Джона Адамса, — по углам, <...> затравленная и преследуемая», составляла достояние народа. Итак, колонисты, в отличие от нас, не считали свободу всеобщим достоянием, о котором равно заботятся правительство и граждане, эту заботу они считали делом только граждан. Власть имущие не представляли свободу и по природе своей не служили ей. Они были заинтересованы в том, чтобы распространять власть, столь же естественную и необходимую, как свобода, но более опасную. Как писал преподобный Питер Уитни, «как и любое другое благословение, она может стать бичом, проклятием и жестокой карой для народа». Разрушительную силу власть получила не от природы, но от несовершенства человека с его слабостями, в том числе жаждой величия⁵.

В этом сходились все колонисты. Им было, конечно же, хорошо известно, что если «людям слабым и невежественным доверить власть», то произойдет «всеобщее смятение», потому что «это вознесение <...> преисполнит их тщеславного головокружения и лишит их тех остатков рассудка, которые сохранялись у них прежде». Однако дело было не только в поведении слабых и невежественных. Проблема носила более общий характер и касалась «человечества вообще». Образованные англиканские вольнодумцы и богословы-кальвинисты — все в один голос повторяли, что человек по самой природе своей не способен противостоять соблазнам власти. Самюэль Адамс провозглашал от имени Бостонской городской сходки, что «честолюбие и жажда власти, стоящей выше закона, суть <...> страсти, господствующие в большинстве сердец». Эти инстинкты «у всех народов соединили низменнейшие страсти человеческого сердца с самыми злодейскими замыслами человеческого ума в союз против человеческих свобод». Власть всегда и везде оказывала губительное и развращающее действие на людей. Она «делает человека, доброго у себя дома, тираном на службе». Она действует как крепкий напиток: она, «как известно, по природе своей дурманит» и «легко порождает злоупотребления»; ничто в человеке не может сопротивляться этому дурману, в том числе «согласованные между собой соображения разума и веры», которым никогда «не хватало силы обуздать в людях вождение» власти⁶.

Из этой центральной посылки производилось несколько существенных заключений. Так как власть, по словам Джосайи Квинси, «неизбежно склоняется к излишествам, соразмерным с ее силой», и в конечном счете «верховой властью обладают те, у кого в руках оружие

и кто обучен обращению с ним», величайшую опасность для свободы составляет безусловное господство «постоянного войска», которое, как сказал в 1774 году Джефферсон, способно подчинить «гражданских военным, вместо того чтобы подчинить военных гражданским властям». Опасения вызывало не любое войско, а *постоянная армия* — понятие, восходившее вместе со своими коннотациями к английской публицистике XVII–XVIII веков, в том числе к знаменитой работе Тренчарда «Доказательство того, что постоянная армия несовместна со свободным правительством» (1697). Большинство колонистов соглашалось с Тренчардом в том, что «несчастливые народы утратили свое сокровище, свободу», когда «по необходимости или неосмотрительности дозволили существование у себя постоянной армии». По общему мнению, не было «деспотии хуже, чем военная власть при любом правительстве, не подчиненная и не послушная власти гражданской»; страх колонистов был связан и с тем, что постоянные армии, по их мнению, представляли собой шайки буйных наемников, прислушивающихся только к прихотям нанявших их правителей и постоянно угрожающих правосудию, законности и свободе⁷.

Страх перед постоянными армиями непосредственно вытекал из общего взгляда колонистов на власть и природу человека, и в этой перспективе казался вполне логичным. Однако дело было не в одной логике; колонисты имели перед глазами множество исторических и современных примеров, которые, как казалось, подтверждали их опасения. Американцы были осведомлены о судьбе множества государств, где постоянные армии получили власть над гражданским сообществом. В первую очередь, это была Турция, чьи правители — жестокие и сладострастные «паши в своих маленьких диванах» — воплощали деспотизм, неограниченный никаким законом или общественным договором; их власть опиралась только на военную силу кровожадных янычар, худшей из постоянных армий. Точно так же и французские короли «силой» вытравив свободу своих подданных и совершенно упразднили и без того «ничтожные права французских парламентов». В ряду «деспотических монархий» числились также Польша, Испания и Россия; иногда упоминались еще Индия и Египет⁸.

Наряду с этими хрестоматийными примерами неограниченного правления обсуждались и более интересные случаи — некогда свободные деспотические государства, порабощенные в обозримом прошлом чуть ли ни на глазах предреволюционных поколений. Такова была Венеция: когда-то, не так давно, она была республикой, а теперь в ней установился «деспотизм худшего пошиба». Такова была Швеция: колонистам были памятны времена, когда шведы пользовались свобо-

дой, а теперь, в 1760-х годах, они «с радостью покоряются прихотям и произволу господствующего над ними тирана и целуют свои цепи». Однако наиболее памятным примером такого рода, привлекавшим самое пристальное внимание, была Дания. Упразднение парламентских свобод в Дании произошло веком раньше, но благодаря посвященной ему работе, прославившейся в кругу колониальной оппозиции, оно переживалось как событие современное.

«Отчет о Дании» Моулсворта (1694) самым развернутым образом иллюстрировал исходную посылку, общую для такого рода исторических сочинений: сохранность свободы зависит от способности народа обуздывать своих правителей, то есть в конечном счете от его бдительности и нравственной силы. Некоторые формы государственного устройства нуждались в этих свойствах особенно сильно. Все знали, что демократия — прямое правление народа — основывалась на спартанской самоотверженной добродетели граждан, достижимой только в бедных обществах, где прямодушная честность составляла необходимое условие продолжения рода. Другие государственные формы — аристократия, например, — не предъявляли столь суровых требований, но и там от правящего класса требовались добродетель и бдительность, иначе власть имущие забывали о своем долге и открывали путь деспотии. Недостаток бдительности поставил на колени датскую свободу: разлагающаяся знать, потакавшая своим слабостям и пренебрегавшая заботами об общем благе, допустила учреждение постоянной армии, которая быстро уничтожила старый строй и обеспечивавшиеся им свободы.

Обратные случаи имели для колонистов не меньшее значение. Немногие народы, сумевшие защитить свою свободу от деспотических посягательств, были обязаны своим успехом неиспорченной добродетели, исконной отваге и постоянной бдительности. Швейцарцы, неотесанные обитатели гор, издавна входили в число героических народов; они давно завоевали свободу и с тех пор упорно обороняли ее. Не так давно к ним присоединились голландцы, свергнувшие испанскую тиранию всего столетие назад; им тоже была свойственна суровая кальвинистская добродетель, а во главе их стояла бдительная аристократия. Совсем недавно вкус к свободе обрели корсиканцы, восставшие в 1729 году против генуэзского правления, опиравшегося на французскую военную мощь; ко времени Закона о гербовом сборе они еще продолжали борьбу за свою независимость под руководством Паскаля Паоли⁹.

Однако первое место в ряду свободлюбивых народов принадлежало, конечно, англичанам. В своих представлениях о политике и различных типах правления колонисты исходили из той фундамен-

тальной посылки, что сами они, будучи британцами, причастны к неповторимому опыту британской свободы. Они верили, что английский народ, несмотря на все усилия рождавшихся в его недрах деспотов, сумел дольше и лучше прочих сохранить власть над своими правителями и над темными сторонами человеческой природы, угрожающими всеобщему благоденствию. Учитывая неизбежные препятствия и печальный опыт других народов (в том виде, как понимали его колонисты), это был огромный успех, но не чудо, — ему существовало историческое объяснение. Колонисты считали, что английское простонародье произошло от грубых и несгибаемых саксов, наслаждавшихся свободой от начала времен и веками сохранявших любовь к ней. В то же время одной любви было бы недостаточно. Вольнолюбивому народному нраву содействовала проистекавшая из него особая английская «конституция». До 1763 года большинство американцев были согласны с ее описанием у Джона Адамса: «Самое совершенное сочетание человеческих сил в обществе, порожденное до сих пор смертной мудростью и приспособленное к практическому сохранению свободы и обеспечению счастья»¹⁰.

Слово «конституция» и стоящее за ним понятие образовывали ядро политической мысли колонистов; именно оно определяло их взгляд на англо-американское противостояние. Роль этого понятия и в Англии, и в Америке была столь велика, давление на него в ходе жесточайших десятилетних споров столь сильно, что в конце концов оно распалось и породило два подхода к конституции, до сих пор различающие Англию и Америку¹¹. Однако сперва взгляд колонистов на конституционные вопросы был отчетливо традиционалистским. Подобно своим английским современникам и их предкам, в начале революционного противостояния колонисты понимали под «конституцией» не единый документ, и даже не неписаную, но единую модель власти и набор неизменных прав; «конституцией» называлась простая совокупность существующих правительственных учреждений, законов и обычаев вместе с управляющими ею принципами. Джон Адамс писал, что политическая конституция подобна телесной: «определенные сплетения нервов, ткани и мышц, или определенные свойства крови и соков», в том числе тех, которые «могут по справедливости называться *stamina vitae*, или необходимыми первоначалами конституции; части, без которых сама жизнь не продлится и мгновения». Аналогичным образом конституция власти, писал Адамс, представляет собой «рамки, план, систему, сочетание сил для общей цели, а именно для благоденствия всего общества»¹².

Данное определение, состоявшее из вполне традиционных элементов, показателью, поскольку ставит во главу угла одушевляющие

принципы конституции, *stamina vitae*, «основополагающие законы и правила конституции, которых никогда не следует преступать». Представление о том, что за конституцией, системой законов и учреждений, должны стоять основополагающие принципы, всегда бытовало в Англии; однако со времен левеллеров, оспаривавших в середине XVII века главенство парламента, это представление ни для кого не было столь важным, как для колонистов середины XVIII столетия. К тому же в их устах оно обретало особое звучание. Любое правительство существовало для всеобщего блага, но задача английской конституции — «ее цель, смысл, назначение» — состояла, как всем было хорошо известно, в установлении свободы. В этом заключалось ее «величие» и превосходство. Именно поэтому она заслуживала хвалы наряду с «библейскими книгами, выше всех благ этого мира»; именно поэтому ее следовало благославлять, хранить и передавать «неприкосновенной потомству»¹³.

Как же это получилось? Чем объяснялся успех английской конституции? Ее особой способностью уравнивать различные общественные силы. По словам колониального публициста, «совершенный дилетант, полнейший невежда в политике и тот давно знал <...> назубок»¹⁴ ходячие определения английского общественного устройства, сводившиеся к следующему. Английское общество состояло из трех сословий со своими правами и обязанностями; эти сословия несли в себе начала трех форм правления: королевской семье соответствовала монархия, дворянству — аристократический строй, общинам — демократия. Со времен Аристотеля было известно, что в совершенном мире каждая из этих форм смогла бы обеспечить всеобщее благосостояние, а в действительном мире они угрожали выродиться в деспотические режимы: тиранию, олигархию и охлократию соответственно. Однако в Англии три равно опасные составляющие общества образовали такую форму правления, которая обуздывала их угрожающие склонности. Они разделили власть на равные доли; властные отправления были распределены таким образом, что ни одно из сословий не господствовало над другими. До тех пор, пока каждое сословие оставалось в пределах своих полномочий и бдительно предотвращало авторитарные поползновения других, защита собственных прав способствовала сохранению равновесия и всеобщих свобод.

Так представляли себе в XVIII веке знаменитую «смешанную» конституцию Англии¹⁵. В ее устройстве колонисты, как и большинство европейцев, находили «систему превосходнейшей мудрости и политики». Однако, хотя сама эта теория не вызывала сомнений и возражений, механизмы ее действия оставались неясны. Современное

четкое разделение властных функций на исполнительную, законодательную и судебную для колонистов не существовало (так, «законодательной» именовалась вся совокупность власти, а не только особые выборные органы). Совершенно не предполагалось, что конституционное равновесие достигается за счет жесткого прикрепления ветвей власти к определенным сословиям: считалось только, что каждое сословие будет преобладать в соответствующей сфере правления¹⁶. Эту концепцию точно сформулировал Моулсворт в предисловии к «Франко-Галлии» Хотмана (1711), определяя «истинного вига»: «Сторонник строгого соблюдения истинной и старинной готической конституции, с тремя сословиями — королем (или королевой), лордами и общинами; законодательная власть принадлежит всем им вместе, исполнительная вверена первому, но с ответственностью перед всем народом за неудачное правление». Иными словами, в первую очередь признавалось, что все три сословия так или иначе участвуют в законодательной власти. Общепринятые представления о ее устройстве выразил, например, Моузес Мэтер, писавший, что власть

столь разумно расположена, что соединяет силу и оберегает права всех сословий; каждое из них способно обороняться от попользований других, поскольку уполномочено наложить запрет на любое их решение или на все эти решения. Ни король, ни лорды, ни общины не могут быть лишены достоинства или прав, иначе как с собственного согласия в парламенте, и любые законы или налоги могут вводиться только при условии, что все три сословия в парламенте сочли их необходимыми для всеобщего блага и государственных интересов¹⁷.

Кроме того, все соглашались с тем, что исполнительная власть в значительной мере, если не полностью, подпадает первому сословию, а именно короне. Этой власти сопутствовали привилегии, преимущественные права монарха и его слуг. Существовало несколько точек зрения на то, как в рамках равновесия общественных сил предотвращать злоупотребления этими правами. Некоторые публицисты удовлетворялись тем простым фактом, что исполнительная власть действует в пределах законов, установленных по воле всех трех сословий. Другие искали более существенной защиты от злоупотреблений. Джон Адамс подчеркивал, что общины, воплощавшие «демократический» общественный субстрат, принимают участие в исполнении законов при посредстве суда присяжных. По мнению Адамса, это старинное учреждение

служит одним из важнейших элементов английского конституционного равновесия и вводит «в исполнительную ветвь конституции <...> долю общенародной власти», вследствие чего «подданный получает защиту при отправлении законов»¹⁸. В большинстве случаев, однако, публицисты обращали внимание не столько на институт присяжных, устанавливавший некоторое социальное равновесие внутри исполнительной власти, сколько на внешнее воздействие, которое оказывал на эту власть независимый суд. Безотносительно вопроса о месте исполнительной власти при разделении властей все соглашались с тем, что суд должен «разрешать споры между прерогативами и свободой <...> утверждать границы верховной власти и определять права подданных» и что для полноценного осуществления этой задачи необходимо, чтобы суд был «совершенно свободен от влияния обеих сторон». Поскольку свобода от природы пассивна, а власть деятельна, именно она представляет наибольшую угрозу; ее «природный вес и сила» неизбежно воздействуют на почти всеобщую «любовь к повышениям и личной выгоде». Только полная независимость суда от исполнительной власти, составляющая прочный фундамент его деятельности, позволяет «искать строгую беспристрастность и честное отправление правосудия, ожидать ограничения власти пределами закона и справедливого обращения с подданными»¹⁹.

Вопрос о соотношении «смешанного правления», сталкивающего различные ветви власти в интересах всеобщего блага, с устройством сословного общества значительно усложнялся, когда речь заходила не об одной Британии, но об империи — одновременно едином сообществе с единым правительством и совокупности множественных сообществ с собственными правительствами и собственным социальным членением. До начала революционных событий разрешать этот сложнейший конституционный вопрос не брались²⁰. Колонисты прославляли замечательное равновесие английских властей и верили, что оно каким-то образом действует в каждой отдельной колонии и на всем пространстве империи.

Благодаря этому равновесию общественных и правительственных сил каждой из них предписывалась определенная и ограниченная сфера действия. До тех пор, пока королевская власть, аристократия и демократия оставались на своих местах и исполняли свои функции, ничто не угрожало свободе в Англии и ее владениях. Однако если бы какая-нибудь из властей превысила свои полномочия, если бы, в первую очередь, исполнительная власть сумела подкупом навязать свою волю собранию общин и подчинить его себе, то свобода была бы в опасности. Сама по себе идея свободы связывалась с равновесием властей. В отличие

от абстрактной свободы, теоретически существовавшей в природном состоянии человека, политическая свобода понималась как «естественное право делать или не делать чего-либо» в той мере, в какой это «согласовывается с правилами добродетели и с установленными законами общества, к которому мы принадлежим»; свобода — это «право действовать согласно законам, которые установлены и приведены в действие народным согласием и которые ни в коей мере не расходятся с естественными правами каждого и общественным благом». Иными словами, свободой называли возможность осуществлять «естественные права» в пределах, назначенных не произволом правителей, а легитимным законом, то есть таким законом, за которым стоит вся совокупность взаимно уравновешенных властных функций²¹.

Но каковы были эти важнейшие «естественные права»? Их определяли двойным образом — одновременно как неотъемлемые и неоспоримые права народа как такового и как конкретные нормы английского права. Джон Дикинсон писал, что права «ниспосылаются нам волею Провидения, предписывающей законы природы. Они рождаются с нами, существуют с нами, и никакая земная власть не в силах отнять их у нас, не лишив нас жизни. Короче говоря, они основаны на неизменных истинах разума и правосудия». Эти ниспосланные свыше естественные и неотчуждаемые права, выведенные из начал «разума и правосудия» посредством общественных договоров, воплощались в английском обычном праве, постановлениях парламента и дарованных короной привилегиях. Огромный корпус решений обычного права, а также постановлений короля и общин только выражали волю «Господа и природы. <...> Естественные и неограниченные личные права составляют <...> основу всех сколько-нибудь стоящих гражданских законов». Даже «сама Великая хартия <...> по необходимости всенародно объявляет и провозглашает от имени короля, лордов и общин их собственное понимание их исконных, неотъемлемых, неоспоримых и естественных прав»²².

Однако отождествление прав человека с английским правом, столь простое в проходных фразах вроде формулы Далани «неотчуждаемые права подданных», было на самом деле осложнено еще до бурных 1760–1770-х годов, поставивших под сомнение привычные презумпции. Еще раньше было понятно, что положения английского права не исчерпывали всей сокровищницы человеческих прав, потому что никакая совокупность юридических актов не могла ее исчерпать. Законы, жалованные грамоты и хартии только провозглашали главные принципы (а именно, как писали публицисты, «личную безопасность, личную

свободу и частную собственность») в той мере и только в той мере, в какой они подвергались опасности в ходе английской истории. Эти акты обозначали минимальный, а не максимальный предел права. Утверждение, будто бы все права можно закрепить в одном законе или кодексе, означает «высокомерие надменного министра <...> шарлатанство педанта и вздор крючкотвора», заявлял Джеймс Отис. «Странная мешанина» «кодексов, пандектов <...> папских декреталий», может быть, подходит для «холодных унылых областей Бранденбурга и Пруссии или знойных Ямайки и Гамбии», но не для умеренного климата Британии²³.

Итак, колонисты понимали под свободой ограниченное законом отправление естественных прав, первые основания которых были закреплены английским законодательством и обычаем, и в равновесии властей видели «систему превосходнейшей мудрости», обеспечивавшую устойчивые «препятствия для гнета властей»²⁴. Однако их взгляды на будущее свободы были далеки от безоблачных. Они смотрели вперед скорее со страхом, чем с надеждой, потому что весь их культурный опыт говорил о повсеместной гибели свободы: «Тирании являлись вновь и вновь, как зараза, на памяти человечества и <...> поглотили уже почти всю землю», превратив ее в «бойню». Восточные правители «почти повсеместно неограниченные деспоты. <...> Государства Африки — подмостки деспотизма, варварства, смятения и всяческой жестокости. И даже в Европе, в которой природа человека и общество достигли наибольших успехов, где обнаружится благоустроенное правительство или хорошо управляемый народ?» Во Франции господствует «деспотическая власть», в Пруссии «неограниченное правительство», Швеция и Дания «продали или предали свою свободу», Рим «стонет в смешанном светском и церковном рабстве», Германия есть «стоглавая гидра», а Польша — образец «непомерного блуда и безвластия <...> крупное и мелкое дворянство — деспотические владыки, а простонародье — племя рабов». Только в Британии (и ее колониях) свобода выстояла во всех испытаниях и вышла победительницей из всех столкновений. Однако даже в Англии эта победа далась с трудом, особенно в последней и самой тяжелой схватке против властолюбивого дома Стюартов. Не было сомнений в том, что угроза свободе сохраняется²⁵.

Историческое рассмотрение борьбы за свободу в Англии не только не позволяло забыть о насущных опасностях, но и обеспечивало колонистам ощущение особой исторической роли. Общепринятое в колониях представление о прошлом суммировал Джеймс Отис: «Наши предки до нашествия первых норманнских тиранов обладали более полной свободой и лучшим пониманием ее, чем все их потомки до тех пор,

пока не сочли нужным ради спасения королевства выйти на бой против произвола и злодейства Стюартов». Донорманнская эпоха считалась самым благополучным отрезком английской истории:

Достоверно известно — насколько историческое знание может быть достоверным, — что современное гражданское устройство Англии происходит от саксов, <...> установивших в [Англии] форму правления, к которой они привыкли на родной земле. <...> Этот строй, как и на их отчизне, основывался на принципах совершеннейшей свободы. Завоеванные земли распределялись между людьми в соответствии с занимаемым ими положением, и каждый вольный человек, то есть свободный землевладелец, был членом их Уитенагемота, или парламента, <...> или, что то же самое с точки зрения конституции, каждый вольный человек имел право голоса при выборах в парламент и, можно сказать с полным основанием, участвовал в этом собрании либо лично, либо через своего представителя.

Политическая свобода опиралась на систему землевладения, «самую мудрую и совершенную из созданных человеческим разумом в том виде, как она существовала до VIII века», и процветала в этом дофеодалном раю. Затем пришли норманны и вместо готической свободы установили феодальную тиранию. «Дух английского народа, подавленный и сломленный норманнским завоеванием, много лет уступал деспотической ярости и смиренно покорялся самому низменному рабству». Жестокый и алчный король урезал свободы древней саксонской конституции, а бароны, «властолюбивые и непокорные <...> непостоянные и переменчивые <...> то подстрекали короля к деспотическим замыслам, то возбуждали народ на бунты и мятежи. Поэтому конституция постоянно бросалась из одной крайности в другую; верх брал то деспотизм, то анархия». Для защиты от этих бед постепенно принимался целый ряд актов, начиная с Великой хартии вольностей, определявших внутренние границы английской свободы; они делали свое дело до XVII века, когда «отвратительное племя Стюартов» вызвало к жизни «жуткое, жестокое и кровавое» противостояние между народом и объединившимся «мирским и духовным деспотизмом». В конце концов, как всем было известно, свобода восторжествовала, и Славная революция «создала тот благотворный строй, который существует в Великобритании с тех пор». Однако и в этот раз победа далась не легко, и ее плоды следовало неусыпно оберегать²⁶.

На этот исторический период, когда англичане впервые после норманнского завоевания давали открытый бой тирании, пришлось основание американских колоний. Совпадение не было случайным. «Эта великая борьба населила Америку <...> любовь ко всеобщей свободе, ненависть, страх и ужас, внушаемые адским союзом [мирского и духовного деспотизма], вдохновили, произвели и завершили заселение Америки». Как когда-то древние саксы, которые «оставили родные дебри и леса на севере Европы», американские колонисты пересекли море, чтобы на новой земле учредить более чистое и свободное гражданское и духовное правление. Неиспорченная ветвь нации, полная здоровых сил и соков свободы, была пересажена на новую плодородную почву. В колониях, «основанных как прибежище свободы, гражданской и духовной», добродетель, как и в старые времена, поддерживалась простотой и отсутствием обессиливающей роскоши²⁷.

Этот взгляд не был специфически провинциальным. Хотя представление об Америке как о более чистой и свободной Англии в значительной мере опиралось на местные нонконформистские прочтения истории, оно в то же время было созвучно важнейшим идеям европейского Просвещения. Европейские интеллектуалы, например, Локк, видели в заокеанских поселениях образ счастливого природного состояния человека, заповедник свободы и добродетели. Они не могли не превозносить животворную простоту жизни и благотворные последствия всеобщего свободного землевладения. Трудно было не согласиться с Тренчардом, что с военной точки зрения оправдали себя колониальные ополчения, набравшиеся из граждан и поэтому не опасные для конституционных свобод²⁸. Никто иной, как Вольтер, считал колонии квинтэссенцией английских достоинств и писал в «Философских письмах», что Уильям Пенн вместе со своими квакерами «принес на землю золотой век — эту обычную притчу во языцах — и что век этот, по-видимому, родился лишь в Пенсильвании». Не только на таких интеллектуальных высотах, но и в ходовой публицистике сторонников эмиграции бытовало представление о том, что общественная жизнь в колониях отличалась особенной добродетелью и простотой, а политическая — особенной свободой.

Конечно, так думали не все. Существовал и противоположный взгляд, согласно которому грубая простота жизни вдалеке от цивилизации способствовала вырождению колонистов²⁹. Тем не менее накануне революционного противостояния сами американцы верили в свое особое происхождение и предназначение, хотя эту точку зрения разделяли не все европейцы и не все представители британской короны,

осуществлявшие законную власть в колониях. Успехи английских войск в Семилетней войне только укрепили колонистов в их провиденциальных взглядах, поскольку после завоевания Канады многим, как Джонатану Мейхью в 1759 году, казалось возможным основание в Америке «могущественного государства <...> (я не имею в виду независимого государства), лишь немного уступающего в размере величайшим государствам Европы и превосходящего их всех в благополучии». Умственному взору представлялось «великое и процветающее государство в этой части Америки» с городами, «растущими на каждом холме <...> счастливыми полями и селами» и «исповеданием и отправлением веры <...> чистейшим и совершеннейшим, невиданным со времен апостолов»³⁰.

Такая возможность действительно была. Колонисты считали, что ход событий в Англии и Америке зависел от бдительности и целеустремленности народа. Вслед за Тренчардом, Болингброком, Юмом и Макиавелли они признавали основную посылку современной им историографии и политической теории: «Что случилось вчера, случится снова, и сходные причины во все века приведут к сходным следствиям», потому что, как писал Джеймс Отис, законы природы «единообразны и неизменны»³¹. Как всегда, за сохранение свободы нужно бороться; и в то время как в колониях обстоятельства обещали успех в этой борьбе, положение дел в метрополии казалось далеко не столь радужным. Уже к 1763 году, то есть до возникновения первых серьезных трудностей в англо-американских отношениях, среди колонистов господствовало убеждение, что, хотя исторически Англия намного лучше других европейских стран обороняла свою свободу, теперь в ней вновь посеяны опасные семена деспотизма, способные вскоре поставить под угрозу конституционные вольности. Популярными в колониях английские публицисты настаивали, что обстановка в Англии враждебна свободе: уцелевшие якобиты процветали, расслабляющая роскошь и равнодушная бездеятельность подрывали народный дух, политика погрязла в порче. Колонистам все время напоминали, что независимый от королевской власти парламент, основа конституционной свободы, подвергался постоянному давлению правительства, научившегося манипулировать выборами и подчинять себе депутатов.

О страхе американцев перед заразой деспотизма, поразившей основания английской свободы, свидетельствует круг их публицистического чтения. Исключительно популярные в колониях «Письма Катона» и *The Craftsman* без устали обличали общее вырождение и разлагающую политику кабинета. В Америке постоянно перепечатывались самые резкие английские публицистические иеремиады. Под впечатле-

нием от вторжения в Англию сторонников реставрации Стюартов Джеймс Бург написал «Британского летописца» — яростный памфлет против «наших вырождающихся времен и разложившейся нации», утопающей в «роскоши и нечестии, <...> продажности, вероломстве, распрях, противостоянии законной власти, бездействии, обжорстве, пьянстве, похоти, азартных играх, воровстве, тайных браках, супружеской неверности, самоубийствах». По его словам, Англию преследовал «целый легион фурий, способный разнести в куски могущественнейшее государство или империю, когда-либо существовавшую на земле». Самый язвительный из пуританских патриархов мало что смог бы добавить к этой филиппике. Франклин перепечатал памфлет Бурга через год после его появления; через год другой типограф вновь напечатал его в Филадельфии, а в 1759 году еще одно издание «Британского летописца» вышло в Бостоне. Модный литератор и англиканский священник Джон Браун составил пространную ламентацию относительно будущего английской свободы («Мы катимся к краю пропасти, в которой неизбежно сгинем»), где проклинал «тщеславную, расточительную и самовлюбленную изнеженность» британцев, а также возлагал вину за ослабление «основ нашей конституции» на Роберта Уолпола, подкупавшего палату общин. Памфлет Брауна был перепечатан в Бостоне в 1758 году, через год после выхода первого издания³².

Мрачный взгляд на современную Англию, изложенный в этих памфлетах, постоянно подтверждался сообщениями очевидцев. Письма из Англии подкрепляли умозаключения публицистов. Эти письма исходили не только от таких убежденных либертарианцев, как Томас Холлис, но и от несклонных к догматизму консерваторов, вроде типографа Уильяма Стрэна, который в 1763 году в письме к Дэвиду Холлу в Филадельфию вопрошал: «Хватит ли у Англии добродетели, чтобы спастись от давно уже затопляющего нас разложения?»³³ Этим вопросом издавна задавались американцы, прибывшие в Англию по делу, ради удовольствия или для учебы. Льюис Моррис, в 1735–1736 годах восстанавливавший силы в Лондоне после поражений, которые нанес ему нью-йоркский губернатор Косби, преисполнился столь сильного отвращения к английской политической жизни, что перешел на стихи. Он сочинил поэму в 700 строк под названием «Мечта и загадка», где варьировал общие места бесчисленных отчаянных памфлетов, пасквилей и стихотворений, опубликованных в Лондоне в 1720-х годах. Моррис высмеивал английское правительственное правосудие («Справедливые жалобы потрясают; / Их не поощряют при королевских дворах»), продажность двора («Наш благородный государь / Готов выслушивать жалобы; / Труд-

ность в том, как донести их до него»), нравы лавочников («Цветастые лавки этого беспокойного улья / Живут только разнообразным мошенничеством»), развращенность парламента («Обе палаты вместе со своими избирателями голосуют за деньги / И равно предают свободу»). Вывод, к которому пришел Моррис, позднее стал общепринятым в колониях: «Направляясь в эту землю свободы, / Знайте что ее [свободы] там нет, / Что она далеко отсюда, / Не в этом, а в каком-то ином полушарии»³⁴.

Моррис был лишь случайным гостем, к тому же, как он сам с неудовольствием установил, совершенно неосведомленным о закулисных тонкостях английской политики. Бенджамин Франклин лучше разбирался в ней, знал и любил Англию и ее народ. Однако и он писал в 1753 году Питеру Коллинсону: «Я молю бога, чтобы он сохранил в Великобритании английские законы, нравы, свободы и веру, несмотря на все те жалобы на всепоглощающее разложение и вырождение вашего народа, которыми полнится ваша общественная печать. Я знаю, что среди вас осталось еще немало добродетели, и надеюсь, что конституция не столь близка к гибели, как многие опасаются. Я не думаю, что все вы настолько поработочены своими пороками, чтобы уничтожить справедливость, о которой говорит Мильтон в „Потерянном рае“». Франклин добавлял, что волна «никогда не бывает столь низкой, что не может подняться вновь»; однако если это произойдет, и сбудутся худшие ожидания,

если внушающая столько ужаса роковая перемена произойдет в мое время, как возрадуюсь я, даже среди бедствий, если мы [американцы] сумеем сохранить эти бесценные богатства и сможем пригласить достойную часть вашего народа прийти и разделить их с нами! Пусть Британия не стремится угнетать нас, но как любящий родитель поможет обеспечить свободу своим детям; возможно, когда-нибудь они смогут защитить ее собственную свободу³⁵.

Джон Дикинсон, находившийся в Англии в 1754 году, в год выборов, был захвачен насыщенностью и разнообразием лондонской жизни, «преисполнен благоговейного почтения» перед сценами древнего величия, которые ему случалось наблюдать, и с восторгом слушал «величайших людей Англии, а может быть, и всего мира». Однако и его сверх всякого ожидания поразили хогартианские картины выборов и закоренелое презрение парламента к свободе. Он сообщал отцу, что более миллиона фунтов были истрачены на выборные манипуляции, что в одном из северных местечек избирательный голос стоил от 200 гиней. «Удивительно, с ка-

ким подлым бесстыдством поступают в этих случаях. Если кого-то нельзя заставить голосовать как требуется, то его поят допьяна и держат в таком виде, скрывая от семьи и друзей, пока все не будет позади и он уже не сможет нанести вреда. Они приносят строжайшую и торжественнейшую из возможных клятв, что их не подкупили, но чтят ее столь мало, что большинство не может произнести ее без смеха. Я думаю, дух Рима подошел бы и этой нации: „Легко купить, был бы покупатель“».

Через несколько месяцев Дикинсон сообщал, что более чем в семидесяти случаях результаты выборов оспаривались и что это «одно из лучших существующих доказательств развращенности века»:

Подкуп столь обычен, что, как полагают, в Англии нет ни одного местечка, где бы к нему не прибегали. Многие из процветавших местечек разорены, производство там угасло и торговля разрушена вследствие зависимости от тех денег, которые там получают за голоса. В Вестминстер-холле ежедневно вносятся сведения о подкупе, но нелепо и смехотворно пытаются излечить следствия разложения и излишества в одном случае или в одном месте, не производя общего переворота в нравах, который, как всем очевидно, совершенно необходим для благополучия этого государства. Однако только Богу известно, как его осуществить. Добродетель здесь стала пороком. <...> Люди ныне слишком учтивы, чтобы исповедовать старую веру, и слишком слабы, чтобы изыскать новую, и из этого проистекает самое разнузданное распутство и крайнее презрение к добродетели, неизменная причина гибели всех империй.

В палате лордов Дикинсон слушал речи, в которых нельзя было не распознать согласие с учреждением постоянной армии. «Однако такова любовь этих великих людей к улыбкам их государя, что они будут потворствовать любым прихотям честолюбия за счет истины, разума и своей страны»³⁶.

Чарльз Кэррол из Кэрролтона писал из Лондона в 1760 году, после двенадцати лет путешествий и обучения за границей: «перемена в нашей конституции, я думаю, близится. Столь дорого вставшая нам свобода на грани гибели». Его отец, тоже учившийся за границей, придерживался сходного мнения: «Англия, по-видимому, стремительно катится к анархии». В 1763 году он писал сыну, что «разложение и свобода не могут долго уживаться друг с другом; <...> со своей стороны, я предпочитаю неограниченное правительство видимости свободы; а именно

такова должна быть ваша нынешняя конституция, если и впрямь тот, кто сидит в казначействе, может распоряжаться в парламенте». Через два года, уже вернувшись в Мериленд, молодой Кэррол не сомневался, что «близятся времена разрушения» английской конституции и «симптомы общего разложения очень хорошо видны». Он советовал своему английскому другу продать поместье в Англии:

Купи землю в этой провинции, где свобода сохранится до тех пор, пока нравственное разложение, излишества и продажность не заставят вырождающихся сынов какого-нибудь будущего века предпочесть свой убогий барыш, взятки и улыбки деспотичных министров патриотизму, славе и всеобщему благополучию. Нет сомнений, что одинаковые причины приведут к одинаковым последствиям, и срок американской свободе уже назначен; но это роковое время, видимо, еще далеко. По крайней мере нынешнее и, я надеюсь, многие будущие поколения, несмотря на разращенный парламент, смогут пользоваться благословенными радостями свободы.

Отец Кэррола, узнававший о европейских делах не только от повидавшего виды сына, но и из «ежедневных газет, периодических и единоразовых памфлетов», позднее высказывался в этом духе в письме к английским друзьям:

Каков же неизбежный итог этого бесстыдного и давнего отсутствия чести, гражданского духа и патриотизма? Не обрекает ли вас разложение, распутство и непостоянство на анархию и распад? Все государства, обремененные этими пороками, постигла та же судьба, которая выпадет и вам. Она тяготеет над вами и уже близка. Одинаковые причины всегда приводят к одинаковым последствиям. <...> Какой народ, как не вы, привержен разрушению и стоит на его краю? Я начал узнавать свет в 1720 году, памятном не только разорением бездумных авантюристов из акционерной компании Южных морей, но и нищетой бесчисленных вдов, беспомощных детей и невинных младенцев. <...> Вскоре после того, как сэр Роберт Уолпол стал премьер-министром, он возвел подкупы в регулярную систему, которая с тех пор только улучшалась и теперь стоит на столь прочном и широком основании, что угрожает конституции немедленным крушением и уже оставила людям одну только видимость свободы³⁷.

Убеждения такого рода неизбежно порождали вопрос, сформулированный, в частности, в знаменитой работе Джонатана Мейхью: «Обязаны ли мы оказывать безоговорочное послушание нашему государю, или непокорность и сопротивление в некоторых случаях оправданы?» Ответ был очевиден. Подданные обязаны быть покорными не «всем, кто обычно носит титул правителей, но только тем из них, кто действительно исполняет обязанности правителя, отправляя разумную и справедливую власть на благо общества». Если правительство отступает от своих обязанностей, то «из уважения ко всеобщему благу мы должны отказать правителям в подчинении и покорности, которая в другом случае составляла бы наш долг». В таком случае подданный «обязан сбросить [свою] зависимость», чтобы не содействовать «рабству и нищете».

Если угнетенная нация единодушно восстанет против своего государя и даже свергнет его, это не будет преступлением, но лишь разумным способом отстоять свои законные права и свободы; эта нация лишь пользуется средством, и единственным средством, которое дал ей Господь для взаимной защиты и самообороны. Было бы преступно не воспользоваться этим средством. Только глупая кротость и необъяснимое недомыслие могут заставить целые нации терпеливо сносить, что один-единственный неразумный, честолюбивый и жестокий человек беснуется и распутничает за счет их невзгод. В таком случае правильнее предположить, что покорные, а не восставшие заслужат себе проклятие.

Эндрю Элиот, не мудрствуя лукаво, писал в 1765 году, что если тирания исходит из-за границы, то «покорность равняется преступлению»³⁸.

Глава IV

Логика мятежа

Лорд-канцлер Кэмден <...> заявил, <...> что некоторое время с молчаливым отвращением наблюдал за деспотическими действиями кабинета; <...> что, однако, далее он так поступать не будет и открыто и бесстрашно выскажет свое мнение <...> одним словом, он обвинил кабинет <...> в том, что тот составил заговор против свобод своей страны.

ОТЧЕТ О РЕЧИ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ, 1770

Ряд происшествий, множество последних событий <...> дают серьезные основания предположить, что существует глубоко скрытый ужасающий план имперского деспотизма, нацеленный на уничтожение любой гражданской свободы, и что этот план частично исполнен. <...> Величественная и некогда внушительная твердыня английской свободы, поразительное создание многих веков — британская конституция, как кажется, быстро катится к роковой и неизбежной гибели. Ужасающая катастрофа грозит всеобщим крушением и страшным предупреждением взывает к нам, чтобы мы поставили на кон все, если только в этих отдаленных пределах земли мы, паче чаяния, можем избежать всеобщей участи, гибели под обломками наших самых прочных прав.

НАКАЗ БОСТОНСКОЙ ГОРОДСКОЙ СХОДКИ

СВОИМ ДЕПУТАТАМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ

Очерченный выше круг идей и представлений определил реакцию колонистов на события 1763 года и последующих лет и в конечном счете привел их к восстанию. В политических спорах эпохи решающее значение получил разветвленный и многосоставный вопрос о юрисдикции английского парламента в Америке. За десять лет, прошедших

после Закона о гербовом сборе, колонисты рассмотрели в потоке событий вполне отчетливую логику. В действиях английского правительства и его колониальных представителей они увидели то, к чему их издавна готовила унаследованная ими специфическая традиция политической мысли, их взгляд на общие исторические закономерности и современное положение в Англии. Все лучше и лучше они различали вокруг себя не просто ошибочную или даже злонамеренную политику, отступавшую от принципов свободы, но признаки широкого заговора против исконной английской и американской вольности. Им казалось даже, что события в Америке — лишь малая часть общей опасности, угрожающей полным уничтожением английского конституционного строя вместе со всеми укорененными в нем правами и привилегиями.

Эти убеждения изменили суть политической борьбы колонистов и придали сил оппозиционному движению. Теорию заговора, однажды привившуюся, трудно было развеять: опровержения только подтверждали ее, поскольку заговорщики по определению говорят не то, что думают, а лживая видимость скрывает злые умыслы. После 1763 года колонисты, как им казалось, получили бесспорные и бесчисленные доказательства губительных козней врагов свободы, готовых добиться своей цели во что бы то ни стало, и не в последнюю очередь благодаря этому решились в конце концов на революцию.

Страх перед заговором против свободы, действующим по всей Британской империи и поэтапно развивающимся в определенных формах, возник в колониях еще до начала общеизвестных англо-американских столкновений. Ни один американский приверженец нонконформистской церкви или секты не мог быть уверен в том, что англиканская церковь, ответвление английского государства, не стремится подчинить себе всех подданных британской короны. Поскольку в британских владениях официально господствовала веротерпимость, а нонконформистские исповедания обладали существенным влиянием на английскую политику, англиканская церковь принуждена была действовать хитростью и злоупотреблять средствами, предназначенными для иных целей. В 1763 году англиканское Общество для распространения Евангелия на чужбине, созданное в 1701 году для обращения индейцев, навлекло на себя подозрения в том, что «давно уже имело официальное намерение искоренить пресвитерианство и проч. и учредить епархии и епископов»¹.

Такого рода опасения, годами тлевшие среди американских нонконформистов, давали о себе знать довольно часто, но отчетливей всего выразились в 1763 году в полемике Мейхью и Апторпа об угрозе тай-

ного учреждения американской епархии. Подобно пресвитерианскому и конгрегационалистскому духовенству Америки, Мейхью считал эту угрозу вполне серьезной. Многие были известны о соответствующих поползновениях англиканской церкви в Лондоне и Америке. Главы англиканских общин Нью-Йорка и Нью-Джерси чуть ли не публично ходатайствовали об учреждении епархии, и причастность Общества для распространения Евангелия к этой тайной операции не подлежала сомнению. Хотя формально в задачу Общества входило крещение язычников — индейцев и негров, — его истинная цель обнаружилась с учреждением миссий в таких городах, как Кэмбридж (Массачусетс), где с XVII века не было индейцев и хватало англиканских священников. Мейхью писал, что эти миссии, подобные «входным клиньям», осуществляют «крестовый поход, или духовную осаду наших церквей, уповая, что со временем они покорятся владыке-епископу». В ответе епископу Кентерберийскому Мейхью не стесняясь настаивал, что при неограниченных режимах епископы обыкновенно способствовали «установлению тиранического правления над телами и душами людей», и их появление в Америке означало бы конец свободе Массачусетса и других колоний. К 1765 году, когда закончилась эта полемика, колонисты не сомневались, что «введение гербового сбора и епархий <...> только разные ветви общего плана власти»².

Страх перед церковным заговором против американских свобод, никогда не оставлявший заокеанских нонконформистов, вылился в публичные дебаты как раз в тот момент, когда американцы начали чувствовать на себе действие новой британской колониальной политики. Конечно, этот страх не мог быть всеобщим, хотя бы потому, что значительная часть колонистов причисляла себя к англиканской церкви и не склонна была верить в злоумышления духовенства. Однако печатная дискуссия возобновила в общественном сознании распространенное убеждение в том, что союз «светской и духовной тирании», как писал Джон Адамс, «пагубен для человеческой свободы», и его следует постоянно опасаться. Юм пояснял, что «во все эпохи мировой истории священники были врагами свободы. <...> Свобода мыслить и высказывать мысли всегда пагубна для власти духовенства, <...> поскольку все виды свободы неразрывно связаны, этим правом можно пользоваться только при свободном правлении. Поэтому <...> все владыки, желавшие неограниченной власти, понимали, сколь важно обрести поддержку духовенства; а духовенство, в свою очередь, охотно способствовало намерениям этих владык». Итак, боязнь учреждения англиканской епархии оживила в умах колонистов целый ряд политических импульсов

и инстинктов, порожденных вековым противостоянием «папизму», Стюартам и якобитам и позднее унаследованных революционной публицистикой в таких работах, как «Рассуждение о каноническом и феодальном праве» Джона Адамса (1765) и статьи Сэмюэля Адамса («Пуританина») из *Boston Gazette* (1768). Авторитетные колониальные публицисты, обладавшие серьезным влиянием на общественное мнение и призванные вскоре для оценки происходящих перемен, стали верить в повсеместный заговор, в то, что носители государственной власти лгут и вынашивают тайные разрушительные планы³.

Вскоре события укрепили их в этой убежденности. Многих колонистов не тревожила возможность учреждения епархии в Америке, однако и они увидели в Законе о гербовом сборе не просто глупость и несправедливость, но покушение на бесценное право собственника сохранять свое имущество до тех пор, пока сам собственник или его представитель не передаст его другому лицу. Это был знак более общей опасности. Конечно, быстрый отзыв закона позволял думать, что власти совершили досадную ошибку, но исправили ее, прислушавшись к доводам колонистов, и впредь будут действовать осмотрительней. В то же время были основания подозревать, что дело этим не ограничивалось. Кто предоставлял английскому правительству ложные сведения и давал пагубные советы? Колониальные чиновники, отвечали Джон Адамс, Оксенбридж Тэчер, Джеймс Отис и Стивен Хопкинс, чиновники, вознамерившиеся изменить устоявшиеся политические формы в угоду своему властолюбию и не желающие отступать. Этих чиновников, местных приверженцев заговора, можно было назвать по именам. В Массачусетсе Джон Адамс, Джосайя Квинси и другие считали главным своим врагом Томаса Хатчинсона, который «змеиными уловками» одурманивал и обманывал слабых, жадных и беспечных, с тем чтобы сосредоточить еще больше власти в одних руках. В Род-Айленде Джеймс Отис обличал «маленькую, грязную, пьяную, продажную шайку воров, попрошаек и каторжников, <...> состоящую из турок, жидов и других неверных вместе с несколькими отступниками-католиками», — ньюпортскую хунту во главе с Мартином Говардом, которую Стивен Хопкинс и его единомышленники в Провиденсе уже обвиняли в «заговоре против свобод колонии»⁴.

Однако даже если местные чиновники, связанные с английским правительством, оказались бы вне любых подозрений, за Законом о гербовом сборе все равно можно было бы увидеть тайный умысел. Его официальной целью были сборы в английскую казну. Сумма сбора была довольно незначительна, и «кое-кто <...> мог бы согласиться

под этим предлогом» выплачивать налог. Однако, как писал в самом известном памфлете предреволюционной эпохи Джон Дикинсон, несущественные налоги составляли опасность именно постольку, поскольку население могло по неосторожности принять их и тем самым создать прецедент для покушений на свободу и собственность:

Ничего больше не желают в метрополии, чем прецедента, основанного на молчаливой покорности колоний. <...> Если парламенту удастся эта попытка, иными законами нам предпишут иные пошлыны, <...> и парламент сможет облагать нас податями на любую сумму, руководствуясь одной только прихотью.

Другие приписывали Закону о гербовом сборе еще более устрашающее значение. Джозеф Уоррен писал в 1766 году: «Если бы единственной и истинной целью министра был денежный сбор с колоний, то для этого избрали бы средство как можно менее обременительное для народа». Поэтому выбор такой откровенно оскорбительной меры, как гербовый сбор, «привел кое-кого к мысли, что министр имел в виду этим законом вынудить колонии к восстанию, под этим предлогом сурово расправиться с ними и при помощи военной силы обратить их в рабство». Это предположение было все же чрезмерным: «Человеколюбие запрещает нам признать [за кабинетом] столь черную вину. Но <...> известно, что деспотические министры иногда прибегали даже к этому адскому способу, чтобы исполнить свои проклятые планы». Поэтому стоит — хотя бы гипотетически — допустить, что «таково могло бы быть намерение» английского правительства. Джон Адамс считал «очевидным», что за Законом о гербовом сборе стоял план рокового сближения мирского и духовного деспотизма; чтобы он осуществился, следовало сперва лишить колонистов «источников знания, обложив печатный станок, колледжи и даже календарь или газету ограничениями и пошлынами»; затем требовалось воссоздать феодальное неравенство, «отняв у бедных их скудное пропитание и отдав его гербовым чиновникам, распространителям и их заместителям». Последнее положение было наиболее бесспорно; как писал Артур Ли, «поскольку власть над деньгами и должностями обыкновенно обеспечивает министру большинство в парламенте», доходы от неограниченного налогообложения приведут к полному распаду свободного правления в Америке, и колонисты «испытают судьбу народа Рима в прискорбные времена его рабства»⁵.

Однако к 1768 году начали стремительно накапливаться более наглядные доказательства широкомасштабного заговора. Как будто

не заметив упорного сопротивления колонистов Закону о гербовом сборе, английский парламент утвердил пошлины Тауншенда, которые, помимо прочего, увеличивали полномочия таможенной администрации, и без того вызывавшей подозрения. В конце 1760-х годов стало очевидно, что произошло резкое расширение числа «должностей в [колониальном] „правительстве“, <...> заслуживающее внимания влиятельных особ в Великобритании». Франклин пояснял, что на эти должности (например, на пост губернатора) назначались люди,

в основном чуждые тем провинциям, коими их прислали управлять; у них нет владений, естественных связей или родства, которые могли бы сообщить им привязанность к этой земле, <...> они прибывают только затем, чтобы быстрее разбогатеть; иногда это люди злые и с разбитой судьбой, присланные сюда кабинетом, чтобы сбыть их с рук⁶.

Оглядываясь назад в конец 1760-х годов, после недавних событий, можно было сказать, что вторжение таможенных чиновников, «рожденных с длинными орлиными когтями», началось еще в последние годы Семилетней войны и только усилилось в результате последних налоговых нововведений. Во время войны Тайный совет особыми указами требовал неукоснительного соблюдения законов о навигации; Сахарный закон 1764 года увеличил число таможенных служащих; в 1767-м была создана Американская коллегия таможенных комиссаров, наделенная, как говорили американцы, «властью назначать столько младших чинов, сколько им будет угодно». Результатом всех этих мер колонисты считали появление «почти невероятного числа младших офицеров», большинство из которых были «жулики <...> столь низкого пошиба, что купцы никак не могут считать свое имущество в безопасности под их надзором».

Однако намного важнее были последствия этого процесса для правительства. Столь великое число «шмелей-тунеядцев», «ленивых, спесивых, никчемных наемных чиновников» не могло не составлять политической и конституционной угрозы. Джеймс Уилсон считал «всеобщей истиной», «что корона воспользуется любой возможностью, чтобы распространить свою власть в ущерб народным правам», и «что в интересах всех, кто получает пособие или имеет должность по воле короны, способствовать всем ее предприятиям». Эти «губительные гарпии» служили инструментом в руках верховной власти. Они угрожали нарушить конституционное равновесие, распространив «власть кабинета

столь же далеко за ее исходные границы, как последняя война расширила британские владения». Паразиты-чиновники, подкупленные теми, кто их назначал, постараются «отличиться омерзительным усердием, отстаивая и проводя в жизнь меры, разрушительные, как они несомненно знают, для законных прав и истинных интересов их отечества». Желая «служить алчным замыслам власть имущих», эти «подонки», естественно, должны проповедовать сомнительные достоинства «смирения» и доказывать

под благовидной личиной мудрости и участия, сколь пристойно угождать сильным и сколь опасно гневить их; а затем вступает в силу вечное заклятие, ледящее все великодушные порывы души, — бездейственная надежда на то, «что если угодно просить о чем-либо, то покорство удостоится милостивого внимания».

В конце концов влияние исполнительной власти, опирающееся на безграничное налогообложение колоний, превратит всю систему правления в «простое орудие кабинета»; конституционное равновесие, защищающее народные права, разрушится⁷.

Но и этим не исчерпывались доводы в пользу существования заговора против свободы. Независимость судов, столь важный элемент конституционного порядка, оказалась под угрозой в те же годы и к середине 1760-х была во многих местах уничтожена⁸. Эта проблема не была колонистам внове: положение колониальных судов оставалось неопределенным на протяжении всего XVIII века. Парламентский статут 1701 года, обеспечивавший судьям пожизненное пребывание в должности, не распространялся на колонии — отчасти потому, что должным образом обученных юристов в заокеанских владениях, особенно поначалу, не хватало, и пожизненные назначения затруднили бы в будущем замену негодных судей на более квалифицированных. Вторая причина состояла в том, что жалование судьям поступало в форме временных выплат от законодательных собраний, и власти опасались, что устранение всякого влияния исполнительной власти на суды приведет к их полному подчинению народным настроениям. Вследствие этого положение судов на протяжении всего столетия определялось в сложных политических маневрах, в ходе которых колониальная администрация обычно добивалась своего и должности судей оставались столь же временными, как и их жалованье.

Однако в начале 1760-х годов вопрос о судах стремительно стал одной из важнейших точек преткновения в противостоянии коло-

нистов с британскими властями. В 1759 году законодательное собрание Пенсильвании объявило, что обеспеченное Славной революцией право судей бессрочно занимать свои должности действительно и в этой провинции. Это решение было немедленно отменено британской короной. Оппозиционные газеты кипели от негодования, депутаты собрания произносили гневные речи, особый памфлет объяснял читателям важность свободы суда для конституционной свободы.

В Нью-Йорке вопрос о судах привел к еще более резким столкновениям с еще более далекоидущими последствиями. В 1750 году судьи местного Верховного суда сумели обеспечить себе право пожизненной службы. Однако после смерти короля Георга II в 1760-м потребовалось новое подтверждение всех коронных назначений. Непопулярный и слабый вице-губернатор, не желавший уступать своим врагам власть над судами, отказался ходатайствовать о бессрочном утверждении судей. Началась жесточайшая политическая схватка. Оппозиция настаивала на «беспорном праве» Нью-Йорка «иметь в судах судей на конституционных основаниях» и требовала соблюдения всех без исключения «прав и привилегий» английских подданных. Однако она потерпела поражение, хотя и не от руки губернатора. В декабре 1761 года во все колонии поступило распоряжение Короля-в-Совете, запрещающее любые назначения судей на какой бы то ни было срок, кроме как «по желанию короны»⁹.

Ни одна колония не осталась в стороне. Где-то вопрос о судах возымел прямые последствия: в Нью-Джерси губернатор, неосторожно нарушивший королевское распоряжение, лишился своего поста, а в Северной Каролине оппозиция не уступала и боролась за пожизненную службу судей вплоть до революционного 1776-го. В других местах конфликт протекал в более завуалированной форме. Так, в Массачусетсе оппозиционные круги яростно сопротивлялись конкретным назначениям в Верховный суд. Однако королевский указ был повсеместно принят в штывы; колонисты боялись его последствий, потому что хорошо знали, что назначение судей «по желанию короны» угрожало «свободе и собственности подданного» и что если в судах заседают «люди, чье ежедневное пропитание зависит от благосклонности короны», то судебные органы не могут служить противовесом исполнительной власти¹⁰.

Такого рода опасения дополнительно укреплялись ходившими уже с 1768 года слухами, что британские власти намерены сами выплачивать жалованье колониальным судьям, «независимо от народа». Бостонская городская сходка заключила, что такой поворот дела «завершит наше порабощение». Объяснения были несложны:

Если парламент Великобритании будет собирать с нас налоги без нашего согласия и из этих доходов будет оказываться поддержка тем, от чьих решений и суждений зависит наша собственность, свобода и жизнь, то мы не можем, зная о порочности человеческого рода, смотреть без ужаса на угрожающую нам опасность!

Чем больше американцы задумывались о последствиях финансирования и функционирования судебных органов «по желанию короны», тем очевидней становилось, что «администрация намеревается совершенно уничтожить конституционный строй». Законодательное собрание Массачусетса в конце концов постановило, что любой судья, принявший коронное жалование, тем самым возвестит, «что он не отдает себе должного отчета в важности беспристрастного отправления правосудия, что он враг конституции и что он желает способствовать установлению деспотического правления в этой провинции»¹¹.

Задолго до этих событий судебная система, как считали колонисты, подверглась нападению с другой стороны. Считалось, что под угрозой находится коллегиальный принцип судопроизводства, главным образом в Нью-Йорке, а также и в других колониях. В Нью-Йорке тот же чиновник, который боролся против бессрочного назначения судей, отстаивал возможность обжаловать коллегиальные судебные решения как в фактических, так и в юридических вопросах, апеллируя к губернатору и Совету. В следующем году эта мера была отменена английской Торговой палатой, однако она оставила заметный след в политическом сознании жителей Нью-Йорка. В год принятия Закона о гербовом сборе ее публично осудили как «деспотическую» и «омерзительную» попытку подорвать британское конституционное право¹².

Сходные опасения вызвало у американцев имевшее намного более широкий резонанс расширение полномочий судов адмиралтейской юрисдикции — судов, действовавших от имени властей и состоявших не из коллегий, а из единичных судей; их места представляли собой «политические должности в руках королевских губернаторов, которыми удобно вознаграждать достойных друзей и сторонников». Поскольку юрисдикция этих судов охватывала сферу действия всех законов о торговле и мореплавании, а также все происшествия на море, они с самого начала угрожали интересам колонистов. До поры до времени им удавалось тем или иным способом ограничивать власть этих судов и решать большинство дел в коллегиальных судах общего права. Однако в 1760-х годах значение судов адмиралтейской юрисдикции резко выросло, поскольку именно в их задачу входило соблюдение нового морского

законодательства, принятого английским парламентом. В результате суды адмиралтейской юрисдикции и стоявший за ними принцип зависимости суда подверглись жесточайшей критике, как только стали заметны плоды их работы. Колонисты вопрошали: «Чем провинилась Америка, чтобы ее так выделять, чтобы обделять ее правами, чтобы лишать ее столь бесценного права на коллегиальный суд?» Публицисты настаивали, что суды адмиралтейской юрисдикции, особенно после их административного преобразования в 1767 году, лишали американцев важнейшего инструмента для защиты британского конституционного права. «Сколь бы ни был почтенен судья, жестокою суровостью должен сносить [подзащитный такого суда], в отличие от прочих англичан». Разрушительную силу этого вторжения власти в судопроизводство трудно было переоценить: «огромная власть», которой были наделены судьи, «грозит будущим поколениям американцев проклятием, вдесятеро страшнейшим, чем Закон о гербовом сборе»¹³.

Чем внимательней американцы вглядывались в текущие происшествия, тем больше они обнаруживали следов намеренного заговора. В Массачусетсе обличители вроде Оксенбриджа Тэчера и Джона Адамса уверяли, что разветвленная клиентела Томаса Хатчинсона, издавна существовавшая, но окончательно оформившаяся только по прибытии губернатора Френсиса Бернарда в 1760 году, представляла серьезную угрозу для политических свобод. В колониях была широко распространена точка зрения, что семьи Хатчинсонов и Оливеров вместе со своими честолюбивыми союзниками, заняв значительное число должностей, увеличили власть всех ветвей администрации Массачусетса и тем самым создали «надежный фундамент для будущей тирании»:

В руках у Бернарда была вся исполнительная власть и право вето в законодательной. Хатчинсон и Оливер, заигрывая с народом и при помощи тайных козней провели в [Совет] такое число коронных чиновников и своих родственников, что получили слишком сильное влияние на него; и трое членов одной семьи сидели у них на высшей скамье. <...> Эта хунта, следовательно, прибрала к рукам законодательную и исполнительную власть и приобрела больше косвенной власти над судом, чем стоит доверять какой бы то ни было группе людей.

Опираясь, вне сомнения, на поддержку из Англии, Хатчинсоны и Оливеры распространяли свою власть за все допустимые пределы и тем самым становились «тайными врагами всеобщей свободы»¹⁴.

Совмещение должностей — эта зараза, угрожавшая разьесть защитный механизм разделения властей, — наблюдалось и в Южной Каролине. В обоих случаях связь между монополизацией должностей в колониях и метрополии казалась очевидной. Своекорыстные чиновники-монополисты, продвигаясь сами и продвигая своих приверженцев «за счет намного более достойных кандидатов», как сетовал Адамс, малодушно покорялись своим английским хозяевам, точно также, как их собственные «креатуры» слушались их самих¹⁵.

Один разительный пример в значительной мере определил представления американцев о сути происходящих политических изменений. Речь идет о судьбе Джона Уилкса, по глубокому убеждению колонистов перекликавшейся с их собственными судьбами¹⁶. Дело было не только в том, что Уилкс был неразрывно связан в общественном сознании с противостоянием тому правительству, которое ввело Закон о гербовом сборе и пошлины Тауншенда, наполняло колонии наемными нахлебниками и подрывало конституцию, подчиняя себе суды и раздавая государственные должности послушным марионеткам. Уилкс, признанный глава общенационального сопротивления, впервые появился на общественной арене в роли жертвы «общих», то есть открытых ордеров, а затем в качестве успешного борца против них. В колониях эти ордера были известны в виде постановлений на арест имущества, и героические эпизоды борьбы с ними обсуждались по всей Америке. Уилкс, кроме прочего, протестовал против государственных конфискации и отстаивал неприкосновенность частной собственности. 45-й номер его газеты North Briton был прославлен в колониях не меньше, чем в Англии, и пользовался за морем намного более единодушным одобрением; заимствованные оттуда символические мотивы вошли в колониальную иконографию свободы. Возвращение Уилкса из ссылки в 1768 году и его избрание в парламент стало большим событием для американцев. За Уилкса поднимали тосты, ему посылались значительные пожертвования и льстивые письма от имени «сынов свободы» из Вирджинии, Мэриленда и Южной Каролины. Уилкс был независимым и непримиримым противником экспансии государственной власти и поборником истинных конституционных начал, и после избрания от него ждали многих свершений на благо общества. Бостонцы писали ему в 1768 году: «Ваша непоколебимая верность *старому доброму делу* может еще предотвратить крушение великой системы. Благодаря вашим стараниям мы надеемся услышать от короля: *как прежде, быков разводите*, и наша преданность *тишине и благоустройству* позволяет нам ожидать восстановления конституции; мы стоим и будем стоять на том,

что король Англии обретет подданных, но не рабов в этой отдаленной части своих владений»¹⁷.

К февралю 1769 года в колониях были убеждены, что «участь Уилкса и участь Америки устоят или падут вместе»¹⁸. Тем большим ударом для колонистов стало известие о том, что придворная партия сумела не допустить Уилкса в парламент, куда он был избран законным путем. Рухнули сохранявшиеся еще надежды на то, что неутешительные перемены случались по недосмотру, а не из-за злого умысла. На будущее теперь смотрели мрачно. Уилкс снова и снова, в третий и четвертый раз переизбирался в парламент, и его снова и снова не допускали туда. Американцы в ужасе следили за этими перипетиями и могли только соглашаться с Уилксом в том, что права общин, как и колониальных законодательных собраний, злостно попирались властолюбивым правительством, которое вопреки всем мыслимым законам взялось решать, кому позволено и кому не позволено представлять народ в законодательных органах. Власть дерзко вторглась в самое средоточие политической свободы. Уилкс был прав: конституцию намеренно, а не случайно уничтожали под корень.

В это время в самих колониях произошло еще более устрашающее событие. 1 октября 1768 года два полка регулярной пехоты вместе с пушками сошли на берег в Бостоне. Затравленный губернатор Бернард уже несколько месяцев ждал повода призвать на помощь войска, чтобы восстановить хотя бы видимость порядка на фоне волнений из-за Закона о гербовом сборе, подметных писем, бурных городских сходок и нападений на таможенных чиновников. Но введение войск возымело обратное действие. Для горожан, воспитанных на английской политической публицистике XVIII века, присутствие войск в мирном городе было столь зловещим знаком, что сопротивление только окрепло. Само по себе физическое присутствие войск пугало бостонцев меньше, чем вероятные последствия их прибытия. Читатели знаменитых трактатов Тренчарда о постоянных армиях и последующей обильной полемической литературы 1690-х годов хорошо помнили, что солдат не вводят для простого восстановления гражданского порядка, что именно при помощи солдат была отнята у неосмотрительных народов «эта драгоценность — свобода». Первые же слухи о возможном прибытии войск разбудили старинный страх. «Набор и содержание постоянной армии в королевстве в мирное время, кроме как с согласия парламента, незаконно», — постановила встревоженная Бостонская городская сходка. Как говорилось в ее резолюции,

по неотчуждаемому праву [британских] подданных следует спрашивать их и дожидаться их согласия, выданного лично или через

свободно избранных депутатов, прежде чем вербовать и содержать среди них постоянную армию; и горожане, будучи свободными подданными, имеют такое же право от природы, а также согласно британской конституции и упомянутой королевской хартии; посему вербовка и содержание постоянной армии без их согласия, выданного лично или через свободно избранных депутатов, будет посягновением на их природные, конституционные и данные хартией права; и использование этой армии для охраны законности без согласия народа, данного лично или через депутатов, ущемит их¹⁹.

Однако войска прибыли, общим счетом четыре полка, — настоящая постоянная армия, подобно тем, что уничтожили свободу в Дании и других не столь памятных местах по всему свету. Конечно, регулярные британские войска появились в колониях еще в конце Семи-летней войны, и это уже был тревожный знак; однако тогда говорилось, что эти войска нужны для управления вновь завоеванными землями и что их ни в коем случае не будут размещать в мирных и густонаселенных городах²⁰. Теперь же никаким отговоркам не было места, ни одному простому объяснению уже не поверили бы. Истинная суть происходящего была ясна каждому, кто задумывался о ней: сделан очередной шаг на хорошо известном пути к упразднению конституционной свободы.

Современники, внимательно следившие за идеологическими баталиями, ощутили себя на краю бездны. В сентябре 1768 года Эндрю Элиот писал Томасу Холлису из Бостона: «Постоянная армия! Боже мой! Что может быть хуже для народа, вкусившего прелести свободы! Все повернулось к худшему; никогда больше не будет прежнего согласия между Великобританией и ее колониями; доверие пропало; и в ту минуту, когда прольется кровь, исчезнет всякая привязанность». Элиот был убежден, что если бы у английского правительства «руки не были связаны домашними делами, оно раздавило бы колонистов». Нынешняя политика Англии, по его мнению, только «приближает ту независимость, которой даже самые горячие головы среди нас сейчас не желают». «Я боюсь за нацию», — писал он, и его страх разделяли не только свободолюбивые бостонцы, но и все политически сознательные американцы. «Хроника наших времен», повествующая о жизни Бостона «под военной властью», перепечатывалась по всей Америке. Со временем опасения не убывали, но только осложнялись. К страху и ненависти примешалось презрение. Через год после прибытия войск Элиот замечал: «Наш народ стал презирать военную силу». Бостонцы мягко избавлялись от солдат и призывали про-

винившихся офицеров к ответственности перед судом, который, мрачно добавлял Элиот, продолжает работать «несмотря на все их старания». Однако «нынешнее положение вещей не может сохраняться долго; потрясения приближаются. Что произойдет, известно одному Богу»²¹.

И вновь опасения колонистов подкреплялись событиями в Англии, как будто подтверждавшими теорию о всеобщем заговоре. 10 мая 1768 года призванный лондонскими городскими властями полк пешей гвардии расстрелял толпу, собравшуюся в поддержку арестованного Уилкса. Несколько человек погибло, среди них юноша, которого по ошибке сочли главарем смутьянов и по особому приказу выследили и расстреляли. Сторонники Уилкса и другие антиправительственные группы в Лондоне во всеуслышание заявляли, что власти спланировали эту «резню»; колонисты прислушивались к этой точке зрения, особенно когда выяснилось, что правительство аннулирует вынесенные обычным судом приговоры провинившимся солдатам. Мог ли кто-нибудь поверить в случайное совпадение, когда в феврале 1770 года одиннадцатилетний мальчик был застрелен в Бостоне, предположительно таможенным осведомителем? Его гибель не просто напоминала о событиях в Лондоне: это были следствия общей причины²².

Через несколько недель произошла Бостонская резня. После этого события отпали последние сомнения в том, что дислоцированные в Бостоне войска представляли собой постоянную армию и что целью их было принудить жителей покориться деспотизму. Как писал Элиот Холлису, резни следовало ожидать: она «показывает, что невозможно нам жить в мире с постоянной армией. Свободный народ может иногда зайти слишком далеко, но такое лекарство всегда оказывается хуже самой болезни. „История постоянных армий“ Тренчарда, присылкой коей Вы меня давеча обязали, великолепна. <...> Если положение вещей не изменится решительно, эра независимости колоний ближе, чем я полагал когда-то и чем я желал бы даже сейчас»²³. Такая точка зрения была общеизвестна благодаря описанию резни, сочиненному Джеймсом Боудуайном с соавторами и распространявшемуся по всему англоязычному миру. Этот знаменитый памфлет подчеркивал, что за действиями стрелявших в мирных жителей солдат стоял продуманный план, и напоминал о сходных событиях в Лондоне. Судебный приговор виновным не ослабил убеждения в том, что кровопролитие было неизбежным следствием существования постоянной армии: в Англии виновные тоже были осуждены, к тому же в обоих случаях говорили о предвзятости суда. По утверждению авторов памфлета, кое-кому было известно, как убийцам удалось бежать, но это была «слишком темная история»²⁴.

Неконституционное налогообложение, нашествие наемных чиновников, ослабление судов, совмещение должностей, судьба Уилкса, постоянные армии — все это свидетельствовало о продуманном заговоре властей против свободы. К этому выводу подверстывались и не столь значительные эпизоды, обретавшие в общей перспективе символическое значение. Ордера на арест товаров, выдававшиеся служащим таможи, как и ожидалось, приносили беду колонистам: «Наши дома, самые наши спальни обшариваются, шкатулки и сундуки взламываются, разоряются и опустошаются негодьями, которых разумный человек побоялся бы взять себе в слуги». Законные законодательные собрания «перенесены <...> в место, очень неудобное для их членов и в высшей степени неблагоприятное для интересов провинции»; власти отсрочивали или распускали их по своему произволу. Даже границы колоний сдвигались в нарушение всех «земельных прав». Когда в 1772 году Бостонская городская сходка собралась перечислить все «нарушения и посягательства» на «права колонистов, в особенности этой колонии», права «людей, христиан и подданных», был утвержден список из двенадцати пунктов, описание которых занимало семнадцать страниц²⁵.

Затем в результате отмены пошлин Тауншенда, отзыва войск из Бостона и отсутствия других пугающих мер наступило двухлетнее затишье. Оно стремительно оборвалось осенью-зимой 1773 года, когда опасения колонистов практически сбылись и темные корни злоумышления стали видны невооруженным глазом.

Поворотной точкой стало вступление в силу Чайного закона²⁶ и последовавшее за ним в декабре 1773 года Бостонское чаепитие. Перед лицом такого рода открытого неповиновения английские власти, по словам колонистов, отбросили последнюю видимость законности — «сорвали маску», как говорил Джон Адамс, воспроизводя расхожую вековую метафору политических обострений²⁷, — и решительно приступили к исполнению своего плана. Парламент отомстил американцам, приняв за два весенних месяца 1774 года серию так называемых репрессивных законов, с которыми не мог смириться ни один свободолюбивый народ: Закон о Бостонском порте по убеждению колонистов имел своей целью задушить торговую жизнь в оживленном Бостоне; Закон об отправлении правосудия позволял переносить в Англию разбирательство правонарушений, совершенных в Массачусетсе, и тем самым подрывал дееспособность местного суда; Закон об управлении Массачусетсом передавал все «демократические» властные прерогативы, в том числе избрание присяжных и городских представителей, в руки исполнительной власти, а значит, лишал колонистов конституционной защиты; не входивший

в число «репрессивных законов», но хорошо вписывавшийся в их логику Закон о Квебеке отодвигал границу этой «папистской» провинции, управлявшейся без всякого участия народных представителей, на территорию Вирджинии, Коннектикута и Массачусетса; наконец, Закон о постое уполномочивал губернатора по собственной воле размещать войска в пустующих зданиях даже там, где, как в Бостоне, хватало казарменных помещений поблизости от города.

Как только эти решения вступили в силу, стало очевидно, что «система порабощения, запущенная в Америке, <...> произрастает из созревшего намерения». Вожди революционного движения не сомневались в существовании «определенного и устойчивого плана порабощения колоний или подчинения их деспотическому правлению». Этот план предположительно распространялся на «всю [британскую] нацию». К 1774 году представление о том, что «британское правительство — король, лорды и общины — составили систематический план порабощения Америки и что теперь они последовательно исполняют его», подтверждалось «снова, снова и снова», в сотый раз повторял Семюэль Сибери. Наименее сдержанные ораторы утверждали, что «это чудовище, постоянная армия» прямо порождена «планом, <...> систематически расчисленным и приводимым в действие британскими министрами на протяжении приблизительно двенадцати лет» — планом «порабощения Америки». Утверждали, что Бостонская резня «была задумана Хиллсборо и шайкой бостонских предателей и мошенников». Осторожные и внимательные наблюдатели вроде Джефферсона тоже в основных чертах принимали эту точку зрения. Сам Джефферсон в одном из самых вдумчивых и аргументированных памфлетов 1774 года недвусмысленно заявлял, что, хотя «единичные случаи деспотизма могут приписываться случайным и преходящим соображениям, <...> череда репрессий, начатая в определенный срок и продолжавшаяся неизменно, несмотря на смену нескольких кабинетов, слишком ясно указывает на продуманный и систематический план нашего порабощения». Точно также щепетильный и образованный Джон Дикинсон еще в 1774 году хотел надеяться, что многие действия властей носят непреднамеренный характер (по крайней мере, со стороны короля), но и он был убежден, что «был составлен обдуманый план, которому с той поры неукоснительно следуют и которому не повредили даже частые смены кабинетов; лучи человечности не могут, вторгшись, воспрепятствовать ему»; целью плана было, естественно, «пожертвовать нашей — безобидных, но обреченных американцев, — общей собственностью, свободой, безопасностью, честью, счастьем и благополучием ради алчного желания деспотической власти». Вашингтон, работая

с Дж. Мейсоном над Ферфакскими резолюциями 1774 года, признавал, что за осложнениями просматривается «расчисленный, систематический план» подавления колоний, что английское правительство стремится «при помощи всевозможных уловок и деспотизма заковать нас в рабские кандалы». Согласно его частному письму, он имел ни «малейшего сомнения», что «эти шаги преднамеренны»: «Как в собственном существовании, я уверен в том, что составлен продуманный, систематический план их осуществления». Чем лучше колонисты разбирались в идеологических вопросах, чем лучше владели языком абстрактного рассуждения, тем быстрее они находили неопровержимые доказательства того, что Ричард Генри Ли называл «замыслом уничтожения наших конституционных свобод». В 1766 году Эндрю Элиот еще сомневался; Закон о гербовом сборе, писал он, «рассчитан (не скажу: задуман) для того, чтобы поработить колонии». К 1768 году положение стало хуже, и разница между «рассчетом» и «замыслом» исчезла из переписки. В этом году Элиот писал Холлису: «Нам надо всего бояться и едва ли можно на что-нибудь надеяться. Я уверен, это напомнит вам о 1641 годе». Он не сомневался, что английское правительство «имело намерение перестроить нашу конституцию, по крайней мере в этой провинции» и что сделать это ему помешали только домашние неурядицы. Прочие бостонцы были того же мнения; начиная с 1770 года горожане приняли серию резолюций и депутатских наказов городским представителям, в которых говорилось:

Существует глубоко скрытый ужасающий план имперского деспотизма, нацеленный на уничтожение любой гражданской свободы, и этот план частично исполнен. <...> Величественная и некогда внушительная твердыня английской свободы, паразитальное создание многих веков — британская конституция, как кажется, быстро катится к роковой и неизбежной гибели²⁸.

Иногда колонисты задумывались о подробностях заговора, особенно о том, когда он начал действовать. Джосайя Квинси (Хатчинсон называл его Квинси-Уилкс) относил этот момент к Реставрации Карла II; другие возлагали вину на правительство Роберта Уолпола; Джон Адамс, намекая на деятельность Хатчинсона, в 1774 году писал, что «заговор впервые образовался и начал приводиться в исполнение в 1763 или 1764 году», позднее он проследил его корни к 1750-м и даже 1740-м годам, эпохе правления губернатора Массачусетса Ширли. Шла речь и об отдельных этапах истории заговора. Среди прочего, их можно было проследить по знаменитым письмам Хатчинсона 1768–1769 годов, этим «покрытым мраком

тайны» письмам, которые были опубликованы в 1773 году и, как писал Адамс, с головой выдали «маккиавелистическое лицемерие» губернатора, якобы участвовавшего в «хунте заговорщиков». По мнению городских представителей Бостона, эти письма означали, что сам «Господь чудесным образом вмешался, чтобы вывести на чистую воду заговор, затеянный против нас злокозненными и завистливыми врагами»²⁹.

Но кто же были эти враги, и чего именно они добивались? Джосайя Квинси, находившийся зимой 1774/75 года в Лондоне, в самом средоточии политической борьбы, уверял, «что все меры против Америки задумывались и проводились в жизнь Бернардом и Хатчинсоном». Однако большинство наблюдателей в колониях было убеждено, что местные заговорщики вроде Хатчинсона были только «креатурами» намного более мощных фигур в метрополии, которые вдохновляли заговор и управляли им. Назывались и конкретные имена подозреваемых. Зачастую утверждалось, что у истоков заговора стоял Джон Стюарт, лорд Бьют; его удаление от политики после 1763 года могло быть только коварной уловкой: «Годами он стремится <...> уничтожить древние права подданных» и старается «ниспровергнуть <...> короля и государство, чтобы произвести переворот и возвести на престол того, с кем он теснее связан». Бьют считает, что народ «пользуется слишком большими свободами», и намеревается обратить англичан в «бездушных рабов», как это было «в правление Стюартов», — так, по крайней мере, представлялось Артуру Ли. Он сообщал из Лондона: «Лорд Бьют, хотя по видимости отошел от дел двора, очевидным образом оказывает влияние на все действия правительства»; суровые факты, по мнению Ли, заставляют осудить «безнравственное властолюбие и пристрастность шотландского лорда, породившие все беды нашего времени». Элиот также опасался этого «таинственного тана» и в 1769 году заявлял, что тот «пользуется слишком сильным влиянием» на английскую политику. Через пять лет Джон Дикинсон все еще ставил в общий ряд «Бьютов, Мэнсфилдов, Норттов, Бернардов и Хатчинсонов», «чье вероломство и коварный обман воспламенили народ»; в 1775 году осведомленный американец в письме из Лондона уверенно констатировал: «Можно не сомневаться в том, что этот план составлен только лордами Норттом, Бьютом и Дженкинсоном»³⁰. Согласно несколько более обобщенному взгляду, партия тори и Стюартов, «порочная, офранцузенная партия», как ее называли в 1766 году — Джон Мейхью говорил о «злонамеренных личностях», которые «вполне вероятно, служат Претенденту», — всеми силами стремилась ниспровергнуть конституционные завоевания Славной революции. Такого рода представления стояли, по всей видимости, за перепечаткой «Рассужде-

ния... о вигах и тори» Рапена в Бостоне в 1773 году; они же послужили источником взглядов Джефферсона на «систему» порабощения Америки.

Существовала и другая точка зрения, столь же прямо наследовавшая английскому оппозиционному радикализму рубежа веков. Ее сторонники объясняли действия английского правительства «денежной корыстью», подогревавшейся недостатчей денег у короны, а также алчностью пришедшей к власти надменной и безответственной группы новых капиталистов, делавших состояния на войнах и биржевых спекуляциях. Возникновение этой группы сопровождалось «новыми налогами, толпой сборщиков податей и длинной вереницей коронных иждивенцев. Практика переросла в систему, так что постепенно корона сумела уничтожить барьеры, которые конституция предписывает каждой ветви власти, и в конце концов подавила независимость лордов и общин»³¹.

Однако наибольшей популярностью пользовался третий вариант объяснения пресловутого заговора, глубоко укорененный в британской политической культуре и составлявший плоть от плоти английской политической мысли. Согласно этой гипотезе, «источник и причина всех бед и жалоб народных в Англии и Америке» — «род четвертой власти, которой не знает конституция и от которой она не может защитить». Считалось, что эта «победоносная деспотическая власть, полностью распоряжающаяся королем, лордами и общинами», состоит из «министров и фаворитов короля», презирающих бога и людей и распространивших свое господство «беспредельно далеко». Разрушив конституционное равновесие, они обеспечили своему «деспотическому произволу» власть над нацией.

Их могущество и корыстолюбие столь сильны, что они способны утверждать любые удобные им законы, поскольку силой, деньгами и раздачей народных средств чиновникам и наемникам подчинили себе всю законодательную власть. Посему очевидно (не говоря уже об установившемся среди них деспотическом *Стюархальном* правлении), что народные права уничтожаются и попираются *тиранической* министерской властью, и вследствие этого <...> как будто пресмыкаются перед государственными министрами.

Эта «хунта царедворцев и казнокрадов», «придворная саранча» нашептывает королю о его «божественном праве повелевать своими подданными» и в то же самое время производит «омерзительные козни», обманывающая народ³².

Элиот писал: «Если король не может совершать зла, его министры могут; и если они делают это, их следует вешать». Этим тезисом на протяжении многих десятилетий английской истории оправдывалось сопротивление установленной власти. С начала XVIII века к нему апеллировали почти все оппозиционные группы в метрополии; оттуда он в неприкосновенности перешел в колонии, где получил всеобъемлющий, можно сказать, апокалиптический резонанс. В публицистике 1770-х годов он повторялся бесчисленное количество раз. К нему прибегали в тихих сухопутных городках, вроде Фармингтона в Коннектикуте, где в 1774 году сходка тысячи жителей постановила:

Нынешний кабинет, подстрекаемый дьяволом и ведомый сердечной злобой, задумал лишить нас свободы и собственности и навечно поработить нас. <...> наушники и паразиты, посмеявшись нашептывать своим господам столь омерзительные меры, заслуживают истого омерзения <...> всех американцев, и их имена следует проклинать во веки веков.

Так же говорили и в больших городах, например, в Филадельфии, где листовка предупреждала лавочников и мастеровых, «что прогнивший и продажный кабинет направляет свои губительные орудия против священных свобод американцев» в намерении «всеми правдами и неправдами поработить американские колонии, разграбить их и, что еще страшнее, отнять у них врожденное право свободы». В Бостоне такие слова не смолкали; местный Комитет по переписке осудил «репрессивные законы» как «вопиющее свидетельство твердых намерений британской администрации обратить весь континент в унижайшее рабство», в резолюции к Первому Континентальному конгрессу осудил «деспотическое своеволие разнуздавшегося министра» и «поползновения злодейской администрации поработить Америку». Об этом же шла речь и на самом конгрессе. В официальном обращении конгресса к народу Великобритании подробно сообщалось о «планах кабинета поработить нас». Второй конгресс объяснял свои действия «быстрыми успехами деспотического кабинета» и, призывая помощь из Канады, напоминал о его замысле «искоренить все права и свободы в Америке»; далее утверждалось, что только вооруженное сопротивление может сподвигнуть короля наконец «воспретить разнуздавшемуся кабинету бесноваться на обломках прав человечества». Принятая конгрессом Декларация о причинах и необходимости обращения к оружию, как и более миролюбивая Петиция оливковой ветви, также были исполне-

ны возмущением по поводу «обманчивых притязаний, бесплодных притеснений и бессмысленных жестокостей» со стороны «самого беспринципного правительства, когда-либо позорившего человечество», как выражался Артур Ли³³.

Ни один прогноз, ни одно обвинение не повторялось чаще в английской политике XVIII века и не было столь памятно американцам, чье политическое сознание воспитывалось на английской публицистике. Резонанс теории заговора в колониях был тем значительней, что американцы в большинстве своем помнили библейскую Книгу Эсфири и вследствие этого имели перед глазами прообраз злокозненного кабинета — историю Амана, «этого деспотического и кровожадного государственного министра» при дворе царя Артаксеркса. Оливер Нобл, священник из Ньюбери (Массачусетс), перечислял в 1775 году: «Аман, премьер-министр, и его хунта придворных фаворитов, льстецов и нахлебников в царской столице, а также губернаторы провинций, советники, торговые палаты, комиссары и их креатуры, налоговые чиновники и сборщики податей, адвокаты, помощники, досмотрщики, инспекторы, вплоть до портовых таможенников и писцов, и одному Богу известно, кого еще, вместе с их кучерами и слугами», — и добавлял в сноске: «Я не уверен, конечно, что в Персидском государстве существовали все эти должности <...> или что мелкие чиновники разъезжали в каретах и колясках. <...> Но, поскольку Персидская монархия была деспотией, <...> это очень вероятно». Историю Амана знали очень хорошо: «Зрите, указ получен! Созрел кровавый план!» Далее говорилось, что «жестокие исполнители ужасающего заговора и нанятые кабинетом по провинциям разбойники» уже готовы действовать. «Но зрите! <...> Господь милосердный услышал вопль своего угнетенного народа». Параллели были прозрачны: роль Амана полагалась лорду Норту, Эсфири и евреев — колонистам, Мордехая — Франклину³⁴.

Но почему же этим властным злоумышленникам не хватало господства в метрополии? Почему их так интересовали отдаленные американские колонии? Помимо общего тезиса о том, что власть по природе своей стремится подавить любую свободу, на этот вопрос предлагалось несколько ответов. Один из них состоял в том, что королевский двор исчерпал возможности для подкупа и раздачи пенсий на Британских островах и искал ссоры с колониями, чтобы присвоить их богатства: «Длинный и постыдный список чиновников и нахлебников, а также вообще разорительное расточительство нынешнего царствования превышают годовые поступления. Англия осушена налогами, Ирландия обнищала едва ли не до последнего фартинга. <...> Америка оставалась

единственным местом, которого не достигло еще их гнетущее вымогательство, и они увидели в ней невспаханную целину, с которой можно получать большие доходы». Когда возмущение колонистов Законом о гербовом сборе показало, что «тихо получить доход с Америки» не получится, было решено раз и навсегда подавить сопротивление колоний и «политически сломить» их. Чайный закон был принят не ради налоговых поступлений, а затем, чтобы спровоцировать ссору. Кабинет желал «видеть Америку под ружьем, <...> потому что в таком случае у них был повод объявить нас бунтовщиками; а лица, побежденные в этом качестве, лишаются любого своего имения в пользу короны». Англия не желала примирения, хотя лорд Норт и разработал соответствующий план. «Движимая политической корыстью», она искала повод для вторжения: «Только этой причиной можно объяснить ее неизменное упрямство». Это не значит, что корона была вовлечена в заговор против Америки. До 1776 года большинство соглашалось, что король также пал жертвой министерских козней; житель Филадельфии писал в конце 1774 года в Лондон: «Здесь подозревают, что кабинет задумал добиться отречения короля вследствие бедствий и потрясений, которые его царствование может принести всему народу. Прошу сообщить, что думают на этот счет в Англии»³⁵.

Самое распространенное и подробное описание министерского заговора против Америки, резюмирующее столетнюю традицию оппозиционной мысли, вышло из-под пера сельского проповедника из Коннектикута, писавшего для «жителей отдаленных городков, с трудом получающих доступ к сведениям из газет и других полемических сочинений». Объясняя поселянам «опасность, которой подвергаются ныне их свободы», Эбенезер Болдуин из Денбери утверждал, что во время последней войны «за колониями наблюдали внимательней, чем когда-либо раньше», и возвращавшиеся в Англию солдаты и офицеры привезли с собой «чрезвычайно преувеличенное представление о богатствах этой страны». Их сообщения отвечали замыслам кабинета, поскольку,

несмотря на достоинства английской конституции, если кабинету удастся обеспечить себе в парламенте большинство, которое одобрит все его меры [и] будет голосовать по его указанию, кабинет может править столь же неограниченно, как во Франции и Испании или даже как в Турции и Индии. Видимо, такому плану сейчас и следуют: обеспечить большинство в парламенте и поработить нацию с ее согласия. Чем больше мест или пенсий имеется в распоряжении кабинета, тем легче ему подкупить

большинство в парламенте, раздавая эти места его членам или их друзьям. С этой целью в Америке создается столько ненужных мест, съедающих все государственные доходы. <...> раздавая эти места — места, приносящие существенную выгоду и не требующие труда, — детям, друзьям или нахлебникам членов парламента, кабинет добивается их приверженности своим интересам. Главная цель кабинета, без сомнения, — установление деспотической власти с одобрения парламента. И чтобы не взволновать народ в Англии, первые применения этой власти осуществляются в колониях³⁶.

Итак, конституционное равновесие ниспровергалось алчным кабинетом министров, узурпировавшим прерогативы короны и уничтожавшим при помощи подкупа независимость общин. Общее разложение политической системы проистекало из безнравственности населения, обычной для тиранических режимов и удивительной для Англии XVIII века. Это бедствие, общественное и частное, ужасавшее Дикинсона в 1754 году, казалось, только разрослось за следующее десятилетие. Уже в 1765 году в колониях с тревогой обдумывали, что произойдет,

если Британская империя уже исполнила меру несправедливости и созрела для краха; если гордый, деспотический, своекорыстный и продажный дух воцарится при британском дворе и распространится по всем сословиям нации; если прибыльные должности будут умножаться без необходимости, а количество нахлебников — без границ; если управление будет осуществляться развращающим подкупом, а торговля и мануфактуры будут презрительно попирацца; если все должности будут покупаться и продаваться по цене высокой и расточительной <...> и если, чтобы поспособствовать этим чудовищным преступлениям порока, подданных во всех частях света будет сжимать железная рука угнетения.

Как и Франклин десятилетием раньше, автор этих строк еще не сомневался, что в Англии достанет добродетели, чтобы преодолеть нарастающую угрозу. Однако через три года уже считалось, что

нынешние сложные обстоятельства британской нации, алчность и расточительство многих ее вельмож, неимоверное число их нахлебников, желающих получить в дар какую-нибудь должность, позволяющую жить бездеятельно с чужих трудов, должны

уверить нас, что нас будут облагать налогами до тех пор, пока у нас остается хоть пенни, и что новые должности будут учреждаться и новые чиновники будут препровождаться к нам до тех пор, пока их не станет слишком много и мы не окажемся не способны прокормить их постоянным трудом.

В 1769 году бостонский корреспондент Уилкса писал о «продажности, которая, „как всемирный потоп, затопила все“ к вечному позору британской нации», и предполагал, что «деспотическое и тираническое» английское правительство потому «распространило свои грабительские набеги на Америку», что Британские острова оказались слишком тесны для «беспрестанной жажды роскоши, расточительства и беспутства». В 1770 году Элиот писал Холлису: «Господи, помилуй Великобританию! Ибо среди вельмож, я боюсь, едва ли найдется человек добродетельный. Надо бы утешаться надеждой, что среди низших сословий дела обстоят лучше, однако народ нельзя продать, если он до этого не продал себя сам». Чарльз Кэррол выражался еще патетичней: «Я отчаялся увидеть, как конституция вернет себе прежнюю силу. Огромная власть короны, богатство вельмож и развращенность простонародья суть непреодолимые препятствия для парламентской независимости. <...> Кажется, англичане достигли той степени свободы и рабства, которую Гальба в речи к Пизону приписывает римскому народу: „Тебе предстоит править людьми, неспособными выносить ни настоящее рабство, ни настоящую свободу“. Эти самые римляне через несколько лет обожествляли коня Калигулы». Через три года, в 1774-м, Кэррол снова отмечал бесповоротный упадок Англии: «Ненасытная алчность или, что хуже, властолюбие испорченных министров намеревается распространить в Америке ту продажность, которая даровала им неограниченную власть над Великобританией, которая привела Британскую империю на край гибели, ополчила (я не преувеличиваю) подданного против подданного, отца против сына, так что противоестественные убийства могут прибавиться к ужасам гражданской войны»³⁷.

К 1774 году большинство осведомленных колонистов уже не сомневалось, что из-за политического и общественного разложения английский общественный строй вскоре погибнет; последние сомнения в этом должно было развеять огромное множество оппозиционной публицистической продукции — газет, памфлетов и писем, — поступавшее из самой метрополии. Вновь и вновь английские публицисты повторяли, что английская нация окончательно и навеки отреклась от начал истинной свободы. Английский памфлет 1774 года, в первый же год выдер-

жавший по меньшей мере шесть переизданий в колониях, пояснял, что речь идет не о тех принципах, которых придерживаются «некоторые нынешние виги», но о тех, за которые боролись «виги перед [Славной] революцией и во время ее; я говорю о принципах, которые г. Локк, лорд Моулсворт и г. Тренчард, среди прочих, отстаивали пером, г. Хэмпден и лорд [Уильям] Рассел — своей кровью, а г. Алджернон Сидни — и тем, и другим». По мнению британцев, исповедовавших в 1770-е годы такие же взгляды, — Ричарда Прайса, Джозефа Пристли, Джеймса Бурга, — внутреннее положение Англии полностью оправдывало, если не превосходило, худшие опасения их предшественников. Эти новые радикалы наблюдали угрожающее усиление исполнительной власти, столь резко сказавшееся в деле Уилкса. На их глазах обнаружилась алчность и несостоятельность раздутой Ист-Индской компании, символизировавшей всеобщую испорченность современной эпохи; точно так же когда-то для Тренчарда и Гордона крушение Компании Южных морей выявило порочность эры Георга I. Повсюду воцарилось циничное корыстолюбие. Какие еще требовались предвестия неизбежного краха? Издавна предсказанные симптомы полного разложения нравственных свойств, необходимых для сохранения свободы, были налицо. Английские радикалы без устали повторяли это, энергично и убедительно, во все более резких памфлетах и письмах, с жадностью читавшихся, распространявшихся и переиздававшихся в Америке³⁸.

Однако дело не ограничивалось радикалами. Целый ряд известных колонистам политиков и публицистов обличали всеобщее разложение, по старой традиции сосредоточивая свое внимание на вполне определенных политических проблемах. Бывший генеральный адвокат колонии Массачусетс и ее поверенный в Лондоне Уильям Боллан, пользовавшийся популярностью в колониях и осведомленный в американских делах, в 1768 году выпустил в Лондоне два яростных памфлета: в первом «великий вред и опасность продажности изъясняются и доказываются на примерах ее действия в Греции и Риме», а во втором, как показывает его заглавие, речь сразу идет о «постоянной продажности, постоянных армиях и народных неудовольствиях». Сходным образом выражался известный лондонский типограф и консервативный публицист Уильям Стрэн, когда в письмах к жителю Филадельфии Дэвиду Холлу, издателю *Pennsylvania Gazette*, вопрошал: «Хватит ли у Англии добродетели, чтобы спастись от давно уже затопляющего нас разложения?» Этим вопросом Стрэн задавался при виде «неимоверных сумм», которые «ежедневно выплачиваются за место в парламенте» и обеспечивают избрание тем, кто «на востоке при помощи опустошительных грабежей,

нередко сопровождавшихся самым отвратительным варварством, нежданно приобрел огромные богатства. Вряд ли вы сочтете этих людей самыми достойными стражами нашей конституции и наших свобод». Оставалось только надеяться, что «прежде, чем дело дойдет до крайностей, нация, <...> самая счастливая нация из обитавших в этом мире, <...> опомнится и не допустит существенного повреждения ткани, веками создававшейся на зависть остальному миру».

В то же время раздавались голоса намного более заметных особ, некоторые из них с самых высот английского правительства. В 1770 году увидели свет «Мысли о причине нынешнего недовольства» Эдмунда Берка — самая прославленная филиппика против козней «некоторого сообщества интриганов», намеревающихся «обеспечить двору безграничное и ничем не сдерживаемое применение его обширной власти, руководствующейся только личным пристрастием», то есть планомерно уничтожающих «все основания свободы». В том же году покровитель Берка маркиз Рокингем, выступая в палате лордов, рассматривал «совершенную перемену старинной системы правления», произошедшую еще в царствование Георга III и объясняющую тайные мотивы авторов Закона о гербовом сборе. Однако истинные причины английского разложения назвал другой оратор — Уильям Питт, в это время уже граф Чатэм, заступник колонистов на английском политическом Олимпе. Вот как внук «бриллиантового Питта», ист-индского купца и губернатора Мадраса, истолковывал причину конституционных нарушений:

В прошедшие годы произошел приток богатств в эту страну, от которого ожидали роковых последствий, поскольку он не был, как обычно, естественным следствием усердного труда. Богатства Азии излились на нас и принесли с собой не только азиатскую роскошь, но и, я боюсь, азиатские принципы правления. Без связей, без естественной заинтересованности в земле импортеры иноземного золота прорвались в парламент при помощи потока подкупов, которому не могло противостоять ни одно частное наследственное состояние. Милорды, я говорю только то, что все мы хорошо знаем; разложение народное есть первейший источник народных недовольств, дерзости правительства и пресловутого внутреннего распада конституционного строя.

Питт призывал немедленно принять меры, «чтобы остановить стремительное разложение» нации; он предлагал подкрепить независимость парламента как представительного органа, увеличив количество депу-

татов от независимых, не скупленных избирательных округов, графств, больших и растущих городов, за счет легко поддающихся подкупу «гнилых местечек»³⁹.

Эти речи внимательно читались в колониях; в Америке их влияние затронуло намного более значительную часть населения, чем в Англии, и здесь они имели намного более далекоидущие последствия. Джон Адамс писал: «Свобода не может существовать без добродетели и самостоятельности также, как тело не может жить и двигаться без души», а какой свободы можно было ожидать из Англии, где «распутство, изнеженность и корыстолюбие достигли столь пугающих высот» и где «выборщики и избираемые слились в общий ком продажности»? Несложно было оценить положение Англии: как заявлял Адамс, она находилась в той же точке, «где была Римская республика, когда Югурта оставил ее со словами: „О продажный город, скоро ты погибнешь, найдись только на тебя покупатель“».

Аналогия между Британией и Римом периода упадка завораживала и многое объясняла, ее развивали и уточняли. Подобно Риму, Англия «из колыбели героев стала приютом музыкантов, сутенеров, сводников и педерастов». Стремительное разложение империи, решительно ускорившееся между 1758 годом и принятием Закона о гербовом сборе, проистекало от тех же причин, что погубили свободные государства классической древности: продажности, изнеженности и истощения, пришедших вместе с «богатством и роскошью Востока» и приведших к губительному «упадку добродетели» и разрушению конституционного строя. Даже Франклин, оставив свой осторожный оптимизм, признавался в письме к своему бывшему политическому союзнику Джозефу Гэллоуэю, что вынужден противостоять его плану воссоединения колоний и метрополии:

Взирая на крайнюю продажность, господствующую среди всех сословий этого гнилого государства, и на достохвальную общественную добродетель нашей возрастающей земли, я могу ждать лишь бедствий, а не выгод, от более тесного союза. Я боюсь, что они втянут нас во все грабительские войны, к которым приведет их отчаянное положение, неправосудность и алчность; их разорительное расточительство, как бездна, пожрет любую помощь, которую мы окажем им себе в убыток. Здесь бесчисленные и бесполезные должности, огромные суммы жалования, пенсии, должностные доходы сверх жалованья, взятки, беспочвенные ссоры, безрассудные экспедиции, ложные отчеты или отсутствие отчетов, договоры и наемный труд поглощают все доходы и произво-

дят нужду посреди естественного изобилия. Я боюсь поэтому, что объединение только развратит и отравит нас.

Патрик Генри оперировал сходными доводами при обсуждении предложений Гэллоуэя в конгрессе: «Мы освободим своих избирателей от продажной палаты общин, но отдадим их в руки американских властей, которые могут быть подкуплены нацией, перед лицом всего мира признающей взяточничество элементом своего государственного устройства». Сам Гэллоуэй должен был признать, что «парламент и кабинет злонамеренны и продажны». В колониях столь часто, столь настойчиво и внушительно повторяли, что в Англии «излишества достигли невероятных высот; в то же время общеизвестно, что излишество обозначает упадок государства»; столь часто говорили, что Англия ослабла, что ей грозит изнеможение и нищета, — что защитники британской политики должны были утверждать обратное. Сэмюэл Сибери превозносил могущество и благосостояние английского общества, утверждая, что Англия — «крепкая матрона, только приближающаяся к полному расцвету сил; и ей хватит духа и мощи покарать своих мятежных отпрысков». Сибери спорил с Гамильтоном, который изображал Англию «старой, дряблой, чахлой и истощенной ведьмой»⁴⁰.

Тезис о том, что правительственный заговор против свобод был порожден всеобщей испорченностью, имел решающее значение для американцев. Он придавал особое звучание колониальным требованиям: из конституционных претензий они превращались в символы новой веры, призванной обновить мир. Колонисты — как и все обитатели англоязычной ойкумены XVIII века — хорошо знали, что Англия оставалась одним из последних островков старинного готического государственного устройства, некогда господствовавшего по всему цивилизованному миру. Конфликты колоний с метрополией давали повод в очередной раз с тревогой вспомнить о том, что «большая часть рода человеческого» уже находится в «подневольной зависимости от своих правителей». По всему азиатскому континенту жители подвержены «столь сильному гнету и упадку»,

что самая идея свободы неизвестна среди них. В Африке едва ли не все человеческие создания — варвары, деспоты и рабы; все они равно далеки от истинного достоинства человека и хорошо устроенного общества. Европа также не свободна от этого проклятия. Большинство европейских наций принуждены пить из этой горькой чаши. Там же, где свобода, казалось, укоренена,

живительное пламя угасает. Два королевства, шведское и польское, пали жертвой предательства и были порабощены в течение одного года. Вольные города в Германии могут пользоваться своей вольностью лишь до тех пор, пока их могущественные соседи милостиво позволяют это. Голландия сохраняет вид, но потеряла дух свободной земли. Только Швейцария уберегла свою свободу нетронутой и нерушимой.

Если же теперь надвигающаяся тьма погасит светочь свободы и в Британии — где, помимо «самосохранения», «политическая свобода есть главная цель конституции», — если, как безошибочно предвещает ход событий и «предсказывают сенаторы и историки, <...> повсеместная продажность и постоянные армии окажутся смертельным недугом <...> государственного устройства» — то что тогда? Где сможет свобода найти убежище?

Ответ был готов. «В нашей собственной стране, — верили колонисты, — сохраняется большая часть свободы, оставшейся среди людей. <...> Ибо покуда большинство наций земли угнетены игом всеобщего рабства, североамериканские провинции остаются землей свободных людей, их последним пристанищем, где еще можно спастись от безбрежного потопа». Этим дело не ограничивалось: «Наша отчизна способна больше прочих предложить для совершенства и благоденствия человеческого рода». Конечно, невозможно предугадать «положение человечества в грядущие эпохи»; однако, если позволено предполагать «намерения провидения по числу и силе уже происходящих действий, то можно прийти к выводу, что совершенство и благоденствие человеческого рода в Америке превзойдут все, до сих пор виденное когда-либо и где-либо». Стоит обратить внимание на стремительный рост колоний, в первую очередь численности их населения: естественный прирост дополнялся потоками европейцев, «изможденных бедствиями, на которые они обречены у себя дома», и отправлявшихся в Америку «как в единственную страну, где они могут обрести пропитание, кров и покой». Стоит отметить физическую силу здешних обитателей. Однако в первую очередь внимания заслуживает нравственное здоровье народа и политического сообщества:

Губительные ухищрения излишества только начинаются среди нас. <...> Продажность еще не утвердилась в качестве всеобщего начала в государственных делах. Наши депутаты не избираются посредством подкупа избирателей. В наших провинциях не тратят половину казенных сборов на содержание палаты общин. <...>

Кроме того, мы были свободны от опасного бремени постоянных армий. <...> Наша оборона состояла в ополчении. <...> Общий ход событий и наши склонности предвещают, что в будущем мы достигнем большего совершенства и благополучия, чем когда-либо наблюдало человечество.

Итак, колониальный сепаратизм не сводился к «интересам шайки, партии или факции»; он был «делом самозащиты, общих убеждений и свободы человечества. <...> „С нашей гибелью испустит дух сама свобода, и род человеческий утратит надежду вновь обрести былое достоинство“»⁴¹.

Эта мысль, тщательно и многообразно разрабатывавшаяся американскими публицистами, соответствовала старинному и глубоко укоренившемуся убеждению колонистов, что Америке предписана особая роль в мировой истории. Противостояние с метрополией с самого своего начала в 1760-х годах укрепляло эту убежденность, опирающуюся на множество источников: воззрения пуритан-ковенантеров, некоторые течения английской мысли эпохи Просвещения и публицистику английских радикалов, не говоря про условия жизни в колониях и даже завоевание Канады. Закон о гербовом сборе открыл Джону Адамсу глаза на тот факт, что основание колоний ознаменовало «начало грандиозного спектакля, плана провидения просветить невежд и освободить рабов по всему свету». Джонатан Мейхью, торжествуя по поводу исхода того же политического эпизода, предрекал будущие потоки беженцев из Европы, утопающей в «излишествах, разврате, продажности, междоусобных ссорах или других пороках». Он не исключал даже («кто знает?»), что «когда наша свобода таким образом установится <...> в будущем, <...> мы или наши потомки будем иметь счастье и честь <...> спасти от гибели саму Британию»⁴².

Теперь, в 1774 году, казалось, что это будущее наступило. После вступления в силу «репрессивных законов» трудно было спорить с тем, что «еще оставшийся в Англии дух патриотизма и свободы» — не более чем «последний сполох угасающего факела», а «священное пламя, <...> некогда породившее столько чудес в Греции и Риме, <...> пылает ярко и сильно в Америке». Можно ли теперь счесть «восторженной причудой» веру в то, что колонии станут «фундаментом огромной и могучей империи, величайшей из тех, что были основаны на началах свободы, духовной и гражданской», империи, «которая станет первейшим местоположением светлого царства, которое Христос воздвигнет на земле в грядущие дни»? Америка «вскорости воздвигнет империю на обломках Великобритании; усвоит британскую конституцию, освободив ее от

нечистых примесей, и, испытав ее недостатки, уберется от тех зол, кои извели ее силу и привели ее к гибели». Рука Господня «ныне являет в Америке новую эру истории человечества»⁴³.

В живительной атмосфере этих верований и надежд конечные выводы, к которым приходили колонисты, звучали скорее радостно, чем печально. Все знали, что в отношениях с заморской деспотией «покорность есть преступление», что «не подобает покоряться деспотическим, неконституционным эдиктам, порабощающим свободный народ», что нарушение народных свобод означает войну, поскольку народ имеет право воспользоваться «всею мощью, которую ниспослал ему Господь», для самообороны. Конечно, колонисты даже после победоносных битв при Лексингтоне и Банкер-Хилле отталкивали от себя мысль о полном разрыве с Англией. Они медлили и уверяли «перед лицом Господа и всего света, что величайшее [наше] желание состоит в том, чтобы вернуться к старому порядку вещей». Они медлили, потому что их «чувства долга и привязанности» были искренни, потому что они привыкли уважать законную власть и потому что будущее независимой Америки было неясно и вызывало страх⁴⁴.

Каким будет американское государство? Естественно, республиканским, учитывая обстоятельства и свойства народа. Однако история говорила о том, что республики неустойчивы и быстро скатываются в анархию или деспотию. Говорили, что нельзя «припомнить ни одной нации, которая сохраняла эту форму правления на протяжении длительного времени или с существенным достоинством». Иные опасались, что независимость может «расщепить и разделить империю на мелкие, незначительные государства», легкую добычу для «иноземного деспота или еще более нестерпимой тирании немногих американских демагогов». В конце концов колонии «раздробят, как Польшу».

Однако независимость, которую малодушные сравнивали с «жалким лоскутком», сосредоточивала в себе последние остатки свободы. Сулила ли она Америке величие и роль защитницы свободы по всему миру? Действительно ли «дело Америки есть в значительной мере дело всего человечества»? Правда ли, что «в борьбу фактически вовлечено потомство, и оно до скончания века будет в той или иной степени подвергаться влиянию настоящих событий»? Если так, то апостолы блестящего будущего найдут способ разрешить затруднения нового общества и правительства. И пусть любой, кто любит человечество и ненавидит деспотизм, «выйдет вперед!» «Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободу травят по всему свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой, Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества»⁴⁵.

Отступление о заговоре

Как подробно показано в главах III и IV, разделявшаяся многими вождями Американской революции идея о разветвленном заговоре против свободы колоний и конституционного равновесия была глубоко укоренена в традициях англо-американской политической культуры. Трудно сказать, когда именно она зародилась, но, как я попытался продемонстрировать в предшествующих главах (и более подробно — в другом месте¹), еще за полвека до революции в политическом мышлении бытовали основные элементы революционной идеологии: страх перед всеобщей продажностью, разрушительной для конституционного строя, и правительственным заговором. При первых же признаках противостояния между колониями и британским правительством в начале 1760-х годов встал вопрос о побуждениях сторон, и мысль о тайных злоумышлениях начала обсуждаться открыто. Уже в эти годы вожди сопротивления вроде Оксенбриджа Тэчера могли только условно предположить, «что не существует замысла поработить их», а сторонники администрации (такие, как Мартин Говард) вынуждены были опровергать теорию заговора².

Надо сказать, что эта теория пользовалась наибольшим авторитетом там, где политический спектр был наиболее поляризован и где радикалы свободнее всего высказывали общие страхи. Особенно интересны взгляды Джона Дикинсона — не только потому, что он, будучи самым умеренным и осторожным из революционных вождей, энергично отстаивал идею заговора, но и потому, что он отдавал себе отчет в психологических и политических следствиях этой теории. Рассматривая драматическое царствование Карла I, Дикинсон отмечал, что

действия, которые по здравом размышлении сами по себе могли быть хотя бы отчасти извинены, в общей связи с другими призна-

вались опасной заразой и вызывали ненависть. Их не оценивали по плодам каждого из них в отдельности, но видели в них часть общей системы угнетения. Каждое действие, сколь незначительно оно ни было само по себе, казалось тревожным свидетельством деспотических умыслов. Благоразумные и умеренные тщетно настаивали, что нет нужды упразднить монархию. Только полное уничтожение королевской власти способно было успокоить пострадавших от нее и тех, кто мог опасаться преследований. Следствия этого взаимного недоверия хорошо известны³.

Тлевший страх перед министерским заговором вдруг вырвался на поверхность далеко не только в колониях. В Англии его в различных формах испытывали сторонники самых разных политических групп. Как указывает Джордж Руде, в царствование Георга III

часто считалось, <...> что при посредстве коронной власти правительство наполняется новыми фаворитами и «друзьями короля», составлявшими тайную партию, которая находилась вне досягаемости парламента и управлялась закулисными кознями зловещего содружества графа Бьюта (ушедшего в отставку в 1763 году) и вдовствующей герцогини Уэльской. Противники новой системы туманно говорили о повторении «конца царствования Карла II», и такие разговоры слышались не только в окружении герцога Ньюкастла и тех, кто, подобно ему, мог бы усмотреть в собственных политических поражениях ущерб национальным интересам.

По словам Руде, теория заговора стала «ходячей монетой и была в изобилии представлена в журналистике этого времени, в „Мыслях о причине нынешнего недовольства“ (1770) Эдмунда Берка, в личной переписке, публицистических изданиях и парламентских речах»⁴. Сочинение Берка особенно показательно, поскольку высказанные там опасения фактически совпадают со страхами колониальных публицистов. Берк утверждал, что парламент вот-вот окажется «во власти бессовестной банды властолюбцев», готовых уничтожить конституцию. По словам Айана Кристи, «довольно широко распространилось убеждение», что идеи Берка могут стать импульсом для радикального движения в метрополии⁵. Берк прямо указывал на предполагаемых заговорщиков, но даже те, кто решительно расходился с Берком в вопросе о происхождении и природе заговора, не сомневались в его существовании. Катарина Маколей,

представлявшая крайних радикалов, усматривала следы заговора в «махинациях аристократической факции и партии», которой наследовали Рокингемы и сам Берк и которая, по ее мнению, основывалась «на системе продажности», запущенной в годы Славной революции и поддерживавшейся «всеми последовавшими правительствами». Гораций Уолпол тоже считал, что Берк недооценил исторические корни заговора: «язва возникла в правление Пеламов», благодаря усилиям сторонников вдовствующей принцессы «внушить самодержавные взгляды ее сыну [будущему Георгу III] и убедить его <...> установить деспотическое правление, способное перерасти в тиранию в его потомстве»⁶.

Гораций Уолпол называл главным злодеем Бьюта, появившегося на политической арене сразу с тремя существенными недостатками: он был «неизвестен, неприятен, и шотландец». Считалось, что влияние Бьюта не ослабевало все 1760-е годы, и к началу 1770-х «лорд Норт отдался в руки хунте лорда Бьюта». Уолпол был далеко не одинок в этом убеждении. И в Англии, и в Америке оппозиционные круги прозревали за политической смутой тайную власть Бьюта. Через семь лет после его отставки Чатем произнес в палате лордов речь против «тайного влияния невидимой власти — фаворита, чьи губительные советы привели ко всем нынешним тревожениям и бедствиям нашей нации; даже находясь за границей, он сохранял все свое могущество». Рокингем, приписывавший козням Бьюта неудачу своего правительства в 1765–1766 годах, писал в 1767-м, что «основополагающим принципом» его партии было сопротивление «власти и влиянию лорда Бьюта». Это мнение бытовало и за пределами политической элиты, как видно на примере публициста и печатника Уильяма Стрэна; будучи высокого мнения о Бьюте, он признавал, что тот даже после отставки сохранял тайное могущество. Другой публицист, Джон Элмон, не только возлагал на Бьюта вину за все современные бедствия, но и утверждал, будто Рокингемы втайне сотрудничают с ним. Едва ли не все оппозиционные группы видели в Бьюте злокозненного и почти неуязвимого заговорщика. Этот образ тысячекратно повторялся в самых разнообразных памфлетах и листовках и тиражировался в бесчисленных карикатурах, где «тан» изображался «любовником вдовствующей принцессы Уэльской», раздающим «должности и пенсии ордам голодных и диких шотландцев в ущерб англичанам». Тезис о махинациях Бьюта стал одним из краеугольных камней оппозиционной идеологии и подкреплял распространявшуюся и в колониях, и в метрополии веру в существование антиконституционного заговора⁷.

Конечно, даже в оппозиционных кругах далеко не все верили в такой заговор и мало кто соглашался с радикалами-республиканцами

в том, что «репрессивные законы» имели своей целью «поработить Америку» и что «тот же самый министр, который хочет обратить ее в рабство, при возможности сотворил бы то же самое с Англией». Однако лорд Дартмут считал нужным опровергать теорию заговора. Хотя, как пишет Кристи, «доступный теперь обширный материал, касающийся деятельности двора и правительства, позволяет историкам признать эти опасения химерическими», точно так же нужно признать, что многие современники были убеждены в существовании заговора, и это убеждение, связанное с американским кризисом, обеспечило внутренней политике Англии «мощный реформаторский импульс». «Утонченные члены политического класса справедливо считали чепухой необоснованные, но искренние предостережения радикалов, что за победой британских войск и британских властей в Америке последует искоренение исконных свобод в метрополии», однако опасения такого рода не исчезали и не теряли в силе, так что скептики не могли отмахнуться от них и были вынуждены публично их оспаривать. Хладнокровный, осведомленный и здравомыслящий Джон Фазергилл, тайный посредник между Франклином и Дартмутом зимой 1774/75 года, объяснял, что он «не совсем» убежден в существовании у правительства замыслов «систематического порабощения [колоний]. Я думаю, они будут счастливы найти выход из нынешнего положения». Точно так же Стрэн с оттенком отчаяния писал американскому корреспонденту: «Я знаю о благоволении к вам правительства. <...> Я знаю, что ни король, ни правительство, ни парламент не вынашивают идеи подавления Америки в какой-либо форме»⁸.

Для вдумчивых и осведомленных современников этот вопрос был решающим при оценке британского правительства. Об этом можно судить по записи Петера ван Схака о его мучительных метаниях в январе 1776 года. Двадцатидевятилетний житель Нью-Йорка, образованный отпрыск хорошей семьи, выстраивал собственную политическую позицию, тщательно обдумывая в уединении труды Локка, Ваттеля, Монтескье, Гроция, Беккарии и Пуфендорфа. В первую очередь он отмечал опасность неограниченной власти парламента над колониями, но «затруднения» его «проистекали вот из чего»:

Если рассмотреть вместе все законы, вызывавшие нарекания, то они, по-моему, не складываются в общий замысел порабощения, но могут быть списаны на всеобщие людские слабости и сложность предмета. Большинство проистекало из единичных обстоятельств и не связано друг с другом. <...> В двух словах, я полагаю, что эти законы могли быть приняты без всякого плана

порабощения Америки, и мне представляется, что всегда следует предпочитать более благоприятное объяснение поступков власть имущих. Посему я не могу представить себе упразднения правительства; и пока существует общество, те полномочия, которые каждый уступил ему при вступлении в него, не вернутся к нам, но останутся в распоряжении общества (Локк)⁹.

Этим, однако, бытование теории заговора в политическом сознании предреволюционной эпохи не ограничивалось. У этой теории была обратная сторона, о которой умалчивалось выше, поскольку сама по себе она не воплотилась в исторических событиях. Противники революции — чиновники английской администрации, — подобно революционным вождям, считали себя жертвами тайных и злокозненных умыслов. По мере развертывания кризиса колониальные чиновники и их лондонское начальство начинали верить, что имеют дело с опасным комplotом лицемерных заговорщиков. Уже в 1760 году губернатор Массачусетса Бернард заключал, что некоторая «факция» подрывает деятельность таможенных властей, а к концу десятилетия он и другие губернаторы (в том числе «главный заговорщик» Томас Хатчинсон) не сомневались, что причина всех колониальных бед — тайная властолюбивая клика, на словах клявшаяся в верности Англии, а на деле разрушавшая британскую власть в Америке и добивавшаяся полного разрыва колоний с метрополией¹⁰.

Идея об американском заговоре быстро прижилась в Англии. В ответ на конвент Массачусетса 1768 года палата лордов постановила, что «нечестивые и коварные особы» из числа колониальных жителей «ясно обнаружили намерение <...> установить новую и незаконную власть, независимую от английской короны»¹¹. Колонистов с самого начала конфликта беспокоили эти упреки, означавшие обвинение в государственной измене, но по сути описывавшие только факт политического объединения, факции — своего рода «превосходной степени» от партии в политической терминологии XVIII века¹². Артур Ли писал, что в правление Гренвиля «любое выражение недовольства <...> приписывалось намерению колоний разорвать все связи с Британией; каждое возмущение раздувалось в мятеж». Мысль о властолюбивых замыслах колониальных предводителей, с переменным успехом прикрывавшихся лицемерными заверениями в верности Англии, росла по ходу политических осложнений. В 1771 году Хатчинсон, не уступавший своим заклятым врагам Адамсам в поиске тайных мотивов, с облегчением доносил, что «противоправительственная факция в этой провинции издыхает», и

добавлял: «Но издыхает тяжело». После Бостонского чаепития осторожному оптимизму такого рода пришел конец, и колониальная администрация раз и навсегда укрепилась в мысли, что разветвленный заговор неминуемо разрушает все связи между Америкой и Англией¹³.

Такого рода обвинения стали ходячей монетой не только среди британских колониальных чиновников. Консерваторы-тори из массачусетского города Уорсестер, не признавшие легитимность городской сходки и ее большинства, печатно обличали «лукавые хитросплетения некоторых злоумышленников, кои <...> желают ввергнуть нас в беспорядки, раздоры и смятение». Комитеты по переписке, говорилось там же, суть незаконные измышления «хунты, преследующей собственные и личные цели, <...> прямо ведущие к братоубийственной брани, восстанию и бунту»¹⁴.

Устрашающая картина разрушительной деятельности мятежных заговорщиков, прячущих корыстные замыслы под маской верноподданнической преданности, многократно очерчивалась в сочинениях чиновников и несгибаемых тори, была с грубой злостью воспроизведена в «Происхождении и развитии американского бунта» судьи Питера Оливера, а наибольшую респектабельность приобрела в обращении Георга III к парламенту 26 октября 1775 года. Слова короля представляли собой точную противоположность вошедшему в Декларацию независимости тезису Джефферсона о «коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом». Георг утверждал:

Зачинщики и исполнители этого отчаянного заговора при осуществлении его извлекли существенные выгоды из различий между нашими намерениями и своими собственными. Они думали ввести нас в заблуждение расплывчатыми уверениями о привязанности к матери-метрополии и торжественными клятвами в верности мне, но в то же время готовились к всеобщему мятежу. <...> Нынешняя мятежная война, <...> без всякого сомнения предпринята ради образования независимой державы.

Это обвинение, произнесенное высочайшим оратором, не должно было остаться без ответа. В документах Континентального конгресса сохранилось развернутое возражение королю; в издании протоколов конгресса это сочинение, исключительно многословное и риторичное, исполненное патетических восклицаний и тонких прозрений, занимает добрых тринадцать страниц. Оно имело форму «Воззвания к обитателям колоний» и было составлено особым комитетом во главе с Джоном Ди-

кинсоном и Джеймсом Уилсоном. Конгресс отверг «Воззвание...», сочтя его оборонительную и извиняющуюся риторику несвоевременной (дело было в феврале 1776 года). С точки зрения уже овладевшей умами идеи о независимости «Возванию...», по словам Мэдисона, не доставало «последовательности и зрелости» во мнениях. Тем не менее оно остается самым разительным свидетельством интеллектуальных, политических и психологических дилемм, порожденных нараставшим в метрополии и колониях обоюдным страхом заговора. По мнению Уилсона и Дикинсона, попытка британской короны представить конгресс «мятежным и незаконным собранием» безосновательна и недобросовестна:

Я полагаю, что мы первые мятежники и заговорщики, действовавшие в начале заговора и мятежа таким образом, чтобы решительно воспрепятствовать любым поползновениям алчности и властолюбия. Находящимся в отчаянном положении можно, пренебрегая доказательствами, вменить отчаянные замыслы. Но сколь невероятно, что колонисты, наслаждавшиеся в тишине благоденствием и свободой, не желающие никакой другой жизни, кроме той, которую им до недавнего времени позволяли вести, и сильнее всего стремящиеся вернуть себе эту свободу, полагающуюся им по праву человечества и по праву британских подданных, сколь невероятно, что именно они, не имея ни одного мотива, который мог бы подтолкнуть к преступлению даже самых развращенных, безрассудно ввергли бы себя в пучину бедствий, опасностей и преследований, кои неизбежно окружают предпринявших изменить государственный строй и зачастую сокрушают их? <...> Беспристрастное обращение к приведенным нами фактам и сделанным нами наблюдениям полностью убеждает, что все шаги, предпринятые нами в ходе этой злополучной борьбы, столь же удовлетворительно и разумно объясняются стремлением колонистов и их представителей вернуть и отстаивать свои права, как и предположением, что они имели в виду образовать независимую державу. Более того, мы утверждаем, не предвидя сколько-нибудь существенных возражений, что большинство этих мер разумно и удовлетворительно объясняется только первым предположением, но никак не вторым. <...> Разве не соответствуют все наши действия принципам и целям самообороны? Откуда же тогда бесчестная инсинуация, будто мы желали установить независимую державу? Разве не заслуживают внимания произносившиеся нами множество раз

заверения и клятвы в привязанности к Великобритании и верности его величеству, в покорности его правительству на тех условиях, к которым обязывает конституция и без которых британский монарх не имеет права требовать послушания? <...> Но природа нашей связи и начала, на которых она была учреждена и без которых она не может существовать, по-видимому, перетолковывались или пренебрегались создателями недавнего разрушительного плана колониального управления.

Заключение было решительно: «Пусть ни враги, ни друзья не дают ложных толкований тщательным доказательствам того, что мы не желали установить независимую державу. Если не такова наша цель, то — да внимают ваши угнетатели! — такова может быть наша судьба и судьба наших соотечественников»¹⁵.

К тому времени, то есть к февралю 1776 года, политическое противостояние давно уже вышло на поверхность: шли боевые действия. Однако взаимное исчисление тайных враждебных козней не прекращалось; с американской стороны оно достигло апогея в Декларации независимости, представлявшей собой список преступлений пробританского правительственного заговора, а с английской стороны — в серии публикаций, опровергавших эти обвинения. Самое интересное, хоть и не самое искусное, из этих возражений принадлежало перу пресловутого Томаса Хатчинсона, с 1774 года жившего в Англии. Хотя правительство обращалось к нему за советами, а Оксфордский университет облек его почестями, Хатчинсон с прежним рвением убеждал весь свет, что его первоначальные подозрения были обоснованы. В «Опровержении на Декларацию конгресса в Филадельфии» он предпринял предпоследнюю (последней стала его «История») попытку доказать, что «если бы колонии не подверглись никаким податям и повинностям, был бы изыскан иной предлог для неповиновения парламенту». Колонии, по его мнению, были «спокойны и смиренны» до начала известного противостояния, «но во всех главных колониях находились особы, размышлявшие о независимости еще до рассмотрения и утверждения этих налогов. <...> Их план освобождения от Британии зародился вскоре после усмирения Канады». Не достигнув своих целей при помощи аргументов о естественных правах, они сочли, что «необходимы обиды, настоящие или воображаемые». После этого «каждый случай, пригодный для их целей, <...> соответствующим образом подправлялся». Уступки и заверения в верности должны были обмануть власти метрополии; никакие милости никогда бы не удовлетворили заговорщиков, потому что их «целью с первых дней» была не-

зависимость. Главы заговора в каждой колонии находили поводы «раздражать и воспламенять народ, располагая его к бунту», так что «многие тысячи добрых и верных подданных были обманым путем шаг за шагом приведены к мятежу». Этот план, заключает Хатчинсон после опровержения всех обвинительных пунктов Декларации, «удался превосходно»¹⁶.

Традиция разоблачения заговора не прекратилась на опровержениях Декларации независимости и продолжалась даже после военных побед американцев. Она стала менять форму, принаравливаясь ко времени, и дожила до наших дней. Радикальные публицисты в Англии, патриотические историки в Америке и вожди вигов вроде Питта-младшего после войны по-прежнему возлагали ответственность за революцию на злокозненную колониальную администрацию 1760–1770-х годов. В то же время лоялисты вроде Гэллоуэя и Томаса Джонса обличали предполагаемый американский заговор, оправдывали неуступчивость Георга III, ссылаясь на руководивший колонистами тайный план освобождения от Англии, искали связь между восставшими колониями и английской оппозицией, а после поражений англичан стали намекать даже, что командующий английскими войсками в Америке сэр Уильям Хоу может быть втайне связан с мятежниками, как по нотам исполнившими свой грандиозный и коварный замысел¹⁷.

Взаимные разоблачения военного и послевоенного времени знаменовали одновременно конец и начало: конец основной фазы идеологической революции и начало ее преобразования в историографию. Идея о заговоре без труда оборачивалась исторической концепцией; так случилось в третьем томе рукописной «Истории... Массачусетского залива» Томаса Хатчинсона (опубл. 1828), в неистовом «Происхождении и развитии американского бунта» Питера Оливера (1781, опубл. 1961), в «Истории Нью-Йорка времен Революционной войны» Томаса Джонса (1780–1790, опубл. 1879), в исключительно пространном «Введении» ко «Взгляду на причины и последствия американской революции» Джонатана Баучера (1797), с одной стороны, — и, с другой, в трехтомной «Истории... американской революции» Мери Отис Уоррен (1805), в «Истории американской революции» Дэвида Рамзея (1789) и у патриотических историков отдельных штатов: Белкнапа, Берка, Трамбалла, Рамзея. Это были сочинения участников событий или близких к ним наблюдателей, исполненные героического пафоса, назидания и личного чувства, и в основе их исторического нарратива лежала унаследованная от революционной публицистики идея всеобщего заговора. В почти пародийном виде она была увековечена в неувядающем баснословии вроде написанной Уимсом биографии Вашингтона и прожила,

почти не меняясь, еще поколение, а по сути два, и в новом облики была усвоена учеными XX столетия. «Прогрессивные» историки начала века и их последователи после Первой мировой войны, именуя предупреждения революционных вождей о грядущем порабощении и правительственном заговоре «пропагандой», сами того не осознавая, воспроизводили объяснительные модели публицистов-тори. Понятие пропаганды подразумевает, что эти странные и на первый взгляд параноидальные страхи были сознательно измышлены, чтобы управлять умами инертной людской массы ради достижения скрытых целей — освобождения от Англии и личного продвижения. Ни один тори или защитник британской администрации в революционные годы не вменял руководству колонистов расчетливое лицемерие с такой легкостью, как это делают признанные современные ученые Филип Дэвидсон или Джон Миллер. Никакой колониальный публицист не доказывал существование в английском правительстве заговора с целью подавления колоний тщательней, чем Оливер Дикерсон в книге «Законы о мореплавании и американская революция» (1951)¹⁸.

Однако XVIII столетие было столетием идеологии; каждая сторона англо-американского противостояния искренне выражала свои страхи и убеждения. Итогом нарастающего недоверия стал предсказанный Берком еще в 1769 году губительный тупик: «Американцы обнаружили или считают так, будто мы намерены угнетать их; мы обнаружили или полагаем так, будто они задумали мятеж против нас, <...> мы не знаем, как продвинуться вперед; они не понимают, как отступить. <...> Кто-то из нас должен уступить»¹⁹.

Глава V

Перетолкования

Что же именуем мы американской революцией? Американскую войну? Революция произошла до начала войны. Революция состоялась в сердцах и умах людей, благодаря тому, как изменилась их вера, их чувство долга и обязательств. <...> Это полное преобразование принципов, мнений, воззрений и чувств народных и было американской революцией.

ДЖОН АДАМС — ИЕЗЕКИИ НАЙЛСУ, 1818

Какая возвышенная и впечатляющая картина: юный, свежий, могучий и нравственно преображенный народ поднимается из неизвестности, отстаивает твердыню свободы и водружает на ней победоносное знамя, вдохновляющее борцов за свободу по всему свету. В этой перспективе все колониальные обстоятельства приобрели новый облик. Не было больше речи о провинциальности колоний: американцы стали в один ряд с ушедшими в прошлое героями легендарных битв за свободу и ее немногочисленными современными защитниками. Общепризнанные недостатки колоний — изоляция, примитивность институций, грубость в обхождении, множество вероисповеданий, слабая государственная власть — теперь казались добродетелями, и не только самим американцам, но и просвещенным сторонникам реформ в лондонских кафе, парижских салонах и при немецких дворах. Жизнь американцев выглядела воплощением философского учения. Их нравы, их обхождение, их образ жизни, их физический облик, наконец, их социально-политический строй — все это как будто подтверждало вечные истины и лучше любых слов и доказательств демонстрировало достоинства небесного града философов XVIII века.

Однако собственные мысли и слова колонистов тоже были важны, и не потому только, что место идеологии занимала у них знакомая

утопическая фразеология Просвещения и английского либертарианства. То, что говорили колонисты в 1776 году, было в общем виде известно сторонникам реформ по всему западному миру, но тем не менее имело свои особенности. За десятилетие напряженных дебатов знакомые понятия изменили в колониях свой смысл, обрели неожиданные формы и привели к неясным до конца выводам. Объясняя и развивая в предреволюционные годы свои исходные убеждения, колонисты открыли новый мир политической мысли. Освоение его давалось с трудом, и они часто в замешательстве отступали назад, к старинным проверенным истинам, но не прекращали набегов, заходявших иногда вглубь неизведанного. Те, кто потом будет составлять, исправлять и принимать первые конституции штатов и федеральную конституцию, тщательно, до подробностей, рассмотрят усилия своих предшественников и вернуться к вопросам, поставленным колониальными публицистами до 1776 года.

Критическое рассмотрение традиционных понятий, помогавшее колонистам осмыслить свои обстоятельства и отыскать пути к их улучшениям, стало отправной точкой для обсуждения будущих реформ как в Америке, так и в Европе. Радикализм, которому американцы научили мир в 1776 году, родился из перетолкований и вел к переменам.

1. Представительство

Вопрос о представительстве был первым в целой серии общих вопросов, поставленных англо-американским противостоянием. Конечно, он играл не самую важную роль (как отметил профессор Мак-Илвайн, известный спор о налогообложении без представительства был только одним из эпизодов намного более масштабной конституционной борьбы¹), однако он первым подвергся тщательнейшему рассмотрению и претерпел в высшей степени показательные изменения. Сдвиг в понимании проблемы произошел стремительно: он начался и, в общем, закончился в ходе двухлетнего конфликта вокруг Закона о гербовом сборе. Однако позиция, выработанная колонистами, имела глубокие исторические корни. По сути в ней кристаллизовался политический опыт трех поколений. Она не столько породила новую ситуацию, сколько осмысляла давно существующую; она фиксировала, обобщала и тем самым легитимировала стихийные итоги хаотичной колониальной политики.

В предшествующий период в колониях была фактически — но не теоретически — воссоздана система представительства, существовавшая в Англии в Средние века и сменившаяся в XV–XVI столетиях.

В первоначальной, средневековой, форме парламентское представительство было средством, при помощи которого «местные жители, думавшие о местных обстоятельствах и ограничивавшие свои интересы границами своего округа» в качестве адвокатов своих избирателей могли защищать их интересы в королевском парламентском суде, а взамен должны были обеспечивать денежные выплаты от своих округов. Присутствие в парламенте в качестве депутата общин было по большей части обременительной обязанностью, а деятельность такого депутата накрепко увязывалась с заботами округа: он должен был жить там или иметь там собственность, получал плату за конкретные услуги, оказанные округу, имел жесткие инструкции о границах своих полномочий и пределах возможных уступок и должен был отчитываться во всех действиях, совершенных от имени округа. Как следствие, депутаты общин в средневековом парламенте представляли не сословие или иную широкую группу, а только свой собственный округ².

Обстоятельства менялись и коренным образом трансформировали практику представительства. К тому времени, когда в американских колониях стали оформляться политические институты, английский парламент имел уже совершенно иной облик. Ограничения, накладывавшиеся на депутатов общин их округами, отпали; члены парламента были теперь «не простыми окружными представителями, а посланцами общин всей страны». Парламент стал собирательным воплощением всего государства, а депутаты — хотя и условно — представляли целую нацию, а не только избирателей своего округа. Они были голосом королевства; как писал Эдмунд Берк, увековечивший новую идею представительства, парламент — не «съезд послов с различными и враждебными интересами, которые каждый из них должен отстаивать как уполномоченный защитник; но парламент есть совещательное собрание единой нации с едиными и всеобщими интересами, и руководствоваться он должен не местными целями, не местными предрассудками, но всеобщим благом, проистекающим из всеобщего разума». Онслоу, спикер парламента, заключал: «Наказы отдельных округов своим депутатам служат и должны служить только для сведения или совета. <...> но не могут беспрекословно подчинять себе действия, голос и совесть депутата». Итак, депутаты не были теперь только адвокатами своих округов³.

Однако колонисты, воспроизводя в миниатюре английские установления, силою обстоятельств были вынуждены двигаться в противоположном направлении. Отталкиваясь от положения XVII века, они стихийно возвращались к средневековому пониманию представительства как защиты местных интересов. Колониальное существование

во многом воспроизводило черты средневековой жизни. Колониальные города, как и английские города в Средние века, были в значительной мере автономны, и безусловное подчинение центральной власти было им невыгодно. Чаще всего они считали, что центральное правительство, колониальное или имперское, нуждается в них больше, чем они в нем; когда они просили его услуг, эти услуги носили местный, чтобы не сказать частный, характер. Колонисты на местах не имели причин отождествлять свои интересы с интересами правительства и сплавлять свой собственный голос с другими. При необходимости они увязывали полномочия своих представителей с местными интересами, хотя это всегда делалось непоследовательно и не выглядело обновлением политической системы. Городские сходки Массачусетса стали составлять наказания своим депутатам в Генеральном суде в первые же годы существования поселений и при случае продолжали делать это следующие полтора столетия. Более или менее то же самое происходило и в других местах; далеко не только в Массачусетсе от депутатов требовалось проживать в своем округе, владеть там собственностью и отчитываться о своей деятельности. В конце концов современники имели повод жаловаться, что законодательные собрания состоят из «простых, неграмотных хлеборобов, которых мало что занимает, помимо управления дорогами, уничтожения волков, диких кошек и лисиц и защиты мелких интересов тех графств, которые они представляют»⁴.

Колониальный опыт избрания депутатов в местные собрания, а также делегирования представителей в Англию⁵ служил фоном для англо-американских дебатов вокруг вопроса о представительстве. Право парламента облагать колонии налогами обосновывалось прежде всего тем, что американцы, как и «девять десятых британского народа», были представлены в парламенте, хотя и не имели избирательных прав. Считалось, что участие в выборах само по себе не было первостепенной предпосылкой для институтов представительства, «поскольку право избирать соединено с определенными видами собственности, привилегиями и местами проживания». По сути же разницы между колонистами и жителями метрополии не существовало:

ни те, ни другие не присутствуют в парламенте буквально, но и те, и другие представлены там косвенно», потому что «любой депутат находится в парламенте не в качестве посланца своего округа, но как член державного собрания, представляющего все общины Великобритании. Их права и выгоды должны составлять предмет его внимания и руководить его действиями, как бы

ни отражались общие обстоятельства на делах его собственного местечка, и жертвовать этими правами и выгодами ради округа, где депутат был избран, означало бы отступить от своего долга⁶.

В Англии практика косвенного представительства в достаточной мере обеспечивала защиту основных интересов общества в целом и не вызывала сколько-нибудь распространенных нареканий. Наоборот, взгляд на депутатов как на представителей определенных округов казался «новомодным политическим учением, усердно насаждаемым недовольными нынешнего времени». Однако в колониях дело обстояло противоположным образом. Американский политический опыт благоприятствовал иному принципу представительства, и как только действующие английские нормы входили в противоречие с интересами колонистов, они наталкивались на всеобщее презрительное неодобрение. Оспаривая их в особом просторном сочинении, Дэниел Далани писал, что доводы англичан составлены «из неверных утверждений и недопустимых заключений». Выражая всеобщее мнение, он настаивал, что цель представительной власти состоит в защите общества от опасных поползновений правительства. В этой перспективе сравнение колонистов с лишенными права голоса жителями метрополии обманчиво: в Англии «интересы голосующих, неголосующих и избираемых в сущности тождественны, не говоря уже о связях соседских, дружеских и родственных. Лишенные права голоса защищены от гнета тем фактом, что этот гнет столь же опасен для голосующих и для самих депутатов. Невозможно повредить одним и уберечь других». Но между избирателями в Великобритании и американскими колонистами не существует столь же «тесной и нерушимой связи», и налогообложение сказывается на них совершенно по-разному: «ни одного избирателя в Англии не коснется прямо налог, введенный законодательным актом в Америке и затрагивающий собственность всех колонистов»⁷.

Отсутствие естественной общности интересов между представительным органом и населением в корне подрывало идею косвенного представительства. Как полагал Джеймс Отис, при помощи этого понятия можно было «доказать, что британская палата общин представляет все народы земли в такой же степени, как и колонистов». В таких обстоятельствах эта идея была «пуста и нелепа», казалась порождением «политического фантазера». Артур Ли, рассыпью приводя цитаты из Болингброка, Локка, Сидни, Кэмдена, Палтни, Петита, сэра Джозефа Джекила и парламентских ораторов, утверждал, что косвенное представительство «в суеверные времена провозгласили бы колдовством», поскольку оно означает, что «все наши привилегии косвенны, а наши

страдания непосредственны. <...> Мы могли бы обольщаться мыслью о том, что косвенное повиновение соответствовало бы косвенному представительству, но г. Гренвиль с его несказанной мудростью свел воедино все то, что по нашему скромному мнению было исполнено противоречий, и поэтому косвенная власть требует прямого повиновения». Кто, собственно, представляет в Англии свободного американца?

Знает ли он нас? Или мы его? Нет. Имеем ли мы власть над его действиями? Нет. Побужден ли он долгом или выгодой оберегать нашу свободу или собственность? Нет. Осведомлен ли он о наших обстоятельствах, о нашем положении, о наших нуждах? Нет. Чего же мы можем ожидать от него? Ничего, кроме бесконечных податей⁸.

Однако не только американский опыт ставил под сомнение принцип косвенного представительства. Рассуждая последовательно, можно было заключить, что, где бы ни применялся этот принцип, он ущербен сам по себе. В Англии он несправедлив так же, как и в Америке, и подлежит искоренению и там, и там. Хорошо известно восклицание Джеймса Отиса: «К чему твердить колонистам о беспрестанных переменах на примере Манчестера, Бирмингема и Шеффилда, которые не избирают депутатов? Если эти города, столь важные в нынешнее время, не представлены в парламенте, то положение нужно исправить». Определение представительства, данное Берком, являло полную противоположность опубликованным пятью годами ранее рассуждениям Джона Иоахима Цубли, американского пастора швейцарского происхождения:

Каждый депутат представляет в парламенте не всю нацию, но только то место, где он избран. Если депутат избран в нескольких округах, он может представлять только один из них, <...> депутаты представляют только тех, кто их избирал; без избрания депутат никого не представляет и не может говорить от чьего бы то ни было имени, <...> представительство проистекает исключительно из свободного избрания.

Недоверие к идее косвенного представительства, «нелепой и не заслуживающей внимания», столь прочно укоренилось в колониях, что американские тори опирались на него в своих выступлениях против конгрессов провинций и Континентального конгресса. Лишь незначительно заостря аргументацию Отиса, нью-йоркский консерва-

тивный публицист писал в 1775 году, что, если поверить патриотам, «все мужчины и женщины, мальчики и девочки, дети и младенцы, коровы и лошади, свиньи, собаки и кошки, которые ныне живут в этой провинции, жили в прошлом или родятся в будущем, — все свободно, в полной и достаточной мере представлены на нынешнем славном и величественном конгрессе»⁹.

Однако обсуждение проблем представительства не ограничивалось в колониях спорами о косвенном представительстве. Колонисты задумывались о самой природе представительства и его целях в ситуациях, когда интересы избирателей, депутатов и особ, лишенных права голоса, сходились и расходились. Подробно обсуждались достоинства обязательных к исполнению наказов депутатам. Некоторые осторожно рассуждали в том смысле, что, хотя «идея о праве округа обязать своего депутата при посредстве наказа» в последние годы вызывает нарекания, тем не менее «в большинстве случаев» следует отстаивать «рекомендательную силу» или даже «обязательный характер» наказов: «депутат, действующий вопреки прямым указаниям своих избирателей, заслуженно лишится их уважения и любой надежды на доверие в будущем». Однако большинство публицистов выражалось намного более решительно. Артур Ли провозглашал на страницах *Monitor*, что право избирателей предписывать депутатам образ действий было поставлено под сомнение только тогда, когда «система коррупции, достигшая ныне столь опасных высот, только начинала преобладать в нашем правительстве. Деспотические министры и их продажные нахлебники встали на защиту теории, угрожающей нашей свободе, — теории о том, что депутаты независимы от народа. Это было необходимо для их собственных деспотических и своекорыстных намерений». Избранные депутаты, по словам Ли, «суть поверенные своих округов, уполномоченные представлять их в делах государственного управления, <...> и за эту услугу им, как и другим поверенным, полагалась плата от округов до тех пор, пока они не предпочли продавать свои голоса в парламенте и затем <...> пожелали независимости от народа». «Древнее и неотчуждаемое» право свободных людей не только избирать представителей, но и управлять их деятельностью «возникло, по всей вероятности, в одно время с конституцией»; его защищали все великие мужи от Демосфена до Коука, а отрицание его сэр Уильям Уиндам назвал «неслыханной, чудовищной и рабской теорией». Возражение «г. Блэкстона в комментарии к английским законам» не имело веса для Артура Ли: достаточно того, что Блэкстон «основывается на выдумке, будто депутат, будучи избран, представляет все королевство, а не определенную его часть. Это утверждение есть очевидный

софизм и уже полностью опровергнуто. Не позволено каждому придворному стряпчему перестраивать британскую конституцию (г. Блэкстон занимает пост стряпчего королевы)». Колонисты соглашались с тем, что избиратели обладают «неотъемлемым правом давать наказания своим представителям». Джеймс Уилсон указывал, что депутаты суть «поверенные» своих избирателей и должны «отчитываться в употреблении власти, которая вверяется им»¹⁰.

Но что это означало? Описанная нами точка зрения, прояснявшаяся в дебатах предреволюционного времени, имела далекоидущие следствия и ставила перед будущей американской демократией ряд вопросов, окончательное разрешение которых было найдено только в XIX–XX веках. Уже в 1760–1770-х годах считалось, что в условиях подотчетности избирателям депутат действует «во всех смыслах подобно тому, как уполномочившие его <...> действовали бы, присутствуй они на месте». Вследствие этого представительный орган «должен представлять в миниатюре точный портрет всех избирателей. Он должен думать, чувствовать, рассуждать и поступать подобно им». Перемены в составе населения должны повлечь за собой перемены в представительном собрании, поскольку «равному интересу народа должен соответствовать равный интерес в собрании». Можно было даже представить себе «постоянную пропорцию, по которой количество представителей росло или падало бы в зависимости от числа жителей»¹¹.

Каков же был бы результат? Приведенное истолкование принципа представительства, хотя не совершенно новаторское, воскрешало радикальную теорию, по большей части давно оставленную английскими политическими мыслителями. Эта теория, согласно которой источником правительственной власти служит постоянное и действительное общенародное согласие, была востребована столетием раньше, в недолгий период Английской республики, отошла в тень в годы Реставрации и затем сохранялась только в сочинениях крайних радикалов и самых непримиримых вождей парламентской оппозиции¹². Точка зрения, к которой теперь возвращались колонисты, подразумевала (хотя это не высказывалось прямо), что необходимость общенародного согласия не ограничивалась, как это утверждал Локк, редкими моментами освободительных восстаний или периодической и мирной смены правительства путем выборов¹³. В тех случаях, когда правительство зеркально отображает облик народа с его чувствами и потребностями, народное согласие превращается в постоянный, ежедневный процесс. По сути народ при посредстве депутатов сам присутствует в правительстве и сам, шаг за шагом, ведет политические дела. В нем видят не только потен-

циальный противовес власти правительства, но и, в известном смысле, само правительство. Власть не существует более отдельно от народа, но только при его посредстве и ради его блага.

Соответственно менялось и понятие о законе. Согласно традиционной точке зрения, разделявшейся равно Блэкстоном и Гоббсом, закон представлял собой предписания, исходившие из «высшего источника и обязательные для низших»; лицо или орган, устанавливавшие закон, стояли выше субъектов законности и диктовали им свою волю. Однако новые взгляды на представительство ставили под сомнение такое понимание законности. Уже в эти годы появились первые предвестия будущих яростных опровержений, с которыми Джон Уилсон и его единомышленники обрушатся на определение закона у Блэкстона, и противоположной концепции, которую они будут отстаивать: «Единственная причина, почему вольный и свободный человек покорился общим законам, состоит в том, что он покорил себя сам»¹⁴.

К таким выводам приводил в конечном счете взгляд на представительство как на систематическую, осознанную в теории и работающую на деле «замену прямой законодательной деятельности народа». Радикальные перспективы, открывшиеся колонистам в период бурных споров предреволюционных лет и в то время не до конца осмысленные ими, вновь стали предметом обсуждения в связи с первыми конституциями штатов, еще до провозглашения независимости. Вероятно, лучше других потенциальные следствия новых идей понимали наиболее проницательные консерваторы-тори, со стороны наблюдавшие ход событий и опасные сдвиги в политической теории. Англиканский священник Сэмюэль Сибири писал в 1774 году: «Тезис о том, что мы не связаны никакими законами, на которые мы не соглашались лично или при посредстве депутатов, совершенно нов и не подкреплен английской конституционной традицией, древней или недавней. Он имеет республиканский характер и угрожает полным низложением английской монархии»¹⁵.

2. Конституции и права

Перемены, происходившие в других областях политической мысли, также не укрылись от проницательных публицистов-тори. Они с негодованием отметили, что понятия конституции и обеспеченных ею прав стали истолковываться иначе. Чарльз Инглис, со страстью опровергая колониальные новшества, вопрошал: «Что же есть конституция —

понятие, столь часто употребляемое, столь плохо понятое и столь сильно извращенное? Насколько я понимаю, конституция — это совокупность законов, обычаев и установлений, образующих общую систему распределения государственных полномочий и соответствующих прав среди различных членов сообщества». Инглис представлял себе конституцию так же, как десятилетием раньше Джон Адамс, видевший в ней «костяк, схему, систему, сочетание властей», то есть сумму существующих правительственных органов, законов и обычаев вместе с одушевляющими их принципами, *stamina vitae*. Однако после 1765 года взгляды на конституцию развивались в Америке столь стремительно, что вполне традиционное определение Инглиса казалось в 1776 году глубоким анахронизмом¹⁶.

Первые признаки перемен стали заметны в самом начале рассматриваемого периода, итоги их прояснились только в самом его конце. Сперва важнейшие свойства формирующегося американского конституционализма сказывались только в переакцентировке знакомых тезисов. Некоторые публицисты, как, например, Ричард Бленд, продолжали говорить о «юридической конституции, то есть законодательном собрании», другие называли английскую конституцию «тонким механизмом, претерпевшим много переделок и изменений», но большинство уже ставило основополагающие принципы выше власти правительства и задумывалось над следствиями этой позиции¹⁷. Трудности происшедшего переосмысления хорошо иллюстрируются сочинениями Джеймса Отиса и эволюцией его воззрений¹⁸.

В начале 1760-х годов перед Отисом встал вопрос о том, в какой степени и в каком отношении «конституция» ограничивает власть законодательных органов. В знаменитом деле 1761 года о постановлениях на арест имущества Отис взял столь решительную ноту, что Адамс позднее несколько патетически писал, будто «там и тогда появилась на свет наша свобода». Отис заявлял, что «парламентское постановление, расходящееся с конституцией, ничтожно» и, более того, что суды обязаны «лишать силы такие постановления», поскольку «дух обычного права» предоставляет им такие полномочия. Но как определить ту «конституцию», на которую не имеет права посягать парламент? Есть ли она совокупность принципов, обособленных от действующего правительства, управляющих его деятельностью и стоящих выше его? Существуют ли «конституционные» ограничители власти парламента? Ответы Отиса на эти вопросы были двойственны и несли в себе зародыш политических катастроф. Обосновывая ничтожность любого парламентского постановления, противоречащего конституции, Отис опирался главным образом на авторитет Коука и его постановления по «делу Бонама», а также поздней-

ших судей, комментировавших это постановление. Однако, как показал профессор Торн, Коук не подразумевал «существования высших принципов права и законности, с которыми должны согласовываться парламентские решения». Рассуждая в категориях частного, а не конституционного права, Коук утверждал только, что судам следует толковать законы «таким образом, чтобы не отступать от общепринятых начал разума и правосудия, <...> лежащих, как нужно полагать, в основе любого закона». Говоря о праве суда «лишать силы» неконституционные положения, Коук имел в виду возможность истолковывать законодательные акты в соответствии с общепринятыми нормами законности¹⁹.

Оперируя в конституционном споре XVIII века юридическим языком прошлого столетия, Отис вплотную подходил к заключениям, которые сам не готов был принять. В памфлете 1764 года он писал: «Если рассмотрение законодательного акта ясно показывает, что он направлен против естественной справедливости, исполнительные суды аннулируют его». В приложении к этому памфлету, первоначально написанном в качестве меморандума лондонскому поверенному Массачусетса, Отис так отзывается об утверждении, будто «судьи будут всеми силами избегать аннуляции закона, *ab initio*»: «Это правда, но тем не менее власть [парламента] не беспредельна, если она в принципе подлежит судебному надзору». Итак, полномочия парламента ограничены неизменной конституцией, существующей помимо законодательных актов и стоящей выше их, и именно она служит отправной точкой для деятельности судов. В свое время кто-то придет к такому выводу. Авторитетный теоретик, которого Отис пространно цитирует в приложении, не мог бы выразиться яснее. Распространяется ли власть законодателя на основополагающий закон, и позволено ли ему «изменять государственную конституцию?», — спрашивал Отис словами швейцарского мыслителя Эмериха Ваттеля. Ответ был отрицательным: законодатели «обязаны свято почитать основные законы, если народ самым недвусмысленным образом не поручал переменять их. Государственная конституция должна быть неизменна; и поскольку она сперва установлена народом, который потом наделил некоторых особ законодательными полномочиями, то она не подлежит их власти».

Однако, даже цитируя тезис Ваттеля, Отис не осознавал его следствий и не учитывал их при выработке собственной точки зрения на конституцию и пределы власти парламента. Он рассуждал так: если постановление парламента противоречит естественным законам, «неизменно верным», то оно отступает от «вечной истины, справедливости и правосудия» и «вследствие этого ничтожно»:

так решит и сам парламент, если убедить его в его ошибке. Исходя из этого великого принципа, парламенты отзывают законы, как только находят их ошибочными. <...> Когда ошибка очевидна и несомненна, <...> судьи исполнительных судов объявляют постановление «всего парламента ничтожным». Се величие английской конституции! Се мудрость наших прародителей! <...> Если высшее законодательство ошибочно, исполнительная власть заявляет об этом в королевском суде. <...> Се правительство! Се конституция! Сохранность ее <...> оплачивалась во все времена океанами богатств и крови; и та и другая цена заплачена не зря.

Итак, парламент есть составная часть конституции, а не производное от нее, и его власть «не покоряется никому, кроме самой себя, и мы должны склониться перед ней. Только парламент может отзывать свои решения. <...> Какое бремя ни наложил бы на нас парламент, наш долг и обязанность велят нам подчиниться и терпеливо нести его, пока парламент не сочтет нужным облегчить нашу участь». Однако, по мнению того же Отиса, постановления парламента, расходящиеся с конституцией, то есть со всей совокупностью законов, принципов и органов власти, основанных на здравом смысле и справедливости, ничтожны, суды аннулируют их, и сам парламент будет вынужден отозвать их²⁰.

Вычурная логика этого рассуждения обнажает дистанцию между теорией XVII века, определявшей воззрения Отиса, и политическими проблемами его собственного, XVIII столетия. Отис, подобно Коуку, продолжал рассматривать парламент как высший законодательный орган, по статусу своему неизбежно вовлеченный в судебную деятельность. Он также полагал, что нравственные обязательства и права «не отделены, как ныне утверждают, от прав и обязательств, основывающихся на законе», а, напротив, проистекают из действующих законов²¹. Ставя над действиями правительства некий «высший закон», Отис не видел в нем потенциального основания для судебной аннуляции законодательных актов; под «высшим законом» он понимал традиционные общие принципы, которыми должны руководствоваться суды при истолковании законов с тем, чтобы согласовывать их друг с другом и избегать вопиющей несправедливости.

Однако в XVIII веке такая точка зрения уже не соответствовала политической реальности. Парламент давно не был судом, но представлял собой всемогущий орган, наделенный верховной властью. Идея о том, что он исправляет собственные ошибки, исходя из принципов справедливости, и прислушивается к мнению судов, если и была когда-нибудь близ-

ка к действительности, ко времени Отиса устарела и навлекла критику с двух сторон: британская администрация инкриминировала Отису намерение ограничить власть парламента, а колониальные радикалы усматривали в его выкладках пропаганду покорности и непротивления властям.

Отис как мог сохранял верность конституционной теории XVII века и ее основоположникам, которых он, подобно многим американцам, искренне почитал. Другие колониальные публицисты, выказывавшие, быть может, не столь обширную эрудицию, лучше оценили обстоятельства своего времени и в конечном счете оказались смелее Отиса. В 1764 году понятие конституции истолковывалось еще традиционным образом и не было осложнено выкладками Отиса. Он цитировал Коука и Ваттеля, не отдавая себе отчета в следствиях этого соположения, а его собратья отождествляли «конституцию» то с «основополагающими законами», то с обычным правом, то с парламентом, то с совокупностью всех существующих законов и правительственных органов²². Однако развитие теоретических взглядов на этот вопрос подстегивалось все возрастающей после 1764 года необходимостью отделить основополагающие принципы государственного устройства от правительства с его политикой и применить их для ограничения административной власти. Как только действенность такого подхода была уяснена, теоретическое обособление конституции как набора неизменных правил и запретов от практического отправления власти стало осуществляться стремительно.

В 1768 году отличавшийся радикализмом Сэмюэль Адамс в серии писем от имени палаты представителей Массачусетса писал, что «конституция неизменна, и из нее проистекает власть высших законодательных и судебных органов»; сходные тезисы он инкорпорировал и в знаменитый массачусетский циркуляр того же года. Уильям Хикс из Филадельфии рассуждал о том, что, если признать все законодательные акты «частью конституции» потому только, что они изданы правительством, то станут невозможны любые ограничения правительственной власти. Он не признавал неприкосновенности «изменчивых, противоречивых форм правления, полученных нами в ходе времен»; они сложились стихийно, и их следовало исправлять и приближать к теоретически осознанному идеалу. В 1769 году еще дальше в этом направлении пошел Цубли, прямо отделивший конституцию от законодательной власти и провозгласивший, что существующий парламент «основывает свою власть на конституции, а не конституция основывается на власти парламента». Конституция, по его мнению, «постоянна и неизменна», а парламента «не имеет права издавать законы, противоречащие конституции и неизменным правам британских подданных, точно так же, как ему

не позволено изменять саму конституцию. <...> Конституция предписывает границы власти парламента и каждой его ветви»²³.

В 1770 году под конституцией понимали «черту, ограничивающую участок»; в 1773-м — «постоянную мерку для действий правительства», которую правители «ни в коем случае не могут изменить <...> без всеобщего согласия»; в 1774-м — «образ правления», в 1775-м — «почитаемые основополагающие начала», от «определенности и постоянства» которых «равно зависят права подданных и правителей; их не позволено изменять ни правителю, ни народу, но только всеобщей собирательной воле <...> законодатели также не должны прикасаться к ним». Наконец, в 1776 году последовали решительные выводы. Два вышедших в этом году памфлета, яркие искры революционных столкновений в Пенсильвании, осветили путь к первым конституциям штатов. Автор «Четырех писем о существенных предметах» писал: «Конституцию часто смешивают с формой правления и считают, будто это одно и то же, в то время как они не только различаются между собой, но и созданы с разными целями». У всех народов есть правительства, «но если кто-нибудь из них имеет истинную конституцию, то лишь немногие». Главная задача конституции — обозначить пределы государственной власти, поэтому в Англии, где нет конституции, законодательная власть не ограничена ничем (кроме решений суда присяжных). Конституция, ограничивающая полномочия правительства, должна опираться на высшую власть, стоящую над теми, кто издает «временные законы». Эта власть может быть утверждена «всеобщим волеизъявлением» и зафиксирована в форме «некой записанной хартии». Конечно, в ней могут обнаружиться недостатки, и их придется исправлять: для этого понадобится особая процедура, которая позволит изменять конституцию, не подрывая ее верховенства. «Средства просты»: «в какой-либо статье конституции нужно предусмотреть, что по истечении семи или любого другого числа лет провинция будет избирать коллегия, которая рассмотрит, не совершено ли посягательств на конституцию, и будет уполномочена устранять их, но не вносить изменения в конституцию без волеизъявления подавляющего большинства жителей». Составленная и защищенная таким образом конституция сможет четко указать, «какую долю свободы» жители уступают правительству, и дать ответ на «два следующих вопроса: первое, какова будет форма правления? второе, какова будет власть правительства?» К тому же «конституция должна определять способ избрания на правительственные должности, характер связанных с ними полномочий, сроки пребывания в должности <...> и проч.». Наконец, «основные права, коих люди не желают и не должны лишаться, должны быть обеспечены, а не дарованы конститу-

цией, ибо при составлении ее нужно помнить, что то, что мы решим обеспечить простым законом, сможет быть изменено другим законом»²⁴.

Сходные соображения в еще более последовательном виде изложены во втором памфлете из Филадельфии, вышедшем под заглавием «Истинные основания древней саксонской или английской конституции». Эта работа по большей части скомпонована из фрагментов книги Обадии Хьюльма «Исторический опыт об английской конституции», опубликованной в 1771 году в Лондоне и определившей исторические воззрения нарождающегося американского конституционализма. Конституция здесь также определялась как «совокупность основополагающих правил, которым подчиняется даже высшая государственная власть» и которые законодательное собрание не в силах изменить. Однако в этом памфлете подробно объяснялось, как создаются такого рода уложения, какова их роль и сколь важно сохранять их в неизменности. Конституцию должен принимать «съезд делегатов от народа, избранных только для этой цели»; «никакая власть, кроме принимавшей [ее], не может производить в ней добавлений, исключений и поправок». Конституция должна пребывать неприкосновенной, и благодаря этому оказывать глубокое воздействие на жизнь людей. «Особы, уполномоченные составлять гражданские конституции, пусть помнят, что они пишут для вечности: малейший недостаток или избыток в их здании может погубить миллионы»²⁵.

Одновременно с понятием конституции менялось и другое связанное с ним понятие; в обоих случаях смещение акцентов обернулось радикальным сломом, характерным для революционной эпохи. В начале рассматриваемого периода под обеспеченными конституцией *правами* понимали, как мы имели случай увидеть, неотчуждаемые и неоспоримые всеобщие права, общечеловеческое достояние, закрепленное в конкретных нормах английского права. Считалось, что «конституция» в действии определяет и оберегает эти неотчуждаемые права. Но что, если нет? Что, если эта презумпция неверна, и административная власть не столько защищает права людей, сколько угрожает им? И что, если вдобавок ко всему конституцию, созданную для обороны прав, обособить от правительственных органов и увидеть в ней не сумму учреждений и законов, но чертеж, по которому их следует создавать, мерило политической практики?

Эти вопросы возникли на ранних стадиях спора, в ходе сопровождавшегося беспримерной бранью полемического столкновения вокруг конституционных вопросов. Судья из Род-Айленда Мартин Говард, отвечая на памфлет Стивена Хопкинса «Рассмотрение колони-

альных прав» (1765), признавал, что обычное право включает в себе и оберегает «неотчуждаемые» личные права; именно обычное право обеспечивает их действие среди британских подданных. Но власть парламента также подразумевается обычным правом. «Можем ли мы опираться на обычное право, позволяя себе сохранять одну его часть и отвергать другую?» Не признающий власть парламента должен отказаться от политических и даже личных свобод. Наоборот, если права — неотделимый элемент законов и учреждений, эти последние должны быть признаны в существующем виде²⁶.

Джеймс Отис принял вызов и выпустил желчный, язвительный, едва ли не исступленный ответ, где, однако, вновь оказался связан традицией и не смог осмыслить логику собственных доводов; он вновь заострил вопрос, не сумев его разрешить. Отис обличал «истинно филмеровское» сочинение судьи, «наводненное неточностями, декламацией и ложными заключениями <...> и грубейшей напыщенностью». По его мнению, Говард «постоянно смешивает понятия прав, свобод и привилегий, которые различаются как в юридическом, так и в обычном употреблении». Это смешение восходит к ошибочному прочтению Блэкстона, из «Комментариев» которого Говард извлек ложную идею о тождестве прав физических и искусственных лиц, то есть «политических и корпоративных совокупностей». Права корпораций, действительно, «милостиво даруются по воле основателя или дарителя», но это ни в коем случае не распространяется на права людей. Британцам «природные, неограниченные личные права» обеспечены «уставами Господними и природными, а также конституцией их страны, к чести своей основывающейся на этих уставах». Только Говард с его «филмеровской усмешкой» «не видит различий между правом и силой, между слепой, раболепной покорностью и верным, великодушным и разумным подчинением», и только он не отдает себе отчета, что «неотъемлемые и бесспорные права подданных» проистекали из «закона природы и ее создателя. Этот закон есть всеобщее основание общего права и всех других законов самоуправления. <...> Действительно, любое парламентское постановление, где упоминаются колонии, <...> обязательно для них. Однако, строго говоря, причина этого не в обычном праве, но в естественном законе, определяющем положение парламента или верховного и правительствующего законодательного органа»²⁷.

Отис заговорил о верховенстве абстрактных прав, но не стал доводить свою мысль до логического предела; он продолжал полагать, что действительное законодательство выражает и по природе своей защищает всеобщие человеческие права. Однако то, чего не сделал сам

Отис, сделали за него другие. Продолжавшиеся споры о конституции все чаще касались вопроса о всеобщих и неоспоримых правах. Другой адвокат, Джон Дикинсон, превосходивший Отиса юридической подготовкой, подверг намного более основательной и фундированной критике идею о происхождении прав из «милостивых пожалований». Даже защищая в 1764 году хартию Пенсильвании от нападок Гэллоуэя и его единомышленников, Дикинсон не признавал, будто «свобода подданных есть милость и даруется коронными хартиями». В громогласной речи, произнесенной в законодательном собрании Пенсильвании, он доказывал, что права колонистов «основываются на общепризнанных правах человеческой природы». Достоинство пенсильванской хартии состояло в том, что она фиксировала истинный характер этих свобод, не оставляя пространства для ложных толкований, и освобождала их от бремени древних, устаревших обычаев, «упразднить которые у наших предков не нашлось либо времени, либо мудрости». Через два года Дикинсон вернулся к этому тезису и развил его в «Обращении к комитету по переписке Барбадоса», где говорилось, что хартии, как и любые законы, «утверждают, но не даруют наши свободы». Короли и парламенты не властны даровать «права, необходимые для счастья»:

Мы получаем их из высшего источника, от царя царей и владыки всея земли. Они не закреплены за нами пергаменами и печатями, они созданы вместе с нами велениями провидения, устанавливающими законы нашей природы. Они рождаются с нами, живут с нами, и человеческая воля не может отнять их у нас, не лишив нас жизни. Наши права основываются на неизменных началах разума и справедливости.

Свободы не создаются юридическими актами — даже столь важными, как Великая хартия вольностей; эти акты «только осведомляют о наших правах и подтверждают их»²⁸.

В конце концов вывод стал очевиден: правомочность действующих законов и норм прямо зависела от того, насколько они соответствуют абстрактным и всеобщим естественным правам. С одной стороны, даже в 1775 году не все разделяли радикальную точку зрения Александра Гамильтона, смело заявлявшего, что «священные права человечества не нужно выискивать среди старых пергаментов и пыльных записей. Они высечены, как бы солнечным лучом, в книге человеческой природы рукою самого божества, и власть смертных не способна стереть или утаить их». С другой стороны, хотя многие находили слова Гамиль-

тона слишком экзальтированными, к 1774 году мало кто, даже среди то-ри, оспаривал более взвешенный вариант той же идеи, предложенный Филипом Ливингстоном. Правильно ли он понял своего оппонента, То-маса Брэдбери Чандлера? Действительно ли тот полагает, будто «любое право <...> не подтвержденное установленным законом, не есть закон-ное право»? Если так, провозглашал Ливингстон, «я от имени Америки отрицаю это». Законные права суть «права, обеспеченные нам вечным законом разума»; они существуют независимо от установленного зако-на и служат мерой его легитимности²⁹.

Ни Гамильтон, ни Ливингстон, ни другие публицисты, касав-шиеся этой темы, не намеревались отвергать наследие английского зако-нодательства и обычного права. Они доказывали только, что, говоря сло-вами Джефферсона, источник прав следует усматривать «в законах природы, а не в пожалованиях главы государства», и, следовательно, не-обходимо признать существование идеала, порождающего нормы и ог-раничения для действительной законодательной практики. Но каков этот идеал? Каковы неизменные и вечные права человека? Все знали, что они в конечном счете сводились к праву на жизнь, на свободу и на собствен-ность. Но как толковать эти широкие понятия? Не следует ли определить их? Не нужно ли закрепить абстрактные принципы, опирающиеся на раз-нородную юридическую традицию, в виде конкретных норм? Не подоба-ет ли определить и кодифицировать основные права человека, которые должны соблюдаться законодательными и судебными властями? В 1765 го-ду Джеймс Отис негодовал при одной мысли о создании документа, за-крепившего бы «права колоний с точностью и определенностью». Он счи-тал это нахальной и педантической чепухой: британцам нет нужды в «кодексах, сводах, <...> папских декреталях»: «Обычное право есть право врожденное, а права и свободы, подтвержденные и обеспеченные нам британской конституцией и парламентскими актами, суть наше луч-шее наследство». Однако в течение десятилетия конституционная мысль ушла далеко вперед. В 1768 году Артур Ли призывал соотечественников составить ходатайство о правах «и неотступно настаивать, пока оно не бу-дет утверждено в качестве билля о правах»; год спустя Эндрю Элиот объ-яснял, что только «Американский билль о правах» способен разрешить колониальный вопрос. Никто не стал возражать, когда в 1776 году было решено, что «все основные права <...> должны быть обеспечены» осо-бым конституционным актом, и началась работа над конституцией³⁰.

Взаимосвязанные сдвиги во взглядах на природу конституции и прав че-ловека имели решающее значение для будущего развития американской

конституционной теории и практики. Однако современникам они не представлялись столь важными. Более того, современники не заметили этих сдвигов, столь плавно и легко они укоренялись в общественном сознании. Новые представления не вызвали противодействия, и уже вскоре публицисты считали нужным напоминать американцам, что основополагающие принципы их правового и конституционного мышления выработаны «недавно, и мир обязан [ими] Америке; ибо хотя [различие между конституцией и обычным законодательством] не зародилось в этой стране, именно здесь его воплотили на практике, опробовали и установили его пользу и осуществимость»³¹. Дело в том, что достижения революционной эпохи в этой сфере, как и во многих других, были предвосхищены особенностями колониального уклада. Как бы Отис ни оценивал в теории необходимость конституционного закона, акты подобного рода, не отличавшиеся принципиально от ненавистных ему «кодексов» и «сводов», к этому времени существовали, действовали и считались необходимыми уже по меньшей мере целое столетие. Некоторые из них — например, хартия колоний Массачусетского залива, — изначально представляли собой торговые хартии, при посредстве которых корона уступала права предпринимателям, готовым взяться за освоение новых земель. На месте они быстро сменили функцию и «как по мановению фокусника <...> образовали каркас местной власти». Как указывает профессор Мак-Илвайн, Массачусетская хартия «напоминала народную конституцию» более, чем «любое другое правительственное установление, действовавшее в Америке или где бы то ни было еще с начала Нового времени». Неудивительно, заключает исследователь, что Основные законы штата Коннектикут (1639), «первая общенародно утвержденная конституция в Америке», были составлены бывшим жителем Массачусетса³².

Позднейшие коронные хартии, дарованные, например, Коннектикуту и Род-Айленду, предназначались для целей управления. Дарственные акты XVII века, передававшие в частную собственность колонии в Нью-Йорке, Мэриленде и Каролинах, несмотря на архаичную феодальную терминологию, устанавливали «правительствующие власти» и предполагали создание общественных органов, «не подлежащих изменениям, кроме как по согласию дарителя». Наиболее значимой в этом ряду была модель управления, разработанная Уильямом Пенном для Нью-Джерси и Пенсильвании и носившая намеренно «конституционный» характер. Этот удивительный человек, царедворец, ученый и сектант, прожектер и святой, столь далеко прозревал перспективы конституционализма, что предлагал не только «План колониального

союза», но и проект «Установления европейского сейма, парламента или генеральных штатов». Неудивительно, что он с жаром принялся составлять план административного устройства для колоний квакеров. Пользуясь советами ведущих политических теоретиков своего времени, он произвел на свет целый ворох договоров, описаний правительственного строя и хартий, в которых был разработан порядок «гражданского управления, выборов, судебного разбирательства, отправления правосудия, штрафов, наказаний и <...> исполнения государственных должностей». Эти планы (постоянно исправлявшиеся, чтобы приблизить идеалистические модели к действительным обстоятельствам), несомненно, предназначались для роли основного учредительного закона³³.

К началу революционной эпохи сохранявшиеся хартии, служившие когда-то инструментом установления или легитимации господства, стали главной защитой против властного произвола. В Коннектикуте, Род-Айленде и Массачусетсе их продолжали почитать, как и сто лет назад, поскольку они подтверждали «древнее английское обычное право» и «общие права англичан». Накануне принятия злополучного Закона о гербовом сборе в Пенсильвании развернулись споры вокруг налоговых привилегий, обеспеченных местной хартией семье Пенна. Адвокаты вроде Джона Дикинсона добились сохранения этих привилегий на том основании, что следует сохранять в неприкосновенности «законы и свободы, созданные и переданные нам по наследству нашими заботливыми предками. <...> Любой орган, получивший свои полномочия по хартии, необходимо вступает на скользкую почву, когда его действия могут означать отказ от этой хартии». Преимущества этих знаменитых договоров между «монархом и первыми обладателями его патентов» ценились не только в тех колониях, где они имели юридическую силу. По всему пространству американских поселений действующие хартии рассматривались как «свидетельства прав и свобод, принадлежащих королевским подданным в Америке»³⁴.

Надо сказать, что с течением времени хартии обретали особый символический авторитет. С точки зрения богословия завета (ковенанта) и его приверженцев эти хартии опирались не только на земную, но и на небесную власть: «наша хартия <...> была торжественным заветом между [королем] и нашими отцами» — «священным» заветом, которым корона обязывалась охранять нравственно обновленный народ и его «права, свободы и привилегии <...> в неизменности и неприкосновенности, без малейших нововведений, подобно тому, как царь Давид был связан заветом народа». В предреволюционные годы «народ Божьего завета» видел в хартиях «основополагающие начала, ядро правления, <...>

предписывающее форму различным правительствам, определяющее и ограничивающее власть короны должными пределами и обеспечивающее и утверждающее их права, полномочия и свободы»³⁵.

На этом фоне идея конституционного закона, ограничивающего отправление власти, не должна была казаться слишком дерзкой, а от ее сторонников не требовалось полного обновления политических понятий. Примеры были давно у всех на виду; оформившись в политическую доктрину, конституционная идея оживила старый опыт и превратила его в движущую силу.

Сходным образом изменялись представления о правах, хотя нам труднее распознать траекторию этого сдвига. Абстрактное понимание прав, отделяющее их от старинных норм обычного права, и их фиксация в особых документах не были совершенно новинкой для колонистов. У них имелся опыт в этой области; соответствующая практика вошла в обиход и стала приносить плоды за столетие до того, как была обобщена в конституционной теории. Первые британские поселенцы в Америке не разбирались в юриспруденции и нетвердо понимали, каков закон и каковы их права, однако с убежденностью веровали в то, что английские законы и английские права составляют их неотъемлемое достояние. Они записывали известные им нормы, исчисляли их следствия и констатировали обеспеченные ими права, по крайней мере некоторые. Эта работа началась с появлением первых поселений. Уже в 1636 году практические нужды (а не положения конституционной теории) заставили Пилигримов составить первый свод законов. Как пишет ведущий специалист по истории раннего американского права, этот свод «содержит рудиментарный билль о правах», который благодаря дополнениям и поправкам превратился на протяжении XVII века в «билль о правах современного типа». Сходным образом и поселенцы-пуритане установили собственное законодательство в первые же десятилетия жизни в Америке. Их «Законы и свободы» 1648 года задумывались как свод уже введенных в силу норм, но по сути исполняли намного более масштабную задачу: они определяли «истинные права и привилегии свободного человека». Этот документ ознаменовал собой «кульминацию исключительно плодотворного периода» в развитии юридической и конституционной мысли. Он быстро прославился и оказал существенное влияние на колониальное законодательство. Он стал

источником права в Массачусетсе большей части XVII века и более поздних времен; во многих других колониях его нормы заим-

ствовали или служили образцом для местных законов. Его воздействие, охватывавшее одну колонию за другой, распространилось в другие области Новой Англии, вплоть до Нью-Йорка и даже Делавэра и Пенсильвании³⁶.

В то же время другие колонии опирались не только на опыт Новой Англии. Действуя самостоятельно и отзываясь на те же нужды, что и массачусетские законодатели, они составляли собственные декларации о правах. Злосчастная Хартия свобод и привилегий, принятая Генеральным собранием Нью-Йорка в 1683 году, содержала не только каркас конституции, но и билль о правах. Восемь лет спустя, в 1691 году, то же собрание утвердило еще более подробный документ, «Права и привилегии подданных короны». Из-за «широковещательных и сомнительных выражений», вызвавших протест в Англии, метрополия отказалась признавать его. Права человека фиксировались здесь посредством жестких ограничений полномочий правительства: жители освобождались от незаконного ареста, произвола в налогообложении, тягот военного положения, сборов на содержание войска в мирное время, феодальной дани и ограничений на свободное землевладение; вдобавок им обеспечивалось должное судопроизводство, в первую очередь суд присяжных, а протестанты получали право беспрепятственно высказывать «мнения, убеждения [и] суждения в вопросах совести и веры на всей территории этой провинции»³⁷.

Однако, как и в других случаях, дальше всех видел и больше всего сделал Уильям Пенн. В 1677 году вышли в свет «Законы, уступки и соглашения», составленные им (по всей видимости, в соавторстве с Эдвардом Биллинджем) для провинции Западный Нью-Джерси. Этот в высшей степени прогрессивный акт не только регулировал распределение земли и порядок правления, но и устанавливал «общие законы, или основополагающие права и свободы» колонистов. По сути он фиксировал для жителей Нового Света «свободы, обеспеченные законом в целях благотворного правления и согласные по мере возможности с „первоначальными, древними и основополагающими законами английского народа“». В законах, разработанных Пенном для собственной провинции, Пенсильвании, права и свободы оговаривались с еще большей ясностью. В первоначальных «Уступках» и «Основах правления», а также в так называемых Законах, одобренных в Англии, Хартии вольностей и Хартии о правах, подробно изъяснялись правила для «всех частей человеческой жизни, гражданской и общественной» вместе с соответствующими правами и обязанностями³⁸.

Конечно, эти законодательные акты не были биллями о правах в современном понимании. Составители большинства из них не ставили своей целью определить общие принципы, предшествующие государственной практике и направляющие деятельность правителей и законодателей. Напротив, как правило колониальные статуты задумывались как своды прав, уже обеспеченных английским (если не колониальным) законодательством, и должны были всего лишь облегчить жителям дикого континента доступ к важнейшим юридическим сведениям. Эти статуты не считались ни «основополагающими», ни исчерпывающими, и в первую очередь транслировали нормы, позволявшие избежать произвола при отправлении законной власти. Тем не менее некоторые из этих колониальных сводов имеют удивительно современное звучание и содержат те же самые ограничения государственной власти и гарантии личных прав, что и позднейшие полноценные билли о правах. XVIII столетие ничего не добавит к максимам из «Уступок... или Основополагающих прав» Западного Нью-Джерси о том, что «никто на земле, ни человек, ни группа людей, не имеют власти или полномочий повелевать совестью человека в вопросах веры» или что никто «не будет лишен жизни, членов, свободы, имени [или] имущества <...> без должного судебного разбирательства и приговора, вынесенного двенадцатью добрыми законопослушными особами из числа его соседей». Джеймс Мэдисон даже столетие спустя согласился бы с положениями нью-йоркского «Акта, объявляющего о правах и свободах», провозглашавшего «должное исполнение закона», право на суд присяжных и свободу от постоя солдат в мирное время³⁹.

Колониальные статуты и декларации, чем бы ни руководствовались их составители и сколь архаично или, наоборот, современно ни звучали их положения, преследовали одну общую цель: извлечь из хитросплетений английского права и обычая первостепенные элементы — обязательства, права и запреты, обеспечивающие народную свободу. По мере того как механизмы колониальной власти и правосудия отлаживались, а деятельность все более профессиональных судебных юристов знакомила колонистов с тонкостями закона, необходимость в статутах такого рода исчезала. Там, где они не были защищены авторитетом коронных хартий, они утрачивали значение, однако не забывались. Где-то они сохранились в неприкосновенности вплоть до революционного времени, где-то они были упразднены, но их продолжали почитать. Повсюду признавали их справедливость и благотворность; неудивительно, что политическое сознание революционной эпохи не прошло мимо них. В 1774 году Александр Гамиль-

тон заявлял, что «поразительный» нью-йоркский закон 1691 года «опровергает все измышления о том, будто наши нынешние притязания неслыханны, и показывает, сколь лукавы и лживы клеветнические утверждения, будто [Континентальный] конгресс требует все больше и больше»⁴⁰.

3. Суверенная власть

Представительство и согласие, политический строй и права — таковы были понятия, обсуждение которых способствовало кристаллизации американского радикализма. Однако главным был вопрос о суверенной власти; в конечном счете именно он был предметом революционной борьбы. Рассматривая проблему суверенитета — происхождения верховной власти и ее расположения в государственной системе, — американцы отступали от основополагающих начал политической мысли XVIII века. Их диковинные идеи не завоевали широкой поддержки, но положили начало критической рефлексии над принципиальными вопросами государственности и открыли путь для будущего переустройства власти.

К 1760-м годам понятие суверенитета бытовало в англоязычной традиции немногим более века. Оно возникло во времена гражданской войны, в начале 1640-х годов, и в эпоху Славной революции 1688 года играло ключевую роль в политической мысли виггов. Оно опиралось на две основные идеи. Первая из них предполагала необходимость единого и неделимого источника высшей власти, никому неподотчетного, неподвластного законам, предприсывающего законы самому себе. Эта идея восходила отчасти к античной политической теории, отчасти к римскому праву, отчасти к средневековой традиции. Она проникла в Англию в XVI веке главным образом через сочинения Жана Бодена, обосновывавшие принципы монархического господства. Первоначально понятие суверенитета, не потерявшее связи со своими правовыми, религиозными и донациональными корнями, толковалось ограниченно. Называя верховную власть «суверенной», Боден не считал ее абсолютной или беспредельной; деятельность суверенного государства должна, по словам Бодена, «воплощать уставы природные и божественные». Как пишет профессор Мак-Илвайн, политическое учение Бодена, постулировавшее самодовлеющую властную инстанцию, есть тем не менее «учение о законе, а не о силе, учение о *Rechtsstaat*; оно <...> на протяжении двух поколений определяло политическую мысль даже в Англии».

Однако в середине XVII века английский политический кризис принес перемены. Необходимость установить надежные опоры общественного порядка заставила отказаться от мысли о слиянии силы и права. Поколение хладнокровных прагматиков устранило нравственные и юридические обоснования суверенитета и оставило только идею голой силы. Этот сдвиг обычно связывают с именами Гоббса и Филмера, хотя они действовали не в одиночку. Традиционные ограничения верховной власти были оспорены и едва ли не упразднены более ранними защитниками королевских прав — Роджером Мэйнуорингом и Робертом Сибторпом (американские колонисты будут вспоминать их как теоретиков деспотизма), Фрэнсисом Бэконом и самим Яковом I. Однако именно Гоббс в середине XVII века впервые вышел за пределы непосредственных притязаний монархии и стал доказывать, что необходимое свойство суверенной власти, в чьих бы руках она ни находилась, — способность навязать свое господство. Учение о *Machtstaat* в самом вопиющем его изводе американские колонисты XVIII века будут приписывать Гоббсу и Филмеру⁴¹.

Однако абсолютная, безусловная и неделимая власть была только одним из составляющих общего понятия суверенитета, как его толковали в Англии накануне Американской революции. Другая его сторона касалась самого субъекта власти. Какое лицо или орган может быть ее носителем? Теоретики абсолютизма времен Якова I, как и Филмер, видели в этой роли короля. Другие, подобно Гоббсу, полагали, что «сохранение самой жизни по существу зависит от власти, а не от закона», и опасались, что ничем не ограниченный монарх станет совершенным деспотом — по этому пути шел Карл I. В потоке политической рефлексии, порожденной крахом монархического принципа в результате событий 1642 года, из посылки о необходимости «абсолютной власти в любом государстве» был сделан новый вывод. Если власть попадает в руки «одного или немногих, это опасно, но парламент не единоличен и многочисленен», следовательно, не может произойти «никакого беспокойства» от передачи полной власти парламенту. Он «столь безусловно выверен» в своем составе, и «все сословия занимают в нем столь верно определенные места», что вверенная ему безусловная власть «не опасна и не нуждается в ограничениях»⁴².

Приведенные отрывки взяты из памфлета 1642 года, где Генри Паркер «впервые в английской истории выдвинул теорию парламентского суверенитета». Эту теорию Паркер и его единомышленники развивали при двойном сопротивлении ультрароялистов, теперь считавших закон необходимым условием абсолютной власти, и крайних либертарианцев, оберегавших права личности от вторжений любого правитель-

ства. Идеи Паркера получили признание, и ко времени Реставрации сложился новый взгляд на парламент, непредставимый поколением раньше. Теперь парламент считался носителем суверенной и неограниченной власти; он издает и толкует законы, но не подчиняется им; ему подвластны все права и полномочия в государстве. Идея парламентского суверенитета победила во время Славной революции; опираясь на учение о верховной власти народа — власти, обычно пассивной и проявляющей себя только в мятежах против тирании, — она дожила до XVIII века и все еще обсуждалась накануне Американской революции⁴³.

Учение о суверенитете парламента постепенно развивалось и со временем далеко ушло от исходной точки. В одной из лучших своих работ профессор Мак-Илвайн показывает, что у истоков его стояла традиция Хукера и Коука, Элиота и Хейла, которые

не признали бы никакой абсолютной власти — ни королевской, ни парламентской. Филмер полагал, что власть в Англии не подлежит ограничениям и должна находиться в руках монарха; Гоббс требовал абсолютной, но необязательно монархической власти; век спустя многие виги желали власти абсолютной, но ни в коем случае не монархической. Таким образом, после событий 1689 года и революции, обозначившей окончательную победу вигов, абсолютная власть Гоббса и Филмера была впервые «привита английскому государственному строю» <...> и передана национальному собранию. <...> С точки зрения вигов подлинным сувереном мог быть только парламент.

К середине XVIII века парламентский суверенитет стал аксиомой. В 1763 году — в том же году, когда был принят Закон о гербовом сборе, — Уильям Блэкстон включил в свои «Комментарии...» классическую формулировку: «при всех [формах правления] существует и должен существовать высший, всевластный, абсолютный и неограниченный орган, наделенный *jura summi imperii*, правами суверенитета»; «суверенитетом в британском строе» обладает парламент, орган, объединяющий в своем составе короля, лордов и общины, так что его решения «никакая сила в мире не способна отменить»⁴⁴.

Этот постулат, казавшийся неопровержимым («его истинность очевидна, — утверждал Томас Паунелл, — и не нуждается в доказательствах»), лег в основу претензий метрополии к колонистам. Трудно отрицать, что «право налогообложения есть неременная прерогатива любого высшего законодательного органа». Следовательно, если парла-

мент «не имеет таких полномочий в Америке, он не имеет там никакой власти вообще; а значит, Америка незамедлительно обращается в независимую державу». Логика Деклараторного закона 1766 года была в этом смысле непогрешимой: парламент «имел, имеет и будет иметь полномочия издавать и вводить в силу законы и статуты, обязательные для колоний и народа Америки <...> во всех случаях»⁴⁵.

Необходимость оспорить, смягчить или перетолковать этот догмат британской системы стала важнейшей задачей американских идеологов; усилия, предпринимавшиеся с этой целью, начиная с англо-американских споров о власти парламента и заканчивая дискуссиями о ратификации федеральной конституции, составляют увлекательнейшую часть американской политической мысли. Перед нами замечательный пример творческого приспособления абстрактных категорий к действительности. В Англии понятие суверенитета фигурировало не только в теории, но и в политической повседневности; в колониях дело обстояло иначе. С первых лет колонизации Америки местные обстоятельства исключали применение неограниченной и неделимой власти. Несмотря на предпринимавшиеся в конце XVII века попытки английского правительства сократить полномочия местного самоуправления в Америке, автономия провинций сохранялась. Ни король, ни парламент фактически не обладали суверенным господством над колониями. Само собой, они пользовались значительной властью. Король утверждал или отклонял все законодательные и судебные акты, назначал высших должностных лиц, направлял деятельность колониальной администрации, участвовал в принятии важнейших гражданских или военных решений, затрагивавших отношения с другими государствами, и номинально претендовал на власть над огромными неосвоенными территориями Запада, а также некоторыми заселенными областями на востоке. Парламент учредил колониальную почту, руководил натурализацией и предписывал колонистам правила определенных видов экономической деятельности, в первую очередь торговли и мореплавания. Эти полномочия, однако, были далеко не безграничны; в совокупности они не обеспечивали сколько-нибудь обширного вмешательства британских властей в колониальные дела и не препятствовали деятельности других, не столь именитых органов, обладавших действительной властью. Прерогативы короны и парламента затрагивали лишь верхний слой колониальных дел, явным образом не подпадавший под юрисдикцию местных властей; правительство в Лондоне только выносило суждение об их действиях. Все прочие полномочия — если не в конституционной теории, то на практике, — были сосредоточены в руках колониальных органов. «Внут-

ренный порядок» американских поселений, составлявший сферу местной юрисдикции, почти полностью охватывал повседневное существование колонистов.

Местные власти осуществляли охрану правопорядка: имперской полиции не существовало, а время от времени появлявшиеся в колониях британские военные части по характеру своих задач лишь изредко вмешивались в распорядок гражданской жизни. Правосудие отправляли местные суды общего права; считалось, что учрежденные по желанию британской администрации суды небеспристрастны и действуют в интересах властей. Их юрисдикцию постоянно ставили под сомнение и тщательно ограничивали. Наконец, именно колониальные субъекты власти — сперва города и графства, затем законодательные собрания провинций — определяли нормы ежедневного обихода: получения и распределения доходов, личного поведения и вероисповедания, то есть основных способов взаимоотношения человека с окружающим миром, одушевленным и неодушевленным. Те же органы ведали налогообложением. Деньги, естественно, собирались и британским правительством; но то были взносы, пошлины и арендные выплаты (по большей части диктовавшиеся нуждами морской торговли), а не налоги. Со времен первых поселений налоги взимались выборными ассамблеями разных колоний, и этот порядок не оспаривался, а даже поощрялся английским правительством.

Положение Британской Америки к концу Семилетней войны было, таким образом, парадоксально: предельная децентрализация власти внутри империи, якобы управлявшейся единым, неделимым и неограниченным сувереном. Английское правительство отдавало себе в этом отчет; еще за несколько десятилетий до 1763 года королевские чиновники на местах, а также политики и теоретики в метрополии стали предлагать проекты колониальной реформы. Однако в эпоху Уолпола и Ньюкасла никаких последовательных шагов в этом направлении не предпринималось, и в 1763 году американцы столкнулись не просто с политическими нововведениями, но с вторжением в их давно (кое-где около века назад) сложившийся образ жизни. Отвечая парламенту, претендовавшему на суверенную власть в Америке, колонисты по сути намеревались описать языком конституционной теории реалии своего общественного строя. Первое время они с трудом нащупывали нужные слова: подходящие доводы и понятия отсутствовали, их следовало изобретать.

Каким же образом? Какие доводы и слова помогут возвести в ранг конституционного принципа разделение властей, столь долго практиковавшееся в Америке и рассматривавшееся колонистами как

залог их свободы? В числе первых и самых известных публицистов, разыскивавших ответ на это вопрос, был Отис (его суждения на этот счет тесно переплетены с его воззрениями на права и конституцию). Аргументация Отиса сбивчива и непоследовательна. Как и в других случаях, из-за общей анахроничности своего подхода он сталкивается с неразрешимыми трудностями и приходит к неприемлемым для него самого выводам. Он признает общепринятое понимание суверенитета: «Высшая законодательная и высшая исполнительная власть в рамках любого сообщества должны быть сосредоточены. Там, где общее решение или договор не определяют обратное, она остается в руках *всего народа*». В Англии такими полномочиями наделен парламент. «Власть парламента не ограничена никем и ничем, кроме него самого, и мы должны покоряться ему. Только парламент может упразднить собственные постановления. Если подданный, несколько подданных или целые области станут судить о справедливости парламентских актов и отказываться выполнять их, всякому правлению придет конец». Но абсолютная власть не должна быть деспотической. «Парламент не может постановить, что дважды два пять, — Отис здесь, не называя, цитирует Гроция и суммирует всю догоббсовскую традицию понимания суверенитета, — никакое могущество не способно на это». Опоры парламента «суть справедливость, правосудие и истина»⁴⁶.

Эти заявления опирались на истолкование суверенитета, принятое до окончательного утверждения верховной власти парламента, и в 1760-х годах не могли казаться убедительными. Отиса нетрудно было уличить в противоречии. Отстаивая свою позицию — предполагавшую неограниченные полномочия власти, по природе своей милосердной, — Отис вынужден был защищаться от критики с разных сторон. На фоне его выступлений 1761 года о конституционных ограничениях законодательной власти, призыв «покориться» суверену в 1765 году дал повод патриотам обвинить Отиса в том, что он «подкуплен и нанят» кабинетом. Более чувствительны для самого публициста оказались, однако, упреки противоположного свойства, высказывавшиеся и в Америке, и в Англии. Отису ставили в вину, что из его идеи о самоограничении парламентской власти прямо следует требование «независимой и неподчиненной никому законодательной власти в провинциях». Отис отвечал, что никогда не утверждал ничего подобного. В памфлете «Защита британских колоний» он писал, воспроизводя одно из самых популярных речений политической теории XVIII века: «каждый знает, что *imperium in imperio*» — «худший политический солецизм»⁴⁷, а следовательно, права парламента на законодательство и налогообложение не могут быть

ограничены. Метрополия «справедливо отстаивает свои полномочия пользоваться властью над колониями, когда этого, по ее мнению, требует общее благо. Право судить об общем благе остается за английским правительством, и его решение не может быть пересмотрено»; впрочем, из этого не следует, что применение этого права «всегда целесообразно и во всех случаях справедливо».

К 1776 году позиция Отиса под напором оппонентов стала вопиюще противоречивой. Он заклинал своих читателей, что никогда и в мыслях не имел необходимости ограничить «абсолютную власть парламента над колониями», извинялся за то, что мог ненамеренно создать иное впечатление, и подчеркивал свою солидарность с кабинетом Гренвиля. В то же время он набрасывался на «грязное сборище воров, попрошайек и каторжников» в Ньюпорте, связанных с публикацией «вредного сочинения» — «Галифакского письма» судьи Говарда, отстаивавшего ту же точку зрения, что и сам Отис⁴⁸.

Такая разноречивость ставила читателей в тупик; неудивительно, что Отиса прозвали «двуличным вигом-якобитом»⁴⁹. Его суждения были непредсказуемы и изменчивы главным образом потому, что в этом и других случаях он пытался приложить теоретические модели XVII века к политической практике века XVIII. Не заметив, что понятием суверенитета уже давно обозначается не только абсолютная, но и деспотическая власть, Отис считал возможным предоставить парламенту суверенитет не только над метрополией, но и над колониями. Парламент может принимать ошибочные решения, но в конце концов — и в этом чудо британского государственного устройства — он действует всегда мудро и справедливо. Если пресловутый Закон о гербовом сборе не нужен, парламент отменит его.

Когда это действительно случилось, вспоминать о пророчествах Отиса было уже поздно. К тому времени ведущие американские публицисты подходили к вопросу о суверенитете совсем иначе — более прагматично и не столь абстрактно. Они понимали под суверенитетом власть абсолютную и своевольную, но отказывались признать непогрешимость парламента. Оставляя в стороне метафизическую сторону дела, они искали практический способ ограничить полномочия парламента в колониях. Только потом, полемизируя с компетентными и искусными противниками, они стали отдавать себе отчет в общих установках и признали, что ставят под сомнение «суверенитет как таковой» и пересматривают основные принципы государственной власти⁵⁰.

Ход мысли, уводивший от привычного для XVIII века понятия суверенитета, сейчас представляется самоочевидным, и нам трудно

понять, почему колонисты так долго придерживались другого мнения. Как показал пример Отиса, из любой попытки ограничить сферу полномочий парламента прямо вытекает принцип разделения власти; этот принцип, в свою очередь, требует такого государственного строя, при котором «власть распределяется между правящими органами, так что каждый из них имеет свои полномочия и определенную сферу деятельности»⁵¹. Однако осмысление этой логики происходило небыстро: сперва обсуждали возможность разграничить полномочия парламента, а к более общим вопросам перешли только тогда, когда неисполнимость этой задачи стала очевидна.

Первое из разграничений, при помощи которых колонисты пытались описать в конституционных понятиях уже воздвигнутые де-факто пределы парламентской власти, удалось сформулировать при помощи простейшей пары антонимов. Нет важнее и очевиднее различия, чем различие между внутренним и внешним. Эта простейшая языковая оппозиция не только описывала традиционные полномочия местных законодательных собраний, с одной стороны, и парламента, с другой, но и напоминала о положениях влиятельнейшей политической теории⁵². Тривиальная дихотомия, фигурировавшая и в богословских диспутах, и в повседневной речи, быстро стала ключевой в англо-американских отношениях; в предреволюционные годы она использовалась в расширительном значении и применялась к устройству власти, а в некоторых случаях и к вопросу налогообложения.

В 1764 году Ричард Бленд описывал основы политической системы, которая сосредоточила бы всю власть в колониальных органах, не упраздняя зависимости колоний от Англии. Разграничение «внутренних» и «внешних» дел было принципиально для этой задачи. Бленд рассуждал: жители Вирджинии — свободные люди, а следовательно, они должны иметь представительный орган, уполномоченный принимать «законы, относящиеся к внутреннему управлению колониями». Из сферы «внутреннего» исключалось «все, что может умалить нашу зависимость от метрополии. <...> То есть во всех вопросах внешнего управления мы подчиняемся и обязаны подчиняться британскому парламента, но только в них; так что, если парламента станет принимать законы, касающиеся наших внутренних дел, это будет ущемлением прав, от рождения подобающих нам как англичанам». Если же парламента ограничен в законодательных полномочиях только внешними вопросами, то «любой налог, относящийся к нашему внутреннему устройству, который мог бы быть наложен на нас обязательным к исполнению постановлением парламента, нарушает наши права и может быть отклонен».

Когда разгорелся спор вокруг Закона о гербовом сборе, эта оппозиция, естественно, стала оживленно обсуждаться. Стивен Хопкинс, выступавший от имени колонистов Род-Айленда, объявил гербовые сборы внутренними, а значит, подлежащими юрисдикции местных органов, ответственных за «внутреннее управление» колоний. Полномочия парламента в колониях, напротив, состоят в

делах более общего характера, далеких от этих юридических частностей. <...> Таковы, например, торговый оборот всей империи, вместе взятой, и каждого отдельного королевства и колонии как части целого. То, что касается общей пользы содружества и его управления, сохранения мира, подчинения всех частей целому и друг другу, должно рассматриваться в этом свете.

По «делам общего характера» решения должны приниматься «высшей и полномочной инстанцией», «обеспечивающей их исполнение». Такой инстанцией, как все знают, «является величавое и почти самодержавное законодательное собрание» — парламент. Хопкинс не останавливается на том, что колонии имеют право отказать парламенту во «внутренних», но не во «внешних» налогах. Он не различает виды налогообложения, но рассматривает более широкий вопрос о характере налогооблагающей власти⁵³.

Однако другие публицисты проводили различие между «внутренними» и «внешними» налогами — по случаю, как бы нечаянно, не считая его исключительным, всеобъемлющим или совершенно последовательным. Так, в Коннектикуте вышел памфлет под заглавием «Почему британские колонии в Америке не должны облагаться внутренними налогами»; здесь все налогообложение фактически объявлялось «внутренним». Автор вообще отказывал парламенту в праве взимать налоги с колоний, но признавал законность установленных парламентом торговых пошлин: такого рода коммерческие сборы, в отличие от налогов, входят в юрисдикцию «внешнего» управления. Многие соглашались с таким различием, особенно те, кто вместе с Далани приписывал внутреннему налогообложению «единственную задачу сбора доходов», а целью торговых пошлин считал «упорядочивание торговли»⁵⁴.

В то же время полагаться на различия в намерениях законодателей было одновременно затруднительно и опасно; торговые пошлины, называть их «внешними налогами» или нет, могли оказаться столь же обременительны, как и акцизные сборы. Томас Хатчинсон предупреждал: «Они могут измыслить достаточно торговых пошлин, чтобы ра-

зорить нас так основательно, что мы не сможем выплачивать им сборы из внутренних налогов и даже поддерживать у себя внутреннее управление». Администрация, естественно, извлечет выгоду из предполагаемых уступок, сколь бы «нелепым» ни казалось сведущим людям различие налогооблагающих властей. К 1765 году противники колониальных притязаний в Англии взяли на вооружение антиномию «внутреннего» и «внешнего» налогообложения, якобы общепринятую в Америке (по утверждению Хатчинсона, такого взгляда придерживалось «большинство жителей» Бостона). Теперь эту антиномию проводили последовательно и вменяли ей обязательность закона; между тем она совсем не подходила для этих задач, и в новой функции оказалась в высшей степени уязвима. Неожиданный резонанс этой оппозиции, подвергавшейся теперь яростной критике, в основном объяснялся тем значением, которое отводил ей Бенджамин Франклин в своем знаменитом трехчасовом выступлении перед палатой общин в феврале 1766 года⁵⁵.

Никто лучше Франклина не был осведомлен об американской политической мысли и о доводах колонистов против парламентского налогообложения. Он покинул Америку уже после того, как начались баталии вокруг Закона о гербовом сборе, поддерживал связь и с колонистами, и с их представителями в Лондоне и прекрасно знал официальную и неофициальную оппозиционную публицистику. В его искусной речи, полной спокойного и нестигаемого достоинства и касавшейся многих болевых точек противостояния, различие «внешнего» и «внутреннего» играло ключевую роль. Оно позволяло обойти вопрос о том, отрицают ли колонисты любое право парламента облагать их налогом; поэтому Франклин вынужден был часто вспоминать и защищать эту антиномию. Колонисты, говорил он, не оспаривают полномочий парламента и издавна признают его право «устанавливать пошлины для управления торговлей». Однако они находят «неконституционным и несправедливым» желание парламента «взимать внутренние налоги»: таких полномочий «у парламента нет и может не быть, коль скоро мы не представлены здесь». Его спрашивали: считает ли он это различие действительным? Да, отвечал Франклин, разница между «внешним» и «внутренним» налогообложением «весьма велика»: «Внешний налог есть пошлина на ввозимый товар; она прибавляется к стоимости товара и другим сборам и составляет часть его цены при продаже. Если покупателям неуютно покупать по такой цене, они отвергают товар; они не обязаны платить. В то же время внутренний налог изымается у людей без их согласия, если он не установлен их представителями». Не смогут ли колонисты «на том же основании отказать парламенту в праве внешнего налогообложения»? Франклин отвечал

с благоразумной уклончивостью: «В последнее время много говорят о том, что никакой разницы нет, и вместе с правом внутреннего налогообложения исчезнет ваше право устанавливать внешние пошлины и вообще предписывать колониям какие бы то ни было законы. Сейчас там так не думают, но со временем могут согласиться с этим положением»⁵⁶.

Действительно, колонисты начинали приходить к выводам подобного рода. В памфлете, опубликованном всего за несколько месяцев до выступления Франклина, Далани не ограничился уточнением понятия «внутреннего» налогообложения, но значительно расширил и обобщил предмет спора. Он рассуждал так: если существуют полномочия, применяемые низшими органами «без надзора и принуждения», если существуют сферы, куда «верховная власть не может вмешаться», не следует ли из этого, что верховная власть тем самым ограничена «властью низших органов»?⁵⁷ В этой перспективе становилось очевидно, что различие внешнего и внутреннего налогообложения недостаточно для определения полномочий парламента в колониях; это заключение подтверждалось и нагрянувшими вскоре пошлинами Тауншенда, «внешними» по классификации колонистов, но введенными, подобно Закону о гербовом сборе, ради сбора доходов.

Оппозицию внешних и внутренних налогов решительно отверг Джон Дикинсон в «Письмах фермера» (1767–1768). Рассматривая вопрос о полномочиях парламента с невиданной прежде последовательностью, он совершенно по-новому подошел к понятию суверенитета. Налоги, писал Дикинсон в своем знаменитом памфлете, всегда представляют собой «денежное обложение», обладают единой природой и не различаются на «внешние» и «внутренние». Парламент не имеет права взимать их с американцев ни под каким предлогом: это несомненно. Напротив, роль центрального имперского правительства требует переосмысления. По мнению Дикинсона, власть над империей отличается от власти над национальным государством. Они могут быть сосредоточены в одном и том же органе, но их задачи и полномочия различны. Парламент должен иметь полную власть над американскими колониями, но только в тех сферах, которые касаются жизненно важных связей внутри империи, то есть в торговле и иных экономических областях, «таким образом, который [в Англии] сочтут самым подходящим для взаимной выгоды и их собственного благосостояния». Пошлины в этом случае законны, поскольку «внешнее обложение» такого рода не предполагает изъятия собственности, но лишь препятствует ее умножению. Иные, особые полномочия Англии вытекают из ее имперского статуса и составляют прерогативу короны, а не парламента: таково право отменять ко-

лонияльные законы, осуществлять «исполнительную власть правительства» и обжаловать «любые решения всей системы юстиции»⁵⁸.

Признавая за парламентом право регулировать торговлю, но не облагать колонии податями, Дикинсон нащупывал новое понимание суверенитета. Проводя различие между империей и односоставным государством, он утверждал, что верховный орган империи не располагает безграничными полномочиями на всех подвластных ему землях; его власть распространяется только на определенные сферы, так что другие, низшие органы могут пользоваться в своей области полным — по сути суверенным — господством.

Как только это положение было высказано, взгляды колонистов стали стремительно радикализироваться. Заговорили о том, что даже «самые пылкие защитники парламента уже не могут, не краснея, утверждать, будто он обладает властью, высшей во всех отношениях». Требовалось еще более масштабное переосмысление и перетолкование основных политических принципов; в противном случае победа могла достаться сторонникам крайних мнений, уже в 1768 году провозглашавших: «Парламент не имеет права предписывать нам никаких законов». Джон Иоахим Цубли объяснял в путанной, но смелой и умной работе 1769 года, что этот взгляд «содержит подвох под внушительной личиной». Не нужно задаваться выбором: всё или ничего. Существуют определенные уровни полномочий парламента, соответствующие разным подвластным ему национальным образованиям внутри империи. Британская «империя» — «понятие более широкое», чем королевство Великобритании; сюда входят «Англия, Шотландия, Ирландия, острова Мэн, Джерси, Гернси; Гибралтар, Минорка и другие острова в Средиземноморье; Сенегал и проч. в Африке; Бомбей и проч. в Ост-Индии; острова и колонии в Северной Америке и проч.». Может ли власть парламента в равной мере распространяться на разные народы, населяющие эти обширные территории? С точки зрения торговли — да: «Британскому парламенту принадлежит право распоряжаться торговыми делами к вящей выгоде империи и всех ее областей». С точки зрения права — да: «Все британские подданные повсюду подчиняются известным началам общего государственного строя». Во всех остальных отношениях разные народы империи не могут быть равны перед лицом парламента: «Природа и степень их подчинения» парламенту «разнятся», так что парламентские постановления касаются их только тогда, когда предназначаются именно для них и лишь в той степени, что оговорена в законе⁵⁹.

Отказ колонистов от привычных взглядов на суверенитет стал к этому времени столь очевиден, что потребовалось вмешательство

метрополии. В 1769 году отповедь колонистам написал, среди прочих, Уильям Нокс, сторонник Гренвиля, получивший в следующем году должность товарища секретаря по колониальным делам. В начале Нокс издевался над переменчивостью американцев в вопросе о полномочиях парламента в колониях (этот ход стал потом общим местом антиамериканской публицистики). Сперва американцы желали разграничить «внутреннее» и «внешнее» налогообложение. Парламент «вроде бы принял это различие» и стал вводить «внешние» пошлины, но колонисты изменили свое мнение и предложили различать торговые пошлины и подати в казну; это предложение Нокс именовал «смехотворнейшей из когда-либо выдвигавшихся нелепостей». Наконец, колонисты вообще отказали парламенту в праве взимать налоги и оставили ему только управление в торговой сфере. В этих метаниях, утверждал Нокс, нет никакой логики. Притязания американцев не имеют ничего общего с конституционными принципами. Они оспаривают не законность податей определенного рода, но конституционное право парламента облагать их налогами. Их теоретические доводы ничего не стоят,

поскольку если власть парламента не распространяется на колонии в той же мере, в какой она действует в метрополии, то колонии и метрополия уже не составляют единства. Всякие различия разрушительны для цельности союза; упразднение его в частности приведет к полному распаду. Третьего не дано: либо колонии входят в состав Великобритании, либо они в отношениях к ней пребывают в природном состоянии и не могут подпадать под юрисдикцию парламента, представляющего британский народ⁶⁰.

Нокс возражал не столько против практических попыток американцев ограничить полномочия парламента, сколько против высказанной Цубли и другими теоретической идеи о дроблении суверенной власти. Этот отвлеченный вопрос составлял сердцевину англо-американского противостояния; избежать его уже не удавалось. После 1769 года суверенитет как категория политической науки постепенно вытеснял вопросы налогообложения и исполнительных полномочий правительства в качестве главной темы политических споров. Англичане, вслед за Ноксом, настаивали на неделимой суверенной власти парламента; американцы, осторожно выбирая пути, шли к новым горизонтам.

Суть обсуждаемого вопроса легче всего понять по известной дискуссии 1773 года между губернатором Массачусетса Томасом Хатчинсоном и двумя палатами местного парламента. Всерьез задетый опубли-

кованными в конце 1772 года воинственными «Решениями и протоколами» Бостонской городской сходки, Хатчинсон уже 6 января 1773 года начал официальные прения с законодательным органом штата по главному из затронутых вопросов⁶¹. Его вступительная речь была четкой и сдержанной. Исходя из того, что «по природе вещей верховная власть может быть только одна», и для британцев в любом уголке империи ее воплощает парламент, «составной частью которого является король», Хатчинсон усматривал в «Решениях...» призыв к бунту: некоторые из них отрицают «верховную власть <...> парламента», а иные «говорят о нем <...> в таких выражениях, будто имеют намерение охладить привязанность народа к своему монарху». Шаг за шагом Хатчинсон дезавуирует всю аргументацию «Решений...», основанную то на логике, то на законе, то на правах англичан, то на естественном праве: «Невозможно разграничить верховную власть парламента и полную независимость колоний, поскольку невозможно, чтобы два независимых законодательных органа действовали в одном и том же государстве, ибо <...> они составят два самостоятельных правительства, как в королевствах Англии и Шотландии до объединения». Финал речи отличался таким же здравомыслием, как и ее начало. Хатчинсон уверял: «Я не смею думать, что вы хотя бы допускаете мысль о независимости», — и просил обе палаты сообщать ему свои соображения «с той же свободой и откровенностью», с какой он «говорил» с ними, так чтобы он мог убедиться в своей ошибке, если его «представления о власти или выводы, опирающиеся на них, неверны».

Реакция обеих палат не заставила себя ждать. Признав сомнительными некоторые из бостонских решений, совет со страстью встал на защиту права горожан издавать подобные заявления. Если Хатчинсон, настаивая на неделимости верховного господства парламента, называет «верховой» властью власть «неограниченную», — то тем самым он предлагает колониям выбирать между рабством (смягченным лишь свободами, дарованными «по милости правителей») и полной независимостью. Члены совета, впрочем, полагали, что существуют и другие варианты. По их словам, не бывает полной и абсолютной власти: «высшая и неограниченная власть может принадлежать только Господу»; власть смертных, в том числе и парламента, ограничена по своей природе. Вопрос в том, где проложить ее границы; от этого зависят и возможные формы отношений с метрополией. Совет признавался, что «с точностью» установить пределы полномочий парламента, «провести четкую грань между правым и неправым» — задачи чрезвычайно сложные и не самые привычные. Однако речь губернатора показала «настоятельную необхо-

димось» разобраться. Опираясь на принципы британской конституции, совет доказывал, что парламент по закону не может взимать подати с народа Массачусетса.

Руководство палат соглашалось, что «трудно провести границу между всеобъемлющим господством парламента над колониями и безвластием», но, выбирая между всем и ничем, они, безусловно, предпочли бы второе: следует скорее «опасаться последствий абсолютной и неограниченной верховной власти, принадлежит ли она нации или монарху, чем последствий полной независимости». Но таков ли выбор? Что если, как утверждает Хатчинсон, два независимых законодательных органа действительно образуют особые правительства? Если у них общий монарх и они не вмешиваются в деятельность друг друга, почему бы им не «жить счастливо вместе, оказывая друг другу поддержку и помощь»?

Хатчинсон отвечал категорически: попытки его оппонентов разделить полномочия одного суверенного органа на правомочные и неправомочные сами «выказывают неосуществимость» этой задачи. Совет утверждает, будто два носителя верховной власти могут одновременно управлять одним и тем же населением; но это, настаивал Хатчинсон, просто невозможно. Губернатор не мог, однако, полностью пренебречь аргументами Совета: существовали сильные и весомые доводы, подтверждавшие возможность параллельного существования в империи суверенных органов власти, объединенных только фигурой короля. Хатчинсону, в высшей степени образованному и профессиональному юристу и политику, потребовалось 22 страницы изысканной ученой прозы, чтобы доказать: полномочия правительства Массачусетса исходят и зависят не от английского короля, но от «английской короны» и тем самым «подчиняются высшей власти в королевстве», то есть парламенту.

Спор шел два месяца, пока у сторон не иссякли терпение и изобретательность, а вместе с ними и доводы. Последнее слово осталось за Хатчинсоном, и оно оказалось пророческим: Совет полагает, что «власть низшего органа, <...> если она не преступает своих границ, неподотчетна верховной власти?» Это противоречит логике: как же может «орган власти называться низшим, если над ним не стоит высший? Разве он сам, если он никому не подотчетен, не становится носителем верховной власти?» И в другом месте: «При любом правлении необходимо существование такой власти, чтобы ни один другой орган не мог противиться ей или ограничивать ее. Следовательно, если речь идет о верховной правительственной власти, то она должна быть абсолютной и неограниченной». Будущее мрачно, заключал Хатчинсон, поскольку «ни один здравомыслящий теоретик так и не сумел опровергнуть» отстаивавшееся им

традиционное учение, и если члены обеих палат «до сих пор уверены, что два полномочных органа, разделяющих верховную власть между собой, могут действовать одновременно в одном государстве, то больше нет нужды рассуждать или доказывать. <...> Стоит только отметить, что это несовпадение наших посылок скажется во всевозможных выводах».

Так и случилось. На протяжении следующих двух лет «несовпадение посылок» повсеместно давало себя знать. Американцы, например, Джон Дикинсон, продолжали (с нарастающей безысходностью) настаивать, что «суверенная власть над колониями должна быть ограничена», что необходимо в теории и на практике «провести границу» между парламентскими и местными полномочиями, отдать под юрисдикцию английского правительства торговлю и внешние дела колоний и оставить в ведении колониальных ассамблей «исключительное право внутреннего управления», в том числе налогообложения. Собрания колонистов наталкивались на негибкий консерватизм сторонников британской администрации, подобно Хатчинсону не отступавших ни на шаг от старого понимания суверенитета.

К середине октября 1774 года, когда Первый Континентальный конгресс принял точку зрения Дикинсона за основу официальной позиции американцев, ее недостатки уже были очевидны. Пробританские публицисты твердили с ритуальной навязчивостью, что если органы колониального самоуправления не «покоряются верховной власти в государстве, <...> возникает *imperium in imperio*: две суверенные власти в одном государстве, а это противоречие». Любое другое утверждение, писал Джозеф Гэллоуэй, есть ни что иное, как «невнятная тарабарщина и ужасающая нелепость»; независимый орган власти внутри суверенного государства — «чудовище, выродок»; революционеры, «ученые головы, мнимые философы», вообразили, будто «верховную власть, неделимую по своей природе, можно дробить до бесконечности, как физическое вещество, и в этом глубоком заблуждении стали расщеплять и раскалывать ее по кусочку, пока не раскромсали до атома»⁶².

На фоне такого ригористического упорства не было смысла настаивать на формальной классификации полномочий парламента. Американцы вынуждены были взять на вооружение более радикальные взгляды. Оставив бесплодные попытки спорить с английскими властями по поводу власти парламента, они стали тщательно и с ученой основательностью обосновывать идею имперского союза суверенных государств под скипетром одного монарха. Мозес Матер рассуждал: если два органа верховной власти в одном и том же государстве есть «верх политической нелепицы», то полномочия парламента вовсе не должны рас-

пространяться на колонии. Это не означало бы ликвидацию всех связей с Англией, ведь «государство» — «это страна или люди, объединенные под властью единого гражданского правления», и ничто не препятствует двум государствам иметь одного короля. Власть Георга III в качестве «короля американских колоний» и короля Великобритании происходит из разных источников. Следовательно, «если разные права и полномочия могут сосредоточиваться в руках одного человека, не теряя своей цельности и не смешиваясь между собой, как будто они принадлежат разным людям», то статус короля как представителя первого из трех парламентских сословий не означает, что власть этого органа распространяется на Америку⁶³.

Другие публицисты иным путем шли к полному отрицанию полномочий парламента и выдвигали идею, предвосхищавшую современное Содружество наций. Джеймс Айрделл забраковал «прекрасную теорию» суверенитета как «ограниченную и схоластическую», «способную принести счастье миллионов в жертву умозрениям». Он исходил из неприменимости понятия суверенитета — «извечного солицизма *imperium in imperio*» — к «нескольким отдельным и независимым органам, действующим на разных уровнях и в разных сферах. Следовательно, довод об *imperium in imperio*, который напрасно с такой уверенностью приводят, никак не применим к нашему случаю». Самые эффектные выступления опирались на юридические прецеденты, в первую очередь, «дело Кэлвина» (1608); как уверяли колонисты, из него следовало, что подданные короля — необязательно подданные парламента, и этот вывод подкрепляется авторитетом Коука и Бэкона. Один из самых любопытных памфлетов, разбиравших это дело, — «Размышления о характере и мере законодательных полномочий британского парламента» Джеймса Уилсона (1774). В начале автор делал показательное признание о перемене в своих убеждениях. По его собственным словам, он приступил к сочинению несколькими годами ранее и ставил себе целью «провести четкую границу между случаями, когда нам следует и когда не следует подчиняться власти парламента. Обдумывая этот вопрос, [он] пришел к выводу, что такой границы не существует, и нам не дано ничего, кроме безоговорочного признания этой власти или полного ее отрицания». Слыша со всех сторон, что суверенная власть неделима, Уилсон руководствовался началами «разума, свободы и закона» и приходил к естественному выводу: «[Колонии] должны подчиняться только короне»⁶⁴.

Однако отброшенная Уилсоном умеренная точка зрения, согласно которой суверенная власть парламента распространяется на Америку в тех сферах, где заканчиваются полномочия местных органов, не была забыта. Движение политической мысли было столь стремитель-

ным, что эта идея, смелая для середины 1760-х годов, к 1775-му стала прибежищем консерваторов. Ее защищали не только те, кто, как Джон Дикинсон, не решались на более серьезные выступления против метрополии, но и настоящие тори: они продолжали высмеивать теорию разделения суверенной власти на бумаге, но на деле смирились с ней, чтобы найти хоть какое-то согласие с новыми американскими силами. «Отрицать власть парламента и при этом хранить верность королю — еще одна нелепость в духе виггов», — писал вождь нью-йоркских тори Сэмюэль Сибери в 1774 году. Цитируя парламентские речи Питта и «Письма фермера» Дикинсона, он вновь доказывал теперь уже старомодный тезис о том, что искомая граница между «властью Великобритании и подчинением колоний» должна — если не в теории, то на практике — оставить «внутреннее налогообложение <...> на усмотрение местных органов, а управление торговлей <...> [и] установление общих законов на благо колоний» вверить парламенту. Лишь с незначительными отклонениями эту модель воспроизводили английский путешественник Джон Линд, Дэниэл Леонард из Массачусетса, Джозеф Гэллоуэй из Пенсильвании, Томас Брэдбери Чандлер из Нью-Йорка; наконец, в том же духе, хотя несколько более расплывчато и слишком поздно, высказалось правительство Георга III⁶⁵.

Все эти годы, пока американская политическая публицистика совершала стремительную эволюцию от запутанных анахронизмов Отиса до смелых проектов имперского федерализма Уилсона, британские власти только укреплялись в своих воззрениях. Опираясь на воинственные лозунги, вроде того, что «у суверенной власти нет степеней» (д-р Джонсон), они упрямо отказывались даже обсуждать возможность пересмотра Деклараторного закона. Мирные предложения, выдвинутые английской стороной незадолго до объявления независимости колоний, не отступали от этой политики. Только в 1778 году — после провозглашения независимости и народного суверенитета, после того, как в большинстве штатов возникли свои правительства, а Статьи Конфедерации были предложены к ратификации по штатам, после поражения при Саратоге и вступления Франции в войну — только тогда кабинет Норта, адресуясь к злополучной комиссии Карлейля, согласился осуществить на практике (но не закрепить в теории) тот рецепт, который давным-давно описал Дикинсон в «Письмах фермера».

Эта уступка была несвоевременна до нелепости. Мысль о том, что американцы могут удовлетвориться «возвратом к положению 1763 года» на условиях «нерушимого суверенитета метрополии», как это предполагалось инструкциями комиссии Карлейля, была смехотворна⁶⁶.

Быстрое движение идей, а также политические и военные события поставили под сомнение само понятие единой и абсолютной суверенной власти. Его оспаривали, скрыто или прямо, все те, кто отстаивал ограничение полномочий парламента в колониях. Принятое теперь учение о действующем народном суверенитете позволяло полагать, что разделение и распределение полномочий между органами разного уровня не только возможно, но и подчас благотворно. Такая точка зрения не смогла примирить англичан и американцев, однако сразу же была востребована при образовании нового союза суверенных штатов. Сопутствовавшие этому процессу политические и концептуальные затруднения сохранялись долго; о некоторых из них в первые годы существования американского государства едва догадывались. Представление о том, что *imperium in imperio* — логическая ошибка, а «суверенная власть народа» и суверенная власть полномочного органа суть явления одного порядка, еще встанет на пути архитекторов федерального правительства. Однако первые удары по привычному для XVIII века пониманию суверенной власти уже были нанесены. Публицисты следующего поколения, оперируя вслед за колонистами предреволюционной эпохи понятиями «ограниченного» суверенитета, «низшего» суверенитета, «дробности» суверенитета, будут работать над теоретическим и практическим построением федералистского государственного строя⁶⁷.

Они не одержат легкой победы; их задача — из тех, что не решаются до конца. Многие поколения спустя найдутся политики правого и националистического толка, которые откажутся от революционного наследия и вспомнят в новую эпоху идеи Гоббса и Блэкстона, Хатчинсона и Нокса. Однако федерализм, зародившийся в попытках колонистов обосновать на языке конституционной теории ограничение парламентской власти, то есть закрепить, осмыслить и обобщить свойства их собственного стихийно возникшего строя, уцелел. До сих пор он обеспечивает распределение полномочий между властными органами, ни один из которых не может претендовать на безграничную власть, так что правительство неспособно приобрести «могущество, <...> опасное для народных свобод»⁶⁸.

Глава VI

Вирус свободы

Война в Америке закончена. Но до завершения революции еще далеко. Напротив, к концу подошел только первый акт этой великой драмы. Нам предстоит еще учредить правительственные органы и отладить их работу, а затем приспособить к ним нравственные и политические мнения наших граждан.

БЕНДЖАМИН РАШ, 1787

Уточняя и пересматривая основные политические и юридические понятия — представительство, согласие, общественный порядок, права, суверенная власть, — колонисты вырабатывали новый, нетрадиционный взгляд на свободу и способы сохранить ее. Вывод о том, что законодательное собрание есть зеркало общества, а голоса депутатов выражают народное мнение; способность на деле ставить права человека выше закона и поверять силу законов этими же правами; взгляд на конституцию как на общий чертеж государственного строя, ограничивающий сферу действия властей; замещение единого центрального органа, обладающего монополией на власть, системой соседствующих органов (*imperium in imperio*), властных только в своей области и ограничивающих друг друга, — все это означало, что еще до объявления независимости американцы пересмотрели основополагающие понятия о власти и ее отношениях с обществом.

Разумеется, тут были и чисто теоретические построения, и отвлеченные умозрения; таким образом люди революционной эпохи, верившие в политическую силу идей, пытались справиться с насущными задачами. Однако дело не ограничивалось умственной эквилибристикой. Рефлексия колонистов не только подготовила почву для сопротивления парламенту, но и стала к 1776 году предметом первой необходимости. Именно тогда колонии, фактически уже независимые, столкнулись

с необычайной задачей — сформулировать в письменном виде собственные принципы управления. Во всех концах все еще малонаселенного побережья британской Северной Америки самые разные люди — ученые и фермеры, торговцы и интеллектуалы, образованные и неграмотные — вместе вырабатывали систему просвещенной власти. Только за 1776 год восемь штатов подготовили и приняли свои конституции (два штата успели сделать это еще до провозглашения независимости). Везде обсуждался характер совершенной власти, принципы политического устройства, правительственные учреждения и их действия. Эти прения, продолжившиеся вплоть до XIX века, когда политические и общественные результаты революции оформились окончательно, были в свою очередь продолжением дискуссий, шедших в колониальный период. Все это время речь шла об уточнении одних и тех же понятий. К самым оригинальным памфлетам революционного времени относятся работы 1775–1776 годов, посвященные одновременно правовым отношениям внутри империи и внутреннему управлению в независимых штатах, как будто обе эти темы входили в один запутанный клубок вопросов.

Мнения, высказывавшиеся в ходе дебатов о природе власти, со временем становились все более незаурядны. Вдохновленные одновременно значимостью проблемы и ее теоретическим размахом, публицисты развивали выводы предшественников и приходили к заключениям, о которых до той поры можно было только смутно догадываться. Развитие политической мысли происходило стремительно, необратимо и неумолимо; она легко переходила границы, которые никто не дерзал пересекать, и проникала в области, куда никто не желал заходить.

Сколь заразительным, мощным и опасным может стать этот дух прагматического идеализма и таившаяся в нем умственная энергия и сколь сложно предугадать его распространение, стало понятно задолго до объявления независимости. Критике подвергались установления, имевшие весьма опосредованное отношение к борьбе с метрополией. Возникали новые, очень сложные и совершенно неожиданные задачи и затруднения.

1. Рабство

Хотя законность рабовладения не ставилась под сомнение, к 1776 году оно стало подвергаться нападкам со стороны революционных мыслителей. Связь между рабством и революцией была для них очевидна. «Рабство» было одним из узловых понятий политической теории

XVIII века. Как воплощение безоговорочного зла, оно фигурирует во всех политических декларациях революционеров, сопровождается призывы к сопротивлению, обсуждение конституции и узаконенных прав. Разве может какая бы то ни было местная власть, вопрошал массачусетский полемист в 1754 году, «поработить какую-либо часть [британской] нации?» Кто не предпочтет «репу на обед, но на свободе, любой роскоши в рабстве»? Отказ от принципов свободного правления низверг римлян с вершин славы в «пучину бесчестья и рабства». Тираническая власть делает людей «рабами чиновников». Властолюбивое правительство пусть помнит, что «любая попытка сделать нас рабами столь же бесплодна, сколь и неразумна». Джон Дикинсон, подкрепляя свою мысль цитатами из Питта и Кэмдена, писал: «Те, кого облагают налогами без их согласия или согласия их представителей, уже рабы. Нас облагают налогами без нашего согласия и согласия наших представителей. Таким образом, мы рабы». Джосайя Квинси восклицал в 1774 году: «Я говорю это с горечью, я говорю это в ярости: британцы притесняют нас; я говорю это со стыдом, я говорю это с возмущением: *мы рабы*»; «мы в самом унижительном рабстве», — уточнял Джон Адамс¹.

Это была не просто пылкая риторика. Политический термин «рабство» употреблялся в особом значении, впоследствии утраченном. Американцы XVIII столетия понимали под «рабством», как формулировал один газетный публицист в 1747 году, «силу, управляющую человеком извне, принуждающую его действовать или не действовать по воле и для удовлетворения желаний другого», или, как писал памфлетист более позднего времени, «полную власть другого над собственностью и поступками»². Иными словами, рабством именовалась невозможность сохранять собственность или права на нее, которые справедливое общественное устройство должно обеспечивать свободным людям. Симптом и следствие политического недуга, такое состояние следует за потерей свободы, когда порча нравов уничтожает стремление и способность людей удерживать свою независимость, то есть, как правило, когда власть — подкупом, запугиванием или более осторожными средствами — устраняет свободу «демократической» составляющей общественного строя.

Понятие рабства в этом значении без всякого риторического преувеличения применялось к современникам — французам, датчанам, шведам, туркам, русским и полякам. Точно так же оно описывало положение темнокожих работников американских колониальных плантаций — страшный и уродливый пример общей судьбы тех, кто лишился права на самоопределение. Все жители государства, подчиненного «не-

ограниченной власти одного человека», писала одна американская газета в 1747 году, —

рабы, поскольку подданный, обязанный действовать или не действовать по воле и к удовольствию правителя или начальника, раб в той же степени, что и работник, повинующийся воле и удовольствию хозяина или надсмотрщика. В самом деле, когда бы я ни наблюдал что либо подобное, у меня перед глазами встает фигура надсмотрщика на плантации негров в Вест-Индии; единственная разница состоит в том, что рабы на плантациях прежде всего достойны сожаления, а подданные абсолютного монарха заслуживают величайшего презрения.

Положение рабов на плантациях — видное невооруженным глазом и недвусмысленно прописанное в законе — было крайним примером тех последствий, которыми угрожает потеря свободы. «Частичной свободы» не бывает: тот, кто имеет право «без моего согласия управлять моим поведением хотя бы в одном отношении, способен делать это и во всех остальных». С этой точки зрения не так важно, о какого рода рабстве идет речь: частном или государственном, общественном или политическом, мягком или жестком. «Тот, кто обязан подчиняться воле другого, — писал Стивен Хопкинс, — является рабом, хорош или дурен его хозяин; и положение политических сообществ хуже, чем судьба отдельных людей: первые вечны и неизменны, и хотя иногда им достается добрый повелитель, в другой раз попадаетеся злой»³.

Негритянское население Америки не могло подать повод к политическим спорам о рабстве вообще. Преимущества, которых колониальные вожди добивались для себя, входили в противоречие с рабством, которое они если не поддерживали, то во всяком случае готовы были терпеть. Расхождение бросалось в глаза; невозможно было не заметить его или удовлетвориться Локковым оправданием рабства как жизни, дарованной по милости победителей тем, кто совершил нечто, заслуживающее смерти⁴. Условия содержания рабов на плантациях были слишком жестоки и наглядны для этих выдумок. Отождествление колониального вопроса с проблемой негритянского рабства, заложенное в политическом языке эпохи, стало неминуемым.

Не все поняли это сразу, и взгляды на этот вопрос разнились от колонии к колонии. Однако постепенно противоречия между громкими воззваниями к свободе и повседневной американской действительностью стали очевидны. Очень скоро выяснилось, сколь не-

приятным этот факт может стать для пылких либертарианцев. Что имел в виду «Полковник» (Ричард Бленд), вопрошал преподобный Джон Кэмм, утверждая, что в английском подданстве «все люди рождены свободными»? Что

жители Вирджинии не *английские подданные*, что здешние негры не *рождены* рабами или что они не *люди*? Какую бы из этих посылок он ни взялся обосновать — а какую-то из них он должен обосновать, — непреодолимые трудности предстанут перед ним, как только он взглянет на положение дел в Вирджинии, на карту Америки, на условия обитания и поступки своих собственных домочадцев⁵.

Ответить на этот выпад было невозможно, однако Кэмм не настаивал. Немногие из южан решались на это: все верили в свободу и не сомневались, что рабство ей противоречит, но все понимали также, что его отмена, как писал в 1774 году житель Южной Каролины, «означала бы крах многих американских провинций, как и островов Вест-Индии». Даже из самых просвещенных вирджинцев лишь единицы готовы были согласиться с тем, что «права человека грубо нарушены этим постыдным явлением» и что «уничтожение рабства — важнейшая цель для тех колоний, в которых оно было, к несчастью, введено в начальном периоде их развития», как говорится в наказе Джефферсона вирджинским делегатам Первого Континентального конгресса. Еще меньше находилось тех, кто поддерживал движение против рабства, сколь логично оно ни было в свете завоеваний революции. И хотя Патрик Генри, как и большая часть его соседей, полагал, что «жить здесь без рабов весьма неудобно» и потому освободить их было бы неразумно, он тем не менее не мог не констатировать неуместности рабовладения в то время, «когда права человека столь тщательно рассматриваются и учитываются, и в той стране, где свобода ценится превыше всего». Признавая свою вину и непоследовательность, он писал, что с нетерпением ожидает времени, когда «появится возможность ликвидировать это прискорбное зло». Даже на Юге вирус свободы оказался столь силен, что вопрос о рабстве, формально никак не связанный с англо-американским противостоянием, встал на повестку дня; даже на Юге предпринимались попытки ограничить рабовладение⁶.

Выступления против рабства, порожденные общей логикой борьбы с метрополией, были распространены, главным образом, в северных колониях; здесь эти выпады были столь обильны и сильны, что

привели к действительным переменам. Сперва вопрос о соотношении либертарианских принципов с вопросом о рабовладении лишь спорадически упоминался в некоторых памфлетах. В 1764 году, когда бостонские коммерсанты все еще рассуждали о работорговле в рамках повседневной деловой жизни, Джеймс Отис настаивал, что логическая посылка «по закону природы все люди рождены свободными» подразумевает действительно «всех», то есть «и белых, и черных». В емких и жестких формулировках он обрушивался на институт рабства:

Разве можно обращать человека в рабство потому, что у него черная кожа? Разве короткие, похожие на шерсть, кудри вместо христианских волос <...> это довод? Может быть, из плоского носа, длинного или короткого лица можно вывести обоснование рабства? Нет никаких более весомых оправданий ремеслу, которое омерзительнейшим образом нарушает законы природы, ставит под удар уважение к драгоценной свободе, делает каждого торговца тираном...

Это зло действует столь развращающе, заключал Отис, что «те, кто ежедневно продают чужую свободу, вскоре перестают ценить свою собственную»; этим объясняются «варварство и жестокость, давно замеченные за жителями „сахарных островов“ Вест-Индии». Их представление о власти соответствует тому, как на их глазах «обращаются с десятью тысячами их собратьев, рожденных с тем же правом на жизнь и свободу, что и их надсмотрщики и хозяева»⁷.

В ту пору этот ход был лишь риторическим отступлением в англо-американских прениях. Связь между политическими претензиями колонистов к метрополии и призывами к отмене рабства еще не стала очевидной даже на Севере. Когда в 1766 году преподобный Стивен Джонсон из Лайма (Коннектикут) в проповеди об «общей природе и последствиях порабощения» пространно рассуждал о несправедливости рабства и его «ужасном влиянии» на рабов и рабовладельцев, он приводил примеры из Библии, из древней истории, из новой истории — «угнетения Голландии», «папистского господства» над Англией и Францией, — но не из окружающей действительности; изъясняя и демонстрируя на многих примерах ужасы рабства, он ограничивался указанием на «угрожающие нам страшные бедствия», но не упоминал американских невольников. Точно так же и Джон Дикинсон, назвав налогообложение без представительства «самым унижительным рабством», заявлял, что не знает «рабства более полного, более жалкого и отвратительного, чем по-

ложение народа, который содержит своих судей, своих правителей и даже стоящую над ним армию, не имея никакой возможности влиять на них». Этот тезис повторяет и Артур Ли, нисколько не ассоциируя политические материи с повседневными общественными установлениями⁸.

Однако внутренняя связь между двумя вопросами со временем стала обнаруживаться. В 1770 году Сэмюэль Кук в проповеди на день выборов в Массачусетсе доказывал, что, проявляя терпимость к рабовладению, «мы, всегда отстаивающие свободу, позорим имя христиан, низводя человеческую природу до уровня зверей, не наделенных бессмертной душой». Большая часть проповеди была посвящена «положению наших рабов-африканцев». «Бог не смотрит на лица», — наставлял Кук руководство штата, требуя обратить внимание на проблему, столь близкую к непосредственным заботам колонистов. Бенджамин Раш, яростно обличая рабство в трактате «О рабовладении» (1773), призывал «защитников американской вольности» подняться и «поддержать человечность и свободу <...> против порока, унижающего людей. <...> Ростки свободы столь нежны, что не смогут прожить долго в соседстве с рабством. Помните, глаза всей Европы устремлены на вас, ибо только эта страна может остаться прибежищем свободы, когда последние ее столпы во всем остальном мире рухнули»⁹.

К 1774 году эти призывы стали общим местом в публицистике северных штатов и их ближайших южных соседей. Ричард Уэллс, «гражданин Филадельфии», вопрошал: как можно «примирить рабство с нашей верностью свободе»? Никакого оправдания невольничеству быть не может. Допустим, что, как утверждают некоторые, рабы были проданы теми, кто имеет на это право, но как доказать это? Вину преступника, «который расплачивается за свои деяния жизнью по законам своей страны и имеет лишь отсрочку для перевозки», подтверждают специальные документы, обосновывающие справедливость наказания. Утверждают, что в Америке только исполняется кара за преступления, совершенные африканцами на родине («последний коварный довод <...> защитников рабства»); иными словами, колонисты служат «палачами для диких эфиопских правителей». Американцы поработают африканцев только по праву силы: «Тогда какие же аргументы мы можем привести в свое оправдание, чтобы их нельзя было обернуть против нас, пока англичане превосходят нас на суше и на море?» Осуждение работорговли на будущем Континентальном конгрессе и отказ колонистов ввозить и покупать рабов стали бы, агитировал Уэллс, «дуновением свободы и столь сильно подкрепили бы наши притязания, что, я смею надеяться, рука провидения вступилась бы за нас». В заключение Уэллс привел

в пример законы об освобождении рабов, действующие в Пенсильвании, Мэриленде и Нью-Джерси.

Баптистский проповедник и публицист Джон Аллен в памфлете «Сторожевой набат» еще решительнее и жестче обличал лицемерие колонистов, требовавших свободы, но сохранявших рабство у себя дома: «позорная и отвратительная привычка держать рабов-африканцев» нарушает божеские законы, хартию Массачусетса, естественные и неотчуждаемые права человека, уставы общества и человечности:

Стыдитесь, мнимые защитники вольности, так называемые патриоты! Вы притворяетесь защитниками человеческих свобод и издеваетесь над собственными клятвами, втаптывая в грязь священные и естественные права африканцев; ибо когда вы посетите, молитесь, воздерживаетесь от ввоза и вывоза, протестуете, выносите решения и боретесь за свои права, вы в то же самое время поощряете этот незаконный, жестокий, бесчеловечный и постыдный порядок — порабощение ваших собратьев.

Не стоит удивляться, предупреждал Аллен, если африканцы когда-нибудь решатся последовать библейскому завету «разрешить оковы неправды, развязать узы ярма и угнетенных отпустить на свободу». У них куда больше оснований для этого, чем у их хозяев, ибо «что стоит смехотворный налог на чай в три пенни по сравнению с бесценным для пленника благом свободы?» Затем Аллен с большим сочувствием приветствовал «подлинных друзей прав и свобод человечества», отпущивших на волю своих рабов.

По ходу противостояния с метрополией приверженность американцев принципам свободы и их отвращение к притеснениям нарастали, так что обходить проблему рабовладения становилось все сложнее. Что можно было ответить англичанам, призывавшим «уничтожить богомерзкий обычай (это ужасное иго) прежде, чем взывать к вмешательству Божественного суда; поскольку пока они держат своих собратьев <...> в самом бесчестном принуждении и рабстве, грех им вообще обращать свои взоры к Господу и называть Его Отцом!» Что могли бostonцы возразить печатнику-лоялисту Джону Мейну, осуждавшему лицемерные ссылки на «непреложные естественные права» в устах тех, кто владеет («Это невозможно! Однако это правда») двумя тысячами негритянских рабов? Многие вслед за Джефферсоном усматривали частичное оправдание рабовладения в том обстоятельстве, что многочисленные попытки некоторых колоний запретить работорговлю наталкивались на ре-

шительное несогласие в Англии: благо колоний и права человека были принесены в жертву «выгоде нескольких африканских пиратов»¹⁰.

Однако эта отговорка была не слишком убедительна; к тому же одними отговорками было не обойтись. Раздавались призывы ограничить «жестокую и варварскую работорговлю» и смягчить страдания «угнетенных и униженных африканцев». На Севере проповедники-пресвитериане шли еще дальше и требовали покаяния и искупления столь долго совершавшихся грехов. На этой высокой ноте предреволюционный этап прений вокруг рабства достиг своего пика и был завершен. Локково оправдание рабства как замены смертной казни для преступников было окончательно отвергнуто. Два важных памфлета, целиком посвященных этой проблеме и выпущенных двумя близкими друзьями, священниками-конгрегационалистами, суммировали антирабовладельческую риторику, связанную с революционной идеологией и сосредоточенную на важнейших вопросах неопуританского богословия. Первый из этих памфлетов представлял собой текст проповеди, прочитанной в Фармингтоне (Коннектикут) в 1774 году накануне открытия Первого Континентального конгресса. Священник Леви Харт из деревни Грисуолд обещал «подойти к предмету только с нравственной и религиозной стороны», не касаясь политической составляющей. Тем не менее его проповедь звучала как подлинная иеремиада с громкими проклятиями и увещеваниями в той манере, которая еще с XVII века позволяла пуританским ораторам увязывать религиозное учение с насущными делами общества.

Харт начинал с противопоставления рабства и свободы, рассматривал определения свободы и заключал, что общество, позволяющее своим членам лишать невинных людей свободы или собственности, повинно в деспотизме и угнетении. Какое преступление, какой тяжкий грех лежит на совести колонистов, попустительствующих «этой ужасной работорговле»! Если бы не бесспорные факты, трудно было бы поверить, что «американские подданные Британии могут содейть такое». Никакого оправдания этому быть не может. Тезис, будто рабство есть справедливая и милосердная замена смертной казни, не имеет никакого отношения к положению дел в Америке, как бы он ни был убедителен в теории: «Какие же преступления совершили несчастные африканцы против жителей британских колоний и островов Вест-Индии, чтобы дать нам право ловить их или подкупом заставлять их ловить друг друга, а затем перевозить их на чужбину за тысячу лиг и заключать в пожизненное рабство?» Пришло время «проснуться и положить конец этому жестокому промыслу — похищению и продаже

наших собратьев». Иначе как же колонисты могут требовать свободы, когда они сами «деспотичны»? «Вопиющая непоследовательность! <...> Когда, о когда придет счастливый день, и американцы всем сердцем предадутся делу свободы?» Только тогда американские вольности обретут прочный фундамент, только тогда «дьявольское иго греха» будет сброшено и воцарится «самая полная и совершенная свобода». Ибо только Христос — «податель и хранитель истинной свободы». Так что пора взяться за ум, «оставить позади царство тьмы, деспотии и угнетения, встать под знамена Христова воинства, и вы можете быть уверены в победе, и свобода будет вашей наградой, ибо тот, кого Сын Человеческий сделал свободным, свободен на деле»¹¹.

Последним звеном, окончательно сцепившим религиозную и политическую проблематику рабства, стало выступление друга и наставника Харта — Сэмюэля Хопкинса, сурового богослова и ученика Джонатана Эдвардса. Хопкинс, отстаивавший собственную версию кальвинистского предопределения, обратился к негритянской проблеме намного раньше, когда впервые задумался о конкретных общественных перспективах своего учения о «бескорыстной милости» и «общем искуплении». После переезда в Ньюпорт (Род-Айленд) он годами боролся за освобождение местных негров; в 1770 году, разрабатывая вместе со своим другом Эзрой Стайлзом проект колонизации Африки, он занялся подготовкой негритянских миссионеров. Англо-американский конфликт заставил его уточнить и прояснить свою позицию, поскольку он свято верил в единство двух вопросов — колониального и рабовладельческого. Свои взгляды Хопкинс изложил в 1776 году в 63-страничном памфлете «Разговор о рабстве африканцев, доказывающий, что долг и благо колонистов освободить всех африканских рабов...».

Хопкинс набросал живую впечатляющую картину повседневной жизни негритянского невольника. Он говорил о безнравственности работоргового промысла, развращающего и рабов, и рабовладельцев, об ужасах перевозки и продажи негров, о чудовищном обращении с ними на американских плантациях. Он рассмотрел поочередно все доводы в защиту рабовладения и показал, как нелепо считать, будто рабство способствует обращению язычников или представляет собой форму законного наказания. Негры «никому не уступали свою свободу и не давали никому прав поработать и продавать их». Тем не менее их держат в неволе те самые люди, которые на глазах своих рабов борются за свободу и героически провозглашают, что рабство хуже смерти: «Ужасное, недопустимое противоречие! <...> Вопиющая, бесстыдная, укоренившаяся непоследовательность». Неволя, на

которую жалуются американцы, «легче перышка в сравнении с тяжелейшим негритянским ярмом; ее можно назвать счастливой свободой, если взглянуть на их заточение, столь ужасное, на их бедствия, столь неопишуемые». Те, кто называют себя сынами свободы, разве не угнетают тысячи людей, «имеющих те же права на свободу» и «потрясенных несправедливостью»? За этот грех, умноженный повсеместным равнодушием, американцы подвергнутся суду Божьему: все их начинания закончатся неудачами, их дело не победит до той поры, пока язва рабовладения не будет излечена, пока не свершится искупление и восстановление прав. Ибо Америка может победить в борьбе за свободу только с Божьей помощью, а она не придет, пока сохраняется рабовладение. В противном случае, предупреждал Хопкинс, американцев постигнет кара Божья: Господь лишит их своей поддержки, которую оказывал до сих пор, и «накажет в семеро раз страшнее». Виноваты все, так пусть покаяние будет всеобщим¹².

Эти слова били точно в цель. К июлю 1776 года в деле освобождения негритянских рабов многое уже было сделано. В Массачусетсе, где воспретить работорговлю пытались еще в 1767, 1771 и 1774 годах, законодательное собрание дважды голосовало за упразднение невольничьего труда, но оба раза наталкивалось на губернаторское вето. Континентальный конгресс в 1774 году выпустил резолюцию о недопущении работорговли, а власти Род-Айленда объявили свободными всех рабов, ввозимых на территорию колонии; решение объяснялось так: «желающие насладиться всеми выгодами свободы должны быть готовы уважать свободу других». Ту же схему принял Коннектикут; Делавэр запретил ввоз рабов; Пенсильвания обложила работорговлю такими сборами, что практически уничтожила ее. Там же в 1775 году квакеры, самые последовательные сторонники освобождения негров, хотя и далекие от революционного движения, основали первое в западном мире общество по борьбе с рабством. Жители южных штатов согласились с включением рабов в список бойкотируемых британских товаров, а затем — с принятым в апреле 1776 года решением конгресса «запретить ввоз рабов во все тринадцать колоний»¹³.

В ту пору рабовладение не было полностью уничтожено даже на Севере и сохранялось еще много лет; противники Декларации независимости, такие как Хатчинсон, продолжали обвинять в лицемерии народ, провозглашающий равенство и неотчуждаемые права, но в то же время лишаящий «более сотни тысяч африканцев права на свободу, счастье и отчасти даже на жизнь». Однако распространившаяся революционная идеология поставила под сомнение институт рабовладения,

и с тех пор сомнения только нарастали. Теперь защитники рабства должны были оправдываться и подыскивать ответы на вопрос: разве в словах «все люди рождены равными» не имеются в виду «все, белые и черные»¹⁴?

2. Церковь и государство

Независимо от взглядов на грех и его искупление, не приходилось отрицать «ужасное, недопустимое противоречие» — процветание рабства в борющейся за свободу стране. Необходимость освобождения негров самым естественным образом увязывалась с сопротивлением вольнолюбивых американцев властным поползновениям метрополии. Вместе с тем ничто так наглядно не демонстрирует гетерогенный характер революционного движения, как еще один вопрос, обсуждавшийся в самый разгар революционных событий многими уже знакомыми нам борцами за отмену рабства. Отис и Кук, Харт и Хопкинс — все они были вождями или приверженцами различных церквей, хотя бы отчасти утвердившихся. По мнению многих, эти церкви были столь же несовместимы с революционным духом, как и рабство. Один из тогдашних памфлетов соединял два этих понятия в заглавии, требовавшем «свободу от гражданского и церковного рабства», поскольку и то и другое есть «продажа Христа»¹⁵.

Сложности с церковной организацией начались в Америке почти с самого начала колонизации. Хотя большая часть первых поселенцев осталась верна привычным представлениям о том, что государство обязано надзирать над правоверной церковью и поддерживать ее авторитет, и большинство ранних общин стремилось воспроизвести традиционные церковные институты, затруднения возникли почти сразу. Где-то, как в Вирджинии, они были связаны с чисто географическими обстоятельствами — рассеянностью населения и отдаленностью колонии от религиозных центров Европы. В других местах, например в Массачусетсе с его благоприятными для жизни условиями, религиозный пыл и стремление установить досконально прописанную церковную догму способствовали раскольническим настроениям. В Нью-Йорке церковному упорядочиванию препятствовала исключительная конфессиональная пестрота местного населения.

Анархическое недовольство институциональной церковью редко становилось причиной каких-либо проблем. Только в Пенсильва-

нии систематическое и убежденное неприятие любой официальной церкви вплоть до XVIII века определяло местный религиозный ландшафт. В остальных колониях церковные учреждения, как и светские, создавались в результате частичных и несистематических модификаций британской модели в применении к новым условиям. К 1750-м годам положение официальных церквей в различных колониях было столь беспорядочно и переменчиво, что очертить его в нескольких словах невозможно. В Вирджинии в годы молодости Джефферсона официальной церковью считалась англиканская, однако закон, обязывавший нонконформистов регистрировать свои религиозные сообщества в правительственных органах, часто не исполнялся, особенно в западных графствах, где диссиденты селились при поощрении колониального начальства, не преследовались за свою веру, не карались за отказ посещать англиканскую службу и были освобождены от уплаты десятины. Инакомыслящие протестанты не лишались права избирать и занимать общественные должности; несмотря на официальные запреты, последнее удавалось иногда даже католикам. При всем том конфессиональный режим Вирджинии относился к числу самых консервативных в Америке. Столь же слабыми были преимущества англиканской церкви в Южной Каролине и Джорджии; в Северной Каролине они практически отсутствовали. В срединных колониях от этих привилегий не осталось и следа, а там, где они были закреплены законом, например в четырех графствах Нью-Йорка, эти нормы либо не соблюдались, либо еще задолго до революции встречали жесткое сопротивление. В Коннектикуте и Массачусетсе роль официальной церкви досталась группам, которые в понимании английского права являлись нонконформистскими; в юридическом отношении их положение было с самого начала сомнительным, так что веротерпимость и освобождение инакомыслящих от приходского налога распространились в этих колониях еще в начале века. Задолго до революции здесь установилась, по словам Джона Адамса, «самая мягкая и терпимая из существовавших когда-либо официальных религий; если [ее] вообще можно назвать официальной»¹⁶. Дальнейшее ослабление государственного вмешательства в религиозные дела стало результатом Великого пробуждения. Англиканская церковь, признанная верховной государственной властью, вынуждена была повсеместно обороняться от наступающего инакомыслия и все больше и больше полагаться на свое миссионерское крыло — Общество для распространения Евангелия.

Тот факт, что институт официальной церкви, и без того раздробленный и лишенный влияния, попал под огонь критики, был еще одним симптомом могучего вируса революционной свободы. Выступления

против власти государства в делах веры слышались и до революции, но не были ни массовыми, ни сколько-нибудь успешными. В Вирджинии бродячие проповедники церкви Нового Света (New Light) еще в 1740-х годах обратили стихийные излияния евангелистского пыла в инструмент последовательной борьбы против церковного права. В Коннектикуте и Массачусетсе религиозное пробуждение середины века породило группы вышедших из-под повиновения «раскольников» («Separates»). Эти суровые конгрегационалисты считали себя носителями единственно верного учения и поэтому отказывались от закрепленных за инакомыслящими законных прав. Доводы против официальной религии они черпали из самого широкого круга источников: «Библии, естественного права, британского права, ковенантов, уставов и статутов». Борясь за свободу совести как «неотъемлемое право любого мыслящего существа», они подчас предпочитали тюремное заключение с конфискацией имущества уплате приходского налога в пользу чужой церкви; некоторые доходили до прямого призыва к полному отделению церкви от государства¹⁷.

Не меньшее значение для решения церковного вопроса в Америке имела кампания, начатая не скромными изоляционистами из конгрегационалистской церкви в Новой Англии, а группой образованных юристов из Нью-Йорка, выступившей в 1752–1753 годах на страницах Independent Reflector против преимущественных прав англиканской церкви по сравнению с другими конфессиями. Непосредственным поводом к дебатам послужило основание в Нью-Йорке англиканского колледжа при денежной поддержке местного правительства; однако в памфлетах Уильяма Ливингстона и его соратников речь быстро зашла о самом понятии официальной церкви. До окончания спора они успели поставить под сомнение право какого бы то ни было духовного учреждения претендовать на исключительную поддержку общества и правительства. Кроме того, впервые в американской истории они стали утверждать, что общественные институты, будучи «общественными», если и не должны являться полностью светскими, то по крайней мере не могут быть связаны ни с одной из конкурирующих церквей¹⁸.

Все вышеописанные выступления предвосхищали широкое антицерковное движение, развернувшееся в революционные годы. Однако они носили эпизодический и рассогласованный характер, основывались на разных принципах и по большей части быстро сходили на нет. Их выводы казались отступлениями от нормы, а не шагом на пути к ней; им не доставало общественного одобрения, общеизвестности или неопровержимой логичности; они были прикованы к породившему их поводу и быстро забывались. Открытая враждебность вирджинских еванге-

листов к официальной церкви в столь малой степени была обусловлена вопросами вероучения, что они затруднились ответить на вопрос о своем вероисповедании (в конце концов, они решили назваться лютеранами, поскольку одному из них пришел на память комментарий Лютера к Посланию галатам¹⁹); эта враждебность исчезла вскоре по прибытии в колонию в 1748 году Сэмюэля Дэвиса, не только успешного проповедника, но и хитрого политика, сумевшего направить их религиозный пыл в русло дозволенного пресвитерианства. В Новой Англии раскольниковские страсти стали угасать к 1760-м годам, а сами группы либо растворились в более крупных нонконформистских сообществах, либо исчезли в результате постоянного дробления. В Нью-Йорке, как только правительству удалось закрыть журнал *Independent Reflector*, Уильям Ливингстон и его единомышленники пали жертвой местной политики: их союз распался, и они потерялись в вихре политических дебатов.

Это были, повторимся, несогласованные и обособленные вспышки, быстро затухавшие в либеральной религиозной атмосфере колоний. Однако в последующие десятилетия, 1760–1770-е годы, о них снова вспомнили. В контексте революционной идеологии поставленные тогда вопросы обретали новую весомость и всеобщую значимость, невиданный прежде размах и остроту. Они слились в общем движении, сплавывавшем сектанство с политическим реформаторством и в конце концов добившемся отделения церкви от государства как в отдельных штатах, так и в Соединенных Штатах Америки.

Протесты против официальной церкви и против власти парламента начали смешиваться задолго до революции; однако принцип взаимодействия двух этих вопросов со временем решительно менялся. Два важных события — одно в Вирджинии, другое в Массачусетсе, — пришедшиеся на время первых конституционных дебатов, привлекли общественное внимание к отношениям церкви и государства.

В Вирджинии тлеющий антиклерикализм колонистов разгорелся в 1759 году с принятием Закона о двух пенсах. Протестуя против якобы незаконного уменьшения жалований, духовенство не только сумело воспрепятствовать ратификации закона английскими властями, но и добилось от лондонского епископа послания, осуждавшего народ Вирджинии за непочтительное отношение к англиканской церкви, попустительство еретикам и стремление «сократить влияние короны и содержание духовенства». Отстаивая ассамблею и принятый ею закон, Ричард Бленд и Ландон Картер нападали не только на вождя церковной «клики», преподобного Джона Кэмма, но и на духовенство вообще, в том

числе лондонского епископа. Кто виноват, вопрошал Бленд, в том, что, как утверждает епископ, вирджинцы не испытывают уважения к церкви и ее представителям? Священники пользуются тем уважением, которого заслуживают, ведь «они такие же люди, как и все, ничуть не выше остальных ни положением, ни ученостью». Само собой, официальная церковь — важнейший институт в любом государстве, и духовенство должно иметь почет в народе; однако всему есть пределы, даже если бы ни один пастырь не позорил своего призвания, как это сплошь и рядом бывает в Вирджинии; так или иначе, «забота о сообществе выше» интересов духовенства.

Спор было не остановить. Джон Кэмм, повторяя аргументы лондонского епископа, настаивал, что нападки на англиканское священство суть удар по королевской прерогативе, а если она сводится к «собственной бледной тени, к чему-то не имеющему веса, <...> речь должна идти о подрыве одного из мощнейших оплотов, воздвигнутых для защиты свободы и собственности». Бленд не отрицал, что «королевская прерогатива, несомненно, имеет большое значение и силу при зависимом и подчиненном правлении», однако выше всего ставил благо народа: «*salus populi est suprema lex* <...> ради него любое решение может быть пересмотрено» — даже приказы короля, если они противоречат ему; этот принцип «очевиден сам по себе» и является «бесспорным и важнейшим <...> положением английской конституции».

Последнее, прославленное слово в этом споре было сказано не Блендом и не Кеммом, а подающим надежды молодым адвокатом Патриком Генри. В ходе так называемого дела священников Генри защищал интересы прихода, у которого священник хотел отсудить потерянное из-за Закона о двух пенсах жалованье. В часовой речи, сделавшей ему имя и прославившейся как одно из самых оригинальных выступлений первых революционных лет, Генри заявил, что этот закон был издан на благо народа и что король, отзывающий его, «из отца нации становится тираном и лишается всех прав на послушание подданных». Англиканские пастыри предстают со слов своего адвоката великодушными людьми, исполненными божественного пыла. На деле же все наоборот: это жадные гарпии, которые, «будь их воля, отобрали бы последний кусок хлеба у самого благочестивого прихожанина, последнюю молочную корову у вдовы и сирот, последнюю лежанку, что там последнее одеяло у роженицы!» Протестуя против Закона о двух пенсах, духовенство пренебрегает общественным благом и нарушает тем самым главное условие существования официальной церкви: «духовенство и церковь нужны обществу, чтобы способствовать соблюдению граж-

данских законов; <...> коль скоро священники перестают действовать в этих целях, община не имеет нужды в них и может просто лишить их должностей». В данном случае они «не приносят пользу обществу, но, напротив, ведут себя как его враги и потому заслуживают серьезного наказания»²⁰.

В Массачусетсе идея всеобщей официальной церкви подверглась критике вследствие попыток англикан распространить свое влияние на заповедные земли американского инакомыслия²¹. В 1759 году англиканская церковь открыла в Кэмбридже, буквально у порога Гарвардского колледжа, отделение Общества для распространения Евангелия. Работа в этой миссии была бы испытанием даже для самого мудрого и хитрого священника; между тем ее главой стал Ист Эпторп, неопытный, вздорный и надменный человек. Естественно, он стал допускать стратегические просчеты: выстроил себе дом, «скорее напоминая епископский дворец, чем пристанище простого миссионера», и вступил в полемику с газетными публицистами, высмеивавшими попытки Общества спасти «туземцев, африканцев и язычников» Массачусетса от «варварства» неангликанских конфессий. Эпторп, ссылаясь на устав Общества, возражал, что его цели не ограничиваются «обращением язычников», но предполагают содержание англиканских священников «среди английских подданных <...> в самых густонаселенных частях континента». Доводы Эпторпа были слабы и крайне неприятны для большинства жителей Новой Англии. Их оскорбительный характер усугублялся целым рядом мелких, но болезненных деталей: Эпторп настойчиво отождествлял истинное христианство с епископальной церковью, обвинял диссентеров Новой Англии в суеверии, фанатизме, ханжестве, приравнивал их к «папистам и магометанам»; высокомерно рассуждал о том, что Общество стоит «выше оценок» и «непогрешимо в своей щедрости». Памфлет Эпторпа посеял среди не исповедавших англиканство колонистов, особенно жителей Новой Англии, страх перед грядущим учреждением американской епархии. Именно это подспудное чувство, подогретое в 1763 году интригами архиепископа Кентерберийского (подлинными и мнимыми), заставило Джонатана Мэйхью, знаменитого своими прогрессивными богословскими и политическими взглядами пастора бостонской Западной церкви, взяться за перо и ответить Эпторпу²².

В пространнейших «Замечаниях об уставе и деятельности Общества» Мэйхью доказывал, что под «истинной верой» основатели Общества подразумевали не только англиканство, но и протестантизм целиком²³, и отнюдь не предназначали все средства Общества на поддержку епископальных священников там, где «все необходимое для службы

пасторов конгрегационалистского и пресвитерианского толка уже сделано». Отправка миссионеров в места вроде Кэмбриджа прямо противоречит уставу Общества; «воздвигая алтарь против алтаря», оно надеется на то, что когда-нибудь инакомыслящие согласятся признать англиканство официальной церковью Новой Англии. Мысль об этом пугала Мэйхью. Особенности англиканской церкви слишком хорошо известны, писал он: службы, «далекие от евангельской простоты апостольских времен»; сложная иерархия священства, восходящая по ступеням «от праха к самым небесам»; церковная верхушка — епископы, «венчаные и надменные преемники рыбаков из Галилеи», некогда в наказание за инакомыслие прогнавшие предков нынешних колонистов из «прекрасных городов, деревень и чудесных полей Британии» к «дикарям и варварам». Если англикане добьются статуса официальной церкви в Новой Англии, предупреждал Мэйхью, они потребуют от нас присяги и «обложат налогом в пользу епископов и их прихвостней». Навязать Новой Англии англиканское вероисповедание может либо акт парламента, либо королевский декрет, но ни парламент, ни король не имеют права распространять церковные законы Британии на Америку, как и вообще вмешиваться во внутренние дела колоний.

Сближение религиозной и светской проблематики в конечном счете определило ход спора. Суть вопроса прямо сформулировал сам Мэйхью: «Если епископы были столь поспешно посланы в Америку, то не исключено, учитывая необыкновенные свойства последних парламентских актов и биллей по сбору денег с бедных колонистов без их согласия, что епископов, а то и все духовенство, вознамерятся обеспечивать тем же способом». Много лет спустя Джон Адамс, резюмируя эту дискуссию, писал, что прения Эпторпа с Мэйхью

пробудили у всех недоверие к парламенту, посеяв всеобщий и оправданный страх, что англичане хотят завести у нас свои епархии, своих епископов, свои церкви, своих пасторов и свои десятины. Было известно, что ни король, ни кабинет, ни архиепископы не могут назначить епископов в Америку без парламентского акта, а коль скоро парламент облагает нас налогами, то может и навязать нам владычество англиканской церкви со всеми ее догматами, символом веры, испытаниями, ритуалами и поборами, запретив остальные церкви, конфессии и религиозные собрания²⁴.

«Дело священников» и Закон о двух пенсах в Вирджинии, а также спор Мэйхью с Эпторпом в Массачусетсе усугубили тревоги аме-

риканцев по поводу истинной или мнимой угрозы насаждения англиканства и свели воедино проблемы церковного и политического давления именно в тот момент, когда в Америке прозвучали первые голоса против усиления парламентской власти в колониях. Однако вскоре стало ясно, что система доводов, разработанная американскими оппозиционерами, — палка о двух концах: изначально обращенная против метрополии, она была тотчас использована их внутренними оппонентами. Аргументами, которые Бленд и Мэйхью обращали против Кэмма, Эпторпа и стоящих за ними кругов, вооружились противники местных влиятельных церквей и их привилегий.

Эту роль взяли на себя представители крайних религиозных движений: пресвитериане Нового Света, баптисты-раскольники и строгие конгрегационалисты; потому самые смелые доводы против существования официальной церкви, высказанные до революции и позднее отозвавшиеся в устройстве независимых американских правительств, представляли собой зыбкую смесь узкоконфессионального сепаратизма и широкого либертарианства. Новая волна религиозного инакомыслия захлестнула Вирджинию уже в 1750-е годы. Баптисты-раскольники, протестовавшие против любых форм принуждения, столь же неистовые пресвитериане Нового Света и, наконец, после 1770 года, методисты, также выступавшие за полную свободу совести, оказывали мощнейшее давление на и без того слабые институты официального вероисповедания. На фоне все более агрессивного поведения инакомыслящих местные законодатели поручили в 1769 году специально созданному комитету разработать новый и полный закон о вероисповеданиях. Костяк комитета составили наиболее влиятельные политики из либералов; вошел в него и Ричард Бленд. В одном из писем того времени он так излагал свою позицию: будучи «верным сыном официальной церкви», он разделяет «ее догматы, но не систему должностей, которая есть не что иное, как пережиток папистского вторжения в обычное право»; создание же американской епархии произведет «потрясения, превосходящие все, когда-либо случавшееся в этой части света». Тем не менее законопроект, предложенный комитетом в 1772 году, был нацелен скорее на сохранение общественного спокойствия в условиях все более агрессивных религиозных полемик, чем на удовлетворение анархических призывов. Предлагались дополнительные ограничения на деятельность местных диссидентских собраний: службы следовало проводить только в дневное время, в оговоренных помещениях с незапертыми дверями; воспрещалось крестить рабов и даже проповедовать им; инакомыслящие, подозреваемые в нелояльности, должны были присягать на верность догматам англиканской церкви²⁵.

Законопроект вызвал бурю возмущения. Со всех уголков колонии поступали обращения от инакомыслящих, требовавших для себя самих и «остальных протестантских священников, не принадлежащих к англиканству, свободы служить во всех местах и во всякое время без стеснений». Поначалу тон этих выступлений был спокойным и деловым: речь шла об устранении определенных ограничений при сохранении официальной церкви. Однако постепенно притязания недовольных росли и прояснялась политическая подоплека дискуссии. Пресвитериане из графства Ганновер возглавили движение, потребовав права «служить и проповедовать в любое время в любом месте» и особо подчеркнув, что те же права «в светских делах <...> давно благоприятствуют делу свободы». Вывод был таков: «свободы американцев затронуты в этом деле самым непосредственным образом». В том же духе, но еще более воинственно выступили баптисты; стало ясно, что принятие этого закона, закрепляющего авторитет официальной церкви Вирджинии, породит в отдельно взятой колонии те самые «потрясения», которые Бленд пророчил всей Америке²⁶.

Закон был отвергнут, и в суматохе 1774–1775 годов церковный вопрос скоро забылся. Однако споры возобновились накануне объявления независимости, когда возникла необходимость выработать новую систему государственного управления. Ассамблею наводнили петиции и протесты, зазвучавшие с новой силой на фоне надвигающейся революции. Из диковинных претензий к общепринятому порядку они стали законными и убедительными предложениями, соответствовавшими всеобщей потребности теоретически осмыслить колониальный опыт²⁷. Непрочный союз между конфессиональным плюрализмом и политическим идеализмом был заключен. Принятый в июне 1776 года знаменитый пункт вирджинской Декларации прав, согласно которому вероисповедание «есть исключительно дело разума и убеждений» и «все люди имеют право свободно исповедовать свою веру по голосу своей совести», был по большей части написан Джеймсом Мэдисоном. По собственному признанию, он вдохновлялся как общими просветительскими принципами, так и взглядами местных пресвитериан и «преследуемых баптистов». Депутация религиозных диссидентов из трех графств подчеркивала: теперь, когда структура власти должна быть перестроена, доводы справедливости, добронравия и необходимость объединиться перед лицом врага в борьбе «за наше все, за свободу» требуют «равных прав» для всех в духовных и гражданских делах. «Величайшей несправедливостью» было бы учреждение единой церкви в народе, который «молится одному Богу и ведет войну во имя общего дела». Инако-

мыслящие из графства Принс-Эдвард приветствовали Билль о правах, освободивший их «от долгой ночи духовного рабства», и призывали палату «возвести религиозную и гражданскую свободу в зенит славы <...> и упразднить все официальные церковные установления вместе с налогами на веру и личные убеждения».

Другие провозглашали, что «их надежды возбуждены и не обмануты декларациями палаты в отношении равноправия и свободы», и молились о том, чтобы «иго церковной иерархии, <...> как и всякое другое иго, было сброшено, а угнетенные обрели свободу». Иные продолжали осуждать институт официальной церкви как «несоответствующий базовому принципу налогообложения, согласно которому взнос в конце концов идет на благо плательщику». Наконец, пресвитериане графства Ганновер, «движимые теми же чувствами, что вдохнули жизнь в Соединенные Штаты Америки», заявляли, что теперь, когда «ярмо тирании» отброшено и система власти перестраивается на «основаниях свободы и равноправия», палате следует учитывать, что «гражданские свободы приобретают дополнительную силу в сочетании с религиозными». Не требуя государственной поддержки для собственной церкви, они решительно выступали против того, чтобы какое-либо другое религиозное собрание «пользовалось исключительными или отдельными выгодами и привилегиями, <...> ущемляющими права всех остальных». Единственным справедливым, последовательным и действенным рецептом они считали упразднение «всех коллективных и индивидуальных различий» в правах раз и навсегда²⁸.

Цель, к которой сообща стремились сторонники религиозного плюрализма и идеологии Просвещения, была достигнута в Вирджинии десять лет спустя, когда вступил в силу разработанный Джефферсоном Закон об установлении свободы вероисповедания вместе с сопутствующими актами. В Массачусетсе и Коннектикуте принятие сходных законодательных норм оказалось куда более сложным, и споры вокруг них продолжались до XIX века. Однако парадоксальным образом именно там дореволюционное сопротивление институту официальной церкви было наиболее яростным, а вирус революционной мысли — наиболее сильным.

Борьбу против официальной церкви Новой Англии в 1760–1770-х годах возглавили баптисты-раскольники, «самые радикальные из презираемых и стоящих вне закона раскольников». Эти евангелисты и убежденные адепты теории предопределения играли в XVIII веке ту же роль, которую в XX взяли на себя Свидетели Иеговы: озлобленные и ожесточенные, чрезвычайно чувствительные к обидам, неустанно

отстаивающие свои права против притеснений, именно они, несмотря на узость и ограниченность своих первоначальных целей, стали авангардом борьбы за равенство. Унаследовав в середине 1760-х годов общественные взгляды строгих конгрегационалистов, они увеличили затем свою численность, значительно усилились благодаря обновлению организационных принципов и невероятной энергии своего вождя, проповедника и публициста Айзека Бакуса, и начали борьбу за религиозное равноправие²⁹.

Они шли проторенным путем. Даже официальная церковь любезно заявляла, что «свобода является основным принципом нашей деятельности», коль скоро любая религиозная группа беспрепятственно может собираться, избирать священника и, получив признание в качестве законной инакомыслящей церкви, освободиться от «пастырских налогов». Подлинное христианство обитает в Америке, а не в Англии: там диссиденты поражены в правах и ограничены в свободе высказываться; здесь, в Новой Англии, сохраняется «свобода совести и право на убеждения», а мысль «приблизить царство Христово при помощи карательных законов» признана «нелепой». Верховная власть не может быть сосредоточена в человеческих руках: «Мы не считаем ни князя, ни папу главой церкви и не верим в право какого бы то ни было парламента предписывать нам вероучение, уставы поведения и пути совместного причащения божеству»³⁰.

Однако речь шла не о папе и не о парламенте. Все соглашались с тем, что свободы в религиозных делах в Америке хватает, в том числе и в Массачусетсе. Но баптисты и их единомышленники не желали пользоваться свободой как милостью и получать ее из рук властей, распределяющих преимущества. Им не нравилось, что местное правительство, столь охотно защищавшее гражданские свободы и отстаивавшее свою собственную независимость в светских делах, не хотело предоставить эту независимость церковным организациям. Правительственная терпимость не обеспечивает ни свободы, ни равенства, пока власти имеют право определять границы терпимого и ограничивать унижительными административными преградами неотъемлемые всеобщие права. Официальная церковь Массачусетса, писал Бакус, «объявила баптистов *непорядочными*, а значит, светские власти будут и дальше принуждать их придерживаться вероисповедания, от которого они сознательно отказались». Это не свобода, а лицемерие: «многие из тех, кто кричит о свободе и угнетении, сами попирают драгоценнейшее из прав, свободу совести». Они выступают «год за годом против налогообложения без их согласия и против учреждения епархии, <...> но вымогают у своих соседей взносы в пользу церкви, с которой те желают размежеваться». Пусть же алкающие свободы для себя в одной области предоставят ее сами в другой.

Эта мысль повторялась снова и снова. Представьте себе, рассуждал Бакус в одном из многочисленных памфлетов, что в Америке учреждена епархия, а конгрегационалистская церковь будет еле дозволена и опутана бюрократическими препятствиями. Такое состояние они тоже назовут свободой? Поразительно, писал он, «что, жалуясь на произвол вышестоящих сил, эти люди еще хуже обращаются со своими соотечественниками». Они выступают против налогообложения без представительства, но это последнее, если не дано им сейчас, то по крайней мере теоретически возможно: «а что если бы они были лишены прав, которые невозможно передать депутату». Они зовут себя «сынами свободы, но со мной обращаются как сыны гнета»³¹.

Реакция была возмущенно-недоверчивой. Либертарианец Эндрю Элиот писал Томасу Холлису в 1771 году: «Наши баптистские братья, причем все сразу, стали жаловаться на страшные притеснения в Массачусетсе! Мы никогда не слыхали этих жалоб до той поры, пока они не появились в печати, и были весьма удивлены, когда увидели их, поскольку не знали, что действующие законы плохи». Сам Элиот, разумеется, выступал за полную свободу совести: «Я не терплю и подобия официальной церкви». Что же может не устраивать баптистов? Получив «официальный документ о том, что они баптисты, они тотчас освобождаются от пастырского налога». Процедура не составляет затруднений: «документ дается членами той же конфессии, которые, таким образом, становятся единственными судьями сами себе и, как предполагается, заинтересованы в приросте собственной церкви». Нынешнее недовольство, размышляет Элиот, по-видимому, вызвано суетливостью одного неблагонамеренного «молодого пастора из Пенсильвании», который действует заодно с англиканами, сторонниками епархии. Ибо, если раньше и бывали

отдельные случаи притеснения и несправедливости, <...> то они проистекали из случайных причин. Нынешний порядок в этой стране свободен от всяческих притеснений. И правители, и священники чуждаются их более, чем когда-либо в истории человечества. В противном случае я бы презирал Новую Англию столь же сильно, сколь люблю ее сейчас, и постарался бы покинуть ее. <...> Я ненавижу все формы гнета и не терплю, когда его вменяют в вину народу, не заслужившему того³².

Но даже Элиот не мог отрицать связи между жалобами баптистов и теми политическими ценностями, которые колонисты отстаи-

вали в противостоянии с парламентом: «Лучше бы наши предки выдумали какой-нибудь другой способ содержать священников, не прибегая к налогам. Хорошо, что у нас в Бостоне этого нет». Родство светских и религиозных вопросов сложно было отрицать; чем глубже становились в течение 1770-х годов англо-американские противоречия, тем чаще и громче слышались призывы распространить гражданские свободы на церковные дела. По городам и городкам Массачусетса — в Эшфилде, Бервике, Болтоне, Хэдли, Хэверхилле, Монтегю — баптисты все настойчивей требовали полной свободы вероисповедания, заимствуя для своих целей риторику англо-американского конфликта. Самый известный случай произошел в Эшфилде, деревеньке в 500 душ на западе Массачусетса. Местные баптисты отказались платить церковный налог в пользу церкви, к которой принадлежат «люди противоположных убеждений» (конгрегационалисты), объяснив, что когда-то именно они, баптисты, первыми заселяли эту территорию в тяжелых военных условиях, а их противники уже потом пришли сюда и добились решающего голоса в городском собрании. Собственность баптистов конфисковали на том основании, что их организация — не заслуживающая уважения церковь, а сборище диких раскольников, «изменчивых и непостоянных», способных мирно сосуществовать в рамках церкви; так называемая баптистская церковь есть нечто вроде «сточной канавы для всех христианских отбросов этой части страны». «Естественные права», которых требуют баптисты, угрожают анархией: будь их воля, жители смогли бы «отказаться платить налоги потому только, что в силу каких-то причин не хотят их платить». Баптисты, как и все остальные, должны быть связаны общественными обязательствами, а не пребывать «в природном состоянии». Генеральному суду следует отнестись к ним со всей строгостью, ибо, коль скоро прямой долг повелевает ему «защищать законные протестантские церкви», справедливо будет избавиться от тех, кто «ни в каком разумном отношении не исполняет общепользных задач религии».

Баптисты ответили на вызов волной протестов и возмущений и не остановились даже после того, как дело было перенесено в Лондон и решено в их пользу столь могущественной инстанцией, как Король-в-Совете. Эшфилдские мятежники дали Генеральному суду исчерпывающие показания о своих «несчастных обстоятельствах, вызывающих к жалости». По их словам, местные власти «прямо объявляли, что не будут благосклонны к нам из-за того, что мы расходимся с ними в вопросах веры». Тем не менее баптисты руководствовались в своем обращении «теми естественными правами, которые так хорошо определены решениями почтенной палаты, приучившими нас, что налогообложение

не может быть законным там, где на плательщика наложены ограничения, отнимающие у него свободу отдавать свои деньги по собственной воле»³³.

Камнем преткновения в Эшфилде и других местах стал принцип нерасторжимости церкви и государства. Именно на него упирали конгрегационалисты в Эшфилде; на него же нападали в своем пространном «Обращении к обществу по поводу свободы вероисповеданий» (1773) Айзек Бакус. Можно воочию наблюдать, писал он, действие следующей аксиомы: «религиозная свобода столь тесно связана с гражданской, что если нарушается одна, то и вторая не сможет оставаться в силе». Власть способна навязать свое представление о должном отправлении веры; таким образом, истинная религия фактически устанавливается большинством голосов, хотя сказал Господь: «Немногие находят узкий путь, но многие идут пространном путем». Конечно, к некоторым религиозным меньшинствам в Массачусетсе проявляют терпимость; но некоторых ее лишают. Право распоряжаться этой привилегией уполномочивает местные власти судить «о побуждениях ближнего», хотя по природе вещей гражданское правительство никого не представляет в вопросах веры, ибо перед Богом каждый говорит за себя. Вы осуждаете себя сами, втолковывал Бакус властям, когда говорите, что Англия не имеет права облагать налогами тех, кто находится за ее границами: «разве у нас нет права сказать, что вы делаете то же самое, иными словами, порицая других, осуждаете сами себя?» Так же, как «спор между Великобританией и Америкой сейчас идет не о денежных суммах, но о самом праве взимать налоги, так и <...> мы не можем признать налоги на веру». И с нравственной, и с практической стороны два освободительных движения смыкаются воедино. Успех одного зависит от другого: разумно ли ожидать, что Господь «обратит сердца наших земных владык к свободолобивым требованиям тех, кто не слышит призывов ближних, угнетаемых ими самими?»³⁴

Этой истиной уже невозможно было пренебречь, и влиятельнейшие публицисты продолжали обосновывать ее. Джон Аллен в цветистом памфлете «Американский набат, или Бостонский иск в защиту народных прав и свобод» обращался к судьям Генерального суда и признавал, что они защищают «естественные права и свободы людей. <...> И все же разве дерзнули бы вы принять или применять закон, силой отнимающий собственность у ваших братьев вопреки их согласию и совести только потому, что они не желают поклоняться золотому кумиру, воздвигнутому вами?» Подлинный сын свободы, продолжал Аллен, обороняет «священную свободу человеческой совести столь же рьяно, как и гражданские и имущественные права». Ни Божественный

закон, ни законы природы не дают права облагать баптистов или любое другое религиозное меньшинство налогом в пользу церкви, к которой они не принадлежат, — точно так же, как нельзя требовать пошлин у ангелов или позволить людям перерезать друг другу горло.

Вы говорите своему губернатору, что английский парламент не имеет полномочий облагать американцев налогами, <...> поскольку в нем не заседают американские депутаты; а имеете ли вы право требовать у баптистов денег, которые пойдут на нужды чужой церкви? Разве вы, господа, не представляете их перед богом и не отвечаете за их души и их совесть в той же мере, в какой британские депутаты представляют американцев? <...> Если Генеральный суд уполномочен лишить меня священных духовных прав и свободы совести, а заодно и денег, то будет справедливо, если британский парламент отберет у меня силой и принуждением гражданские права и собственность без моего согласия; это рассуждение, господа, кажется мне предельно ясным³⁵.

Однако сомнения оставались; необходимость распространить революционную идеологию на вопросы вероисповедания, к 1774 году казавшаяся многим очевидной, вдохновляла вмешательство баптистов в работу Первого Континентального конгресса в Филадельфии в 1774 году³⁶.

Этот необыкновенный случай наглядно показывает, как переплетались и подкрепляли друг друга в революционную эпоху требования религиозной и гражданской свободы. Вечером 14 октября 1774 года делегаты от Массачусетса были приглашены в Карпентерс-Холл компанией филадельфийцев обсудить «кое-какие дела». Прибыв на место, они обнаружили «значительное число квакеров, сидевших за длинным столом в своих широкополых шляпах», а также некоторое количество баптистов и филадельфийских пасторов. Все они собрались, чтобы разъяснить депутатам из Массачусетса противоречие между свободами, «как они теперь соблюдаются», и положением баптистов в колонии. Как вспоминал позднее Джон Адамс, депутаты очутились «перед самопровозглашенным трибуналом, не имевшим никакой законной силы и конституционных полномочий». Джеймс Мэннинг, ректор Род-Айлендского колледжа, произнес пространную речь, осуждавшую существование в Массачусетсе репрессивного института официальной церкви, несовместимого с общепринятым понятием гражданской свободы. Мэннинга поддержала верхушка квакеров, а также Бакус и остальные баптисты. В заключение они вырази-

ли надежду, что массачусетская делегация пообещает собравшимся во имя свободы, защищать которую они приехали на конгресс, отменить несправедливые законы и «сделать все, как в Пенсильвании».

Делегаты Массачусетса были неприятно поражены и сбиты с толку. Годы спустя Адамс сумел восстановить в памяти основные тезисы своего импровизированного ответного выступления. Во-первых, депутаты не могут оказывать давление на своих избирателей, так что ни о каких обещаниях не может быть и речи; во-вторых, участие государственных органов в религиозных делах в колонии и так сведено к минимуму; в-третьих, наконец, народ Массачусетса ничуть не уступает в сознательности пенсильванцам: он действует так, как велит ему совесть, а следовательно, «та самая свобода совести», за которую ратуют баптисты, требует оставить обсуждаемые законы в силе. Его слова никого не убедили. Вождь квакеров Айзек Пембертон, услышав последний аргумент, воскликнул с отвращением: «Сударь, я вас умоляю, не притягивайте свободу совести к оправданию этих законов!» Заседание продлилось пять часов и так сильно задело Адамса, что даже через тридцать лет, составляя свою автобиографию, он все еще обличал козни этого «пронырливого иезуита» Пембертона, якобы стремившегося «подорвать работу конгресса или во всяком случае посорить нас с квакерами и правящей частью пенсильванцев».

Такое объяснение могло звучать успокоительно через тридцать лет, но не тогда, когда разворачивались события. Вернувшись домой, массачусетские делегаты столкнулись с новым скрупулезно проработанным обращением баптистов, на сей раз к провинциальному конгрессу. Налог в три пенса на фунт чая прогремел на весь мир: «Но ваш июньский закон требует ежегодно взимать тот же взнос с баптистов каждого прихода. <...> Вся Америка встревожена налогом на чай, хотя, если угодно, можно просто не покупать чая; мы же лишены такой возможности». Баптисты отвергли этот налог «не только на основании вашего принципа не платить налоги без представительства, но и потому, что мы не дерзаем принести эту дань светской власти, ибо вся власть, <...> как [мы] убеждены, принадлежит только Богу».

Претензии такого рода исходили не только от баптистов. В 1774 году не менее громко и резко прозвучал голос пресвитериан. Джонатан Парсонс, пылкий и суровый проповедник доктрины предопределения из Ньюберипорта, член церкви пресвитериан Нового Света, в яркой проповеди в память жертв Бостонской резни отстаивал свободу вероисповеданий. Проповедь вышла в свет под заглавием «Свобода от гражданского и духовного рабства, продажи Христа». Он защищал «ис-

тинных» кальвинистов, чьим вождем был; власти считали их еретиками, но сами они считали себя единственными носителями истинной веры. Они отказались от статуса официально признанных диссидентов и, соответственно, должны были платить налог в пользу государственной церкви, догматы которой не разделяли: «Если это не порабощение, то, ради бога, что же это?» Поразительная непоследовательность: «колония, сильнее других сохраняющая деспотизм в духовных делах, опередила всех в борьбе за гражданскую свободу». Чтобы эта борьба увенчалась успехом, зло должно быть искоренено, «ибо, пока мы защищаем свободу одной рукой, а другой содействуем рабству, наши побуждения нечисты и испорчены; и если мы в глубине души допускаем угнетение, Господь не услышит нас». Деятельность церкви, как и государства, «должна основываться на понятиях справедливости, доброй воли и умеренности, в противном случае мира не будет. <...> Пусть этот суд и эта страна станут выше предубеждений и себялюбия, свойственных нашему веку!»³⁷

Общественное давление принесло свои плоды, и хотя политическая конъюнктура позволила сохранить в Массачусетсе институт официальной церкви частично, общий вывод был очевиден. Отделение церкви от государства не было ни целью, ни результатом революционной борьбы. Корни этой идеи уходили глубоко в колониальное прошлое, о котором Джонатан Парсонс писал: «Беспорядочное назначение священников и основание церквей, а также позорное пренебрежение догматами <...> из всего этого получилась страшная мешанина». Устройство религиозных дел, стихийное и непоследовательное, было преобразовано волшебством революционной мысли. Сэмюэль Уильямс в пророческом «Рассуждении о любви к нашей стране» (1775) рассуждал: предки колонистов познали на собственном опыте и на примере англичан,

что получается из попыток насильно ввести единое учение или обряд. Опыт, а также постепенное развитие человеческого разума с тех пор привели колонистов к единственно верному решению — всеобщей терпимости и свободе совести; оно еще не полностью соблюдается, но мы уверенно идем по этому пути.

Разумеется, в каждой церкви найдутся «задиры и фанатики», желающие привилегий за чужой счет; но их намерения никогда не исполнятся: «Различные группы в нашей среде сохранятся и вырастут в крупные и уважаемые сообщества. Взаимная польза и всеобщая мудрость неизбежно укрепят безграничную терпимость и свободу совести, столь счастливо и повсеместно основанные»³⁸.

3. Распоясавшаяся демократия

Некоторых вдохновлял тот факт, что борьба за конституционную свободу придала новые силы противникам рабства и институтов официальной церкви. Других он напугал и встревожил. Рабовладельцы в смятении пытались понять, удастся ли им просто пренебречь столь неприятным направлением политической мысли. Англикане в Вирджинии и конгрегационалисты в Массачусетсе могли отстаивать свое понимание гражданских свобод вне религиозной сферы. Однако в обоих случаях опасность не казалась катастрофической: было точно известно, чем может кончиться дело, и статус-кво — по крайней мере, пока — удавалось сохранять. Но была и другая сфера, теснейшим образом связанная с узловыми вопросами революционной идеологии, где вероятность удержать нынешнее положение вещей была минимальной, а итог споров был непредсказуем; где обычные значения слов и понятий начинали путаться, а вожди спорящих партий как будто в густом тумане нащупывали расплывающиеся идеи.

Джон Адамс писал в 1776 году:

Вы и я, мой дорогой друг, были посланы в мир в ту эпоху, в которую, наверное, хотели бы жить великие законодатели древности. Сколь невелико число тех, кто когда-либо мог избрать себе государственный строй. <...> Когда еще, в какую из прошедших эпох, три миллиона человек имели возможность изобрести и установить самую мудрую и благополучную форму правления, на которую только способен человеческий разум?³⁹.

Каковы же на самом деле были эти возможности? Формулу мудрого и справедливого правления знали все: необходимо найти равновесие конкурирующих общественных сил, так чтобы ни одна из них не могла добиться превосходства над остальными и упразднить всеобщие свободы. Исходя из этого принципа следовало обустроить органы власти.

Желанным решением для американцев был «смешанный» строй английского образца, в котором важнейшим общественным слоям соответствуют уравновешивавшие друг друга ветви власти. После 1775 года исключительную важность приобрел вопрос о том, как воспроизвести эту систему в американских условиях; исходные представления о соотношении основных общественных сил были здесь неприменимы.

Разумеется, в XVIII веке, как и в наше время, в американском обществе существовали свои партии и лоббистские группы. Однако тогда в них видели лишь обременительный довесок, неизбежные, но неприятные элементы общественной жизни; их приходилось терпеть, но не следовало удалять их места в серьезной политической теории. Лишь изредка они упоминались в теоретических работах без осуждения. Колонисты рассуждали об общественных основаниях политики в категориях, унаследованных от классической древности при посредстве английской политической мысли XVII века. Согласно этой традиции, главными составляющими политического устройства являются три сословия, соответствующие трем ветвям власти: король, дворянство и общины. Сословия четко разделены по составу и функции. Монарх обладает исключительной и священной властью; он воплощает власть и порядок, объединяет государство и служит символом его единства. Сила общин — в численности и производительности, они отстаивают свободу и права личности. Дворянство, которому отводилась несущая роль в государственном устройстве, пользуется неприкосновенной свободой; она обеспечивается наследственной собственностью и сословными правами, позволяющими дворянству выступать посредником в социальных распрях. Дворянство действует как балансир, не давая обществу превратиться в мятежную толпу, с одной стороны, и удерживая корону от деспотизма, с другой. Каждый из трех слоев равно необходим для равновесия, обеспечивающего всеобщий мир и процветание. В то же время освобождение одного из сословий от давления остальных означало бы вырождение государства в тиранию, олигархию или анархическую демократию. Все эти сценарии равно пагубны для свободы и собственности. Равновесие общественных сил, установившееся в Англии в результате бурного исторического развития, считалось основой национальной устойчивости⁴⁰.

Колонисты, жившие под британской юрисдикцией, считали себя частью британского конституционного чуда. Однако в самих колониях действовала иная структура власти; в ней крылось затруднение, давно обнаруженное, но ставшее предметом бурного обсуждения только после 1763 года, когда началось тщательное рассмотрение оснований колониального правления. Было известно, что в колониях общественное равновесие искажалось отсутствием одного из трех сословий. Общины существовали, их энергичное участие в местной политике не оставляло в этом никаких сомнений. Корону представлял губернатор, королевский наместник. Не было только родового дворянства. Кто бы мог его заменить? Все были согласны с тем, что члены палаты лордов являются «пэрами Англии, но не Америки». Некоторые аристократы время от време-

ни проживали в колониях, однако образовать полноценное сословие колониального общества они не могли: даже если бы они составляли достаточное число, их статус и политическая роль были бы совершенно иными⁴¹. Сословные преимущества не признавались и не соблюдались в Америке XVIII века. Закон не предоставлял дворянам никаких наследственных привилегий или преимущественных прав на определенные должности. В этом смысле положение дел в колониях было почти точной противоположностью обычному порядку. На роль привилегированного класса лучше всего подходили члены местных советов, губернаторские помощники и заседатели верхних палат законодательных собраний; однако общественный статус этой группы определялся ее местом в правительстве, а не наоборот. Кое-где некоторые семьи могли преобладать в советах колоний, но законных прав на это у них было меньше, чем у королевских чиновников, входивших в совет по праву должности. Члены советов легко устранились с политической арены: те из них, что получали место по назначению, зависели от англичан; те, что избирались — от колебаний местного общественного мнения. Ни отдельных привилегий, ни сословных форм собственности, ни специфических общих обычаев и форм отношений у них не было, так что советы не обладали особыми политическими интересами.

Однако именно советы, не подверженные давлению ни снизу, ни сверху, должны были обеспечивать общее равновесие. Их неспособность справиться с этой задачей с начала XVIII века считалась главным изъяном колониальной системы управления, хотя суть претензий менялась в зависимости от колонии и политических убеждений. В колониях, где заседатели в советы назначались короной, их деятельность критиковали представители общин. Показательна характеристика положения дел в Вирджинии в письме Ричарда Генри Ли к брату Артуру в 1766 году. Политический строй колонии воспроизводит превосходную английскую модель: «Но, к несчастью для нас, брат мой, сходство только кажущееся; если рассмотреть ветви власти отдельно, различия бросятся в глаза». В Британии короля и исполнительную власть, а также общины, «представляющие демократический интерес», от злоупотребления властью удерживает

могущественное сословие дворян, независимых в силу наследственной передачи титулов и мест в верхней палате парламента. <...> У нас же законодательная власть отправляется губернатором, советом и законодательным собранием. Первые два назначаются короной, и их шаткое положение основано лишь на соизволении

[короля]. Следовательно, устойчивость, обеспеченная в Англии палатой лордов, у нас совершенно отсутствует, и должное равновесие нарушено, поскольку из трех ветвей власти две находятся в одних и тех же руках⁴².

Такие рассуждения и заключения стали к тому времени общим местом. Члены советов в королевских колониях, читаем в памфлете того же года, «кичатся важностью своей службы и охотно пользуются столь лестным превосходством <...> а потому неизбежно становятся орудиями в руках правительства, от милостей которого зависят, ибо власть, возвысившая их, может за малейший проступок ввергнуть их в первоначальное ничтожество». Из-за этого в колониях, где члены советов, по общему мнению, «суть самые жалкие фигуры в политике, вовсе лишенные самостоятельности, коль скоро их карьера полностью зависит от зловонного дыхания премьер-министра, <...> корона фактически управляет двумя ветвями власти из трех». Если когда-нибудь такое положение вещей станет безоговорочным и повсеместным, то американской свободе придет конец. Однако не только «демократия» в королевских колониях жаловалась на деятельность советов. Королевские чиновники с неудовольствием обнаружили, что ради сохранения власти вынуждены назначать в совет местных влиятельных лиц, интересы которых совпадали с интересами нижней палаты⁴³.

Схожие, но намного более горькие жалобы слышались из Массачусетса, где совет избирался законодательным собранием. Губернатор Фрэнсис Бернард, на чье правление пришли волнения по поводу Закона о гербовом сборе, вместе со своими сотрудниками многократно и с большим раздражением высказывался о «политическом бессилии совета». После того как состав совета в очередной раз существенно изменился в итоге выборов, Бернард писал, что с такой искореженной средней палатой никакого благополучного управления быть не может. Если члены совета будут лишаться своих мест «каждый раз, когда они поступают в согласии со своим мнением, невзирая на ярость какого-нибудь бунтаря-демагога», воцарится анархия⁴⁴.

С углублением англо-американского конфликта, когда соперничество между чиновниками и народными вождями за политическое влияние обострилось, в «независимой и честной ветви власти между ними» начали видеть спасение «и от переизбытка народной свободы, и от <...> слишком сильного давления сверху, когда <...> та или другая сторона преступает конституционные приличия». Многие задумывались о том, как исправить недостатки местной системы, и некоторые

из проектов затрагивали самые основы американского общества. По мнению иных публицистов, единственно правильное решение состояло в создании привилегированного класса, из которого будут выбираться члены совета. Лучше всего было бы сформировать в колониях наследственное дворянство, заявлял Бернард. Признавая, что Америка еще не совсем для этого созрела (и ждать придется, возможно, много лет), он, однако, предлагал без промедления учредить личное дворянство. Сословие пожизненных пэров «может придать силу и устойчивость американскому строю, как наследственная знать — великобританскому». В этом предложении была своя логика, и многим казалось, что решение найдено. Псевдо-Уилкс, автор оскорбительных памфлетов против Александра Макдугалла, видел важную причину нынешних волнений в том, что «августейшее сословие пэров, которому по праву подобает политический вес, <...> в королевских колониях отсутствует». Совет, его слабое подобие, «равен палате лордов в отношении законодательных и судебных полномочий, но значительно уступает [ей] во влиянии, устойчивости и прерогативах». Никто — конечно, не считая тех, кто «выступает за демократию» («Боже, упаси нас от несчастья скатиться к республике!»), — не будет возражать против укрепления этой «необходимой, хоть и несовершенной ветви смешанной монархии». Будем же надеяться, что «с ростом численности и богатства» у колоний появится «точный список с великолепного оригинала, предмет зависти и восхищения всего света»! Приблизиться к этой цели можно, прежде всего сделав «членство в Совете пожизненным»⁴⁵.

Эндрю Оливер, крупный чиновник колониальной администрации Массачусетса и соратник Бернарда, развивал эти идеи в менее патетическом тоне. В одном из писем этого времени, в 1773 году опубликованных в форме памфлета и всколыхнувших общественное мнение колонии, он утверждал, что средняя ветвь власти в нынешних условиях не может достичь независимости. Необходимо найти способ «возвысить обеспеченного человека над остальными и удержать его от занятия низших должностей», где на него сможет оказывать давление народ. Наилучшим решением, по мнению Оливера, было бы создание «слоя патрициев или сквайров <...> из среды людей с состоянием или солидной земельной собственностью». Соответствующий титул даровался бы им пожизненно, решением губернатора или Совета. Из представителей этого сословия и следует избирать Совет, а его членам жаловать «титул рангом выше, чем титул сквайра».

С предложениями такого рода многие, разумеется, были несогласны. Джон Адамс считал идею о создании сословия пожизненных

пэров порождением общего заговора против свободы, зреющего в порочной правительственной среде Англии и Америки. Однако сама по себе мысль о создании недостающей для общественного равновесия прослойки была широко распространена, в том числе среди противников британских властей. Уильям Дрейтон был убежден: колонии «не желают обзаводиться никакими титулами, светлостями или герцогствами». Основную проблему существующего строя он видел в том, что в советах больше мест принадлежит «чужакам-англичанам, а не влиятельным фигурам из числа местных жителей». По его мнению, пожизненными членами Совета должны становиться лица, не только рожденные и постоянно проживающие в колониях, но и владеющие здесь собственностью на определенную сумму; последнее условие необходимо для того, чтобы решительно отделить их от широких масс и оградить от опасностей давления и соблазна с какой бы то ни было стороны⁴⁶.

Идея о том, что свободный строй нуждается в особом привилегированном сословии, наделенном политической силой и способном исполнять роль посредника между верхом и низом, продолжала бытовать и в бурные революционные годы⁴⁷, но теперь она столкнулась с новыми препятствиями, а на ее пути встали видные мыслители. Если Америка избавится от английского владычества, что будет с равновесием, обеспечивающим свободу? Что, собственно, надо будет приводить в равновесие? Монархия как сословие явным образом будет упразднена. Общины, напротив, решительно никуда не денутся. А что же гарант свобод, сословие-посредник?

Невозможно было вообразить, что получившие независимость американские государства, построенные на принципах равноправия, будут намеренно создавать привилегированное сословие. Над этой идеей потешался консервативный автор памфлета «Что же вы теперь думаете о конгрессе?»: «Американская палата лордов в возбуждении», она будет формироваться из представителей «американской родовой знати»:

В восхищении и восторге я прозреваю будущее величие Америки. <...> О, как прославят ее местные герцоги! Их будет не менее пятидесяти трех. <...> Комитеты по переписке подарят Америке маркизов, Комитеты наблюдения — графов. Виконтами станут герои, известные своими подвигами по части засмолки и засахаривания; а баронство, низший из титулов, будут жаловать тем, чьи заслуги состоят в сжигании памфлетов, на которые им нечего ответить.

Создание нового сословия для средней ветви власти уже всерьез не обсуждалось. Какой же строй установится в колониях? Разумеется, республиканский. Такой вариант устраивал большинство американцев: во-первых, идеология колонистов в значительной мере восходила к республиканским учениям времен Английской революции; во-вторых, колонисты привыкли высоко почитать преуспевающие республики, древние и современные; наконец, в-третьих, к тому располагал самый «дух американцев, их республиканские привычки и убеждения». Однако эта перспектива вызывала и беспокойство: условия жизни в Америке и нравственные качества народа не препятствовали республиканской форме правления, однако другие обстоятельства могли поставить под угрозу молодые республики⁴⁸.

По традиции считалось, что республики неустойчивы и более других государств подвержены внутренним потрясениям и внешним угрозам. Чем обширнее государство, тем серьезнее опасность. Монархия, как было принято полагать, лучше подходит для власти над крупными странами, а народное правление — над малыми. Великие и славные республики прошлого, «Древний Рим, Карфаген, Афины и т.д.», и настоящего, Швейцария и Голландия, территориально уступали не только всем колониям вместе взятым, но и большинству колоний по отдельности. Республиканская власть «хороша для города или небольшой области, но совсем не годится для целого континента. Америка слишком велика для слабого и неповоротливого демократического правления»⁴⁹.

Демократия — вот в чем было дело. Понятия республики и демократии были тесно связаны в политическом сознании колонистов; порой эти слова использовались как синонимы. Они вызывали воодушевление, смешанное с дурными предчувствиями. «Республика» у многих ассоциировалась с завоеваниями Английской революции, с победой добродетели и разума, а «демократия», обозначавшая в первую очередь низшее сословие, а также правление общин, грозила беспорядками, узурпацией власти и диктатурой⁵⁰. В колониальный период, а потом в первые революционные годы страх перед «демократическим деспотизмом» все больше и больше тревожил умы не только королевских чиновников и других защитников монархии, но и всех просвещенных мыслителей: священников, таких как Эндрю Элиот, указывавший на «многочисленные неудобства, к которым приведут регулярные всенародные выборы», и юристов, таких как Джон Дикинсон, полагавший, что «народ не знает меры в преобразованиях», или Уильям Дрейтон, прямо заявлявший, что сдерживать «переизбыток народной свободы» столь же важно, как и ограничивать власть короны. Сколь радикальными ни были

взгляды вождей революционного движения, они, как и английские радикалы того времени, оставались политиками XVIII века и не стремились ни к структурной перестройке общества, ни к упразднению экономического или социального неравенства. Свою цель они видели в том, чтобы внести поправки в искаженную систему правления и избежать усиления коронной власти⁵¹. Идея «собрать вместе всех портных, сапожников, крестьян и пастухов» обширной страны, чтобы они «обсуждали и решали дела первостепенной государственной важности», не казалась им сколько-нибудь разумной. Люди из народа не справятся с управлением страной: они недостаточно осведомлены, не имеют необходимых навыков, не смогут сохранять беспристрастность и противостоять давлению извне. Соответствующие уроки следовали из исторического опыта: без участия независимого в имущественном отношении, образованного и обладающего досугом общественного класса, лишенного мелкого себялюбия рассеянных по континенту обывательских толп, управление страной превратится в «бесконечную борьбу личных выгод [и] противоречивых мнений». В итоге стране грозит хаос⁵².

Каким же образом можно сохранить политическое равновесие и свободу в обществе, где «не существует различий в званиях <...> и никто не имеет таких прав, которые не были бы общими для всех», где власть по определению выражает только волю «демократии»? Какие социальные слои следовало взаимно уравновесить, какие органы должны были им соответствовать?⁵³ Обсуждение этих вопросов, от решения которых зависело будущее социальное устройство Америки, началось в первые годы англо-американского конфликта, а завершилось более десяти лет спустя, когда вырабатывались первые конституции штатов. Непрерывное развитие общественной мысли и политического опыта в этот период связало между собой два мира политической теории: с одной стороны, мыслителей середины XVIII века, опиравшихся на классическую традицию и ее последователей, на Аристотеля, Полибия, Макиавелли и английские работы XVII столетия, а с другой стороны — новую эпоху Мэдисона и Токвиля. Их разделял не столько характер предлагаемых решений, сколько тип задаваемых вопросов; в основных чертах, хотя еще туманно и неопределенно, эти вопросы были сформулированы в жарких спорах вокруг «Здравого смысла» Томаса Пейна.

Теоретическим ядром этого блестящего выступления в защиту независимости колоний стала критика привычного представления о равновесии как необходимом условии защиты свобод. По мнению Пейна, изначальная посылка поклонников «хваленой конституции Англии», согласно которой равновесие общественно-политических сил гаранти-

рует сохранение свобод, ошибочна: «чем проще вещь, тем труднее ее испортить и тем легче ее исправить». Английская общественно-политическая система «настолько сложна», что беды от нее невозможно даже предугадать. По сути она состоит из рудиментов «двух древних тираний» — «монархической тирании в лице короля <...> и аристократической тирании в лице пэров»; двойная тирания еле прикрыта «новыми республиканскими элементами в лице членов палаты общин, от доблести которых зависит свобода Англии». Концепция «конституции Англии» как «союза трех взаимно сдерживающих сил» просто «смешна»; Пейн подробно показывает ее пустоту и внутреннюю противоречивость. Свобода в Англии существует «только благодаря конституции самого народа, но не конституции правительства». Американский народ лучше других приспособлен к свободам, а потому власть в Америке стоит распределять, исходя не из унаследованных предрассудков и традиций, а из подлинных оснований человеческих свобод. Американским колониям следует сбросить цепи, привязывающие их к Англии с ее развращенной монархией, и в качестве независимых государств создать однопалатные законодательные органы, избираемые раз в год на «более равных» принципах представительства, чем раньше. Начальствовать над ними будет «только один президент». Необходимо также составить Континентальную хартию или Хартию соединенных колоний (аналог английской Великой хартии вольностей), учреждающую общенациональное однопалатное законодательное собрание. Это собрание должно избираться тем же электоратом и работать под руководством президента, делегируемого штатами по очереди. «Но где же, говорят некоторые, король Америки? Я скажу тебе, друг, он царствует над нами, но не сеет гибель среди людей, подобно коронованному зверю Великобритании»⁵⁴.

Превосходно написанный иконоборческий памфлет Пейна, хлестко нападавший на английскую монархию — единственное, что в начале 1776 года еще связывало метрополию с колониями, — и на идею равновесного строя, мгновенно стал сенсацией. В то же время сочинения Пейна, «самого влиятельного памфлетиста всех времен», не считая Маркса (Гэрольд Ласки⁵⁵), вызывали бурные споры. Едва успев выйти из печати, «Здравый смысл» подвергся резкой критике, исходившей не только из лагеря лоялистов. Наиболее пылкие американские патриоты, истово поддерживавшие идею независимости, также были напуганы конституционной теорией Пейна.

Со стороны лоялистов выступил Джеймс Калмерс. В обширном памфлете «Чистая правда» он обличал взгляды Пейна на общество и человеческую природу и защищал английский строй, который «со все-

ми своими несовершенствами все же являет предмет гордости и зависти всего человечества». Все составляющие «этой превосходной системы» необходимы для сохранения свобод. Не будь королевской власти, «мы немедленно скатились бы к демократии»; сам по себе этот государственный строй вполне приемлем, но уязвим из-за влияния демагогов, осведомленных о тяготении демократий к безграничной продажности: «Взглянем на республики Греции и Рима — они погрязли в бесчисленных войнах, внутренних или внешних». Голландия, существующая только благодаря британской поддержке, вела «войны самые дорогостоящие и кровавые за всю историю человечества». Даже Швейцария не преуспевает: «суровые и бесплодные горы» не защитили ее государственный строй от «личного тщеславия, мятежей и анархии». «Донкихотская форма правления», которую предлагает Пейн, «оскорбляет разум» и может закончиться «господством какого-нибудь Кромвеля из наших армий». Когда народные правительства набирают войска, они сами становятся жертвой этих войск, если только, подобно голландцам, не «затапливают [свои] гарнизоны». Даже если избежать диктатуры, созданный по проекту Пейна конгресс сосредоточит в себе все противоречия, неизбежно ведущие к «ужасам анархии и междуусобной войны»⁵⁶.

Другой лоялистский памфлет, возражавший Пейну, — «Истинная польза Америки» Чарльза Инглиса, — был лучше аргументирован, однако резонанса не вызвал: его первый тираж был уничтожен революционной толпой, а новое издание вышло в свет уже после объявления независимости и прошло почти незамеченным. Тем не менее работа Инглиса в некотором смысле важнее, чем памфлет Калмерса. Несмотря на негодующий пыл, Инглис хорошо понял мысль Пейна и с замечательной ясностью разобрал его доводы и заключения. В конце концов он пришел к традиционному выводу: только монархия подходит для обширных территорий, а народное правление пригодно лишь для небольших областей с населением, однородным в социальном и экономическом отношении⁵⁷.

Однако громче всех против предложений Пейна о политическом будущем Америки выступили те, кто сходил с ним в вопросе о независимости. Джон Адамс, с первого взгляда почувствовавший недоверие к Пейну (во всяком случае, так он утверждал годы спустя), звал его «звездой несчастья», а его идеи — смесью «простодушного невежества или глупого суеверия с умышленной софистикой и лицемерием мошенника». Адамс не одобрял проекта однопалатных законодательных органов ни в отдельных штатах, ни для всей страны; опасаясь влияния, которое «столь известный памфлет мог оказать на умы», он решил поставить все на свои места.

Прежде всего Адамса не устраивало то, что предлагаемая Пейном форма правления «была столь демократична, без какой бы то ни было системы сдерживания или даже намек на внутреннее равновесие, что должно было неминуемо породить беспорядок и всяческие беды». Собственные идеи об устройстве власти в Америке Адамс вкратце изложил в трактате «Размышления о правительстве», который весной 1776 года циркулировал среди политиков, разрабатывавших конституции штатов. Адамс исходил из того, что власть в республике, где изначально не может быть высшего и низшего слоев общества, для достижения внутреннего равновесия можно тем не менее разделить ничуть не хуже, чем в монархии английского типа. Республика по определению является «царством законов, а не людей», то есть допускает «неисчерпаемое разнообразие» ветвей власти, «ибо существует бесчисленное множество возможных сочетаний между общественными силами». В такой обширной стране о всенародном собрании не может быть и речи; следовательно, начать надо с «передачи власти от многих к немногим, самым мудрым и добродетельным»; они должны образовать законодательный орган, коллективный портрет нации <...> равномерно представляющий народные интересы». Однако сколь точно ни отражал бы этот орган общественные потребности, не следует предоставлять ему господство над всеми ветвями власти, поскольку по природе своей народные собрания подвержены колебаниям, алчности и личному тщеславию, а порой принимают «необдуманные и нелепые решения». Наделенный неограниченной властью представительный орган становится неуправляем, может объявить свои полномочия постоянными, освободить своих членов от повинностей, налагаемых ими на избирателей, а также принимать и исполнять законы в соответствии с собственной выгодой. К тому же народные собрания не пригодны для отправления определенных видов власти: их открытость и неповоротливость несовместима с исполнительными функциями, а медлительность и незнание законов — с судебными. Устройство власти «должно быть более сложным» и не ограничиваться однопалатным собранием. Даже если прибавить к нему отдельный исполнительный орган, этого будет мало, поскольку «две ветви власти будут постоянно мешать и ослаблять друг друга, пока соперничество не приведет к войне». Следует сформировать еще один законодательный орган, «посредника между этими двумя крайними ветвями». Он должен избираться собранием представителей и «иметь возможность свободно и независимо выносить решения и пользоваться постоянным правом вето». Каждый год две эти палаты должны вместе избирать главу исполнительной власти, независимого в суждениях

и способного накладывать вето на законодательные постановления. Отдельно должна существовать судебная власть, состоящая из ученых и испытанных в законах мужей. «Их ум не должен быть опутан противостоящими интересами», а их независимость должна обеспечиваться пожизненным назначением. Такая система республиканской власти выражает волю народа, одновременно направляя и оттачивая ее; она подобна «Аркадии или Элизию» по сравнению с любым другим, «монархическим или аристократическим», правлением⁵⁸.

Проект Адамса был одним из множества предложений, которые выдвигались тогда повсюду; его тотчас уличили в противоречиях и двусмысленностях. Что, собственно, отличает членов второго законодательного органа, представителей средней ветви власти, от остального населения? Какой общественный слой будет в нем представлен? Как может сохранять независимость орган, члены которого ежегодно избираются законодательным собранием, столь чувствительным к общественному мнению? Сходство этого органа со средней ветвью власти в том виде, как она существует в иных политических системах, будет поверхностным: он не будет выражать интересы определенного сословия или определенной группы односословного общества. Он не будет составлять особую ветвь власти, поскольку все три ветви — законодательная, исполнительная, судебная — будут существовать отдельно. Очевидно было одно: Адамс пытается сохранить пресловутое «равновесие между соперничающими силами», составляющее славу английского строя.

Эта идея получила широкую поддержку и развивалась авторами других памфлетов 1776 года. В Вирджинию проект Адамса попал как раз тогда, когда местное законодательное собрание было завалено «потокм конституционных законопроектов», и вызвал разноречивые отклики. Патрик Генри оценил его чрезвычайно высоко и отметил, что мысли Адамса «совпадают» с идеями, которые он «давно отстаивал». Генри надеялся, что памфлет Адамса подействует на «состоятельные семейства», борющиеся за установление аристократической формы правления вместо республиканской. Точка зрения противников революции и республики и степень их согласия с Адамсом в вопросе о средней ветви власти прояснилась в памфлете, который Генри назвал «глупостью», а Ричард Генри Ли «жалкой брошюркой», — в «Обращении к конвенту... Вирджинии» Картера Брэкстона, специально посвященном критике «Размышлений о правительстве» Адамса. Брэкстон выступал против республики и призывал к восстановлению традиционной системы общественно-политического равновесия. Нынешний тиранический характер британской власти не вытекает из ее внутреннего устройства, как утверждает

Пейн, но обусловлен тем, что «финансовый интерес» стал управлять действиями короны и разрушил «пределы, предписанные каждой ветви власти». Не стоит полностью отвергать государственный строй из-за неполадок в одной его части. Вирджинии следует «перенять и усовершенствовать эту форму правления, которая так безбожно искажена в Англии, хотя опыт поколений научил нас благоговеть перед ней». Необходимо восстановить утраченную в Британии независимость ветвей власти. Выборное законодательное собрание должно быть избавлено от влияния финансовых воротил, а представительство следует сделать «равным и справедливым», так что исполнительная власть не сможет подкупить депутатов. Палата представителей должна пожизненно назначать губернатора и избирать совет штата, «отдельную или промежуточную ветвь законодательной власти; членство в совете также должно быть пожизненным, чтобы заседатели могли приобрести политический вес, устойчивость и достоинство, подобающие их высоким постам», а также время и средства для вдумчивого изучения законов и установлений. Только эта независимая и высшая «ветвь законодательной власти» способна «улаживать» расхождения между губернатором и палатой, «проверять справедливость законов и предлагать новые, служащие к общественной пользе». Свои недостатки есть и у этой административной схемы, но во всяком случае она позволяет избежать всех бед народного правления с его «беспорядками и мятежами, присущими простой демократии». «Демократическое» правление редко приносит благоденствие, поскольку чаще всего народ не обладает свойствами, необходимыми для такого строя, — самоотречением и презрением к богатству, роскоши и власти. Демократия удерживается только в небольших странах, «столь бесплодных от природы», что жителям их, обреченным на всеобщую бедность, не нужно добиваться власти для защиты своих интересов. Напротив, благоприятные американские условия не обещают демократическому строю устойчивости⁵⁹.

Другие вирджинцы, в том числе сторонники «преимущественно демократического» правления, также признавали необходимость «второй ветви власти», хотя расходились в том, должна ли она исполнять одну из трех главных правительственных функций или представлять интересы определенного сословия. Один из проектов конституции штата принадлежал Джефферсону; его предложения «заходили слишком далеко» и были обречены на неудачу. Джефферсон предлагал учредить сенат и формировать его таким образом, чтобы будущие сенаторы были «совершенно независимы от своих избирателей»: их должны были избирать на единственный девятилетний срок депутаты нижней

палаты. Джефферсон понимал, что в таком случае сенаторы обретут достаточную свободу, но готов был «согласиться, хотя и неохотно, на пожизненное назначение [сенаторов] или что-либо еще, лишь бы сенат не избирался народом и не зависел от него». Джордж Мейсон разработал другой план, предполагавший, что верхняя палата будет избираться не прямо, но особыми «депутатами или выборщиками» из числа владельцев «наследуемой собственности в Вирджинии общей стоимостью не менее двух тысяч фунтов»⁶⁰.

Ту же задачу — ограничить силу «демократии» в рамках республиканского строя — по-разному решали многочисленные авторы конституционных проектов, вынужденные наспех приспособлять к не до конца прояснившимся обстоятельствам не всегда применимые к ним модели. Брэкстон был встревожен «демократическими» предложениями Адамса, сам Адамс — «демократическими» идеями Пейна. Спорящие заходили все глубже, отбрасывая понятие смешанной монархии, а затем и идею о сложном общественном равновесии. На дне этой пропасти произрос дурно написанный памфлет, вышедший, по всей видимости, в Новой Англии без указания автора, издателя и места публикации.

В заглавии памфлета, посвященного «почтенному земледельцу и гражданину», стоял лозунг «Народ — лучшее правительство», развивавшийся в самом тексте тавтологично и непоследовательно: «Люди сами лучше всех знают свои нужды и пожелания, а потому и управлять собой смогут лучше всех». Народ должен держать в руках все ветви власти; в том случае, когда рассредоточенность населения делает представительные органы необходимыми, следует лишить депутатов возможности действовать независимо от избирателей. Их полномочия «не должны идти дальше принятия законов», им не должно быть позволено создавать по собственному почину дополнительные органы власти. Можно допустить создание совета, но только в качестве совещательного органа: «ибо если бы депутаты стали формировать совет с правом вето, это означало бы незаконную передачу власти, которую сами они получили от народа». То же самое касается и независимой верхней законодательной палаты: что или кого она может представлять? «Косвенным образом она будет представлять народ», а следовательно, не может получать полномочия ни от кого, кроме избирателей⁶¹.

Тщательней всего различные варианты политического устройства в обществе без привычной сословной стратификации были рассмотрены и растолкованы в Пенсильвании в 1776 году; именно там яснее всего обнаружилась происшедшая перемена всей идейной парадигмы.

Некоторые пенсильванцы, принявшие радикальные последствия революции, но мыслившие в старых политических категориях, пришли к выводу: в американских условиях «упорядоченная демократия» есть «самая справедливая» форма правления. Как же могло быть иначе? В Пенсильвании едва ли найдется место «представителю короля, ибо у нас его нет; не нужна нам и замена палаты лордов, поскольку у нас нет и, будем надеяться, никогда не будет родовой знати, отдельной от народа». Ключевые посты в государстве не должны распределяться по праву рождения, ибо мудрость не дается от рождения; столь же неразумно делать пожизненным срок пребывания в должности, так как «способности и нравы людей могут меняться». Существование в других местах «сената, совета или верхней палаты» не обязывает Пенсильванию следовать этому примеру: «Свободное правление лучше, гораздо лучше, будет действовать без [верхней палаты]. Две законодательные палаты сулят только пустые траты — в двух отношениях: во-первых, придется содержать больше людей, во-вторых, они будут упускать время в препирательствах между собой». Если бы в Древнем Риме была «настоящая демократия, без сената», он существовал бы дольше; а если американцы сейчас допустят учреждение многопалатного законодательного органа, им грозит такой же общественный упадок, как Англии. Америке в ее нынешних поисках («самых важных <...> в истории народов за последние несколько столетий») стоит вырабатывать «истинно народное правление», при котором должностные лица будут обязательно и постоянно сменяться и строго отвечать за свои действия. К тому же структура власти должна быть простой. На данный момент в Пенсильвании нет родового привилегированного класса. Однако учреждение органа, подобного тем, что в других странах представляют высшие сословия, позволит местным группам взять его в свои руки и через какое-то время счесть его своей собственностью. В конце концов окажется, что жители Пенсильвании искусственно создали то, от чего их милостиво сохранило провидение⁶².

Другого публициста развитие тех же самых посылок привело к противоположной крайности; он предлагал сложную систему «трех разных органов» — ассамблеи, сената и совета, — каждый из которых имел право вносить законопроекты и отвергать их⁶³. Однако пророком оказался не он, а еще двое пенсильванцев. Один из них ясно сформулировал тот взгляд на вторую палату, который постепенно становился общепринятым в Америке, хотя над его институциональным оформлением еще предстояло потрудиться; второй сформулировал положения, следовавшие из отсутствия в Америке общественных оснований английского строя и ставшие фундаментом новой политической теории.

Первый уточнял, что в колонии «нет другого сословия, кроме вольных людей», и при помощи исторических примеров, полностью взятых из одной английской книги пятилетней давности, доказывал, что «лучшим образцом, который оставила нам человеческая мудрость и опыт», была «форма правления древних саксов», «из германских лесов <...> перекочевавшая в Англию около 450 года». В то время Англия представляла собой объединение «небольших республик»; их население, «одинаковым образом заинтересованное в каждом вопросе», часто собиралось вместе на совет для равноправного и всестороннего обсуждения и посылало делегатов «в общенародный совет и законодательный орган». Пенсильвании стоит перенять «этот прекрасный строй». Власть должна быть рассредоточена, выборы — регулярны, голосование — тайно, прения в собраниях — открыты, народ должен избирать судей и чиновников на местах и платить им скромное жалованье, войско должно иметь форму ополчения с выборными полевыми командирами. Что до запутанной проблемы «разных ветвей законодательной власти, соответствующих разным общественным силам», разумнее всего было бы, помимо представительного органа, учредить еще совет, в который вошли бы люди, отличившиеся «своими познаниями в истории, законах и нравах человеческих и потому способные предвидеть дурные последствия действий, неопасных с первого взгляда». Кроме этого, хорошо было бы завести «небольшой тайный совет», который помогал бы губернатору исполнять свои обязанности. Чтобы члены верхней палаты «не закоснели» в своих должностях, их следует часто переизбирать; тогда право окончательного решения будет принадлежать всему народу, не забывшему, конечно, «тех бед, которые со дней Суллы и до нашего кровавого времени происходят по всему миру от тирании»⁶⁴.

Идея избирать членов верхней палаты на основании их познаний, мудрости и справедливости, а не наследственных прав, составляла, однако, только первый шаг: оставалось неизвестным, каким образом можно публично удостовериться в этих качествах и образовать из их обладателей отдельную ветвь власти. Столь же неясным был и следующий вопрос: не превратится ли формируемая таким образом палата в псевдотрадиционный аристократический орган, противоречащий революционным принципам? Трудно было избавиться от предубеждения, согласно которому высший слой внутри себя един, следовательно, «люди, имеющие достаточно образования, <...> досуга, <...> мудрости, познаний, а также твердости и цельности нрава» должны обладать и состоянием⁶⁵. Этот проект приближался к границам привычного, но не преступал их. Прообраз совершенно новой идейной конфи-

гурации появился одновременно в другом памфлете на ту же тему — на редкость оригинальных и основательных «Четырех письмах об интересных предметах».

Обсуждение вопроса о разделении властей, заявлял автор, затуманено мифами и недоразумениями. Считается, что сложно устроенные формы правления лучше простых, потому что разные ветви власти могут сдерживать друг друга к общей пользе. На самом деле, этот тезис весьма ненадежен. Во-первых, из-за взаимного надзора «затрудняется и затягивается ход дел»; во-вторых, он провоцирует «конфликты и даже вражду, которых не будет при более простой структуре власти»; в-третьих, «чем больше палат, тем больше сторон в спорах»: учреждение разных палат неминуемо вызовет обостренные столкновения интересов, которых иначе можно избежать. Представьте, что выгоды землевладельцев будет отстаивать одна палата, а купцов — другая; тогда

постоянное и опасное противостояние будет сохраняться, а дела будут стоять. В то же время в одной многочисленной палате, переизбираемой раз в год на равных основаниях, разные партии, заседаая вместе, будут слушать друг друга; это невозможно, если не смешать их в одном органе. Наличие в обществе двух лагерей — не повод заводить две палаты, как раз напротив, именно по этой причине законодательный орган должен быть один и состоять из депутатов всякого состояния⁶⁶.

Здесь постепенно обозначался глубокий слом в политической теории. Автор не был, подобно Сидни, «сторонником классического республиканского учения *par excellence*, не осознававшим меняющихся политических возможностей», а его сочинение, в отличие от античных источников, перед которыми благоговели американцы XVIII века, касалось «институтов правления», а не его форм⁶⁷. В качестве движущих сил политического строя публицист рассматривал не абстрактные сословия, понятые формально в соответствии с теорией древних, а группы интересов, в политическом поле порождавшие факции и партии. При правильном государственном устройстве они не получают в свое распоряжение различные органы власти, но сходятся в одном, где из их противоречий выстраивается общее согласие. По-прежнему речь шла о равновесии, однако в обществе, лишенном монархии и аристократии и ограниченном «демократией», требовалось уравнивать другие силы. Теперь стали заметны, хотя все еще весьма туманно, переменчивые и конкурирующие союзы, действительно составлявшиеся людьми XVIII века в поис-

ках богатства, почета и власти. Понятие равновесия в структуре государственного управления также изменилось: вместо распределения полномочий по сословиям теперь задумывались об обустройстве различных ветвей власти.

Этот сдвиг в представлениях об общественных основаниях политики был следствием более общих прагматических тенденций в политической и конституционной мысли. К моменту, когда завершились споры вокруг первых конституций штатов, традиционный взгляд на общественные процессы как борьбу раз и навсегда установленных сословий, а вместе с ним и детально разработанная политическая теория XVIII века отошли в прошлое. Разумеется, ссылки на древних, чьи мнения столь глубоко запечатлелись в умах людей того времени, никуда не исчезли; американцы революционного поколения по-прежнему могли называть основными единицами политики короля, аристократию и простой народ, уточняя, что каждой из них соответствует свое начало в управлении: страх — монархии, честь — аристократии, добродетель — народу. Как и раньше, считалось, что окончательная цель политики — неподвижное равновесие сословий, а намеренно затеянные всенародные споры вредны и пагубны. Однако повседневные трудности в государственном управлении, с которыми столкнулись американцы, были столь необычны, неотложны и всеохватны, что общественное внимание вскоре сосредоточилось на видимых и реальных материях, оставив в стороне традиционные абстракции.

Общественно-политические схемы древних не были забыты, однако действительная опасность от факций, партий и лагерей и необходимость перераспределять полномочия и задачи разных ветвей власти были более насущны. Строители республики должны были учитывать тот факт, что по мере увеличения органов власти росло и количество соперничающих групп, едва ли поддающихся контролю со стороны государства. Как сдерживать их? Где гарантия, что они не разорвут власть на куски? Следовало осмыслить природу соперничества как такового; следовало обратить внимание на борьбу между реальными группами, а не абстрактно постулированными сословиями, и исследовать, как государственные органы могут сдерживать их. Политика не в прежнем, «более почтенном», но в самом своем «темном и низком значении, <...> обозначающем вздорные пререкания в нынешних собраниях, где столь часто нет ничего, кроме узкой, тщеславной, холуйской партийности», — вот с чем теперь приходилось считаться и иметь дело, не притворяясь, будто речь идет о случайных недоразумениях или отклонениях от устойчивого и уравновешенного принципа власти⁶⁸.

Сосредоточившись на создании надежной республиканской власти, общественно-политическая мысль перешла от уточнения старых и привычных схем к непосредственному анализу политической действительности. Отказавшись под давлением новых трудностей от дальнейшего развития старинных абстракций, американцы предпочли последовательно-прагматический подход к политической мысли, который в полной мере проявится десятилетие спустя при учреждении общенационального правительства и будет изложен в статьях прославленного «Федералиста». По ходу этого сдвига будет разработано современное американское учение о разделении властей, а представление о демократии претерпит существенные изменения.

4. «Всегда ли должны низшие оказывать высшим некоторое почтение»

Рассмотренные выше перемены в общественной мысли — сдвиг в понимании представительства и согласия, конституции, прав и суверенной власти, неожиданные сомнения в законности традиционных установлений вроде рабства или официальной церкви, отказ от привычного взгляда на социальные основания политического строя и следовавшие за ним конституционные реформы — никоим образом не исчерпывают эффекта от американского революционного движения, даже в его начальной стадии. В это же время совершались не столь заметные сдвиги, смутные, но в конечном счете еще более важные.

На первый взгляд Американскую революцию нельзя назвать революцией социальной. Никто не добивался ликвидации или существенной перестройки общественного порядка. Тем не менее в ходе революции он изменился. Речь идет не только о конфискации и перераспределении имущества лоялистов или о войне, которая лишила дохода одних и даровала новые и неожиданные возможности другим. И то и другое имело место и сыграло важную роль в резком повышении социальной мобильности, дав повод выбившимся в люди заметить: «Когда варево кипит, осадок поднимается кверху». Однако то были перемены незначительные, коснувшиеся лишь немногих и не изменившие общественного устройства.

Основания этого устройства были затронуты трансформацией общественных настроений, способствовавшей постепенному, но решительному социальному слому. Представления о том, что связывает людей, то есть о законах и структуре общества, резко изменились за десятилетие, предшествовавшее объявлению независимости.

В 1760 году американцы, подобно многим поколениям своих предков, считали иерархический принцип естественным для общественной организации: кому-то суждено быть богатым, кому-то — бедным, кому-то жить в почестях, а кому-то — в безвестности, кому-то быть сильным, а кому-то — слабым. Подразумевалось, что превосходство многомерно, что его признаки — богатство, мудрость, власть — естественным образом сосредоточиваются вместе, а следовательно, государством должны управлять люди из высшего слоя. Конечно, некоторая изменчивость неизбежна: кому-то суждено пасть, а кому-то — возвыситься, но определенная разность в положении людей, отражающая иерархический порядок, необходима, естественна и должна сохраняться, ибо такова природа вещей.

Однако действительность входила в жесткое противоречие с предначертанным порядком. Уже в первые колониальные годы стало ясно, что соблюдать сложный регламент общественных различий в условиях дикой местности невозможно, а потому с течением времени многие из них были отброшены. К тому же привычные представления о распределении общественных сил были фактически поставлены под сомнение пуританством и евангелическими доктринами, завоевавшими широкую популярность в середине XVIII века. Они уверяли, что мирские успехи не являются мерилom человеческой жизни, а достигнуть духовных высот может каждый. Специфическое устройство политической жизни в колониях, постоянные, беспорядочные и неуправляемые распри между мелкими кликами, оспаривавшими власть друг у друга, также подрывали традиционное почтение к государственным учреждениям и должностным лицам⁶⁹.

В колониальные годы эти обстоятельства толком не осмыслились. По-прежнему считалось, что зрелое общество, вышедшее из буйного младенчества, должно быть устроено по старой схеме; власть должна и дальше действовать без всякого контроля, власть имущие должны проявлять мудрость и ответственность, а подданные — почтительность и смирение. Убеждения такого рода были слишком глубоко укоренены и не могли исчезнуть легко и быстро. Однако революция принесла с собой новые веяния, в конце концов подорвавшие предрассудки Старого порядка.

Не менее десятилетия призывы к открытому сопротивлению законной власти наполняли колониальную печать и доносились с доброй половины церковных кафедр. Справедливое, вынужденное и полное неповиновение правительству было у всех на устах. Осторожные оговорки носили характер ритуальных упражнений в древнем бла-

гочестии. Проповедь сопротивления иногда предварялась назиданиями о неизбежных недостатках любых форм правления и о необходимости сносить «некоторые ущемления» миролюбиво и с терпением. Однако обосновывались и иллюстрировались не запреты, а призывы: когда под удар ставятся «основные права» (а в каком случае это не так?), ни больше, ни меньше «долг по отношению к Господу, церкви, самим себе, сообществу и потомству обязывает нас заявить свои права и защищать их самыми законными, осторожными и целесообразными средствами, имеющимися в нашем распоряжении». Послушание уже давно было самоочевидным общественным императивом; сопротивление еще не стало им. Поэтому вновь и вновь требовалось повторять: противодействие власти соответствует «учению благочестия, — учению английской нации, <...> столь часто защищавшему и спасавшему наши свободы и законы от посягательств тирании. <...> Это учение — основа и опора незабвенной и славной революции, и на нем зиждется власть милосердного монарха Георга III и корона Британской империи». Какие еще требовались доводы? Однако послушание тоже «важная часть долга христианина, без которой никакое правление не держится, уступая место страшной анархии и беспорядку (со всеми их ужасами)» — сколь неубедительной выглядела эта оговорка, особенно если учесть ту легкость, с которой можно было спутать «христианское смирение» со «слепым повиновением, стременем тирании, двигателем рабства, не имеющим ничего общего с уставами христианства, но в высшей степени вредоносным для веры, для любого свободного правления, для блага человечества»⁷⁰.

Сомнения в полномочиях гражданских и духовных властей, как огонь, перекидывались с одного участка на другой и разгорались все сильнее. Ярче всего это пламя полыхало во взрывоопасной атмосфере местного религиозного диссидентства. Айзек Бакус от имени баптистов и конгрегационалистов-раскольников обличал властную гордыню массачусетского духовенства: «Мы не обязаны покорно и по обычаю беспрекословно следовать за священниками, но каждый из нас может по здравом размышлении следовать за другими до тех пор, пока он видит общую цель собеседований в Иисусе Христе вчера, сегодня и во веки веков. <...> Народ не только не обязан внимать тем наставникам, что не идут этим путем, но и совершает провинность, следуя за ними».

Читателям и слушателям Бакуса было нетрудно обнаружить в этих строках общее осуждение бездумной покорности властям. Другие публицисты выражались еще ясней. Баптистский проповедник, ставивший под сомнение не только авторитет местной ортодоксии, но и «эти-

мологию слова [„ортодоксия“]», провозглашал, что колонисты «имеют такое же право перед лицом Господа и людей выступать против короля, министерства, лордов и общин Британии, когда те нарушают их права, как и сопротивляться иноземному врагу; и по уставам природы это будет мятежом не в большей степени, чем сопротивление французскому королю, буде он сейчас вторгнется в нашу страну».

То, что баптисты называли официальной церковью, англикане называли инакомыслием. Церковь Новой Англии, постоянно опасавшаяся вторжения внешних церковных властей, оспаривала доктрины подчинения столь же яростно, как и самые радикальные секты. Апологет существующего строя Айзек Бакус, сын церкви и ее опора, отказывался признавать «какую бы то ни было власть в вопросах веры и богочитания. Мы не считаем ни князя, ни папу главой церкви, и не верим в право какого бы то ни было парламента предписывать нам вероучение, уставы поведения и пути совместного причащения Божеству». Бакус утверждал: «Мы покорны одному Христу», — эта формула была в самом сердце любой власти, светской и духовной, после падения Рима, — и заключал: «Свобода есть основной принцип нашей церкви»⁷¹.

В такого рода заявлениях политическая позиция переплавлялась в нравственный императив. Принцип оправданного послушания и потребность ставить под сомнение веления властей тем самым узаконивались и получали новую поддержку. Первоначально идея сопротивления касалась постановлений британского парламента, находившегося по другую сторону океана и не представлявшего должным образом население колоний. Однако местонахождение и состав парламента были не столь важны, как характер его действий. Разве избравшиеся колонистами местные ассамблеи не подлежали столь же внимательной оценке? Следовало ли забыть о том, что, согласно общему правилу, если правители нарушают границы, «предписанные им божественным законом и свободной конституцией <...> „их постановления тем самым теряют силу и не должны исполняться“»? Ответ был несомненен. Только справедливые и мудрые решения власти, где бы она ни располагалась и кем бы она ни осуществлялась, могут обеспечить ей покорность граждан или подданных. В противном случае любой орган государственной власти, местный или удаленный, выборный или назначаемый, заслуживает послушания. В 1776 году вольные земледельцы из вирджинской Огасты применяли к местному правительству принцип неповиновения, вынесенный ими из схваток с парламентом. Они писали своим делегатам на провинциальном конгрессе:

Если в будущем действия нашего законодательного органа покажут вам, что наше высокое мнение об их мудрости и справедливости ошибочно, сообщите им, что ваши избиратели не руководствуются ложной и рабской политической максимой, будто «все решения органа, наделенного верховной государственной властью, обязательны к исполнению», и что мы считаем себя вправе оспаривать несправедливый закон не только в воззваниях к депутатам⁷².

Здесь традиционные понятия о власти прямо ставились под сомнение. В других случаях это происходило не столь явно, и основания социального порядка подтачивались незаметно. Очевидным образом, в средоточии англо-американского противостояния находился вопрос о правах, — правах английских подданных, правах человека, правах, установленных хартиями. Однако, как писал Ричард Бленд, менее других революционных вождей склонный к эгалитаризму, «права предполагают равенство в применении, безотносительно положения затронутых особ». Это не клише: все говорили о «равенстве перед законом», но не о равенстве «безотносительно положения затронутых особ». Хотя в данном случае Бленд критиковал возмутительные различия, якобы проведенные между британцами и американцами, его тезис несомненно имел более общее звучание. Он приобрел особенную популярность в те годы, когда новые политические формы подыскивались на смену старым, несовместимым с общенародной свободой. Публицист из Пенсильвании в 1776 году ставил в вину партии собственников «приверженность к рангам» и к «предполагаемому превосходству „значительных особ“». В юной Америке богатства были следствием удачи — они доставались тому, кто успел поселиться здесь раньше других. Большие состояния «неизбежно» шли в руки «потомкам первых поселенцев», поскольку их земля, естественно, дорожала вместе с ростом поселений:

Наверно, в силу случайного происхождения состояний они не общаются здесь своим владельцем такого же влияния, как в старых землях. В настоящее время общественное положение в Америке основывается больше на достоинствах, чем на собственности; нравственность, обхождение и твердые принципы образуют высшее сословие, и так будет до тех пор, пока происхождение семей не забудется и тщеславные причуды Старого Света не уступят место простоте Нового.

Благодаря этому в новых условиях «не следует обращать внимание на происхождение человека, если его обхождение совершенствуется соответственно обстоятельствам, и сам он не забывает, откуда пришел»⁷³.

Очерченные представления в корне подрывали традиционное уважение к должностным лицам и органам власти и вызывали к жизни еще одну угрозу общественному строю. В политической мысли XVIII века — в теоретических трактатах и церковных проповедях — было общепринято утверждение, что правители суть «слуги общества» и «служители Господа», и поэтому от них требуется осведомленность в делах, мудрость и сдержанность, а также добродетель и благочестие⁷⁴. Но как далеко можно было зайти в рассуждениях такого рода? Идея о том, что авторитет должностных лиц должен опираться на их нравственные, духовные и интеллектуальные качества, входила в противоречие с традиционными требованиями внешнего достоинства и социального превосходства правителей, а значит, посягала на устои общественной иерархии. Старинное, почтенное и до сих пор никем не оспаривавшееся учение предполагало, что власть подобает людям с «весом и положением», поскольку в силу их «значительности и благородства» «нижестоящие с готовностью покоряются им без презрения и ропота»; считалось, что простые люди неохотно признают власть «ничтожества, <...> избранного из их собственного звания». Однако теперь, в горячке назревающего мятежа, тезис о правителях как слугах народа был доведен до логического предела, и его подрывной потенциал стал очевиден. К 1774 году утверждение, что «законные правители суть слуги народа», привело к выводу, что «они превозносятся над братьями своими не ради самих себя, но ради народного блага; и покорность оказывается им не столько из-за значения, коим облечены их особы, сколько из-за законов, утверждаемых ими при исполнении власти в соответствии с уставами природы и справедливости». Публицисты 1770-х годов настаивали, что при распределении должностей следует принимать в расчет «только достоинства кандидата», а не его происхождение, богатство или верность вышестоящим. Даже подчеркнута сдержанная формулировка этой идеи отзывалась пренебрежением к устойчивым формам власти: «Власть и родовитость сами по себе или вместе, конечно, заслуживают уважения, но не они делают человека достойным важных правительственных постов, если только он не обладает богатством и заслугами в других, намного более существенных отношениях». Без труда доходили и до обратного утверждения: внешнее богатство должностных лиц должно быть не условием их назначения, а следствием справедливого отправления власти⁷⁵.

Каков же будет итог? Двамя поколениями раньше, когда зарождалась идеология будущей революции, консерваторы уже обращали внимание на опасные следствия логики противника. Якобит и приверженец Высокой церкви Чарльз Лесли в 1711 году так описывал «суть своего спора с г. Ходли»:

Мне кажется совершенно естественным, что власть снисходит, то есть проистекает от высшего к низшему, от Господа к отцам и царям, от царей и отцов к сыновьям и слугам. Однако г. Ходли уверяет, будто она восходит от сыновей к отцам, от подданных к владыкам, даже к самому Господу, чье царствие, как полагают защитники прав, даровано ему людьми! Их логика сама собой заводит столь далеко, ведь если власть восходит ввысь, то до самых вершин⁷⁶.

К 1774 году многие из тех, кто не принимал участия в революционном движении или не одобрял его, усматривали прямую угрозу основополагающим принципам общественного порядка и послушания в утверждениях, будто «перед лицом господа <...> сопротивление королю, министерству или губернатору, [нарушающему] при помощи силы или власти народные права, не есть мятеж»⁷⁷. Некоторые публицисты были обеспокоены не столько фактом политического сопротивления, сколько его разрушительными последствиями для первичных связей между людьми, отличающих цивилизованное общество от первобытной толпы. Они напоминали революционерам об уроках вековой мудрости и ссылались на исконные представления об общественном укладе. Опираясь на авторитет Филмера, если не Лесли, они сравнивали сообщества, в первую очередь Британскую империю, с семьей и объясняли, что претензии подданных на власть порождают анархию. Им казалось, что политические волнения в Америке ставят под удар социальную устойчивость как таковую. Их предвещения, исполненные тоски по старинным истинам, прошли почти незамеченными, однако апокалиптический характер их страхов свидетельствует об огромном расстоянии, пройденном революционной мыслью на пути к новому миру.

Одно из первых сочинений, обосновывавших катастрофический взгляд на американские события, вышло из-под пера молодого жителя Барбадоса Исаака Ханта, лишь недавно окончившего колледж в Филадельфии, но быстро освоившего ремесло памфлетиста. Его работа «Политическая семья», написанная для конкурса в 1766 году, но опубликованная только в 1775-м, открывалась рассуждением о необходимо-

сти взаимодействия частей в политическом сообществе. Главный тезис Ханта звучал так: «В политическом сообществе все второстепенные полномочия должны проистекать из общего высшего источника <...> покорность подчиненных старшим <...> необходима для существования и тех, и других». Колонии уподоблялись детям матери-метрополии; в их обязанности входило благодарное послушание, и семейный принцип покорности должен был восторжествовать в большой политике⁷⁸.

На фоне завоевавшей уже популярность теории равных прав и общественного договора эти выкладки выглядели анахронизмом. Однако многие разделяли страхи Ханта в то время, когда политическое противостояние колоний с метрополией обернулось революционной борьбой. Охранительная точка зрения излагалась вновь и вновь с нарастающим жаром, так что к 1774 году памфлеты консерваторов напоминали пронзительный и отчаянный крик. Трое англиканских священников составили гневные эпитафии древней и почтенной, но издыхающей политической философии лоялистов.

Сэмюэл Сибери, анонимный оппонент Гамильтона в публицистических дебатах и в будущем первый американский епископ Епископальной церкви, с отчаянием расписывал всеобщую опасность, проистекающую от гражданского неповиновения. Он повествовал о том, как были ниспровергнуты законные власти Нью-Йорка, прежде всего суды, а на их месте очутились «делегаты, конгрессы, комитеты, чернь, бунты, мятежи, союзы». Кто входит в самозванный Комитет общественного спасения Нью-Йорка, узурпировавший право объявлять невинных людей преступниками и предавать их «мести беззаконной и неистовой толпы, которая истязает их, вешает, четвертует и сжигает»? Шайка выскочек, избранных «самыми слабыми, глупыми и мятежными из селян», «подлюжины глупцов из вашего околотка». Разве тирания этих мятежников лучше деспотизма короля? Отнюдь: «Если судьбе угодно, чтоб меня пожрали, то лучше погибнуть в челюстях льва, чем от мелких укусов крыс или блох». Победа надменных выскочек из комитетов означала бы конец мира и порядка, наступление анархии:

Правительство создавалось для того, чтобы обеспечивать безопасность подданных, защищать слабых от сильных, добрых от злых и сохранять среди людей подобающий порядок, чтобы никто не мог повредить ближнему. Следовательно, каждый обязан покориться своему правительству и поддерживать его из чувства долга и чести. Ведь если дать одному право пренебрегать законами общества, то все получают это право; и тогда правительство погибнет⁷⁹.

Единомышленник Сибири, утонченный и образованный Томас Брэдбери Чандлер, рассуждал умнее, осторожнее и убедительнее — для тех, кто обращал внимание на аргументы. В двух памфлетах 1774 года он с необычной силой отстаивал традиционное учение о власти в обществе, государстве и семье, с древних времен символизировавшей власть как таковую. В удивительном памфлете «Американский вопрошатель», составленном из ста риторических вопросов, имеется следующий пункт: «Разве не обязаны младшие оказывать уважение старшим, в особенности дети своим родителям? Разве нарушения этого обязательства не противоречат всеобъемлющим законам общества, не говоря уже о долге веры и нравственности?» И разве не относится Великобритания к колониям, как родитель к своим детям? Если так, то сколько можно терпеть «неуважительное и оскорбительное поведение со стороны детей»? Господь не позволяет народу ни при каком правлении «отказываться в почестях и дарах тем, кому они подобают; думать или говорить плохо об облеченных властью и подрывать естественное уважение к правителям». Воля Господня ясна: нужно «покориться всем велениям людей во имя Господне» и «под угрозой вечной гибели слушаться вышестоящих и не противиться их законной власти».

В «Дружеском обращении ко всем разумным американцам» Чандлер развивал этот тезис. На первых же страницах памфлета речь шла о законной власти и последствиях сопротивления; по словам Чандлера, «попытки нарушить или подвергнуть опасности установившийся порядок правления путем народных возмущений и бунтов всегда, во все века и у всех народов, считались непростительным преступлением». Разве апостол, «имевший довольно уважения к правам и свободам человека», не велел покориться даже самому ужасному из деспотов, Нерону? И апостол был прав: «Узы общества распадутся, гармония мира расстроится, порядок природы будет низвернут, если отказать в почтении, уважении и покорности тем, кого государственный строй наделяет высшей властью»⁸⁰.

По мере того как развивался кризис, заклинания консерваторов становились все настойчивей. Дэниэл Леонард в 1775 году прямо заявлял: «Мятеж — страшнейшее из преступлений человека», не считая преступлений против Бога. Мятеж «разрывает связи общества, уничтожает безопасность, обеспеченную законом и правительством, открывает путь обманам, насилию, грабежам, убийствам, святотатству и длинной череде бед, бушующих в первобытной анархии». Однако конец был близок. К весне 1775 года риторика такого рода, громогласная и отчаянная, стала уходить в подполье.

Джонатан Баучер составил свою проповедь «О гражданской свободе, бездейственном повиновении и непротивлении» в 1775 году «в намерении опубликовать ее»; она была произнесена перед прихожанами прихода Королевы Анны в Мэриленде, но затем «подвергнута запрету». Позднее Баучер вспоминал: «Печать была недоступна для сочинений такого рода». Двадцать два года спустя Баучер, к тому времени благополучно перебравшийся в Англию, издал эту проповедь в составе своего сборника, озаглавленного «Взгляд на причины и последствия американской революции». Поводом для его выхода стала Великая французская революция, оживившая давний страх Баучера перед анархией и общественным распадом. Исследователям повезло: проповедь Баучера, классический образчик публицистики такого рода, лучше всех аналогичных сочинений того времени описывает заложенную в революционной идеологии угрозу для устойчивого общественного порядка.

Прежде всего Баучер обосновывал священный характер учения о повиновении властям. К этому его подталкивала не только аргументация Дж. Душе, работе которого он возражал, но и давно укоренившееся в Америке ложное истолкование многозначительного библейского стиха: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5: 1). Баучер разъяснял: под свободой здесь совершенно очевидно имеется в виду свобода от греха, ибо «любой грешник в буквальном смысле слова раб, <...> истинная свобода — удел единственно рабов Господних». В то же время Евангелие касается вопроса о долге человека перед обществом, и наставления его однозначны: нужно оказывать «послушание законам любой страны при любом правлении». Бытовавший с раннехристианской эпохи слух о том, что «Евангелие подрывает царства и республики», скорее всего, распускался Иудой и намеренно смешивал цели первого и второго пришествия. Евангелие предписывает покорность властям: «Повиновение правительству есть долг каждого, поскольку соответствует интересам всех; особенно оно подобает христианам, ибо <...> предначертано прямыми велениями Господа».

Ссылки на Писание подкреплялись авторитетом Эдмунда Берка, епископа Батлера, «высокоученого г. Селдена» и автора комментариев к Библии Лэнслота Эндрюза, из разъяснений которого (1650) следовало, что «владыки получают могущество свое от Бога, он облакает их властью над людьми главным образом ради собственной славы и чести, как своих посланцев или наместников на земле». Не так просто было, исходя из этого положения, рассуждать о происхождении правительства и равенства людей. Что касается первого, то утверждение, будто «общее благо человечества» есть цель правительства, казалось сомнительным.

Однако даже приняв его, не следует заключать, что власть проистекает из общенародного согласия: такое согласие, в свою очередь, требует общих взглядов, а эта опора «расплывчата и неопределенна». Люди никогда не сходились в понимании общего блага, а в отсутствие «общих взглядов» на этот вопрос невозможно построить правительство на согласии.

Столь же обманчивой и опасной представлялась Баучеру популярная идея о том, «что весь род человеческий рожден равным; и что ни один человек не может быть от природы хуже других людей и ни в чем не уступает им, а покоряться другому он должен только по своему согласию». В этой теории, говорил проповедник, «следствия и посылки равно ложны и неосновательны». Сложно представить, как бы она могла соответствовать действительности: «Люди различаются между собой во всем том, что служит источником господства и подчинения, как одна звезда отличается блеском от другой». Господь создал человека общественным животным, но общество не живет без правительства, а «без известных степеней превосходства и неравенства» правительство невозможно:

Музыкальный инструмент, составленный из струн, клавиш и труб одинакового размера и силы издаст гармонические звуки не раньше, чем общество, где люди пользуются совершенным равенством, обеспечит мир и порядок. <...> Исходя из принципа равенства, ни родители, ни даже большинство сограждан путем голосования <...> не могут <...> иметь власть над кем бы то ни было. <...> Даже полное согласие связывает человека лишь до тех пор, пока ему того угодно. Тот же принцип равенства <...> несомненно дает ему право отозвать свое согласие когда ему вздумается, и только он может определять сроки и причины такого отзыва.

Общественная и политическая система, основанная на принципах согласия и равенства, «фантастична»; она ввергла бы «все течение общественной жизни» в опасную неразбериху. Народ то соглашался бы на некую форму правления, то отзывал бы свое согласие: «Правительства, все время образуясь, никогда не были бы установлены окончательно, потому что сегодняшнее большинство окажется в меньшинстве завтра и, конечно же, определенное сегодня может быть завтра отменено».

Согласие и равенство — эти два понятия были особенно «расплывчаты и опасны», по словам Баучера; они противоречили логике, действительности, всем законам и заветам Евангелия. О происхождении власти не нужно гадать, она создана Богом: «Как только появились

люди, у них появились правители; и первый из них был облечен властью, ибо его почитали как отца, и так учреждаются с тех пор все правительства. <...> Первый отец был и первым царем и <...> отсюда проистекает любое правление; а монархия — самый древний его вид». Отсюда следовало, что сопротивление законной власти — грех, поскольку человек обязан «покоряться власти предержащим». Конечно, «цари и князья <...> были созданы и возведены на престол не для самих себя, но ради вверенного им народа; однако это не делает их ставленниками народа. Их могущество не даруется людским согласием или одобрением, оно проистекает от Господа, источника любой власти». Христос учил: в отношении своих правителей подданные должны, говоря словами пророка, жить, «оставаясь на месте и в покое».

Эту простую заповедь трудно соблюдать, поскольку люди вечно «склонны к гордыне и своеволию, всегда готовы презирать господствующих и злословить о власти». А в нынешних обстоятельствах повиновение особенно необходимо. Мятеж проник глубоко и разъедает основы общественного порядка. Он угрожает далеко не только «особам, облеченным верховной властью, исполнительной или законодательной»; «сопротивление, которого требуют от вас ваши политические советчики, [направлено] прямо и буквально против власти <...> вас побуждают отвергнуть не только власть, стоящую теперь над нами, но и любую возможную власть»⁸¹.

В этом было все дело. Баучер, Леонард, Чандлер и другие убежденные защитники существующего строя боялись не столько замены одних правителей другими, сколько торжества идей, исключающих любой устойчивый строй и любое общество в традиционном смысле слова. Их страхи были в известном смысле оправданы, поскольку в рамках политического мышления XVIII века трудно было понять, как выстроить общественное согласие и государственную власть из этих материалов. Провозглашение всеобщего равенства не делает его реальным, но оправдывает и увековечивает дух отрицания и неповиновения, порождающий анархию, демагогию и деспотизм. Если эти взгляды будут торжествовать год за годом, поколение за поколением, то даже в самых смиренных душах разгорится «тусклая искра» гордыни благодаря поджигателям недовольства, твердящим «о возвышенном положении, которое люди занимают во вселенной; что все люди по природе равны; что цари суть слуги народа; что их власть дарована им народом ради всеобщего блага и что она может быть отозвана и доверена другому или оставлена во всеобщем распоряжении, как только ею злоупотребят в видах угнетения»⁸².

Чем же еще это могло закончиться? Какой разумный государственный и общественный строй мог возникнуть и сохраняться в стране, где власть правительства можно было ставить под сомнение, где социальные различия считались второстепенным, а не основополагающим свойством сообщества, где право господства выглядело подозрительным и не сосредоточивалось в немногих руках, но щедро распределялось среди населения? Ответа никто не знал. Однако были и те, кто видел в особенностях американского уклада залог избранности, а в ниспровержении традиций — путь к будущей свободе. Новый мир еще только предстояло создать, но многие верили, что невиданного счастья можно достичь там, где общепринято недоверие к власти, где людей оценивают по их достоинствам и заслугам, а не врожденным привилегиям, и где право распоряжаться жизнью и смертью граждан жестко ограничено. Только там, где вышестоящим не верят и не раболепствуют перед ними, общественные и государственные институты будут служить потребностям человека, а не подавлять их.

Эпилог

Воплощение: комментарий к Конституции

Как бы ни почитали мы собрание, сложившее нашу Конституцию, его разум не может, подобно оракулу, направлять истолкование ее. Из их рук вышел только план, набросок, грамота, оставшаяся без жизни до тех пор, пока глас народа при посредстве конвентов в отдельных штатах не вдохнул в нее жизнь и силу. Следовательно, если искать смысл акта не только на его поверхности, то нужно обращаться не к всеобщему конвенту, предложившему его, но к конвентам в штатах, принявшим и утвердившим Конституцию.

ДЖЕЙМС МЭДИСОН, 1796

В Конституции Соединенных Штатов сфокусировалась идеология Американской революции. За двести лет американская Конституция привлекла к себе больше внимания со стороны комментаторов и исследователей, чем любой другой документ, не считая Библии. Никому не удалось — и никогда не удастся — освоить все полезные работы о Конституции. Их слишком много, они движутся сразу во многих направлениях и затрагивают бесчисленное множество несвязанных друг с другом и бытующих самостоятельно вопросов. Однако поток этот никогда не остановится — слишком существенна для нас Конституция, определяющая нашу жизнь, разрешающая или запрещающая действовать, предписывающая правила правительству. Мы вглядываемся в ее двухсотлетнюю историю, чтобы разобраться в собственном мире. Конституция со всей своей разветвленной проблематикой имеет исключительное значение.

Но дело не только в этом. История ее подготовки и ратификации, споры, сопровождавшие ее зарождение, завораживают. Мы с трудом понимаем суть обсуждаемых вопросов, путаемся в обманчи-

вых подробностях и не без труда восстанавливаем ход событий. Их герои хорошо известны. С одной стороны, Мэдисон, Уилсон, Элсворт, Гамильтон, Джей, Айрделл, Моррисы, Шерман; с другой — группа в высшей степени красноречивых пенсильванских антифедералистов и их союзников на севере и на юге: Меланхтон Смит, Лютер Мартин, Джеймс Уинтроп, Джордж Мейсон, Патрик Генри, Элбридж Герри... Список главных героев этой пьесы кажется нескончаемым. Увлекательно наблюдать ход их мысли, настойчивой и изменчивой, то нападающей, то уклоняющейся от удара.

Историк не в силах описать сложное взаимодействие созревающих революционных идей и идеалов с колониальной повседневностью — взаимодействие, составляющее суть американской истории времен Конституции. О создании Конституции и сопутствующих бурных дискуссиях лучше всего можно сказать словами поэта. У Ричарда Уилбера есть стихотворение под названием «Разум»:

Наш ум, как мышь летучая, крылом
Лавируя, вдоль стен пещеры мчит,
Каким-то бессознательным чутьем
Не разбиваясь насмерть о гранит.

Не сомневаясь, знает наперед,
Препятствия какие обогнуть:
То взмах крыла, то резкий спуск, то взлет,
Во тьме воздушной безупречный путь.

Сравненье это точно, но порой
Ума обворожительный просчет
Своею удивительной игрой
Пещеры передельывает свод¹.

Авторы Конституции тоже «лабирировали вдоль стен пещеры» и переделявали свой собственный интеллектуальный космос. Но как?

I

Идеологическая история Американской революции отчетливо распадается на три различающихся между собой этапа. О каждом из них осталось великое множество свидетельств, каждый ставил свои воп-

росы. Первый этап пришелся на период противостояния колоний с метрополией до 1776 года. В эти годы колонисты, вынужденные обстоятельствами оправдывать свое сопротивление законной власти, выделили из доставшегося им обширного интеллектуального наследия набор идей, подходивших к их целям. Колонисты не доверяли централизованной власти и были убеждены, что свободные государства находятся в постоянной опасности и легко перерождаются в деспотию, если только свободный, умный и добродетельный народ не препятствует этому посредством выборных органов, перераспределяющих, но не сосредоточивающих полномочия. Такого рода взгляды подрывали авторитет существовавшей власти. Публицистика этого начального периода свела воедино представления, которым суждено было составить неизменный фундамент политической рефлексии и политической веры американской нации².

Второй этап ознаменовал конструктивное применение и практическую разработку этих идей при составлении и редактировании первых конституций отдельных штатов в 1776–1780-х годах. Создавая собственные республиканские правительства местного уровня, американские вожди вынуждены были заново осмыслить свои политические принципы. Они не начинали с чистого листа, а по необходимости считались с уже существующими властными учреждениями и группировками; им приходилось приспособливать абстрактные положения к конкретным обстоятельствам, по возможности преобразуя сложившийся строй управления в соответствии со своими идеалами. Они задавались вопросом о природе конституции и государственной власти, разрабатывали способы равновесного разделения властей в несловном обществе и практического осуществления верховной власти народа, его прав и свобод, а также истолковывали понятие представительства³.

Третий этап пришелся на время составления, обсуждения и ратификации федеральной конституции. Много объединяет этот отрезок исторического развития с предыдущим: теперь, как и тогда, главной целью было построение государственного строя и создание конституционного акта. Идеи, касавшиеся конституций штатов, применялись и совершенствовались в работе над общенациональной Конституцией. Однако по сути первый и второй этапы различались. В 1780-х годах рост социального напряжения, внешнеполитические неудачи, угроза экономического коллапса и распада слабеющей Конфедерации заставили американцев обернуться в противоположную сторону. Реформаторы этих лет создавали, а не разрушали общенациональную власть, заново воздвигая пугающий многих *Machtstaat* — централизованное государство с собственной армией, способное отстаивать свои международные ин-

тересы и — по крайней мере в потенции — регулировать повседневную жизнь граждан, доминируя над местными правительствами. Опыт конституционной работы на местах не терял значимости, на него постоянно ссылались участники конвента в Филадельфии и дебатов о ратификации; однако основные задачи, решавшиеся в 1787–1788 годах, мало чем напоминали о вопросах построения местных правительств и прямо противоречили идеалам предреволюционных лет. В то же время сложившаяся тогда идеология лежала в основе американского государственного строительства. Как же можно было сочетать ее с новыми реалиями?

Безусловно, отцы-основатели не покинули свою пещеру, свой интеллектуальный мир и не перебрались в другой. Лишь одно десятилетие отделяло их от эпохи напряженной борьбы с метрополией. Как же примирялись первоначальные убеждения с новыми потребностями и предложениями? Ниже я попытаюсь, не предлагая полного комментария к спорам о ратификации, рассмотреть этот важный вопрос⁴.

До недавних пор имевшаяся в распоряжении исследователей документация споров о ратификации была ограничена: протоколы ратификационных конвентов отдельных штатов, изданные в четырех томах Джонатаном Элиотом в 1836 году, двухтомное собрание публицистических работ на эту тему, составленное П. Фордом в 1890-х годах, и статьи «Федералиста», привлекающие повышенное внимание исследователей по крайней мере с 1913 года, когда вышло в свет «Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов» Чарльза Бирда. К этому списку можно добавить несколько хорошо известных выступлений антифедералистов, в первую очередь сочинения, подписанные псевдонимом «Земледелец федерации»⁵. Число вошедших в оборот антифедералистских публикаций умножилось благодаря изданию Сесилии Кеньон и объемному пятитомному собранию под редакцией Герберта Сторинга, включающему соответствующую публицистику из всех штатов, от полемических однодневок до систематических работ. Однако только появление первого из предполагаемых двадцати томов «Документальной истории ратификации Конституции» позволило оценить истинный масштаб общественных споров 1787–1789 годов. Печатные тома «Документальной истории» предположительно будут содержать более 10 тысяч страниц, то есть свыше пяти миллионов слов, а дополнения на микрофишах существенно увеличат и этот объем. К тому же составители перечисляют полные и частичные перепечатки включенных в издание работ, тем самым очерчивая картину их бытования и давая возможность оценить их популярность у современников⁶.

Читая все эти бесчисленные сочинения, от грубых пасквилей и нескладных виршей до ученых трактатов и блестящих полемиче-

ских работ, трудно обнаружить в них какую бы то ни было связующую нить. Их количество обескураживает. Генри Нокс писал: «Новая конституция! О новой конституции кричат здесь все. Множество бумаги испи­сано на эту тему, и сочинено множество работ, которых не читают ни с той, ни с другой стороны»⁷. Подготовленное Сторингом издание анти­федералистской публицистики, якобы полное, на самом деле включает только 15% сохранившихся материалов⁸. Что же касается федералистов, то разнообразие тем и подходов, представленных в их не менее обиль­ных сочинениях, только в малой мере отражено «Федералистом»⁹. Пол­ный срез политической публицистики 1787–1788 годов в известном смы­сле заставляет признать историческое значение статей «Федералиста» несколько преувеличенным. Конечно, некоторые современники сразу же отметили достоинства этого цикла (более чем вчетверо превосходя­щего размером любой другой). Джордж Вашингтон, близко связанный с его авторами, пророчески писал Гамильтону: «Когда преходящие об­стоятельства и мимолетные события, сопутствующие этому кризису, останутся в прошлом, этот труд заслужит внимание потомства, посколь­ку в нем беспристрастно рассматриваются основания свободы». Ноа Вебстер считал статьи «Федералиста» «одной из самых полных работ о правлении, появившихся в Америке и, вероятно, в Европе». Проница­тельнейший федералист Джеймс Айрделл счел «образцовыми» статьи «Федералиста» о проблеме постоянных армий и высказывал надежду, что весь цикл «вскоре будет у всех на руках»¹⁰.

Однако на фоне «преходящих обстоятельств» того времени «Федералист» не столь сильно заинтересовал читателей, как речь Джейм­са Уилсона от 6 октября 1787 года — самый известный, самый ненавист­ный противникам манифест федералистской партии. Этот ранний, краткий и внятный текст вызвал целый поток возражений, а также одоб­рительных и смешанных отзывов¹¹. В то же время отклики на «Федерали­ста» были немногочисленны, в политическом отношении невыразитель­ны и носили в основном ученый и технический характер. По мнению Руфуса Кинга, «Письма землевладельца» Оливера Элсворта (и правда в высшей степени оригинальные) были действенной статей «Федерали­ста». Судья-федералист А. Хэнсон, в прошлом личный секретарь Вашинг­тона, а в будущем канцлер штата Мэриленд, признавал глубокомыслие и искусство авторов «Федералиста», но находил там софизмы и баналь­ности и считал весь цикл утомительно-многословным. Он признавался, что не может прочесть статьи от начала до конца: они не «приковывают внимание, не пробуждают страсти, не держат в напряжении чувство». Собственный памфлет Хэнсона, посвященный Вашингтону, — «Замеча-

ния о предложенном плане» — не мог, по авторскому признанию, соперничать со статьями «Федералиста» в части абстрактного анализа вопросов правления, но, уверенно заявлял Хэнсон, «превосходил его» в качестве «памфлета на случай» и был «лучше пригоден к действию»¹².

Хэнсон был прав по крайней мере в том, что при всех своих достоинствах статьи «Федералиста» не всегда отличались оригинальностью. Вопрос о судебном надзоре был подробнее и яснее разобран Оливером Элсвортом, чем авторами статей «Федералиста»; кроме прочего, Элсворт и Уильямс раньше их распознали значимость этой темы. За двадцать дней до появления статьи X из этого цикла Джон Стивенс, юрист из Нью-Джерси, начал — под псевдонимом Американец — публикацию серии работ, в первой из которых предвосхитил рассуждения Мэдисона о республиканском правлении, размерах государства и принципе выгоды. Через семнадцать дней анонимный публицист из Коннектикута независимо от Стивенса предал тиснению сходные выводы. Другие проницательней Мэдисона определили источник описанных им проблем — традиционные, но тупиковые подходы, общепринятые, но устаревшие, противоречивые и уводящие в сторону представления¹³.

Федералисты были вынуждены копать глубоко, чтобы убедить общество в необходимости создания централизованного государства, не уступающего в мощи любому другому. Требовалось примирить эту общенациональную задачу с политической верой 1776 года, низвергнувшей колониальную империю. Однако в основе революционной идеологии лежал не только страх перед любой сильной властью, но и убежденность в том, что в руках порочных правителей сильный государственный аппарат ставит под удар народную свободу. Снова и снова федералисты и антифедералисты возвращались к опыту 1760–1770-х годов. Одни стремились выстроить такую систему общенационального правления, которая не угрожала бы правам и свободам; другие доказывали тщетность этого замысла, усматривали в нем глубинное противоречие и настаивали, что Конституция обречет Америку на рабство и деспотизм — обычную участь сильных государств.

2

Антифедералистам часто ставили в вину недостаток веры в счастливое будущее под сенью Конституции, предреченное федералистами¹⁴. Однако рассмотрение полемической литературы, порожденной вопросом о Конституции, позволяет заключить, что антифедералисты

выступали как раз в роли хранителей веры — той старой революционной веры, которую, по их словам, предавали сторонники централизованного государства. Нью-йоркский судья-антифедералист Томас Тредвелл с тоской вспоминал революционное время, когда «высоко реял дух свободы, и опасность наложила узду на властолюбие <...> с этой Конституцией мы не просто пренебрегли нашей общей верой, — хуже, мы прямо нарушили ее». Антифедералисты продолжали вести страстную революционную борьбу против могущественного государства, желающего повелевать американцами, и руководствовались теми же опасениями, что и при начале освободительной войны. Теперь, как казалось, угрозы тех лет снова ожили, и антифедералисты в самом буквальном смысле призвали себе на помощь дух героической эпохи, — сходство их риторики с языком радикальных идеологов 1776 года порой поразительно¹⁵.

Мерси Отис Уоррен никак не могла забыть старинного врага, Томаса Хатчинсона, якобы трудившегося над порабощением колоний в интересах монархии и своего деспотического патрона, графа Хилсборо. Ее «Соображения о Конституции» (февраль 1788 года), завоевавшие широкую популярность, яростно обличали не только федералистов, но вместе с ними и давно покойного губернатора, «великого приверженца деспотического господства», строившего «козни с целью уничтожить свободы в этой стране» и желавшего обречь американцев на «адскую тьму азиатского рабства». Уоррен была убеждена, что проекты федералистов грозят Америке тем же самым, и ревностно раздувала гаснувшие угли патриотизма и свободолюбия, столь ярко пылавшие в 1776 году. Она проводила прямую линию от лоялистов революционного времени, сторонников неограниченной власти, к Джеймсу Уилсону и другим наследникам Хатчинсона, приверженцам «многоголового чудовища» — Конституции. Ей представлялось, что за прошедшие годы у врагов сменились только имена, а опасность оставалась неизменной. В 1788 году, как и двадцать лет назад, она повсюду усматривала «глубоко укоренившиеся заговоры, тайные козни», «бесстыдное нахальство <...> корыстных и алчных проходимцев, которые, упоенно мечтая о должностях, о чинах и почестях, повергли все благородные принципы на алтарь честолюбия». Как и другие радикально настроенные антифедералисты, она не видела различий между нынешними сторонниками Конституции и корыстными лоялистами военного времени; она верила, что Америка вновь столкнулась с «темными и тайными злоумышлениями <...> государственного мужа, поднаторевшего в деспотической власти». Подобно тому, как Хатчинсон уговаривал Хиллсбо-

ро сменить порядок и проводить выборы в Массачусетсе не ежегодно, а раз в три года, новая Конституция предполагала выборы в конгресс только раз в два года¹⁶.

Страх перед заговором, угрожающим разрушить хрупкую свободу, страх, одушевлявший сопротивление еще в предреволюционные годы, определял и политическую мысль федералистов. Ни один публицист колониального периода не был сильнее убежден в существовании такого заговора, чем Лютер Мартин; его путанное «Истинное сообщение» о филадельфийском конвенте, будучи вырвано из контекста, показалось бы свидетельством острейшей паранойи. Единомышленник Мартина, Сэмюэл Брайен, опубликовал в филадельфийской газете восемь статей, подписанных псевдонимом «Стражник», где яростно обрушивался на «алчущих власти» заговорщиков, которые, прикрываясь «добродетелями Вашингтона», бессовестно обманывают общество и препятствуют изданию неугодных им сочинений. Они готовы на любую низость, чтобы исподтишка навязать народу «самую отвратительную систему тирании в истории, многоглавую гидру деспотизма, способную причинить бесконечно больше гнета, зол и страданий, чем бич тирана-одиночки». Брайен не знал, кто составил «тайный план нашего порабощения» (другой житель Филадельфии возлагал ответственность на Общество Цинциннатов и уверял, что Руфус Кинг случайно проговорился об этом на массачусетском конвенте). Однако он не сомневался, что Франклин одурачил простодушного Вашингтона и «склонил его не противиться деспотическим и злодейским замыслам, ужасающим просвещенный патриотизм»¹⁷.

Надо сказать, что Брайен по крайней мере приводил аргументированные возражения против отдельных положений Конституции. Бенджамин Уоркман, прибывший в 1784 году из Ирландии, в двенадцати статьях под именем «Филадельфийца» не делал и этого. Сочинения единомышленников Уоркмана не сравнятся с его статьями по ярости. Федералистов он называл «демагогами, презирующими всякий порядок и всякое приличие», «презреннейшими предателями, когда-либо позорившими человечество», «надменными барчуками конвента», составившими «разветвленный и опасный заговор против американской свободы». В конце концов этот заговор должен был привести к установлению «деспотической монархии». Уоркман восклицал: «Друзья мои! Дни кровожадного Нерона приближаются; чудовищный Калигула не изъяснялся самовластнее», чем заговорщики-федералисты, которые «открыто запугивают вас своим высокомерием и присваивают верховную власть»¹⁸.

Конечно, Уоркман, по определению Тенча Кокса, «ревел и мычал, как детеныш дикого осла»¹⁹, однако и более осторожные умы усматривали в проектах федералистов старую опасность, известную американцам с предреволюционных лет. В газетных пасквилях, тщательно аргументированных статьях и речах на конвенте антифедералисты настаивали, что былая борьба ведется вновь, а былой враг перешел в наступление. По их мнению, Конституция наделяла предполагаемое центральное правительство столь сильными полномочиями в сфере налогообложения, что правительства штатов теряли возможность отстаивать свои интересы, как некогда законодательные собрания колоний ничего не могли противопоставить силе английского парламента. Патрик Генри в одной из своих пространных речей на конвенте Вирджинии, грозившей утопить сжатые формулировки Мэдисона в бурном риторическом потоке, предрекал, что сенат будет жить в роскоши, «самовластный и могущественный президент» будет «содержаться в расточительном великолепии, так что это американское правительство сможет отнять всю нашу собственность, облагая нас любыми налогами, назначая себе какое угодно жалованье и отменяя по своей прихоти наши законы». «Брут», антифедералист из Нью-Йорка, находил еще большую опасность в том, что федеральное правительство сможет «занимать деньги за счет Соединенных Штатов»; пользуясь этим правом, конгресс сможет «заложить все доходы Союза» и «занять у иностранных государств такую сумму, что проценты с нее будут равны годовым доходам страны. Таким образом, государственный долг может достичь таких размеров, что страна никогда не будет способна погасить его. Мне трудно представить себе худшее бедствие для нашей страны, чем долг, от которого она никогда не сможет избавиться»²⁰.

Идея о том, что правительства штатов смогут разделять верховную власть с федеральным правительством (принцип федерализма) вызывала в 1788 году не больше доверия, чем в предреволюционные годы, когда аналогичное предложение колонистов было разбито в пух и прах Гэллоуэем, Хатчинсоном и их сторонниками. Поэтому антифедералисты принялись вновь на все лады опровергать солецизм *imperium in imperio* и доказывать, говоря словами Джорджа Мейсона, что «две соперничающие власти не могут долго существовать вместе; одна уничтожит другую». Пенсильванский публицист, назвавшийся «Старым вигом», писал: «Во власти есть дух соперничества, который не даст двум солнцам сиять на одной тверди; одно из них скоро померкнет перед другим, и отдельные штаты исчезнут из виду, как звезды в полуденном сиянии солнца». Патрик Генри заявлял, что «взаимное соперничество властей обернется бесконечной нелепостью»²¹.

В двух лучших своих статьях «Брут», опираясь на понятия «необходимого и подобающего» и «высшего закона страны», утверждал, что федеральное правительство, подобно британскому правительству предреволюционной эпохи, «совершенно уничтожит власть отдельных штатов», потому что «два человека или два органа [не могут] пользоваться неограниченной властью в одной и той же области». Это противоречит логике, Писанию и даже законам механики. «Законодательный орган Соединенных Штатов в силу своих полномочий сможет истощить все источники дохода в каждом штате и отменить все местные законы, которые встанут на его пути». Рассуждение «Брута» венчалось выразительным описанием тоталитарного всевластия. Пользуясь своими полномочиями в сфере налогообложения, «применяемыми без ограничений», центральное правительство

проникнет в каждый уголок в городе и в деревне. Оно войдет вслед за дамами в их уборные и не оставит их в домашних делах; оно будет сопровождать их на бал, в театр, на прием; вместе с ними оно будет отдавать визиты и сядет в их карету; оно последует за ними даже в церковь. Оно проникнет в дом каждого джентльмена, освидетельствует его погреб, проследит за его поваром на кухне, пройдет вместе со слугами в гостиную, сядет во главе стола и исчислит все напитки и яства. Оно проводит его в спальню и будет наблюдать его сон; оно не оставит своим вниманием людей умственного труда в их кабинете; торговца в лавке или конторе; будет надзирать над работой мастера в мастерской, заего семьей и семейным ложем; будет неизменным спутником усердного земледельца в его заботах дома и в поле, увидит труды рук его и пот чела его; оно заглянет в его жилище; и, наконец, оно сядет на шею всем жителям Соединенных Штатов. Повсюду преследуя всех этих людей, оно будет говорить одно и то же: Дай! Дай!

Чтобы предотвратить такой исход событий, «Брут» и его единомышленники предполагали вернуться к старому разделению внутренних и внешних налогов, а также внутренней и внешней сфер управления. Эта доктрина была популярна двадцатью тремя годами раньше, в эпоху ожесточенных споров вокруг Закона о гербовом сборе. Франклин взял ее на вооружение в речи перед английским парламентом, но затем Джон Дикинсон раскритиковал ее в «Письмах фермера», и она вышла из употребления²².

Итак, антифедералисты, ведомые старинным страхом перед сильной властью, видели в современных спорах продолжение старой борьбы. Когда-то Король-в-Парламенте имел право отбирать депутатов, которые должны были оборонять народ от избыточных притязаний верховной власти; теперь раздел 4 статьи I Конституции, вызвавший больше всего возражений в ходе ратификационных дебатов, предоставлял конгрессу полномочия определять и изменять порядок выборов в сенат и палату представителей. Более того, указывал Патрик Генри в речи на конвенте Вирджинии, общенародное представительство в конгрессе будет не прямым, а косвенным: «Мы спорили с британцами о представительстве, и они предлагали нам такое же представительство, что и конгресс теперь. Они называли его косвенным. Взглянув на этот документ [Конституцию], вы увидите там то же самое. <...> Следовательно, представительство не есть основополагающий принцип этой власти, а значит, она устроена неверно», а «тирания Филадельфии [федерального конвента] может напоминать тиранию Георга III»²³.

В 1788 году, как и в 1776-м, вопрос о представительстве имел принципиальное значение. Однако наибольший гнев антифедералистов вызвало положение о том, что конгресс имеет право «формировать и обеспечивать армии» (ст. I, раздел 8) и ограничение военных ассигнований двумя годами не успокаивало их страхи. (Тут же было указано, что британский парламент ежегодно рассматривает военный бюджет; и что помешает конгрессу бесконечно возобновлять соответствующие выплаты?) Невозможно описать, с каким жаром антифедералисты обрушились на это положение; они исходили при этом не только из общего недоверия к военным силам, но и из более конкретного представления о том, что «постоянные армии» неизбежно составляют угрозу народной свободе. Эту опасность впервые осознали в Англии в 1690-е годы, и она показала себя в действии в колониях: в 1768 году размещение британских войск в мирном Бостоне привело, как и предполагалось, к кровопролитию²⁴.

«Постоянные армии» отличаются от национальной гвардии, защитницы народа. Они состоят из янычар, преторианцев, хищных наемников, преданных только власти имущим — короне, исполнительной власти, президенту, любому, кто заплатит им. Так считали в 1690-х, так же думали и в 1768-м, и еще два десятилетия спустя. Один из ораторов на ратификационном конвенте Южной Каролины призывал добрый народ этого штата сопротивляться деспотизму Конституции, столь же разрушительному для свободы, как и учение епископа Лода о непротивлении. Что же произойдет? «Постоянная армия, подобно турецким янычарам,

будет штыками вколачивать деспотические законы нам в горло». Едва ли не самое яркое и убедительное возражение на речь Уилсона от 6 октября было составлено «Демократическим федералистом» из Пенсильвании. Он писал:

Опыт прошедших эпох и <...> самых прославленных патриотов научил нас страшиться постоянной армии пуще всех земных бед. Неужто подобает нам вновь обсуждать обветшалые общие места, к которым прибегают без всякого успеха поборники деспотизма и которые уже давно столь доблестно опровергнуты? Прочтите почтенного Бурга, его изыскания об этом тривиальном вопросе, и скажите, правда ли постоянная армия необходима в свободной стране.

Даже «аристократ» Юм, продолжал пенсильванский публицист, не сомневался, что постоянная армия есть «смертельная болезнь государства». «Демократический федералист» заключал, что «изношенные и избитые доводы Уилсона» в пользу постоянной армии «вновь и вновь опровергались на протяжении столетий, и не заслуживают ни малейшего внимания». Опасность очевидна и хорошо известна без всяких доказательств. «Брут» в статье на эту тему удовлетворился пространными выписками из знаменитой, часто переиздававшейся речи Уильяма Палтни в палате общин 1732 года.

Что касается ополчений отдельных штатов, которые предположительно должны были составлять противовес федеральной армии, то антифедералистам этот довод казался издевательским. Во-первых, Конституция уполномочивала конгресс использовать ополчения «на службе Соединенных Штатов», то есть растворить их в постоянной армии. Во-вторых, ничто не мешало президенту использовать ополчения *в качестве* постоянной армии, поскольку он получал право использовать их где угодно, по своему усмотрению. Президент мог отправить войска из Вирджинии подавлять оппозицию в Массачусетс, войска из Род-Айленда перебросить в Пенсильванию, а также на Кубу или в Тимбукту, куда бы не завело его честолюбие. Напоминая о событиях сорокалетней давности в Пенсильвании, Джордж Мейсон описывал еще более опасный сценарий: федеральное правительство имеет возможность саботировать ополчения штатов, не поставив им оружия или каким-либо иным способом; когда же народу понадобится военная защита, он предастся на милость центральной власти и будет умолять: «Дайте нам постоянную армию!» Фантазии? Пресвитерианский священник Дэвид Колдуэлл

говорил на конвенте Северной Каролины: «Что не исключено, то вероятно». Абрахам Холмс из графства Плимут заявлял на конвенте Массачусетса: «Я не говорю, что конгресс обязательно осуществит [эту угрозу], но, сударь, я осмелюсь сказать, что конгресс в силах это сделать; а если этого не произойдет, то только и исключительно благодаря добродетели депутатов, но ни в какой мере не благодаря достоинствам Конституции». Поскольку же полагаться на людскую добродетель нельзя, дурные возможности следует исключить с самого начала. Постоянная армия, однажды возникнув, станет неуправляемой²⁵.

Неограниченное налогообложение, извращенное представительство, обманчивое разделение верховной власти, ведущее к деспотизму, — эти вопросы возникли не впервые, но уже поколением раньше обсуждались столь горячо, что споры вокруг них вылились в революцию. Пугающую аналогию с прошлым антифедералисты усмотрели и в статье III Конституции, выведившей гражданские дела из-под юрисдикции суда присяжных. Казалось, что эта мера, ослаблявшая защитное действие обычного судопроизводства, напоминает о политике британской администрации, в 1760–1770-х годах навязывавшей колонистам суды адмиралтейской юрисдикции. Точно так же не нов был вопрос об оплате депутатской деятельности, который согласно Конституции отдавался в ведение самих депутатов. Джон Тейлор говорил на конвенте Массачусетса: «До революции мы считали оскорбительным тот факт, что губернаторы и другие лица получали жалованье из Британии. Они не могли чувствовать себя обязанными народу, когда корона назначала их и оплачивала их труд». Ролинс Лондес из Южной Каролины по тому же поводу вспоминал, «какой пожар разгорелся в Массачусетсе, когда Британия взяла на себя выплату жалованья судьям и иным государственным служащим; считалось, что эта мера проистекает из общего плана уничтожить независимость нашего правления»²⁶.

Вновь ожил страх перед гонорарами «за тайные услуги», которые чиновники британской администрации скрытно распределяли с особых счетов; эта практика некогда вызывала гнев колониальной общественности. Данное президенту право помилования напоминало о древнем принципе, согласно которому все действия короля благотворны. Раздел 2 статьи II Конституции гласил, что президент «имеет право даровать <...> помилование за преступление против Соединенных Штатов, кроме как по делам импичмента». Джордж Мейсон делал вывод, что президент сможет «укрыть от наказания тех, кого он сам втихомолку подстрекал к преступлению, и таким образом утаить собственную вину». Как указывал Лютер Мартин, осуществить это будет тем легче, что

отстранить президента от должности может только сенат, «тайный совет при президенте», чьи «ведущие и влиятельные члены могут быть соучастниками деяний, подающих повод к импичменту»; к тому же сенаторы будут заинтересованы в распределяемых президентом доходных должностях. Возглавлять процедуру импичмента должен председатель Верховного суда, назначенный президентом «вероятно <...> не за превосходные знания законов и не за незапятнанную честность, но по соображениям фаворитизма и властвования, так что президент, зная, что в случае угрозы импичмента председатель Верховного суда будет вести процесс, назначит на эту должность человека, чей голос и влияние ему будут не страшны»²⁷.

Можно заключить, что воззрения антифедералистов на новейшие политические угрозы определялись опытом прошлого. Участник конвента Массачусетса, напоминая о печальных последствиях введения постоянной армии в Бостон, провозглашал: «Сходные причины порождают сходные следствия». Патрик Генри выражал общее недоверие антифедералистов к будущей федеральной таможенной службе и ее сотрудникам: «Опыт метрополии заставляет меня презирать их». Джеймс Уинтроп, автор восемнадцати статей под псевдонимом «Агриппа», вспоминал, что конфликт американцев с британским правительством был вызван попытками парламента навязать колониям с их периферийным разнообразием общие и единые правила. Теперь сходная опасность исходила от конгресса и федеральных судов, поскольку деятельность федерального правительства невозможна без централизации. Любое искусственное единообразие губительно как в прошлом, так и в настоящем: общая торговая политика уничтожит успехи местной торговли, общие правила миграции будут игнорировать потребность отдельных штатов в стремительном притоке населения или, наоборот, в сохранении «чистоты крови». В конце концов общефедеральное законодательство придется навязывать при помощи вооруженной силы, что приведет — как всегда приводило в прошлом — к смуте и гражданской войне²⁸.

Свидетели недавних исторических событий не видели ничего нового в современности и с уверенностью предсказывали печальный исход наметившихся политических тенденций. Эймос Синглтери, которого товарищи по массачусетскому конвенту любовно называли «почтенным папашей», хорошо помнил «начало наших бедствий в 1775 году» и в отличие от многих других мог подробно описать ход тогдашних событий. Если бы в то время, провозглашал он, «кто бы то ни было предложил подобную конституцию <...> ее бы отвергли сразу. На нее бы даже не стали смотреть». Разве она не давала конгрессу те самые права, против

которых Синглтери и его собратья выступали с оружием в руках, — право бесконечного налогообложения и право «связать нас со всех сторон»? Антифедералисты ссылались на авторитетные работы предреволюционного времени: «Рассмотрение прав колоний» Стивена Хопкинса, «Письма фермера» Джона Дикинсона, «Политические изыскания» Джеймса Бурга, наконец, на полемику Хатчинсона с законодательным собранием Массачусетса. Они взывали к старым кумирам — Хэмдену, Сидни, Пиму, Уилксу — и проклинали былых врагов: Хатчинсона, Хилсборо, Бьюта и даже Роберта Сибторпа и Роджера Мэйнуоринга, легендарных теоретиков «беспрекословного повиновения и непротивления» эпохи Карла I²⁹.

Однако исторический субстрат позиции антифедералистов имел и более глубокий уровень, обеспечивавший ей немалую силу. В ходе предреволюционных столкновений с метрополией американцы опирались на старинное представление о том, что истинная свобода возможна только в республиках, где народное самоуправление осуществляется при помощи свободно избранных представителей. Считалось, что этот хрупкий строй подходит только для малых образований, поскольку он требует народного единства, что пестрое разнообразие управляется только при помощи силы и что основополагающая предпосылка республиканского устройства — гражданская добродетель. Американские публицисты редко указывали непосредственные источники своих воззрений. Наибольшим весом — в той мере, в какой общепринятые истины нуждались в ссылках на авторитеты, — обладал Монтескье. В обширной литературе о Конституции его имя встречается чаще всего. Его теории были краеугольным камнем американской доктрины, мерилom для оценки других идей. На каждом этапе американцы заново возвращались к Монтескье, и именно он убедил их в невозможности создания больших республик.

Надо сказать, что антифедералисты, как и федералисты, трезво смотрели на человеческую природу и не верили, что какой-либо народ может быть совершенно добродетелен и руководствоваться только гражданским чувством. Патрик Генри, самый яркий оратор-антифедералист, основывал свою политическую философию на повсеместно действующей и нравственно оправданной силе самолюбия. Этому понятию была посвящена его двухдневная речь на конвенте Вирджинии, кульминация которой должна была иметь сильнейший эффект: «Должен ли я отдать свою душу, свои легкие конгрессу? Конгрессу нужны наши души, государству нужны наши души. Это бесчестно и оскорбительно».

Главное зло Генри усматривал в сочетании природной греховности человека с неоговоренными, но подразумеваемыми следствия-

ми принципа «необходимого и подобающего»: «Подразумевание опасно, ибо неограничено: если что-либо позволено всем без предписанных ограничений, то вероятна и последняя крайность», поскольку властолюбие не упустит своих возможностей. Установленные Конституцией взаимные противовесы не способны устранить или обуздать заложенное в человеческой природе зло. Единственный противовес ему, уверял Генри, — самолюбие:

Не говорите мне о противовесах на бумаге; но скажите мне о противовесах, основанных на самолюбии <...> просвещенный и свободный народ никогда еще не полагался только на честный, бескорыстный патриотизм и уверения в собственной добродетели. Если вы положились на патриотизм президента и сенаторов, вы пропали. <...> Истинное основание политического спасения — самолюбие, извечно живущее в груди человека и являющее себя в каждом свершении. Если они выдержат соблазны, свойственные человеческой природе, вы спасены <...> опасности нет. Но можно ли ожидать этого от человека? Без настоящих сдержек добродетели некоторых из них будет недостаточно <...> злые будут настороже: постепенно вы погибнете. <...> Меня ужасает людская порочность. <...> Я никогда не положусь на столь слабую защиту, как надежда на добродетель избранных представителей.

Генри заключал, что в Британии свобода сохранилась не благодаря народной добродетели, но благодаря тому, что «самолюбие» и «личная выгода» побуждали монарха заботиться о благополучии своих подданных. Монарх несменяем и поэтому самым непосредственным образом заинтересован в богатстве нации и ее успехах. Но «президенту и сенаторам нечего терять. Они не заинтересованы в сохранении государственного строя так, как английские короли и лорды. Следовательно, они будут пренебрегать интересами народа»³⁰.

Генри изъяснялся исключительно своеобразно, но все антифедералисты были согласны с тем, что «человек есть падшее, греховное существо». Так, Мейсон, «рассматривая естественное властолюбие, свойственное человеку», больше всего опасался, что «жажда власти возобладает и будет угнетать народ». Его единомышленник из Северной Каролины утверждал, что «греховность человечества» не позволяет надеяться, что у народных представителей хватит мудрости и добродетели для правильного ведения дел. Еще один антифедералист провозглашал,

что «человеку свойственно быть деспотом» и обличал «греховную природу человека, всепобеждающую жажду власти, живущую в каждой груди». Нью-йоркский публицист, взявший псевдоним «Катон», предсказывал: «Властолюбие, алчность и их сообщница лесть научат должностных лиц <...> отделять свою выгоду от общенародной». На этом же настаивали и другие антифедералисты Нью-Йорка, Массачусетса и Южной Каролины³¹.

Страх перед порочной природой человека, побуждающей его пренебрегать всеобщим благом ради мелочной корысти, не позволял антифедералистам поверить в благополучное существование обширной республики континентального размера. Они были уверены, что такая республика недолго останется свободной и превратится либо в военную диктатуру, либо в олигархию, управляемую хунтой безжалостных аристократов. Публицисты могли по-разному описывать логику этого перехода, но вывод оставался неизменен и опирался на традицию пред-революционной мысли. Большинство, подобно «Бруту», ссылались на «мнения величайших и мудрейших мыслителей, писавших о науке правления», главным образом Монтескье, которого «Брут» цитировал в первой статье своего замечательного цикла:

Республике от природы свойственно иметь малую территорию, в противном случае она не может долго существовать. В большой республике находятся обладатели больших состояний, несклонные к умеренности <...> у него своя выгода; вскоре он начинает полагать, что путь к счастью, величию и славе лежит через угнетение своих сограждан и что собственный успех можно основать на несчастьях своей страны. В большой республике общее благо приносится в жертву тысячам интересов. <...> В малой же общий интерес лучше виден, более понятен и легче доступен большинству граждан; злоупотребления не столь обильны и не столь безнаказанны.

Это мнение, которое иногда подкреплялось ссылками на Беккарию и древнюю историю, казалось самоочевидным и неопровержимым. Как терпеливо объяснял «Брут», законы свободной республики устанавливаются представителями народа:

В обширном сообществе невозможно представительство, способное <...> передавать волю народа и в то же время не слишком многочисленное и громоздкое, а следовательно, не подвержен-

ное в исключительной степени затруднениям демократического правления. Территория Соединенных Штатов пространна. <...> Возможно ли в столь обширной и густонаселенной стране, какой Соединенные Штаты станут вскоре, избирать депутатов, блюдушщих волю народа, но при этом не столь многочисленных, чтобы препятствовать должному течению дел? Конечно, невозможно.

Далее публицист подробно рассуждал об особенностях климата, экономических интересов, вероисповедания, обычаев и привычек многолюдного и разрозненного американского народа, численность которого в отдаленном будущем может достичь 30 миллионов³².

Единомышленники «Брута» также беспрестанно варьировали эти доводы. «Катон» цитировал тот же фрагмент из трактата «О духе законов» и ссылался на те же примеры из античной истории (благо они приведены у Монтескье). Соглашаясь с «Брутом», он добавлял, что раздробленность большой республики неизбежно приведет к возникновению постоянной армии: раздробленность будет означать угрозу государственного распада, а для предотвращения этой угрозы и сохранения государства потребуются «войско, всегда стоящее под ружьем». Кроме того, трудности отправления фискальной политики на окраинах государства, всегда поощряющие недовольство, также будут порождать потребность в постоянном войске. Там же, где правит вооруженная рука, «не исчезнет ли политическая безопасность и даже мысль о ней? Может ли милосердие и умеренность сохраняться у правительства, коего главные действия осуществляются при помощи силы? Не будет ли доверие убито насилием <...>?» Предчувствия «Земледельца федерации» были еще мрачнее. По его мнению, в большой республике законодательный орган превратится в неуправляемую толпу, а действенность всеохватной судебной системы будет ослабевать на окраинах, так что власть закона будет постепенно исчезать по мере удаления от столицы. Каков же будет итог? «Или забвение законов, или вооруженное принуждение. <...> Забвение законов сперва выльется в анархию и смуту; а вооруженное принуждение — лишь более короткий путь к той же цели: деспотизму». Джеймс Уинтроп не сомневался, что огромное федеральное государство в конце концов станет пренебрегать местными интересами. Джордж Мейсон ограничивался историческим напоминанием: «Никогда не существовало правительства, управлявшего обширной страной и не уничтожившего бы народные свободы <...> народные правительства могут существовать только на малых территориях. Есть ли на земле хоть один пример, свидетельствующий об обратном?»³³.

Вооружившись изложенными выше аргументами, укорененными в предреволюционной идеологии, антифедералисты пошли войной на конституционный проект. Со страниц газет они посылали проклятия в адрес Конституции, грозившей наделить центральное правительство огромными полномочиями и не включавшей даже билля о правах, защищавшего права личности — права, которые составляли главное завоевание революции и теперь могли пасть жертвой федерального государства. Больше всего антифедералисты возмущались отсутствием билля о правах в Конституции, предлагавшей Америке правительство невиданной силы. Довод федералистов о том, что все без исключения права гарантировались народу, поскольку правительство наделялось только раз и навсегда установленным набором прерогатив, не убеждал противников Конституции. Не соглашались они и с тем, что законодательно утвержденный список свобод имел ограничительный характер, поскольку фактически упразднял не упомянутые в нем права. Их не убеждал довод о слабости «бумажных преград» — записанных на бумаге юридических норм, бессильных предотвратить злоупотребление властью. Антифедералисты настаивали, что государство неизбежно покусится на личные права; что, если эти права не закрепить в особом документе, то в конце концов правительственные чиновники сами будут определять пределы гражданских свобод, а власть имущие смогут по закону заглушать недовольных, не признавая требуемых ими прав.

Патрик Генри призывал вспомнить историю. Разве все забыли, что в Британии борьба народа с королевской властью вокруг неопределенных естественных прав продолжалась сто лет и закончилась только с принятием Билля о правах? Разве никто не помнит, что именно к этому стремились американцы, защищаясь от тирании английского парламента? Если не оговорить гражданские свободы особо, то при столь могущественном центральном правительстве

они окажутся под угрозой; и никто не сможет уверить себя, что его потомки будут пользоваться бесценным благом — свободой совести, свободой речи и печатных высказываний о государственных делах, правом на суд присяжных; что они будут защищены от арестов и обысков по общему подозрению или общему ордеру; одним словом, что их жизнь, собственность и свобода будут в безопасности и не будут зависеть от прихоти правителей.

«Земледелец федерации», как и его единомышленники, настаивал, что государственное устройство должно «основываться» на билле о правах,

который закрепил бы «неотчуждаемые и основополагающие права» народа, ограничивающие полномочия правительства, и позволил бы с первого взгляда опознать злоупотребления властей³⁴.

3

Вот с таким препятствием столкнулись вожди федералистов в ходе споров о ратификации. Им предстояло решить сложную задачу. Во-первых, требовалось убедить сомневающихся, что существующее положение, закрепленное Статьями Конфедерации, ведет к катастрофе и хаосу, и только решительное усиление федерального правительства способно спасти страну. Во-вторых, предстояло разъяснить предполагаемое государственное устройство и показать, что с его помощью удастся решить насущные проблемы, не повредив американских свобод и не пренебрегая местными интересами (по крайней мере, в долгосрочной перспективе). В-третьих, нужно было каким-то образом растолковать, что новый государственный строй не растворит в себе и не уничтожит правительства штатов, в которых видели прибежища народной свободы.

Однако за всем этим стояла одна общая проблема. Федералисты должны были вернуться к источникам старинной мудрости, рассмотреть привычные страхи и опасения, двигавшие революцией, ревидовать устойчивые убеждения, стоявшие на пути необходимых реформ. Эти опасения и убеждения надо было разделить, переосмыслить, перетолковать — не отвергнуть их ради иной системы мышления, но заново соотнести с политическими обстоятельствами и таким образом обновить. Федералисты не вышли из пещеры, они исправляли ее. Они с изумлением услышали бы, что осуществляют переход от «гражданского гуманизма» или «классического республиканства», как выражаются позднейшие исследователи, к «либерализму», или что их главной заботой было сохранение традиционного патрицианского уклада. Подобно своим предшественникам и оппонентам, федералисты видели в частной собственности главное основание личной свободы, намеревались поощрять предпринимательство, считали бескорыстную «добродетель» необходимым свойством правительства. Они оставались верны принципам раннеревolutionной идеологии, однако политическая необходимость понуждала их пересматривать заложенные в этой традиции предубеждения против общенационального государства.

Это было не так легко. Требовалось не только заново продумать старые истины, но и проявить воображение, дерзость и бесстрашие.

Авторы бесчисленных федералистских публикаций вновь и вновь призывали ввиду поставленных временем беспримерных задач мыслить свободно, отказаться от беспочвенных страхов, не видеть в каждом нововведении гибельный удар и не ожидать конца света на каждом шагу. Как предупреждал Тимоти Пикеринг, угрозы обнаружатся повсюду, «если отпустить на волю воображение». Гамильтон вопрошал:

Где же сможет здравый смысл положить предел нашему страху, если мы не доверяем своим сыновьям, братьям, соседям, согражданам? Какая опасность может проистекать от людей, постоянно пребывающих среди своих соотечественников, разделяющих их чувства, убеждения, привычки и потребности? <...> Читая многие выступления против Конституции, легко вообразить, что имеешь дело с плохой повестью или романом, где вместо естественных и приятных картин предлагаются ужасающие и бесформенные образы — отвратительные горгоны, гидры и химеры, так что все предстает в обезображенном и чудовищном облики.

По другому поводу Гамильтон замечал: «События, всего лишь возможные, произведены болезненным воображением в неизбежные, а отдаленные и сомнительные предсказания облечены в форму весомых и неопровержимых пророчеств». Он убеждал избегать крайностей и не отказываться от взвешенного государственного строя ради «невероятной Утопии», он настаивал, что нельзя «отвергать какую-либо меру на том основании, что когда-нибудь ею смогут злоупотребить. Людская мудрость неспособна придумать закона, исполнение коего было бы предохранено от тягот». Хэнсон определял позицию антифедералистов как «мишуру из выдумок», Гамильтон вменял им в вину одержимость «райскими сценами из поэтического или баснословного века», однако переубедить их было непросто. По словам публициста из Вирджинии, Р. Ли или любой его единомышленник, «с радостью <...> погружается в политические мечтания» и «способен набрести на любую мысль, даже самую нелепую, и испугаться любой опасности, даже воображаемой». Мэдисон в ходе дебатов в Вирджинии изъяснялся по обыкновению сухо и сдержанно: «Мы должны ограничить свои страхи определенной долей вероятия». Далее, с исключительной для него риторичностью, он призывал не истощать воображение в мрачных предчувствиях грядущей гибели, но использовать его при разработке «государственного строя для наших потомков». В одной из первых статей «Федералиста» он писал:

Не слушайте тех, кто настырно уверяет вас, будто предлагаемая вам форма правления невиданна в политическом мире <...> заградите уши свои от этих нечестивых слов. Заградите сердца от яда, заключенного в них. <...> Разве не гордится американский народ, что, отдав долг верованиям прошедших времен и иных народов, он не преклонился слепо перед древностью, перед обычаем, перед славными именами и не позволил им заглушить голос здравого смысла, говоривший об их собственном положении и делавший заключения из их собственного опыта? <...> Если бы вожди революции не предприняли ни одного важного шага, не сыскав для него примера, если бы ни одно правительство не учреждалось без точного образца, народ Соединенных Штатов пал бы к этому времени печальной жертвой дурных советов или в лучшем случае стонал бы под игмом одной из тех форм, что погубили свободу остального человечества³⁵.

Руководствуясь собственными советами — отвлечься от страха перед предполагаемой катастрофой и, не отрываясь от действительности, творчески смотреть в будущее — федералисты обратились к трудностям, проистекавшим из революционных традиций. Некоторые из этих трудностей бросались в глаза. Так, конституционный проект предполагал создание национальной армии, отделенной от ополчения штатов. Но разве солдаты этой армии не станут, как предсказывали антифедералисты, кровожадными и продажными янычарами, преторианцами, которых американцы были приучены опасаться и от которых они, как казалось, избавились благодаря революции? Вопрос требовал ответа. Ноа Вебстер, присяжный публицист федералистов, объявлял его нелепым: «Принципы и обычаи американцев не допускают постоянных армий; и предохранять от них посредством юридических норм столь же излишне, сколь излишне запрещать магометанскую веру». Разве ислам запрещен конституциями штатов? Нет. Возникает ли из-за этого угроза христианству? Запрещены ли в отдельных штатах постоянные армии? Нет (за несколькими исключениями). Угрожают ли их правительствам военные перевороты?

Однако старинные убеждения нельзя было просто отмести. Следовало подробно рассмотреть вопрос об армии. Через месяц после обнародования Конституции Тенч Кокс объяснял, что существующие в мирное время национальные армии — совершенно не то же самое, что «постоянная армия». Судьба американской армии будет полностью в народных руках, поскольку военные ассигнования будут определяться раз

в два года «прямыми представителями народа» в палате представителей. Далее, эта армия не будет единственным носителем вооруженной силы. Ополчения штатов не только «составят мощный противовес регулярным войскам и будут способны превозмочь их», но и сделают ненужным содержание многочисленной федеральной армии. К тому же необходимости в ней не будет из-за географически «отдаленного расположения» Америки. Наконец, существует огромное различие «между войсками содружества, подобного нашему, основанного на равных и неизменных началах, и войсками монархий, где властолюбие и угнетение составляют ремесло короля». В свободном государстве офицер — «еще один слуга народа, стоящий на его защите»; при монархическом правлении он — орудие завоевания или подавления, о которых мечтает его государь³⁶.

Таковы были главные тезисы федералистов в этом вопросе, но некоторые публицисты разбирали его подробнее. Тимоти Пикеринг рассуждал так: в Европе многочисленные постоянные армии стоят под ружьем для защиты неограниченной и наследственной власти монархов, а следовательно, представляют собой «орудие для порабощения народа». В Америке армия будет оборонять народ, который содержит ее при посредстве своих представителей, а сами эти представители неизбежно пострадают от любого злоупотребления вооруженной властью. В Британии армия — это «его [короля] армия, и он начальствует над ней единолично, ни давая никому отчета. <...> Здесь армия, которую мы соберем, будет армией народа». Хэнсон объявлял «ропот против постоянных армий» «простым предлогом, чтобы запугать вас, как малых детей, привидениями и домовыми», а затем касался более прагматической стороны дела, с его легкой руки ставшей лейтмотивом федералистской публицистики. В отсутствие постоянной армии ее пришлось бы в случае вторжения или других чрезвычайных обстоятельств создавать второпях, а быстро собрать войско нужного размера исключительно трудно. Фрэнсис Корбин говорил на конвенте Вирджинии, что сохранение ополчений штатов в качестве единственной вооруженной силы привело бы либо к катастрофическому упадку земледелия, либо к неудовлетворительной подготовке войск. Однако ополчения будут составлять часть национального войска, и это сочетание добровольцев с профессиональной армией принципиально. Уилсон Николас на том же конвенте доказывал, что одно без другого будет представлять опасность: бездеятельное постоянное войско создаст общественную угрозу, а ополчение само по себе не сможет остановить вторжения «мощной и обученной армии». К тому же принцип ополчения будет выгоден богатым, которые смогут откупаться от службы, и отяготит бедняков, лишенных такой возможности; в этой

ситуации имеет смысл возложить на богатых содержание профессиональной армии, а на бедных — необходимость службы во времена национального бедствия. Смешанное военное устройство обеспечит обороноспособность и внутреннее спокойствие, а в этом и состоит задача Конституции³⁷.

Происходившее в публицистике этого времени масштабное переосмысление традиционных взглядов на постоянные армии составляет важнейший фон для посвященных этой теме статей Гамильтона-«Федералиста». Сразу обнаруживается, что значительная часть его аргументов была вполне тривиальна. Как и многие другие, Гамильтон напоминал о географической удаленности Америки, избавленной по этой причине от необходимости в многочисленной войске, — точно так же, как Англия не нуждалась в нем в силу своего островного положения. Вслед за своими предшественниками Гамильтон указывал на роль ополчения, которое будет дополнять и уравнивать федеральную армию. Однако его позиция тем не менее в высшей степени самостоятельна. Прорываясь через укоренившиеся страхи, «отвратительных горгон, гидр и химер», Гамильтон рассматривал конкретные пути превращения армии в угрозу общественной безопасности в рамках очерченного в Конституции государственного устройства. Как же возникнет эта угроза — в действительности, а не теоретически? Предположим, президент вознамерился создать войско янычаров и при его помощи упразднить демократическое правление. Что же потребуется для этого? Если не произойдет государственного переворота, то такого рода армию можно собрать только путем «постепенного увеличения» военных ассигнований в конгрессе; оно, в свою очередь, займет много времени и будет возможно только в том случае, если преступный сговор между исполнительной и избирательной властью переживет регулярные обновления депутатского корпуса. Разве это в принципе возможно? Разве новоизбранный депутат сразу окажется «предателем своих избирателей и своего отечества»? Разве не найдется никого, кому хватит ума «заметить столь гнусный заговор или смелости и чести, чтобы предупредить своих избирателей об опасности»? В таком случае нужно отказаться от выборного представительства и осуществлять управление на уровне отдельных графств. К тому же неужели возможно годами удерживать такого рода заговор в тайне? Под каким благовидным предлогом будет осуществляться столь очевидное наращивание вооруженных сил? Убедительных предлогов не существует, народ не будет обманут, и заговорщики скоро потерпят крах.

Гамильтон и его союзники не отрицали опасности постоянных армий и не отказывались от старых страхов. Один из самых яростных

защитников проекта федеральной армии провозглашал: «Я смертельный враг постоянных армий, в особенности в мирное время». Федералисты намеревались при помощи вдумчивого рассуждения показать, что национальная армия необходима и что в Соединенных Штатах она не превратится в «постоянную армию» в привычном смысле слова. Такой исход событий означал бы, что свобода уже погибла от руки более мощных врагов; к этому времени «исчезнет последняя частица народной добродетели и настанет пора порочнейшего строя»³⁸.

«Фантазиям» своих противников федералисты противопоставляли трезвый прагматизм. Шаг за шагом они рассматривали традиционные представления и примеряли их к американским обстоятельствам.

Узловой элемент политической доктрины федералистов мог завоевать общественную поддержку при одном условии: необходимо было каким-то образом отделить его от тезиса о «власти во власти», *imperium in imperio*, повсеместно признанного нелепым и неразрешимым солецизмом. Обратившись к старой формуле, федералисты не опровергали ее, но разъяли на части и продемонстрировали, что она неприложима к ситуации в Америке. Как напоминал Гамильтон, антифедералисты, увлеченные «искусственными различиями и тонкими силлогизмами», по традиции повторяли, будто «власть во власти» есть «политическое чудовище». Однако на деле столкновения федерального правительства с правительствами штатов не произойдет. Верховный закон обяжет местных должностных лиц, как и федеральных чиновников, блюсти федеральное законодательство, что приведет к функциональному слиянию, а не расхождению, двух уровней власти. Вопреки предостережению «Брута», не возникнет рокового противоречия между федеральными и местными интересами в области налогообложения. Налоговые возможности федерального правительства четко очерчены, а все остальные полномочия согласно разделу 10 главы I закреплены за штатами. Сферы действия центрального и местных правительств будут совпадать только там, где их полномочия взаимно согласуются, а согласованность не есть несовместимость, на которой настаивали антифедералисты. Простая осторожность и взаимная терпимость сделают возможным согласие между государством и штатами; если же государство вторгнется в налоговые полномочия штатов, то такой акт не будет иметь силы, и народ заявит об этом³⁹.

Развивая эту концепцию, будущий председатель Верховного суда Оливер Элсворт в замечательной речи на конвенте Коннектикута объяснял, что важнейшим условием разрешения старинного вопроса будет судебный надзор. Опровергая тезис о том, что конгресс и штаты

не могут одновременно осуществлять законодательную власть, Элсворт восклицал: «Почему же не могут, спрашиваю я? Недостаточно провозгласить это. Назовите мне причины». Повода для противоречий тут не больше, чем в отношениях города Нью-Йорк со штатом Нью-Йорк или Лондона с Британией. Дальнейшее рассуждение Элсворта представляет собой классическую экспликацию принципов судебного надзора:

Если правительство перейдет назначенные ему пределы, судебная власть по конституционному праву удержит его. Если Соединенные Штаты превысят свои полномочия, если они примут закон, расходящийся с Конституцией, то он будет недействителен, и судебная власть, федеральные судьи, беспристрастные в силу своей независимости, объявят его таковым. Точно также, если штаты преступят границы своей власти, если изданный ими закон посягнет на полномочия федерального правительства, то этот закон будет ничтожен, и так постановят честные и независимые судьи.

Все федералисты сходились в том, что правоприменение будет направляться не против самих штатов (это означало бы развязать гражданскую войну и карать невинных вместе с виновными), но против отдельных граждан, в совокупности составляющих источник правительственной власти. Как показывал Мэдисон в ученой работе о бедствиях Соединенных провинций, в противоположном случае действительно сложилась бы безнадежная ситуация: «государство над государством, правительство над правительствами, управление сообществами, а не отдельными гражданами»; такое положение дел «основано на теоретическом солицизме, а на деле разрушительно для строя и целей гражданского государства, поскольку ставит насилие на место закона, разрушительное принуждение мечом на место милостивого и спасительного принуждения государственной властью». Исконная мудрость не обманывала, но ее наставления не были применимы к Америке. Опасность двойного суверенитета, конечно, существовала, но американская Конституция предотвращала ее⁴⁰.

Однако вопрос о двойном суверенитете и федералистский ответ на него составляли часть более общей теоретической проблемы: как выстроить республику большого, возможно, континентального масштаба? Как мы видели, антифедералисты, опираясь на традиционные убеждения, мнения авторитетных мыслителей и опыт всей человеческой истории, с упорством настаивали, что республиканский строй

мог сохраняться только в малых государствах. Федералисты отвечали на это, что в Америке национальное правительство будет располагать ограниченными полномочиями; штаты, обладающие всеми прочими полномочиями, останутся маленькими республиками, а ведь повседневные дела граждан будут находиться в ведении штатов. Однако сами федералисты признавали недостаточность этого довода: будущие федеральные законы будут обязательны к исполнению повсеместно, а следовательно, центральное правительство сможет распоряжаться правоприменением, правосудием и экономикой. Вновь федералистам пришлось обратиться к общепринятой истине, рассмотреть ее и проверить на соответствие американским обстоятельствам. Эдмунд Рэндолф на конвенте Вирджинии отказался полагаться на суждения «прославленных и умнейших авторов», отрицавших жизнеспособность обширных республик: «Я отвечаю, что не доверюсь авторитетам, пока меня убедят не громкими именами, но силой доводов». Хрестоматийные примеры и аналогии — в первую очередь, пример Швейцарии, — ничего не значат: «Размер и расположение этой страны совершенно отличают ее от нашей; их страна окружена могущественными, алчными и враждующими народами; она невелика, и земли там немного».

Рэндолф не сомневался, что при справедливых законах и их мудром исполнении размер не составит сложностей для Америки. Фрэнсис Корбин в ходе тех же дебатов также отверг «изношенную мысль о том, будто республиканская форма правления лучше всего подходит для небольшой территории. <...> Насколько мала должна быть страна, чтобы соответствовать республиканскому духу? На какой именно площади должна существовать республика? <...> Республика со слишком малой территорией слаба, уязвима и вызывает презрение. Свобода в таком мелком государстве непрочна; ее сохранность зависит от человеколюбия и доброты соседей». Корбин уверял, что центральное правительство послужит общим форумом для разноречивых мнений и обеспечит порядок лучше, чем это получится у тринадцати разобщенных образований, ведущих самостоятельную политику и с большим трудом вырабатывающих согласованные общенациональные решения. В то же время многосоставность американского государства гарантировала, что в нем никогда не образуется большинство, опасное для свобод меньшинства.

Гамильтон тоже вопрошал, какая именно территория соответствует предписаниям Монтескье. По его мнению, те размеры, которые должен был иметь в виду французский философ, значительно уступали размерам отдельных штатов. Не предложат ли антифедералисты поэтому расчленивать штаты «на множество малых, завистливых, вражду-

ющих и беспокойных сообществ, жалкие колыбели неустанного раздора, в ничтожестве своем вызывающие только снисходительное презрение»? Это был бы «безумный план», «отчаянная мера»⁴¹.

Однако это были только самые общие подходы к вопросу, требовавшему конкретного решения. Федералисты напоминали, что американское государство будет представлять собой не монолитное, а сложное образование, конфедеративную республику, которая, несмотря на малую величину составляющих ее частей (отдельных штатов), будет в силах защитить себя и способствовать всеобщему благоденствию. Как говорил Джеймс Уилсон, создав «конфедеративную республику <...> мы остались без образцов и без руководителей, а следовательно, без полезных наставлений, извлекаемых зачастую из устройства, истории и опыта других государств». Он признавал, что примеры Швейцарии и Дании, а также республик древности, мало чем могли помочь; однако в теории идея конфедеративной республики не была совершенно нова. На ранних этапах дискуссии Гамильтон уже указывал, что сам Монтескье описывал этот государственный строй, позволявший «расширить действие народной власти и соединить лучшие свойства монархии и республики». Монтескье назвал и образец «превосходной конфедеративной республики» — Ликию (II век до н.э.), где центральная власть располагала «очень тонкими инструментами вмешательства во <...> внутреннее управление» отдельных областей. Хотя сравнение этого причудливого конгломерата городов и республик с Соединенными Штатами было натянуто, на теоретическом уровне конфедерация оставалась законной формой государственного устройства. В то же время ни древние мыслители, ни Монтескье не знали ее истинных оснований, поскольку только в Америке был полностью осмыслен и осуществлен «животворный принцип» представительства, «цепь, связующая народ с теми, кто по его поручению распоряжается правительственной властью». Этот принцип лишал смысла территориальные ограничения и позволял примирить крайности: конфедерация может быть достаточно велика, чтобы защитить себя, и достаточно мала, чтобы не угрожать республиканским свободам⁴².

Это были отдельные ноты в складывающейся симфонии мнений, позднее сведенных воедино Мэдисоном и Гамильтоном в знаменитых статьях «Федералиста». Их, однако, предвосхитил Джон Стивенс в статьях под псевдонимом «Американец». Стивенс, адвокат из Нью-Джерси, в будущем автор первых патентных законов и прославленный разработчик паровых двигателей, считал нелепым представление о том, что «аксиомы Монтескье, Локка и других в политике столь же

неопровержимы, как аксиомы Евклида», и высмеивал привычку подыскивать прецеденты в Европе. Было бы «беспримесным безумием сковыать себя максимами и принципами, кои очевидным образом неприложимы к свойствам наших политических установлений. Путь, по которому мы идем, неизведан, и никогда еще не ступала по нему нога человека». Наибольшую трудность представляли собой как раз почтенные мыслители древности, теоретики и систематизаторы. Покориться их «максимам и принципам <...> было бы непростительной неосторожностью». Выше всего следовало ценить неповторимый исторический опыт Америки. В конце концов, теории Монтескье зародились в Старом Свете: «Будь он американцем и живи он в наши дни, ручаюсь головой, он обосновал бы другие принципы».

Стивенс объяснял, что в новом государстве представительство — «пружина, движущая всеми республиками», — позволит избежать всех неудобств, сопряженных с демократическим правлением на обширной территории, а двухпалатная система и надзорные полномочия исполнительной и судебной власти воспрепятствуют развитию «мятежного духа». Однако находились и другие, более весомые доводы в пользу больших республик. За двадцать дней до публикации написанной Мэдисоном статьи X «Федералиста» Стивенс доказывал, что «всполохи страсти», разрушительные для малых государств, теряют свою силу в больших. Малые республики «всегда были и будут по природе человеческой подвержены угрозе междуусобия и распада. Когда граждане заключены в тесных границах, как в Риме, Спарте и пр., лицемерный демагог способен мгновенно посеять возмущение и недовольство по всему государству».

Однако в столь обширной федеральной системе, как американская, любая клика растеряет силу, прежде чем достигнет верховных должностей: «Различные полномочия назначены и распределены таким образом, чтобы создавалось взаимное равновесие» и исключалась возможность плебейского бунта. Народ в своей совокупности не должен будет постоянно стоять на страже своих свобод; с этой задачей справятся его представители и встроенные в систему противовесы, так что гражданам потребуется только регулярно участвовать в выборах и усердно блюсти свой личный интерес. Успех американской политической системы потребует «от граждан только не пренебрегать собственными истинными интересами и собственным счастьем. <...> Правление, основанное таким образом на широком фундаменте человеческой природы, как дерево, коему позволяют сохранять естественную форму, будет процветать веками, не требуя внимания или больших забот».

В этом же духе Стивенс рассуждал и далее, развивая и усложняя свои тезисы. Он пробирался через лабиринт прецедентов, вывезенных из Старого Света, и считал своим долгом осмыслить, проверить и при необходимости уточнить традиционные представления. В частности, аналогия между Америкой и Англией казалась ему убедительной только в одном отношении: история обеих стран доказывает, что «невозможно поработить многочисленный и свободный народ, населяющий большую страну, без вмешательства и содействия случайных и посторонних обстоятельств». Вновь и вновь он обличал свойственные малым республикам «усобицы, волнения и частые перевороты» и настаивал, что большие республики лучше справляются с внутренними беспорядками и быстрее восстанавливают общественное согласие. Он не соглашался с тем, что в больших государствах вражда интересов сильнее выражена, и заявлял: «Бесконечное число разнообразных, противоречивых и враждебных интересов всегда существует среди граждан цивилизованного общества». Если правительство не примиряет их, то, «говоря я, наступает крах <...> мы вынуждены признать, что все наши представления о целях правления химеричны»⁴³.

Конечно, Стивенсу было далеко до Мэдисона или Гамильтона, однако он тоже понимал необходимость пересматривать укоренившиеся взгляды и примерять их к американским обстоятельствам, в то же время критикуя утопические надежды и самодовольное теоретизирование. Он с одобрением цитировал отрывок из Монтескье, направленный против Херригтона; сам Стивенс обвинял Херригтона, заодно с Платоном и Томасом Мором, в том, что они «забавлялись сочинением призрачных проектов совершенного государства», которые «ничем не лучше романов». Гамильтон, тоже обрушившийся на абстрактно-систематическое философствование, напоминал, что крошечные республики древности страдали от беспрестанных и часто губительных склок; устойчивостью обладали только большие союзы. Невозможность блюсти законность на отдаленных окраинах — «обманчивая выдумка». Жители окраин будут не хуже других представлены в центральном правительстве и будут точно так же осведомлены о работе своих депутатов; к тому же правительства штатов будут защищать их интересы, хотя бы в порядке «состояния за власть». Однако важнее всего, писал Гамильтон, тот факт, что отдаление не создаст существенной разницы в интересах: «Во всех вопросах, касающихся всеобщей свободы и благоденствия, обитатели столицы и близлежащих областей будут преследовать те же интересы, что и жители отдаленных мест, и <...> будут готовы при необходимости ударить в набат и указать на зло-

умышленников. Газеты стремительно сообщают любые сведения обитателям самым удаленных уголков союза»⁴⁴.

Однако с наибольшим изяществом, глубиной и широтой взгляда эту аргументацию изложил Мэдисон, сперва в поразительном письме Джефферсону от 24 октября 1787 года, а затем в лучших своих статьях «Федералиста» (№ X, LI)⁴⁵. Мэдисон не просто признавал силу личного и группового своекорыстия, как большинство публицистов с обеих сторон⁴⁶. Он определил ее и показал, что она «всеяна в природу человека» и особенно хорошо проявляется в неравномерном распределении собственности. Затем он логическим путем установил, что единственный способ усмирить распри — направить их в нужное русло, а это возможно только в больших республиках. Этому способствует неповторимая избирательная система Америки, которая вынесет наверх депутатов «самых высоких достоинств и самых <...> почтенных свойств», способных вести «большие национальные дела»; однако важнее всего тот факт, что «большое число граждан и большая протяженность земель» не позволят какой-либо одной группе возобладать над остальными и угнетать их: «Расширьте границы, и вы увидите все большее и большее разнообразие групп и интересов; возникновение большинства, имеющего общую причину посягать на права сограждан, станет маловероятно; если же такая причина обнаружится, то злоумышленникам будет трудно осознать собственную силу и действовать в унисон». Усмиряющее воздействие многолюдства и больших расстояний Мэдисон доказывал примером агрессивных сект и сторонников «бумажных денег, упразднения долгов, равного распределения собственности и любых других ложных и губительных проектов».

Удивительно, что содержание самой известной из статей Мэдисона-«Федералиста» могло вызвать противоречивые толкования. Изложенный им взгляд на своекорыстные интересы был вполне традиционен и никем не оспаривался, его разделяли и федералисты, и антифедералисты. Мэдисон не осуществлял идеологического сдвига и не предвосхищал «либерализм» или «политику групповых интересов», как утверждают историки; он не отстаивал «гражданский гуманизм» и не нападал на него⁴⁷. Он делал то же самое, что делали до него Джон Стивенс, Джеймс Уилсон и Александр Гамильтон, а также их не столь известные единомышленники — Эдмунд Рэндолф, Фрэнсис Корбин, Джеймс Боудуайн, Чарльз Пинкни. Все они доказывали, что старинное представление о неустойчивости республиканского строя в больших государствах неприменимо к Америке. Все федералисты, писавшие об этом вопросе, сходились в том, что расширение территории укрепляет, а не расшатывает

вает республику. Государственное устройство Америки, по их мнению, таково, что прирост населения и экспансия только способствуют упрочению свобод. Эти идеи не принадлежали Мэдисону; от других публицистов, рассматривавших данную тему, его отличала не суть аргументов, но стиль и уровень мышления. Никто не мог сравниться с ним по силе убеждения, пронизательности, эрудиции и интеллектуальной широте.

Мэдисон не был первопроходцем и в более общем вопросе о соотношении добродетели и республиканского строя. Федералисты и антифедералисты сходились во мнении, что человек по природе своей себялюбив и корыстен, что честолюбие способно затмить его разум и что жажда власти в нем слишком сильна, чтобы можно было кому бы то ни было вверить неограниченное господство. Однако позиция двух сторон расходилась в вопросе о полномочиях центрального правительства. Антифедералисты везде подозревали порок и властолюбие и настаивали, что только предельное ограничение полномочий правительства может свести к минимуму вред от его деспотических поползновений. С точки зрения федералистов, в американской ситуации эта угроза была преувеличена. Конечно, люди по сути своей злы и жадны, и никому не следует вручать беспредельную власть ни в Америке, ни где бы то ни было еще. Однако власть, установленная Конституцией, регулировалась сдержками и противовесами, и у американского народа было достаточно добродетели для успеха этой отлаженной машины.

Мэдисон начал высказываться в этом духе в статьях LV–LVI «Федералиста», вышедших в середине февраля 1788 года: «Точно также, как известная порочность человеческой природы требует осторожности и недоверия, другие ее свойства с не меньшим основанием вызывают уважение и доверие». Через четыре месяца Мэдисон с несвойственным ему ораторским жаром развил это положение. Во время ратификационного конвента Вирджинии Мейсон заявил, что члены законодательных органов станут источником всевозможного зла и не принесут никакой пользы. Мэдисон возразил: почему бы не предположить, что они будут равно совершать полезные и вредные действия? Безусловно, не стоит «оказывать им неограниченное доверие и ожидать от них только наилучшей честности и возвышенной добродетели». Затем Мэдисон сформулировал основополагающий принцип своей политической философии:

Я исхожу из великого республиканского принципа, что у народа достанет добродетели и ума, чтобы избирать людей высококонрастных и мудрых. Разве нет среди нас добродетели? Если нет,

мы в отчаянном положении. Никакие созданные в теории противовесы, никакой государственный строй не обезопасит нас. Мысль, что какой бы то ни было строй сохранит свободу и счастье без содействия народной добродетели, химерична⁴⁸.

Другие федералисты, тоже не ставившие под сомнение человеческую корыстность, жадность и продажность, соглашались с Мэдисоном. Вашингтон писал Лафайету, что народная добродетель предохранит Америку от сползания к деспотизму. Джон Дикинсон вопрошал: «Изберет ли добродетельный и умный народ себе в начальники негодяев и глупцов? А мудрые и честные люди, будучи избраны, утратят ли эти качества при вступлении в должность? Да и в таком случае разве не будут они вскорости заменены? Разве возможно, что одна и та же неисправность будет возвращаться снова, снова и снова? Разве следует ожидать столь удивительных явлений?» Священник-федералист Сэмюэль Уэст на конвенте Массачусетса тоже задавался вопросом о том, изберет ли народ «должностных лиц нам на гибель? <...> Разве не разумно заключить, что те, кого мы выберем блюсти [Конституцию], будут, как правило, достойными людьми?». Противник Уэста, генерал Сэмюэль Томпсон, с удивлением отмечал, что рассуждение пастора «несходно с обычными словами духовенства, беспрестанно обличающего распутство и лживость человека и уверяющего, будто мы станем хуже день ото дня». Даже сверхконсервативный Фишер Эймс, всегда опасавшийся разрушительных сил беспримесной демократии, поддержал республиканский принцип и признал, что «народ всегда имеет благие намерения; и, если у него есть время размышлять и осведомляться, действия его тоже будут на благо». Однако самым сильным союзником Мэдисона был Гамильтон. С одной стороны, он был убежден, что по мере роста роскоши и изобилия добродетель будет превращаться в «изящное украшение богатства, и действительность будет удаляться от республиканского идеала». С другой стороны, он разделял взгляд Мэдисона на природу человека, как следует из статьи LXXVI «Федералиста»: «Представление о всеобщей продажности составляет в политических рассуждениях не меньшую ошибку, чем вера во всеобщую честность. Установление избирательной власти подразумевает, что среди людей сохранилось довольно добродетели и чести, чтобы на них можно было положиться. Опыт подтверждает нашу теорию»⁴⁹.

Итак, федералисты полагали, что существующей добродетели достаточно для успешной работы равновесного государственного устройства; Мэдисон настаивал даже, что без добродетели ни один строй не может обеспечить свободу и счастье. Следовательно, старинное отожд-

дествление добродетели с республикой, восходившее к древности и никем не оспаривавшееся, оказывалось упрощенным; оно было ошибочным, не относилось к делу. Без добродетели «ни один государственный строй не обезопасит нас». Однако критика традиционных представлений могла заходить и дальше. Некоторые (немногочисленные) федералисты отказались от общепринятого взгляда на политическую добродетель и обратились к внутренней логике авторитетного учения.

Этот подход зародился еще до подготовки Конституции и сразу стал приносить необычные результаты. В 1784–1785 годах двадцатичетырехлетний американец Уильям Вэнс Мюррей, в то время изучавший юриспруденцию в Лондоне, написал шесть статей в защиту американских штатов; статьи увидели свет в Филадельфии во время работы конвента и были перепечатаны в *American Museum* тогда же, когда была опубликована Конституция. Мюррей опровергал «ложную теорию» и «избитое положение» о том, что «демократический строй требует нравственного духа, недостижимого и невозможного в обществе, где торговля, изобилие и искусства расположили умы к утонченным удовольствиям». Ошибочно полагать, будто «то, что обычно называют добродетелью, как об этом причудливо рассуждает Монтескье, есть корень демократии» и что «возрастающее изобилие» убивает ее. Отказываясь признать справедливость этих максим по отношению к Америке, Мюррей в огромной статье (более 4000 слов) разносил в пух и прах общий тезис о несовместимости богатства с добродетелью и о необходимости добродетели для свободного цивилизованного государства. Он рассуждал так: этот тезис опирается на авторитет Монтескье, а Монтескье «никогда не изучал истинно свободную демократию». В противном случае он понял бы, что «добродетель не [более] необходима демократиям, чем монархиям». Дело было не в добродетели, в ней нуждались оба государственных строя. Дело в том, что спартанский аскетизм, основанный на «любви к бедности» и «сохраняющийся лишь в малых обществах», не был единственной формой добродетели. В богатейшей и демократической Америке не только расцвела свобода, но и человечество сделало шаг вперед; отныне не приходилось утверждать, будто дух «века простоты, грубого и невежественного, есть неотъемлемое условие того государственного строя, который <...> более всего подходит для полноты человеческого счастья», и далее: «Свобода и широчайшее распространение богатств <...> по всем жилам политического сообщества никоим образом не противоречат друг другу». Монтескье судил слишком поверхностно: «При всем своем величии и бессмертной славе [он] шел на поводу у гипотез. <...> Он был слишком механистичен, слишком геометричен»;

в его сочинениях видна «острота великого ума, растрачивающего свои силы в хитросплетениях»⁵⁰.

С этими положениями соглашался и Ноа Вебстер, впрочем, пошедший дальше Мюррея в критике Монтескье. В «Очерках американской политики» (1785) он тоже высказывал сомнение в том, что «добродетель лежит в основании республик». Что же понимается под добродетелью? Вебстер размышлял: «Великий Монтескье имел в виду патриотизм, или бескорыстную гражданственность и любовь к отечеству». Но разве они существовали когда-нибудь в человеческом обществе? Если, исходя из такого понимания добродетели, исследовать действительные мотивы поведения людей, то придется заключить, что добродетель не составляет особого свойства или «принципа» ни одного государственного строя, будь то республика, монархия или аристократия. Единственный «истинный принцип, управляющий человеком и всеми его действиями», — «свокорыстие», по разному проявляющееся в различных политических системах.

Два года спустя Вебстер развил свою концепцию. В памфлете «Рассмотрение главнейших принципов федеральной конституции...», написанном по просьбе федералистских вождей вскоре после начала споров о ратификации, Вебстер вновь присоединился к критике Монтескье у Мюррея, но в то же время заявил, что его предшественник не смог описать истинные начала государства, ускользнувшие от французского философа. Начав с ученого вступления и опровержения различных доводов против Конституции, Вебстер затем изложил свое понимание свободы и перешел к вопросу о власти: «В чем же состоит настоящая власть?» Не только в военной силе или духовном авторитете по церковному образцу: «Ответ краток и прост — в собственности». Далее говорилось, что «нерасторжимая связь между собственностью и господством» видна из римской и британской истории: «Куда бы ни упал наш взгляд, мы везде видим, что собственность есть основание власти», а следовательно, «всеобщее и относительно равномерное распределение земельной собственности есть прочное основание всенародной свободы». Именно этого при всей своей мудрости не понимал Монтескье:

Система великого Монтескье будет ошибочна до тех пор, пока в «Духе законов» слово «добродетель» не будет везде заменено на «собственность» и «землевладение». «Добродетель», патриотизм и любовь к отечеству никогда не были и никогда не будут, пока природа человека не изменится, устойчивым, постоянным принципом и опорой государства. <...> Равная собственность при

постоянно осуществляемом отчуждении, предотвращающем возникновение могущественных семейных союзов, есть душа республики. Пока она сохраняется, народ сохранит в неприкосновенности власть и свободу; когда она погибнет, власть уйдет, свобода испустит дух и государство неизбежно примет другую форму.

Все остальное — «свобода печати, суд присяжных, Habeas corpus, даже Великая хартия вольностей», — конечно, важные символы или «паллады» свободы, но факторы «второстепенные <...> в сравнении с общим распределением собственности среди всех сословий. <...> Дайте народу собственность, и он получит власть. <...> Следовательно, свободы Америки и ее строй стоят на широчайшем фундаменте». Абстрактная добродетель — совершенно бескорыстная любовь к отечеству — невозможна и не имеет отношения к обсуждаемому вопросу⁵¹.

Однако не Вебстер, а пламенный федералист Джон Стивенс через месяц после выхода «Рассмотрения главнейших принципов...» яростнее всего доказывал неприменимость классического республиканского учения к Америке. Все его статьи под псевдонимом «Американец» в том или ином виде содержали критику Монтескье, но в статье V от 12 декабря 1787 года он прямо обратился к главным вопросам. С одной стороны, трактат «О духе законов» «очевидно ущербен» с точки зрения «философской точности». С другой стороны, целью его было смягчение монархического строя, и поэтому его выводы по большому счету неприменимы к Америке. Разработанное Монтескье различие трех видов государственного устройства — республиканского, монархического и деспотического — проведено непоследовательно, а его определение принципов «или пружин, приводящих в действие эти три типа правления», представляет собой «причудливый» и «хитроумный софизм». Под добродетелью, одушевляющей республики, Монтескье подразумевал аскетическое самоотречение и «фанатическую приверженность политическому укладу той страны, где мы живем». Однако достаточно взглянуть на плоды «добродетели» в Спарте, которую Монтескье любил приводить в пример, этом «политическом чудовище», чтобы увидеть, на какие «нелепости» способен человек. Если бы американцы стали подражать Спарте, «мы скоро обратились бы в рой шершней. <...> Долой пресловутую спартанскую добродетель и спартанскую похлебку; нам не нужно ни того, ни другого».

По мнению Стивенса, существуют всего две движущие силы, сохраняющиеся при любом правлении, хотя «сочетающиеся в разных пропорциях»: *страх* перед наказанием и *привязанность*, то есть

«обычаи, нравы, привычки, предрассудки». К тому же тезис Монтескье о губительности честолюбия в республиках совершенно неверен: более других политических систем республика требует от граждан «похвального желания отличиться в делах». Стивенс писал: «Монтескье называет добродетель движущей пружиной республиканского строя, но я боюсь, что она сама по себе не способна произвести нужные усилия без помощи честолюбия. <...> Честолюбие составляет самую жизнь и душу республики. Страх и привязанность обеспечивают покорность правительству, честолюбие приводит в движение его шестеренки»⁵².

4

Итак, федералисты поставили под сомнение авторитетный тезис о том, что добродетель лежит в основе республиканского строя. Большинство сходилось в том, что какая-то доля добродетели необходима для свободы и безопасности любого государства, каким бы ни было его политическое устройство, и что существующей добродетели достаточно для того, чтобы Конституция заработала. Другие шли дальше, размышляли о значении «добродетели» и состоятельности этого понятия, отказывались полагаться на аскетизм, самоотверженный патриотизм и бескорыстие и предлагали более реалистические принципы политической мотивации и обеспечения свобод.

Все это были следствия общего процесса переосмысления своего интеллектуального наследия. Федералисты считали нужным создать мощное центральное правительство, однако традиционные представления о хрупкости свободы предостерегали против этого шага. На конвенте в Филадельфии они разработали сложнейшую конституционную систему, полную тщательно продуманных нюансов. Конституция не только создавала власть, но и распределяла ее таким образом, чтобы ни один орган, ни одна ветвь правительства не смогла достичь господства над нацией⁵³.

Однако одного чертежа сбалансированной власти, который федералисты подробнейшим образом объясняли в ходе длительных споров о ратификации, было недостаточно. Следовало посмотреть в лицо давним традициям американской политической мысли, взятым на вооружение антифедералистами, и опровергнуть предубеждения, говорившие об опасности федералистской политики. Прошлое нужно было оставить в покое — не отказываться от него в пользу новых убеждений, но уточнить и обновить старые, окончательно отработать их.

Федералисты были уверены, что впервые в мировой истории создают могущественное централизованное государство, не угрожающее народной свободе⁵⁴; они, конечно же, опирались на идеологию революционного времени, при необходимости используя традиционные страхи и опасения для построения своей положительной программы. Отбрасывались устаревшие или неприменимые к Америке теоретические положения, от раздутых абстракций оставался только логический костяк, повсюду входили в свои права действительные жизненные обстоятельства. Совершались неизбежные перемены, равно знаменовавшие уход и возвращение — пересмотр и переосмысление, но не отвержение старинной традиции. Преодолевая общий страх перед «постоянными армиями», федералисты не обосновывали благотворность военного правления, но показывали неприложимость старого понятия к новой ситуации. Регулярная профессиональная армия необходима, утверждали они, но в Америке она всегда будет подотчетна гражданским властям; Тенч Кокс писал, что за армией следует постоянно «наблюдать с настороженностью, поскольку это ремесло подвержено опасным злоупотреблениям»⁵⁵. Федералисты упразднили солицизм *imperium in imperio*, однако, несмотря на все уверения Гамильтона и федералистское устройство Конституции, они допускали, что сосуществование властей может обернуться их несовместимостью, что при определенных условиях может возникнуть, говоря словами Мэдисона, «государство над государством, правительство над правительствами», и тогда «насилие [встанет] на место закона, разрушительное принуждение мечом на место милостивого и спасительного принуждения государственной властью». Мэдисон писал: «Если совершенное господство в чем бы то ни было не обязательно для каждого общества, необходима сдерживающая власть, защищающая полномочия национального правительства от посягновений низших органов и эти органы от поползновений друг друга». Верховная власть британского парламента не была обязательным условием «согласия в империи», но запретительная «или какая-либо подобная» власть короны требовалась для «единства системы». Федералисты не отбросили вопрос о двойном суверенитете, но рассмотрели его предпосылки и переформулировали его⁵⁶.

Федерализм предлагал вероятное, но не окончательное решение; он не обещал безусловной гармонии, но исходил из существования напряженных противоречий, которые была способна обуздать только государственная мудрость. Других решений федералисты не знали: как и их яростный противник «Брут», они не могли допустить правительства с беспредельными полномочиями. Они тоже могли с ужасом пред-

ставить себе картину центрального правительства, проникающего в каждый уголок страны, так что в конце концов оно

войдет вслед за дамами в их уборные, и не оставит их в домашних делах; оно будет сопровождать их на бал, в театр, на прием; вместе с ними оно будет отдавать визиты и сядет в их карету; оно последует за ними даже в церковь. Оно проникнет в дом каждого джентльмена, освидетельствует его погреб, проследит за его поваром на кухне, пройдет вместе со слугами в гостиную, сядет во главе стола и исчислит все напитки и яства. Оно проводит его в спальню, и будет наблюдать его сон.

Именно так федералисты, как и их оппоненты, представляли себе деспотизм⁵⁷.

Сходным образом федералисты проверили на прочность общеизвестную и почтенную истину, согласно которой «добродетель» составляет отличительное свойство и живительный принцип республиканского строя, и показали ненадежность этой схематичной теории. Однако они по-прежнему верили, что только осведомленный, бдительный, умный и честный народ способен сохранить республиканские свободы и что добродетели американцев хватит для этой задачи. Точно так же федералисты опровергли возражения против сильной исполнительной власти, доказав ее необходимость и благотворность для американского государства. Однако, как и радикалы 1776 года, они не сомневались, что власть развращает, и, говоря словами консерватора из Южной Каролины, «самое понятие власти подразумевает возможность причинять вред»⁵⁸; никто не оспаривал тот факт, что неограниченная исполнительная власть грозит катастрофой, а неуправляемое сотрудничество исполнительной власти с армией или «тайными службами» делает эту катастрофу неизбежной.

Итак, федералисты переделывали пещеру — увеличивали ее, меняли ее очертания и усовершенствовали. Теперь мы обитаем в новом, более просторном мире. Благодаря федералистам и их оппонентам, не дававшим забыть об истоках революционной идеологии, мы знаем, «препятствия какие обогнуть», и совершаем «во тьме воздушной безупречный путь». Продолжая их дело, и мы, прозревая, можем дальше переделывать свод этой пещеры.

Список сокращений

Adams
The Works of John Adams /
Ed. by Ch.F. Adams.
Boston, 1850–1856.
Vol. I–10.

Adams 1961
Diary and Autobiography
of John Adams / Ed. by
L.H. Butterfield et al.
Cambridge, 1961.
Vol. I–IV.

Bailyn 1965
Pamphlets of the
American Revolution /
Ed. by B. Bailyn.
Cambridge, 1965.

CC
Commentaries on the
Constitution // DH.
Vol. XIII–XVI.

DH
The Documentary History
of the Ratification of
the Constitution / Ed. by
M. Jensen, J. Kaminsky,
G. Saladino. Madison,
1976–[2008]. Vol. I–[XXII].

Elliot 1836
The Debates in the Several
State Conventions, on the
Adoption of the Federal
Constitution / Ed. by
J. Elliot, 2^d ed. Washin-
gton, D.C., 1836. Vol. I–IV.

Evans
American Bibliography:
A Chronological Dictio-
nary of All Books, Pam-
phlets and Periodical
Publications Printed in
the United States of
America [1639–1800].
Chicago; Worcester,
Mass., 1903–1959.
Vol. I–XIV.

Gipson
Gipson L.H. The British
Empires before the
American revolution.
Caldwell, Idaho; N.Y.,
1936–1970. Vol. I–XV.

JHL
The John Harvard Library.

MHS Colls.
Collections of the
Massachusetts Historical
Society.

MHS Procs.
Proceeding of the
Massachusetts Historical
Society.

PM
Pennsylvania Magazine
of History and Biography.

WMQ
William and Mary
Quarterly.

Примечания

Введение

1 Bailyn 1965. В тексте книги ссылки на вошедшие в этот сборник памфлеты будут сопровождаться сокращением «JHL Pamphlets» и соответствующим порядковым номером.

Глава I

1 См.: *Schlesinger A. Prelude to the Independence*. N.Y., 1958. P. 215–216; *Davidson P. Propaganda and the American Revolution*. Chapel Hill, 1941. P. 216–224.

2 Точное библиографическое определение памфлета таково: брошюра, состоящая из двух-пяти печатных листов, сложенных или сшитых вместе; в результате получается «самое большее двадцать страниц ин-фолио, сорок страниц ин-кварто и восемьдесят ин-октаво» (Evans. Vol. V. P. xv; см. также: *Condit L. A Pamphlet about Pamphlets*. Chicago, 1939. Гл. I).

3 *Orwell G. Introduction // British Pamphleteers*. London, 1948–1951. Vol. I. P. 15. Энергичное предисловие Оруэлла пронизано убеждением в том, что в XX веке печать больше не отражает всех бытующих в обществе точек зрения: «Всегда существует некоторое общепринятое мнение, молчаливый сговор, скрывающий важные и не-

удобные обстоятельства». Оруэлл с сожалением вспоминает об эпохе резких и непокорных памфлетистов и выражает надежду, что память «о достоинствах памфлетов, способных формировать общественное мнение и образующих особую литературную форму», еще вернется.

Это идеализированное представление о памфлете резко опровергается во вступительной статье Э.Дж.П. Тейлора ко второму тому того же издания.

4 *Davidson P. Op. cit.* P. 209–210; см. также: *Tyler M. The Literary History of the American Revolution, 1763–1783*. N.Y., 1897. Vol. I. P. 17 sqq.; *Calkin H. Pamphlets and Public Opinion during the American Revolution // PM*. 1940. Vol. 64. P. 22–42.

5 См.: *Evans*. Vol. III–V; *Adams T. American Independence, the Growth of an Idea: A Bibliographical Study of the American Political Pamphlets Published Between 1764 and 1776...* Providence, 1965. Проповеди, опубликованные в связи с отменой Закона о гербовом сборе, перечислены в изд.: *Love W. The Fast and Thanksgiving Days of New England*. Boston; N.Y., 1895. P. 541–542.

6 Исчисление такого рода полемик см.: *Adams T. Op. cit.* О спорах Артропа с Мейхью и Бленда с Каммом см. предисловия к памфлетам № 3, 4,

10, 11, 13 в изд.: Bailyn 1965. См. также наст. изд., с. 65–66, 161–165.

7 См.: *Love W.* Op. cit.; *Vail R.* A Check-List of New England Election Sermons // MHS Procs. (New Series). 1935. № 45. P. 233–266. В 1749 году в Бостоне действительно вышло «Письмо к свободным землевладельцам и уполномоченным избирателям о предбудущих выборах». Речи в память о Бостонской резне печатались ежегодно в 1771–1784 годах, потом их заменили речи в честь Четвертого июля. В 1785 году Питер Идес выпустил сборник речей в память о Резне (Orations delivered at the Request of Inhabitants... Boston, 1785). Сведения об ораторах и обстоятельствах их выступлений см.: *Loring J.* The Hundred Boston Orations Appointed by the Municipal Authorities... Boston, 1852. О празднованиях, связанных с историей Пилигримов, и вообще о предреволюционных памятных днях см.: *Craven F.* The Legend of the Founding Fathers. N.Y., 1956. Гл. II.

8 См.: *Eliot A.* A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard... Boston, 1765 [JHL Pamphlet 15]. P. 47–48; *Carmichael J.* A Self-Defensive War Lawful... Lancaster, Mass., 1775, в особенности с. 25; *Williams S.* A Discourse on the Love of Our Country... Salem, 1775 [JHL Pamphlet 55]; *Miller P.* From the Covenant to the Revival // Miller P. Nature's Nation. Cambridge, Mass., 1967.

9 Данные за более поздние годы см.: *Calkin L.* Op. cit. P. 23.

10 См.: *Granger B.* Political Satire in the American Revolution, 1763–1783. Ithaca, 1960. P. viii.

11 *Chaplin E.* The Civil State Compared to Rivers, All under God's Control and What People Have to Do When Administration is Grievous... Boston, 1773.

12 [*Livingston P.*] The Other Side of the Question... N.Y., 1774 [JHL Pamphlet 51]. На с. 11 читаем: «Извольте прочесть страницы восьмую и девятую —

— — — — — Прочли? — Теперь, ваша честь, я осмелюсь опровергнуть все, что там написано».

13 См.: A Ministerial Catechise, Suitable to be Learned by All Modern Provincial Governors, Pensioneers, Placemen, etc. Dedicated to T[homas] H[utchinson]. Boston, 1771 [JHL Pamphlet 57]; *Granger B.* Op. cit. P. 70. «Первая книга» пользовалась широкой популярностью. Она вышла шестью частями в Филадельфии, Бостоне, Нью-Берне (Северная Каролина) и Норвиче (Коннектикут). О сложной издательской истории этого памфлета (или серии памфлетов) см.: *Bowman J.* A Bibliography of the First Book... // American Literature. 1929–1930. Vol. 1. P. 69–74. В революционные и предреволюционные годы политические сатиры довольно часто писались в форме библейских пародий, см.: *Davidson P.* Op. cit. P. 212; *Granger B.* Op. cit. P. 34–35, 68–70, 236–237. Показательный пример — памфлет Стивена Хопкинса или его круга «The Fall of Samuel the Squomicutite, and the Overthrow of the Sons of Gideon», направленный против Сэмюэля Ворда и Гидеона Уонтона. См.: State of Rhode Island and Providence Plantations... Boston, 1902. Vol. I. P. 209–210.

14 См.: [*Hopkins S.*] A Letter to the Author of the Halifax Letter... [Newport], 1765; [*Bland R.*] The Colonel Dismounted: Or the Rector Vindicated... Williamsburg, 1764 [JHL Pamphlet 4]; [*Camm J.*] Critical Remarks on a Letter Ascribed to Common Sense... with a Dissertation on Drowsiness... Williamsburg, 1765. P. vi–ix; [*Seabury S.*] Free Thoughts on the Proceedings of the Continental Congress Held at Philadelphia September 5, 1774... [N.Y.], 1774; переиздание см.: Letters of a Westchester Farmer (1774–1775). White Plains, 1930 [Publications of the Westchester County Historical Society. Vol. VIII]. P. 43–68.

15 См.: [Chandler T.] The American Querist: or, Some Questions Proposed... [N.Y.], 1774 [JHL Pamphlet 47]; [Aplin J.] Verses on Doctor Mayhew's Book of Observations. Providence, 1763 [JHL Pamphlet 3]; Between the Ghost of General Montgomery, Just Arrived from the Elysian Fields, and An American Delegate. Philadelphia, 1776 (сведения об этой публикации см.: Gimbel R., Paine T. A Bibliographical Check List of Common Sense... New Haven, 1956. CS 9. P. 74); Between a Southern Delegate and His Spouse. [N.Y.], 1774. Републикацию обоих разговоров см.: Magazine of History. 1916. Vol. 13. Extra Number 51; 1920–1921. Vol. 18. Extra Number 72.

16 См.: Cooke S. A Sermon Preached at Cambridge in the Audience of His Honor Thomas Hutchinson Esq.... Boston, 1770. P. 11 sqq.

17 Livingston W. et al. The Independent Reflector... / Ed. by M.M. Klein. Cambridge, 1963.

18 О профессионализме английских политических писателей см.: Hanson L. Government and the Press, 1695–1763. Oxford, 1936 (о производительности Дефо см. с. 94); Laprade W. Public Opinion and Politics in Eighteenth Century England. N.Y., 1936; Rea R. The English Press in Politics, 1760–1774. Lincoln, Nebraska, 1963. «История Англии» Ральфа использовалась колонистами (см.: Letter to the People of Pennsylvania [JHL Pamphlet 2], примеч. 1). Его карьера мало чем напоминает судьбу других американских публицистов. См.: Kenny R. James Ralph... // РМ. 1940. Vol. 64. P. 218–242.

19 Granger B. Op. cit. P. 70.

20 О стиле Джефферсона писали довольно много. В первую очередь см.: Becker C. The Declaration of Independence. N.Y., 1922. Гл. V; см. также: Bailyn B. Boyd's Jefferson: Notes for a Sketch // New England Quarterly. 1960. Vol. 33. P. 392–393. О прозе Адамса см.: Bailyn B. Butterfield's Adams:

Notes for a Sketch // WMQ. 3^d ser. 1962. Vol. 19. P. 246–247. Речь идет о следующих сочинениях: Jefferson T. A Summary View of the Rights of British America... Williamsburg, [1774] [JHL Pamphlet 43]; Adams J. Thoughts on Government... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 65].

21 Leavis F. The Irony of Swift // Determinations: Critical Essays. London, 1934. P. 81.

22 См.: The Battle of Brooklyn, A Farce in Two Acts... N.Y., 1776 [JHL Pamphlet 72]. P. 11 (см.: French A. The First George Washington Scandal // MHS Procs. [1932–1936]. Vol. 65. P. 469 ff.); [Mein J.] Sagittarius's Letters and Political Speculations... Boston, 1775. P. 103–104; Bolton T. An Oration Delivered March Fifteenth, 1775... [Boston], 1775. P. 5; Some Fugitive Thoughts on a Letter Signed Freeman... [Charleston], 1774. P. 10; [Hopkins S.] Letter to the Author of the Halifax Letter... P. 7.

23 Об Отисе см. предисловия к памфлетам 7 и 11 в изд.: Bailyn 1965. Приведенные характеристики Пейна см.: Adams 1961. Vol. III. P. 330–335; Inglis C. The True Interest of America... Strictures on a Pamphlet Intituled Common Sense... Philadelphia, 1776. P. VI. Ниже Инглис пишет, что Пейн «нападает прежде всего на чувства читателей, на их жалость и возмущение <...> кажется, что он все время движим яростью — яростью, которая не знает пределов и уносит его, подобно бурному потоку <...> этот яростный пыл <...> говорит о том, что в сердечных глубинах таится мертвящее разочарование, или какой-то соблазн приковывает к себе надежды, или, вероятно, и то и другое» (с. 34). Аллен, издавший в 1773 году «Американский набат... в защиту народных прав и свобод» и исключительно популярную «Речь о прелестях свободы» (JHL Pamphlets 39, 38), в 1769 году покинул Лондон, где был баптистским пропо-

ведником, после череды неурядиц: в частности, он был судим за подделку и сидел в долговой тюрьме. До прибытия в колонию он опубликовал сочинение «Дух свободы, или Верноподданническая речь Юния» (1770). Странствия Аллена после его отъезда из Бостона в 1773 году плохо известны, но по всей видимости он продолжал выпускать книги на религиозные темы; возможно, ему принадлежит поэма «Христос, надежда христианина» (Christ the Christian's Hope... Exeter, N.H., 1789). Литературу о нем см.: Bailyn 1965. P. 17; *Bumsted J., Clark C.* New England's Tom Paine: John Allen and the Spirit of Liberty // *WMQ*. 3^d ser. 1964. Vol. 21. P. 561–570.

24 См.: *Bailyn B.* Political Experience and Enlightenment Ideas in Eighteenth-Century America // *American Historical Review*. 1961–1962. Vol. 67. P. 339–351.

25 *Adams J.* Op. cit. Vol. I. P. 282.

Глава II

1 См. в первую очередь: *Dickinson J.* Essay on the Constitutional Power of Great-Britain over the Colonies in America... [Philadelphia, 1774] // *Pennsylvania Archives*. 2^d ser. Vol. III. См. также: *Quincy J.* Observations on the... Boston Port-Bill: with Thoughts on... Standing Armies [Boston, 1744] // *Quincy J.* Memoir of the Life of Josiah Quincy Inn... Boston, 1825.

2 *Mullett Ch.* Classical Influences on the American Revolution // *Classical Journal*. 1939–1940. Vol. 35. P. 93–94. О бытовании классической учености в Америке колониальных и революционных времен см.: *Gummere R.* The American Colonial Mind and the Classical Tradition. Cambridge, 1963; о преподавании древности в школах см.: *Middlekauff R.* Ancients and Axioms. New Haven, 1963.

3 См.: *Mullett Ch.* Op. cit. P. 93, 99; *Gay P.* The Party of Humanity. N.Y.,

1963. P. 10; *The Adams-Jefferson Letters*. Chapel Hill, 1959. Vol. II. P. 433, 437; *Gummere R.* Op. cit. P. 178–179.

4 См.: *Mullett Ch.* Op. cit. P. 96 ff.; *Parker H.* The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago, 1937. P. 22, 23.

5 См.: *Adams* 1961. Vol. I. P. 63; *Mullett Ch.* Op. cit. P. 102; *Colbourn H.* A Pennsylvania Farmer at the Court of King George: John Dickinson's London Letters, 1754–1756 // *PM*. 1962. Vol. 86. P. 268; *Quincy J.* Memoir of the Life of Josiah Quincy Inn... P. 435. Представление колонистов об испорченности метрополии будет рассматриваться далее, см. с. 58–63, 86–92.

6 См.: *Otis J.* Rights of the British Colonies Asserted and Proved. Boston, 1764 [JHL Pamphlet 7]. P. 9, 15, 22–23, 25, 26, 27, 30, 37; [*Otis J.*] A Vindication of the British Colonies... Boston, 1765 [JHL Pamphlet 11]. P. 10–12; *Quincy J.* Memoir of the Life of Josiah Quincy Inn... P. 394, 402, 404, 406, 415, 452; [*Hamilton A.*] The Farmer Refuted... [N.Y., 1775] // *The Papers of Alexander Hamilton* / Ed. by H.C. Syrett et al. N.Y.; London, 1969. Vol. I. P. 86.

7 Так, Симеон Говард сопровождает свое описание природы примечанием: «Смотри Локка о правительстве» (*Howard S.* A Sermon Preached to the Ancient and Honorable Artillery-Company... Boston, 1773. P. 8).

8 Юма высоко ценили в Америке, но его часто упоминавшаяся «История Великобритании» считалась, как писал Дэниель Далани, «ученой похвалой Стюартам, особенно Карлу I» (Correspondence of “First Citizen” — Charles Carroll of Carrollton, and “Anti-Ion” — Daniel Dulany, Jr... Baltimore, 1902. P. 191; см. также примеч. 25). О Болингброке см. ниже и примеч. 22; о Бурламаки см.: *Harvey R.* Jean Jacques Burlamaqui: A Liberal Tradition in American Constitutionalism. Chapel Hill, 1936.

9 Роберт Сибторп и Роджер Мэйнуоринг (или Мэнуоринг) — второстепенные публицисты эпохи Карла I и защитники авторитаризма Стюартов, получившие некоторую известность благодаря инвективам Локка, Сидни и либертарианцев начала XVIII века. См. примеч. 39, а также: Bailyn 1965. P. 696; *Wormuth F. The Royal Prerogative, 1603–1649. Ithaca, 1939. P. 16, 43, 93–98.* По всей видимости, единственная в колониальной литературе попытка последовательной критики Локка и защиты Филмера была предпринята Джонатаном Баучером в его исключительно интересной проповеди 1775 года «О гражданской свободе, бездейственной покорности и непротивлении» (см.: *Boucher J. On Civil Liberty, Passive Obedience, and Non-resistance // Boucher J. View of the Causes and Consequences of the American Revolution... London, 1797*). См. о ней в наст. изд., гл. 4, раздел 4.

10 См.: [*Warren M. O.*]. *The Group: A Farce... [Boston, 1775] // Representative Plays by American Dramatists... 1765–1819. N.Y., 1918. P. 227; [Chalmers J.] Plain Truth... Containing Remarks on... Common Sense... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 64]. P. 1–3, 67, 72; Van Schaack H. *The Life of Peter Van Schaack. N.Y., 1842. P. 58, 72–73, 74, 122; [Galloway J.] A Candid Examination of the Mutual Claims of Great Britain and the Colonies... N.Y., 1775. P. 21–22* (см. также с. 4–5, 8, 15, 17–18); [*Inglis Ch.*] *The True Interest of America: Strictures on a Pamphlet Intituled Common Sense... Philadelphia, 1776. P. 22.* Особенно поразительна сочувственная ссылка на Локка в сочинении тори, доказывающего, что «в политическом сообществе все юрисдикции низшего порядка должны проистекать из единого высшего источника» (*Hunt I. The Political Family; or... the Reciprocal Advantages Which Flow from an Uninterrupted Union**

Between Great-Britain and Her American Colonies Philadelphia, 1775. P. 6, 7).

11 О Коуке см.: *Mullett C. Coke and the American Revolution // Economica. 1932. Vol. 12. P. 457–471.* Из других упомянутых судей (сведения о них см. по указателю в изд.: Bailyn 1965), наибольшей известностью пользовался Хейл. В 1764 году *Newport Mercury* даже напечатал его биографию (1764. January 23, 30).

12 См. вступительную статью к памфлету Отиса «Утверждение и обоснование прав британских колоний» в изд.: Bailyn 1965.

13 См.: *Pocock G. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1957. P. 31* (гл. VIII); *Douglas D. English Scholars, 1660–1730. London, 1951.*

Гл. VI, XI. О ссылках американских публицистов на законоведов XVII века см.: Bailyn 1965; *Moore M. The Justice and Policy of Taxing the American Colonies... Wilmington, N.C., 1765 [JHL Pamphlet 16]. P. 3; Bland R. An Inquiry into the Rights of the British Colonies Williamsburg, 1766 [JHL Pamphlet 17]. P. 7, 22; Correspondence of “First Citizen”... and “Antilon”. P. 84–85, 193, 231–232.*

14 См.: *Miller P. From the Covenant to the Revival // The Shaping of American Religion / Ed. by J.W. Smith, A.L. Jamison. Princeton, 1961 [Religion in American Life. Vol. I]. P. 322–334.*

15 См., например: *Trumbull B. A Discourse Delivered at... the Town of New Haven... New Haven, 1773. P. 7–8; Foster D. A Short Essay on Civil Government, the Substance of Six Sermons... Hartford, 1775. P. 23, 61; Miller P. Op. cit. P. 340.*

16 См.: *Sensabaugh G. Milton in Early America. Princeton, 1964. Гл. II, III; ссылки на Мильтона см., например: Howard S. Op. cit. P. 28; Quincy J. Memoir of the Life of Josiah Quincy Inn... P. 411; полемику Холлиса с Мейхью и Элиотом см.: MHS Procs.*

1956. Vol. 69. P. 116, 117, 125; MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 403, 412–413. О Херрингтоне см. в первую очередь: *Pocock J. Machiavelli, Harrington, and English Political Ideologies in the Eighteenth Century* // WMQ. 3^d ser. 1965. Vol. 22. P. 549–583; *Russell Smith H. Harrington and His Oceana... and Its Influence in America*. Cambridge, 1914. Гл. VII, VIII; см. также: *Otis J. Rights of the British Colonies...* P. 15 и примеч. 6; *Adams*. Vol. IV. P. 103–105. О Сидни см.: *Robbins C. Algernon Sidney's Discourses...* // WMQ. 3^d ser. 1947. Vol. 4. P. 267–296; [*Hopkins S.*] *The Rights of Colonies Examined*. Providence, 1765 [JHL Pamphlet 9]. P. 4; *Stearns W. A View of the Controversy...* Watertown, 1775. P. 18; *Adams*. Vol. IV. P. 80 ff.
- 17 См.: *Realey C. The London Journal and Its Authors, 1720–1723* // *Bulletin of the University of Kansas*. 1935. Vol. XXXVI. № 23. Dec. 1. P. 1–34; *Bullock J. Thomas Gordon, the "Independent Whig"*. Aberdeen, 1918; *Laprade W. Public Opinion and Politics in Eighteenth Century England*. N.Y., 1936. P. 237–269; *Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman*. Cambridge, 1959. P. 115–125, 392–393.
- 18 О влиятельной работе Тренчарда и Уолтера Мойла против постоянной армии (*Trenchard R., Moyle W. Argument, Shewing, that a Standing Army Is Inconsistent with a Free Government...* London, 1697) см.: *Schwoerer L. The Literature of the Standing Army Controversy, 1697–1699* // *Huntington Library Quarterly*. 1965. Vol. 28. P. 189 ff.; об идеологической мощи этой работы см.: *Pocock J. Op. cit.* P. 566; наст. изд., с. 47–48, 77.
- 19 См.: *Cook E. Literary Influences in Colonial Newspapers, 1704–1730*. N.Y., 1912. P. 81–83, 89, 125–126, 129, 137, 139, 159–257, 265. Об интересе купцов-квасеров к этим публицистам см.: *Tolles F. Meeting House and Counting House*. Chapel Hill, 1948. P. 178–179. Об их влиянии на Уильяма Ливингстона и других нью-йоркцев см.: *Livingston W. et al. The Independent Reflector...* Cambridge, 1963. P. 21–28, 365, 450–452. Примеры ссылок на «Письма Катона» в колониальных памфлетах приведены ниже, см. также: *Bailyn 1965*; [*Galloway J.*] *A True and Impartial State of the Province of Pennsylvania...* Philadelphia, 1759, титульный лист; *Colbourn H. The Historical Perspective of John Dickinson* // *Early Dickinsoniana: The Boyd Lee Spahr Lectures in Americana, Dickinson College, 1951–1961*. Carlisle (Pennsylvania), 1961. P. 13, 14, 18; письмо Джонатан Мейхью Томасу Холлису от 19 августа 1765 года (MHS Procs. 1956. Vol. 69. P. 176); [*Dickinson J.*] *Letters from a Farmer in Pennsylvania...* Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 23]. P. 28, примеч.; [*Chalmers J.*] *Plain Truth... Containing Remarks on... Common Sense...* P. 72. О значении «Писем Катона» для политических споров начала и середины XVIII века см.: *Bailyn B. The Origins of American Politics* // *Perspectives in American History*. 1967. Vol. I.
- 20 См.: *Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century*. London, 1876. Vol. II. P. 152. Исследователям еще только предстоит освободить исторический облик Ходли от пристрастных и оскорбительных суждений Стивена, но в известной мере его историческая роль прояснена Норманом Сайком в изд.: *Social and Political Ideas of Some English Thinkers... 1650–1750* / Ed. by F.J.C. Hearnshaw. London, 1928. Гл. VI. Двойственные отношения Ходли к правительству Георга II и его посредничество между правительством и диссентерами подробно описаны в мемуарах друга Ходли, лорда Джона Херви: *Some Materials Towards Memoirs of the Reign of King George II...* London, 1931. Vol. I. P. 123 ff., 190–192; Vol. II. P. 394–399,

498–500; Vol. III. P. 794–795. Примеры использования идей Ходли в колониальной публицистике см.: *Mayhew J. Discourse Concerning Unlimited Submission*. Boston, 1750 [JHL Pamphlet I]; Bailyn 1965 (вступ. статья и примеч. к № 11, 12); [*Livingston W.?*] *The Occasional Reverberator*. 1753. September 14; [*Allen J.*] *The American Alarm... for the Rights, and Liberties, of the People...* Boston, 1773 [JHL Pamphlet 39]. 4th sec. P. 10; *Hitchcock G. A Sermon Preached before... Gage...* Boston, 1774. P. 23, 27; *Howard S.* Op. cit. P. 23; [*Dickinson J.*] *Letters to the Inhabitants of the British Colonies // The Writings of John Dickinson*. Philadelphia, 1895 [Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania. Vol. XIV]. P. 494–496; а также ответ Р. Николаса «Ходлеянцу» в изд.: *Virginia Gazette (R)*. 1773. June 10. Лучшее свидетельство роли Ходли в формировании революционных настроений содержится в воспоминаниях убежденного тори Джонатана Баучера, который, услышав о проповеди против неограниченной монархии, заключил, что проповедник «нашел такую проповедь у Ходли, переписал ее и показал Комитету, который ее одобрил, как и все, как бы слабо и бессвязно оно ни было, что направлено против власти и за свободу» (*Reminiscences of an American Loyalist...* Boston; N.Y., 1925. P. 120). Другой английский публицист конца века объяснял происхождение Французской революции тем, что «все сословия французов <...> хорошо узнали Сидни, Локка и Ходли» (*An Historical View of the French Revolution...* Newcastle upon Tyne, 1796. P. 18; указанием на эту фразу я обязан г. Джону Дану). С начала столетия Ходли фигурировал на карикатурах как «воплощение духа распри, мятежа и языческого латитудинаризма»; см.: *George M. English Political Caricature to 1792*. Oxford, 1959. Vol. I. P. 68.

21 О Моулсворте см.: *Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman*. P. 393–394; *Realey C.* Op. cit. P. 4–5. См. также: *Newport Mercury*. 1764. July 30; *Dickinson J. A Speech Delivered in the House of Assembly...* 1764 // *The Writings of John Dickinson*. P. 24; *The Commonplace Book of Thomas Jefferson*. Baltimore, 1926. P. 212–213, 225–226; *Lee A. An Appeal to the Justice and Interests of the People of Great Britain...* N.Y., 1775. P. 32.

22 Составленный Болингброком «Политический катехизис вольного землевладельца» (1733), впервые опубликованный в *Craftsman*, был перепечатан в Бостоне в 1757 году и в Нью-Лондоне в 1769-м. Джон Адамс уверял, что пять раз полностью прочел сочинения Болингброка. См.: *Colbourn H. The Historical Perspective of John Dickinson*. P. 11; *Idem. A Pennsylvania Farmer at the Court of King George*. P. 246–247; *Idem. The Lamp of Experience*. Chapel Hill, 1965. P. 84, 85, 87, 90, 123, 124, 128, 159; *Newport Mercury*. 1764. July 30; *Quincy J.* Op. cit. P. 386. Об особенно ярком случае прямого использования *Craftsman* в колониальных публицистических дебатах середины века см.: *Boyer P. Borrowed Rhetoric: The Massachusetts Excise Controversy of 1754 // WMQ*. 3^d ser. 1964. Vol. 21. P. 328–351. Значение Болингброка для оппозиционной идеологии XVIII века стало выясняться только недавно, в первую очередь в следующих работах: *Pocock J. Machiavelli, Harrington, and English Political Ideologies in the Eighteenth Century...* P. 552, 572, 578; *Kramnick I. Lord Bolingbroke: Political Thought and the Augustan Age*. Harvard, 1965 (диссертация). Совпадения между позициями Болингброка и крайних либертарианцев умножались с течением века: Болингброк ссылаясь на Тречарда, требуя независимости для палаты общин, а на «бессмертные письма Като-

на» — по многим иным поводам (Craftsman. № 179, 198, 268, 269, 271, 272, 275 [“Cato’s Letters and the Writings of the Craftsman Compared”], 278, 288, 292, 303, 356, 372, 403, 407), Джеймс Бург ссылался на Болингброка в «Политических изысканиях» (Political Disquisitions, 1774; перепечатано: Philadelphia, 1775) и в «Британском хроникере» (Britain’s Remembrancer: or, The Danger Not Over, 1746; перепечатано: Philadelphia, 1747, 1748; Boston, 1759), тем самым транслируя его идеи пытливой колониальной публике в радикальной огласовке. Американцы были приучены рассматривать Болингброка в ряду либертарианцев. Отрывки из его «Трактата о партиях» («совершеннейшее сочинение, написанное когда-либо о британской конституции») в 1748 году использовались в Мериленде для комментария к теории Локка о договорной природе правительства: The Maryland Gazette Extraordinary. 1748. № 162. June 4. Appendix. P. 3; см.: Colbourn H. The Lamp of Experience. P. 23, 50; Bailyn B. Origins of American Politics. P. 140–141.

23 См. об этих фигурах: Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman; об их связях с Америкой см. в первую очередь статью того же автора о Хатчинсоне в изд.: WMQ. 3^d ser. 1954. Vol. II. P. 214–251.

24 О Бароне и Холлисе см.: Mayhew J. Discourse Concerning Unlimited Submission // Bailyn 1965 (Введение, примеч. 16, 17). Переписку Мейхью и Холлиса см.: MHS Procs. 1956. Vol. 69. P. 102–193; переписку Элиота с Холлисом в изд.: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 399–461. О радикалах следующего поколения см.: Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman; Handlin O., Handlin M. James Burgh and American Revolutionary Theory // MHS Procs. 1961. Vol. 73. P. 38–57; Hans N. Franklin, Jefferson, and the English Radicals at the

End of the Eighteenth Century // Proceedings of the American Philosophical Society. 1954. Vol. 98. P. 406–426; Christie I. Wilkes, Wyvill and Reform. London, 1962. Гл. I–III.

25 «Рапелу <...> по моему мнению <...> принадлежит пальма первенства среди наших историков, требуется только сократить его неимоверный объем примерно вдвое и немного оживить язык <...> чтобы преобразить его в неоченимую сокровищницу сведений» (письмо Уильяма Ливингстона Ною Уэллесу от 18 августа 1759 года; цит. по: Livingston W. et al. The Independent Reflector... P. 28. Свидетельства популярности Рапелы в колониях см.: Colbourn H. Lamp of Experience; Colbourn H. John Dickinson, Historical Revolutionary // PM. 1959. Vol. 83. P. 277, 281, 282, 289; Dickinson’s London Letters. P. 448–449; Dickinson J. Farmer’s Letters. P. 60, 62; [Wilson J.] Considerations of the... Authority of the British Parliament. Philadelphia, 1774 [JHL Pamphlet 44]. P. 5; Lathrop J. A Sermon Preached to the Ancient and Honorable Artillery-Company... Boston, 1774. P. 20; [Zubly J.] Calm and Respectful Thoughts on the Negative of the Crown... Savannah, 1772. P. 14. Джефферсон почитал Рапелу, которого современник назвал «собственным политическим апостолом Craftsman» (Hervey J., lord. Ancient and Modern Liberty... London, 1734. P. 51), и, как и многие его единомышленники, невысоко ценил «Историю» Юма. См.: Catalogue of the Library of Thomas Jefferson / Ed. by E.M. Sowerby. Washington, D.C., 1952–1959. Vol. I. P. 156–157; Colbourn H. Lamp of Experience. P. 86, 104, 177, 179, 181; а также отзыв Далани о Юме в примеч. 8. Показательна ссылка на Рапелу у Джона Адамса: Adams. Vol. III. P. 543. В «Рассуждении... о виггах и тори» Рапелу описывает устройство партий эпохи Георга I как закономерный итог всей

идеологической и конституционной истории Англии. Его идея о «готовом плане» тори восстановить деспотию Стюартов, как будет показано в главе 4, пришлась ко двору в Америке революционной эпохи. Характеристика «Истории» Маколей цит. по.: *Christie I. Op. cit.* P. 17; восторженные отзывы колониистов: Мейхью в письме Холлису от 8 августа 1765 года и Вашингтона в письме Маколей, см.: *MHS Procs.* 1956. Vol. 69. P. 173; *Colbourn H. Lamp of Experience.* P. 153–154.

26 См.: *Tolles F. Op. cit.* P. 189. Стивен Хопкинс хвалил «изящный язык» гордоновского Тацита в письме к Годдарду: *Providence Gazette.* 1765. April 8. Другие отзывы см.: *Correspondence of “First Citizen”... and “Antilon”.* P. 48; *Colbourn H. Dickinson, Historical Revolutionary.* P. 280; *Idem. Thomas Jefferson’s Use of the Past // WMQ.* 1958. 3^d ser. Vol. 15. P. 61–62; *Quincy J. Op. cit.* P. 443, 444. См. также: *Jacobson D. Thomas Gordon’s Works of Tacitus in Pre-Revolutionary America // Bulletin of the New York Public Library.* 1965. № 69. P. 58–64.

27 См.: *New England Courant.* 1721. October 2–9, 9–16, 16–23, 23–30. Двенадцать отрывков, процитированных Бенджамином Франклином в № 8 (9 июля 1722 года) и № 9 (23 июля), заимствованы из «Писем Катона» № 15 и 31 (этими сведениями я обязан Максу Холлу). См.: *The Papers of Benjamin Franklin / Ed. by L.W. Labaree et al. Vol. I. New Haven, 1959.* P. 27–32.

28 См.: *Tolles F. Meeting House and Counting House. New York, 1963.* P. 179. Цитаты из Тренчарда и Гордона см.: *New York Weekly Journal.* 1733. February 4; December 10.

29 См.: [*Dulany D.*] *The Right of the Inhabitants of Maryland to the Benefit of the English Laws [Annapolis, 1728] // The English Statutes in Maryland / Ed. by S.G.L. Sioussat. Baltimore, 1903.*

P. [i], 7, 10, 19. О других источниках Далани см.: *Bailyn 1965.* P. 742–743. В их числе была неизменно популярная книга Генри Кера, нечто среднее между сборником прецедентов, юридическим руководством и англофильской апологетикой: *Care H. English Liberties... London, [1680?].* Ее 5-е издание вышло в Бостоне у Джеймса Франклина, а 6-е — в Провиденсе в 1774 году.

30 О сложной политической истории этой пьесы в Англии см.: *Loftis J. The Politics of Drama in Augustan England. Oxford, 1963.* P. 57–62. Колониальная публика принимала пьесу Аддисона с восторгом, усматривая в ней либертарианскую декларацию. «Катон» перепечатывался в колониях четыре раза. См.: *Colbourn H. Lamp of Experience.* P. 24, 153. Ссылки на пьесу встречаются в политической полемике этого времени, см.: *New York Weekly Journal.* 1733. January 28; а также трехстраничный памфлет без названия, начинающийся и заканчивающийся цитатами из трагедии Аддисона и посвященный опасностям, которыми угрожает законодательному собранию штата Нью-Йорк «расчетливое пожалование должностей и пенсий» со стороны губернатора (*Evans 3595 [N.Y., 1732]*).

31 Исследователь пишет: «Как можно думать, великие произведения каждого века не могут быть полноценно истолкованы, если не иметь в виду их мыслительного фона, <...> произрастившей их почвы верований и убеждений. Понять эти убеждения, редко проговаривавшиеся в силу их очевидности для людей той эпохи, значит узнать расхожие мнения, безотносительно того, как мы оцениваем их сейчас» (*Greenleaf W.H. Order, Empiricism and Politics... 1500–1700. London, 1964.* P. 12).

32 *Mayhew J. The Snare Broken... Boston, 1766 [JHL Pamphlet 20].* P. 35;

Adams J. Thoughts on Government... Philadelphia, 1776: [JHL Pamphlet 65]. P. 7; *Adams*. Vol. VI. P. 41; *Quincy J.* Op. cit. P. 350.

33 Так, нью-йоркский тори Уильям Смит писал: «Я виг старой чеканки, не круглоголовый виг короля Вильгельма, за свободу и конституцию» (*Smith W. Historical Memoirs... 1776 to... 1778...* N.Y., 1958. P. 278). Выше цитируется важная работа: *McKillop A.D. The Background of Thomson's Liberty // The Rice Institute Pamphlet*. 1951. Vol. XXXVIII. № 2 (July). P. 87, 92. Исследователь пишет: «Нельзя сказать, что одна партия в эту эпоху выступала за готическую свободу, а другая против, что одна группа защищала роскошь, а другая боролась с ней. Тем не менее именно оппозиция, неустойчивая коалиция тори с недовольными вигами, постоянно говорила об угрозе древним английским установлениям и утрате исконной добродетели; и именно сторонники Уолпола склонны были в этот момент преуменьшать первоначальные свободы в сравнении с завоеваниями Славной революции». Об этой работе — до сих пор, по нашим сведениям, единственной, где оппозиционная мысль обособляется от главенствующей в XVIII веке публицистической традиции, — см. ниже, примеч. 37.

34 См. ниже, с. 181–182.

35 См.: *Роскоп J. Machiavelli, Harrington, and English Political Ideologies in the Eighteenth Century*. P. 565.

36 *Cato's Letters*. 1720. № 20. March 11 (цит. по изд.: London, 1748. Vol. I. P. 140). См. также: 1720. № 17. February 18 (“What Measures Are Actually Taken by Wicked and Desperate Ministers to Ruin and Enslave Their Country”); 1722. № 98. October 13.

37 О литературных контекстах политического пессимизма Болингброка см. в первую очередь: *Bredvold L. The Gloom of the Tory Satirists // Pope*

and His Contemporaries. Oxford, 1949; а также: *Dobree B. The Theme of Patriotism in the Poetry of the Early Eighteenth Century*. London, 1949. Поэма Томсона «Свобода» (1735–1736) представляет собой исключительно пространную автобиографию одноименной богини, повествующую о ее древнем величии, падении в «готическую тьму» и о возрождении в Англии при королях ганноверской династии. В превосходной работе Алана Мак-Киллопа (см. примеч. 33) показано важнейшее значение этой поэмы для идеологической истории XVIII века. С одной стороны, поэма Томсона, «образец изоцистического синкретизма», позволяет выявить широкий спектр источников, лежавших в XVIII веке в основе идеологии свободы. С другой стороны, отразившийся в поэме сдвиг политических воззрений автора, за время работы над ней сменившего оптимистическое доверие английской политике на оппозиционный скепсис, наглядно демонстрируют дистанцию между общепринятыми взглядами и точкой зрения оппозиции. Поэму «Британия» (1729), в которой также сказался переход Томсона от «гордого любования к опасливой тревоге», см.: *Thomson J. Castle of Indolence and Other Poems*. Lawrence (Kansas), 1961; см. также: *Wells J. Thomson's Britannia... // Modern Philology*. 1942–1943. Vol. 40. P. 43–56. О ссылках на «Свободу» в американских революционных памфлетах см. по указателю в изд.: *Bailyn* 1965.

38 *The Craftsman*. 1729. № 172. October 18; 1730. № 198, April 18 (цит. по изд.: London, 1731. Vol. V. P. 152–153, 155, 156; Vol. VI. P. 138 ff.).

39 В другом месте мы уже говорили о том, что особая привлекательность и уместность английской оппозиционной мысли в Америке начала и середины XVIII века была обусловлена архаичным преобладанием

исполнительной власти, лишенной, однако же, политического влияния на оппозицию, которым пользовался в Англии Уолпол. См.: *Bailyn B. The Origins of American Politics // Perspectives in American History*. 1967. Vol. I.

40 Сочинения Тренчарда и Гордона также способствовали тому, что американские революционеры знали имена самых известных сторонников абсолютизма из числа духовенства и разделяли убеждение в том, что «священство и тирания неразделимы и идут рука об руку». Выпады против Лесли, а также Роберта Сибторпа и Роджера Мэйнуоринга — духовников Карла I, предписывавших безусловную покорность королевской власти и угрожавших вечными муками противникам коронных налогов, — см.: *Cato's Letters*. 1723. № 128. May 11; 1723. № 130. May 25 (см. изд.: London, 1775. Vol. IV. P. 192, 213).

41 См.: *Levy L. Legacy of Suppression*. Cambridge, 1960. P. 115–121, 129–137; *A Brief Narrative of the Case and Trial of John Peter Zenger* / Ed. by S.N. Katz. Cambridge, 1963. P. 9, 10, 15; [*Americanus*]. *A Letter to the Freeholders and Other Inhabitants of the Massachusetts-Bay...* [Newport], 1739. P. 1. Заимствования Мейхью из проповеди Ходли «Рассуждение о мерах покорности светским властям» выявлены во вступительной статье к «Рассуждению о безграничном подчинении» [*«Discourse Concerning Unlimited Submission»*, JHL 1] в изд.: *Bailyn 1965*. О переключках публицистики Ливингстона с сочинениями Тренчарда-Гордона см. комментарии Кляйна в изд.: *Livingston W. et al. The Independent Reflector...* P. 21–28, 450–452; и авторскую ссылку: *Ibid.* P. 365. Об отзвуках материалов *Craftsman* в полемике о массачусетском акцизе см.: *Boyer P. Op. cit.*

Глава III

1 [Otis J.] *Brief Remarks on the Defence of the Halifax Libel...* Boston, 1765. P. 24; Adams 1961. Vol. I. P. 255. Еще Чарльз Кэррол писал, что колонисты отождествляли власть с силой (см.: *Maryland Historical Magazine*. 1917. Vol. 12. P. 187).

2 *Minogue K.R. Power in Politics // Political Studies*. 1959. № 7. P. 271.

3 Цитаты, репрезентирующие бесчисленные рассуждения о власти в публицистике до 1776 года, заимствованы из следующих изданий: *Martin A. America, A Poem... to Which Is Added, Liberty, A Poem. By Rusticus...* [Philadelphia, 1769?; JHL Pamphlet 31]. P. 17 без пар.; [*Hicks W.*] *Considerations upon the Rights of the Colonists to the Privilege of British Subjects...* N.Y., 1766 [JHL Pamphlet 18]. P. 15; *Hooker R. John Dickinson on Church and State // American Literature*. 1944–1945. Vol. 16. P. 90; *Adams J. Dissertation on the Canon and Feudal Law // Adams*. Vol. III. P. 457; [*Mather M.*] *America's Appeal to the Impartial World...* Hartford, 1775 [JHL Pamphlet 59]. P. 22; Adams. Vol. IV. P. 43. Дж. Мейхью писал: «Власть от природы жадна и склонна к захватам, <...> [она] стремится распространиться и действовать по своему произволу, если не встречает противовесов, надзора, ограничений или противодействия любого рода» (*Mayhew J. The Snare Broken...* Boston, 1766 [JHL Pamphlet 20]. P. 34); «Власть подобна алчности, ее потребности растут вместе с приобретениями» (*Newport Mercury*. 1764. July 30). Такое представление о власти, бытовавшее уже в колониальной публицистике середины XVIII века, восходит к источникам XVII — начала XVIII века. Приведем несколько примеров. В бостонском издании 1756 года увидело свет рассуждение о власти и свободе (*Boston Gazette and Country Journal*. 1756.

May 10). В нью-йоркской газете вышла статья о взаимной уравновешенности властей, «надежнейшей преграде безграничной власти»; в частности, там превозносилась «наша конституция, столь точно расположенная между избытком власти и избытком свободы» (New York Mercury. 1753. October 15). Эта статья наполнена выдержками из публицистического сочинения начала XVIII века (*Oldisworth W. A Dialogue Between Timothy and Philatheus...* London, 1709), в свою очередь служившего ответом на запрещенную книгу Мэтью Тиндала о правах церкви (*Tindall M. Rights of the Christian Church Asserted*, 1706). В другом нью-йоркском издании речь шла опять же о противостоянии свободы и власти (New York Evening Post. 1747. Dec. 7). Джон Райт в 1741 году ссылаясь на «прославленного профессора права», утверждавшего, что власть «может по справедливости уподобляться великой реке, которая, оставаясь в своих пределах, равно прекрасна и полезна, но, когда затопляет берега, <...> приносит уничтожение и разорение» (цит. по: *Proud R. History of Pennsylvania...* [Philadelphia, 1798]. Vol. II. P. 224, примеч.). Сходные утверждения обнаруживаются и в «Письмах Катона» (№ 25, 33, 73, 115): «Безграничная власть столь необузданна и чудовищна, что, как бы ни было естественно ее желать, столь же естественно противостоять ей; не следует вручать ее смертному, сколь честны ни были бы его намерения, <...> власть от природы склонна к вторжению. <...> Господство и власть — вот чего добиваются [священники-якобиты]» (*Cato's Letters / 6th ed. London, 1755. Vol. IV. P. 81–82, 214; The Craftsman. № 180. P. 213; Hoaddy B. Works. London, 1773. Vol. II. P. 25; Локк Дж. Второй трактат о правлении. Гл. 1. § 3; гл. 3. § 17*).

4 [Bland R.] An Inquiry into the Rights of the British Colonies... Wil-

liamsburg, 1766 [JHL Pamphlet 17]. P. 5, 25; [Zubly J.] An Humble Enquiry... [Charleston], 1769 [JHL Pamphlet 28]. P. 26; [Dickinson J.] An Essay on the Constitutional Power of Great-Britain over the Colonies in America... Philadelphia, 1774. P. 108 (переизд.: Pennsylvania Archives. 2^d ser. Vol. III. P. 610). См. также: [Hicks W.] The Nature and Extent of Parliamentary Power Considered... Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 24]. P. 21, 27. См. в «Письмах Катона», № 33: «Поскольку свобода способна карать и окорачивать власть, власть хочет уничтожить свободу; и поэтому свобода с полным основанием должна быть настороже и всегда готова к защите. У власти слишком много преимуществ перед ней, <...> и поскольку власть без труда сохраняется без свободы, как показывает множество примеров, свобода не может сохраняться в отсутствие власти, так что враг как будто всегда у ее ворот»; ср. № 73: «Увы! Власть ежедневно покушается на свободу, и успех ее слишком очевиден, так что равновесие между ними почти утеряно». Сексуальный подтекст этой метафоры иногда выходит на поверхность в либертарианской публицистике, например, в сочинении Марчамонта Недема 1656 года: «Дело свободы — это девственница, которую каждый стремится обесчестить»; если ее должным образом не оборонять, то, «настолько сильно вожделеет человек господства», что «при первой же возможности осуществляется насилие» (*Nedham M. Excellencie of a Free State / Ed. by R. Baron. London, 1767. P. 18–19*).

5 См.: *Eliot A. A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard...* Boston, 1765 [JHL Pamphlet 15]. P. 17; Adams 1961. Vol. I. P. 282; Vol. II. P. 58; *Whitney P. The Transgressions of a Land...* Boston, 1774. P. 21–22. Соображения Уитни, как и его фразеология,

многократно отзываются в английской оппозиционной публицистике начала XVIII века и в многочисленных колониальных сочинениях о соотношении власти и свободы. Так, в одном из «Писем Катона» (№ 31 от 27 мая 1721 года) цитировался риторический вопрос Придо: «Способны ли выгоды, которые доставляет миру правительство, возместить те бедствия, которые он претерпевает от глупости, ошибок и несостоятельности правителей?» (*Considerations on the Weakness and Inconsistencies of Human Nature // Cato's Letters. London, 1758. Vol. I. P. 241*); эта же цитата, в точно таком же виде и с именем автора, предшествует статье о «расположении власть придержащих подавлять народ», перепечатанной из неназванной «северной газеты» в изд.: *South Carolina Gazette. 1748. July 29 — August 1*. Эта перепечатка — показательный пример применения публицистического языка английской оппозиции к колониальным делам обрамлена двумя выпусками южнокаролинской газеты, почти полностью смонтированными из отрывков «Писем Катона»: в номере от 25–29 июля полностью перепечатано письмо № 37 («Свойства праведного и порочного должностного лица, из Алджернона Сидни»), в номере от 1–8 августа — № 38 («Права и возможности народа судить правительство»). Под «северной газетой» подразумевался, видимо, бостонский *The Independent Advertiser*, в котором соответствующие фрагменты «Писем Катона» печатались без указания источника 16 мая и 29 февраля того же года.

6 См.: *Eliot A. Op. cit. P. 10–11; [Dulany D.] Considerations on the Propriety of Imposing Taxes. Annapolis, 1765 [JHL Pamphlet 13]. P. 41* («Люди вообще столь привязаны к власти, что намного чаще сталкиваются с соблазном распространить ее за пределы справедливости, чем решают ограни-

чить ее, руководствуясь соображениями о добродетельном воздержании»); *The Votes and Proceedings of the Freeholders... of... Boston... Boston, [1772; JHL Pamphlet 36]. P. 20; [Boucher J.] A Letter from a Virginian... [N.Y., 1774; JHL Pamphlet 46]. P. 7; Noble O. Some Strictures upon the... Book of Esther... Newburyport, 1775 [JHL Pamphlet 58]. P. 5; The Genuine Principles of the Ancient Saxon, or English Constitution... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 70]. P. 5 (со ссылкой на кн.: [Hulme O.] *An Historical Essay on the English Constitution, 1771*); *Quincy J. Observations on the... Boston Port-Bill; with Thoughts on... Standing Armies // Quincy J. Memoir of the Life of Josiah Quincy Jun... Boston, 1825. P. 372–373; Whitney P. The Transgressions of a Land... P. 21–22; Adams Z. The Grounds of Confidence and Success in War... Boston, 1775. P. 5; Adams 1961. Vol. II. P. 59.**

Очерченное нами представление о человеческой природе, позднее усвоенное прославленным «Федералистом», сложилось в колониях задолго до революции и тоже восходило к английской оппозиционной публицистике начала XVIII века. Так, в 1755 году нью-йоркский журналист варьировал рассуждение, повсеместно распространенное в общественной печати середины века: «Жажда господства более или менее естественна для всех; и поэтому глупо вручать какой бы то ни было группе людей больше власти, чем необходимо. Честолюбие и желание править столь глубоко укоренены в человеческом уме, что каждая ступень восхождения ведет к следующей, и сколько не карабкайся по этой лестнице, верхний край всегда будет для них далеко» (*New York Mercury. 1755. March 24*). Точно в таких же выражениях этот вопрос обсуждается в «Письмах Катона» (см., например, № 31, 39, 40, 43, 44, 134) и в позднейших сочинениях англий-

ских радикалов (ср.: «Все сторонники свободы, систематически рассматривающие предмет, справедливо основывают уставы правления на известной развращенности и порочности человеческой природы» [*Macaulay C. Observations on a Pamphlet, Entitled, Thoughts on the Cause of the Present Discontents. L., 1770. P. 9*]).

7 См.: *Quincy J. Observations on the... Boston Port-Bill; with Thoughts on... Standing Armies* // *Quincy J. Memoir of the Life of Josiah Quincy Jun...* P. 373, 428; [*Jefferson Th.*] *A Summary View of the Rights of British America...* Williamsburg, [1774; JHL Pamphlet 43]. P. 22; [*Trenchard J., Moyle W.*] *An Argument, Shewing, that a Standing Army Is Inconsistent with a Free Government...* // *The Pamphleteer...* London, 1817. Vol. X. P. 114; [*Seabury S.*] *An Alarm to the Legislature of the Province of New-York...* [1775] // *Letters of a Westchester Farmer. White Plains, 1930* [Publications of the Westchester County Historical Society. Vol. VIII]. P. 159. См. и другие примеры всеобщего страха колонистов перед постоянными армиями: *No Standing Army in the British Colonies...* N.Y., 1775; Noble O. *Some Strictures upon the... Book of Esther...* P. 28–29; *Genuine Principles of the Ancient Saxon, or English Constitution...* P. 23; *Howard S. A Sermon Preached to the Ancient and Honorable Artillery-Company...* Boston, 1773. P. 26–28 (со ссылкой на Тренчарда); *Lovell J. An Oration...* Boston, 1771. P. 8–9 (также со ссылкой на Тренчарда); и, в первую очередь: *Quincy J. Observations on the... Boston Port-Bill...* P. 400–445. Об обстоятельствах и контекстах исходной дискуссии о постоянных армиях в Англии см.: *Schwoe-rer L. The Literature of the Standing Army Controversy, 1697–1699* // *Huntington Library Quarterly.* 1965. Vol. 28; о позднейших английских контекстах этого спора см.: *Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealth-*

man. Cambridge, 1959 (см. по указателю на «militia»). Наиболее полный анализ идеологического значения постоянных армий см.: *Pocock J. Machiavelli, Harrington, and English Political Ideologies in the Eighteenth Century* // *WMQ.* 3^d ser. 1965. Vol. 22. P. 560 ff. Покок датирует возникновение этой «идеи, или жупела» 1675 годом и показывает, что к концу XVII века под постоянными армиями понимали не янычар или преторианцев, но «постоянную наемную силу, существующую по воле правительства и за счет общественных средств». В этом качестве постоянные армии могли способствовать развращению парламента со стороны правительства и угрожали общественному строю. Колонисты рассуждали сходным образом; так, Джон Дикинсон увязывает постоянную армию с акцизными сборами (см.: *Dickinson J. Letters from a Farmer in Pennsylvania...* Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 23]. P. 60–61). Симеон Говард описывает ее как «определенное число людей, полностью посвятивших себя военному ремеслу и получающих за это плату из общественных средств»; будучи «на самом деле слугами народа», они считают себя слугами одного короля и поэтому оказываются «в руках коронованного деспота и злодея средством к ниспровержению общественного строя и установлению самой нестерпимой тирании» (*Howard S. Op. cit.* P. 26–27). Кроме того, «постоянной армией» могло именоваться королевское войско в государствах, уже утративших равновесие властей (см., например: *Hancock J. An Oration...* Boston, 1774 [JHL Pamphlet 41]. P. 13–14).

8 Турция, казавшаяся чистейшим примером беспримесного деспотизма, завораживала англичан и колонистов, не в последнюю очередь благодаря пряным подробностям, сообщавшимся в популярнейших

изданиях вроде «Истории нынешнего положения Оттоманской империи» Рико, где под общим заглавием «Основания турецкого уклада» сводились главы о неограниченном правлении, дружбе пажей в серале и устройстве женских покоев. Труд Рико, впервые вышедший в 1668 году, многократно переиздавался (в 1686 году вышло 6-е издание) и обильно цитировался в обзорных трудах; см., например: *A Complete History of the Turks*. London, 1719. Vol. 1–4.

По крайней мере с конца XVII века английские описания турецкого деспотизма служили для завуалированной критики британской политической действительности, давали возможность судить «об английском строе с безопасной точки» (*Raab F. The English Face of Machiavelli*. London, 1964. P. 164). В публицистике начала XVIII века общество и правительство Турции оставались пробным камнем при рассуждениях о природе абсолютной власти и — от противного — свободы. В «Письмах Катона» постоянно упоминается турецкий деспотизм; так, в письме № 50, где речь идет о Турции, о ее «ужасающем и разрушительном правлении, правлении жестоком и бесчеловечном, основанном на крови и удерживающемся благодаря варварству», восемь страниц заняты выписками из Рико. Благодаря всему этому колонисты уже задолго до революции приучились отдавать себе отчет о «различии между свободными и порабощенными государствами», о «различии между Англией и Турцией» (*Boston Gazette or Country Journal*. 1755. May 19), сопоставлять притеснения властей с «турецкими зверствами» (*The Glorious Revolution in America* / Ed. by M.G. Hall et al. Chapel Hill, 1964. P. 45) и представлять себе неограниченную власть «столь же неограниченной, как власть султана» (*Boston Evening Post*. 1737. July 4). Эти анало-

гии и стоящая за ними система политических представлений прижились и в революционной публицистике; см., например: [*Drayton W.*] *A Letter from Freeman of South-Carolina...* Charleston, 1774 [JHL Pamphlet 45]. P. 8; [*Bland R.*] *The Colonel Dismounted: Or the Rector Vindicated...* Williamsburg, 1764 [JHL Pamphlet 4]. P. 26.

«Ужасный урок» Польши рассматривается вполне в духе революционной публицистики в кн.: *Otis Warren M. History of the... American Revolution...* Boston, 1805. Vol. II. P. 182–184. О Франции и других известных примерах деспотического правления см.: *New York Evening Post*. 1747. December 7; *Quincy J.* Op. cit. P. 443, 450–451; *Dickinson J.* *Letters from a Farmer in Pennsylvania...* P. 12, 46; [*Johnson S.*] *Some Important Observations...* Newport, 1766 [JHL Pamphlet 19]. P. 11; [*Hamilton A.*] *The Farmer Refuted...* [1775] // *The Papers of Alexander Hamilton*. N.Y.; London, 1961. Vol. I. P. 122.

9 О недавно установившихся деспотических режимах, в первую очередь датском и шведском, см.: *Votes and Proceedings of Boston*. P. 35; [*Dulany D.*] *Considerations on the Propriety of Imposing Taxes*. P. 46, примеч.; *Williams S.* *A Discourse on the Love of Our Country...* Salem, 1775 [JHL Pamphlet 55]. P. 21; *Colbourn H.* *The Lamp of Experience*. Chapel Hill, 1965. P. 74, 137. О сохранившихся свободных государствах см., например: *Zubly J.* *The Law of Liberty...* Philadelphia, 1775. Appendix. P. 33–41; [*Braxton C.*] *An Address to... Virginia; on the Subject of Government...* Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 66]. P. 18; [*Chalmers J.*] *Plain Truth... Containing Remarks on... Common Sense...* Philadelphia, 1776. P. 46, 61. Подробный анализ влиятельной книги Моулсворта о Дании см.: *Robbins C.* *The Eighteenth-Century Commonwealthman*. P. 98–109, 393–394. Борьбу корсиканцев против Генуи

и Франции Артур Ли сопоставлял с борьбой греков против Ксеркса, голодных римлян против осаждающих врагов, фламандцев против «могущественнейшего монарха» и грузин против турок. См.: *Monitor V // Virginia Gazette (R)*. 1768. March 24.

10 Adams. Vol. III. P. 477. Показательные похвалы английской конституции и ее равновесию см.:

Otis J. Rights of the British Colonies Asserted and Proved. Boston, 1764 [JHL Pamphlet 7]. P. 47; [*Dulany D.*] *Considerations on the Propriety of Imposing Taxes*. P. 15; [*Johnson S.*] *Some Important Observations...* P. 27 ff.; *Whitney P. The Transgressions of a Land...* P. 10; [*Mather M.*] *America's Appeal to the Impartial World...* P. 7–8, 34 ff.

11 См. гл. V, разд. 2.

12 Adams. Vol. III. P. 478–479. Представление о конституции как совокупности существующих законов и практик управления восходит к публицистике XVII–XVIII веков. Дэвид Ллойд не был оригинален, когда в 1706 году писал о «лучшей существующей конституции» — «обычном и статутном праве Англии» (цит. по: *Lokken R. David Lloyd*. Seattle, 1959. P. 168). В 1748 году *The Maryland Gazette* опубликовала серию статей, где доказывалось, что парламенты «суть сама конституция» и что «наша конституция в настоящий момент есть лишь ряд изменений, утвержденных парламентом»; там же высмеивалось утверждение, что «парламент не может изменять конституцию» (*The Maryland Gazette*. 1748. April 27; May 4; May 11. Supplement). Особенно интересны взгляды Болингброка. С одной стороны, он настаивал на том, что конституция неизменна, что даже монархи обязаны покоряться ей и что повиновение власти необходимо лишь в той степени, в какой эта власть соблюдает конституцию; с другой стороны, Болингброк определял консти-

туцию как «совокупность законов, учреждений и обычаев, основывающихся на определенных неизменных и разумных началах и устремленных к определенной и неизменной цели: общественному благу; вместе они составляют общую систему правления, которой сообщество соглашается подчиниться» (*Bolingbroke H. Dissertation on Parties... Letter X // Bolingbroke H. Works...* London, 1754. Vol. II. P. 130; см.: *Burns J. H. Bolingbroke and the Concept of Constitutional Government // Political Studies*. 1962. № 10. P. 264–276). Метафорический и концептуальный инструмент Адамса предвосхищается, в частности, в «Письмах Катона», где речь идет о «природном или политическом теле <...>, составленном из пружин, колес и связей», и о «хребте, началах, или исходной конституции» государства (№ 69, 84).

13 См.: *A Letter to the People of Pennsylvania*. Philadelphia, 1760 [JHL Pamphlet 2]. P. 3; Adams. Vol. III. P. 479; *Otis J. Rights of the British Colonies Asserted and Proved*. P. 47; [*Johnson S.*] *Some Important Observations...* P. 28. Для предреволюционного взгляда на соотношение фундаментальных законов и конституции характерны рассуждения анонимного журналиста о том, что Великая хартия вольностей «только провозглашает главные основания, фундаментальные законы и свободы Англии <...> так что она кажется собранием старинных привилегий обычного права, подтвержденных согласием народа и объявленных его неотъемлемым достоянием. Коротко говоря, это конституция английского правительства, договор, над которым ни один человек и ни одно собрание по праву не может иметь постоянной и вечной власти, но только весь народ в совокупности» (*Boston Gazette and Country Journal*. 1756. May 10). Автор давал простой ответ на вопрос,

«составляют ли три ветви [парламента] конституцию, или они ограничены правилами, установленными раньше их учреждения и обязательными к соблюдению». Предвосхищая противоречивую позицию Джеймса Отиса и исходные тезисы колониальной оппозиции парламенту, бостонский автор вопрошал: когда парламент примет закон, изменяющий конституцию, «будет ли народ, если он не одобряет этой перемены, обязан следовать ей?» — и отвечал: «Несмотря на почтение, которое следует оказывать любому постановлению парламента, *общеизвестная мудрость* британского парламента вряд ли согласится с таким допущением» (курсив наш).

14 [Nicholas R.] Considerations of the Present State of Virginia Examined [Williamsburg, 1774]. N.Y., 1919. P. 40.

15 О происхождении и развитии этого взгляда на английскую конституцию см.: Weston C. English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832. London, 1965. Как показано в этом исследовании, специфически английский извод старинной идеи о смешанном правлении сложился в «Ответях его величества на предложения обеих палат парламента» Карла I (1642). До появления этой работы под тремя сословиями и в официальном, и в обычном обиходе понимались «духовные владыки, светские владыки и общины» (Ibid. P. 31). Тот взгляд на конституцию, который усвоили в начале XVIII века колонисты, хорошо сформулирован в одном из выпусков *The Spectator*; там прослеживается его античная генеалогия, а затем доказывается необходимость распределения власти между представителями «различных сословий с различными потребностями, ибо, будь они одного сословия, правление немногим отличалось бы от деспотического господства одного человека». Свобода может сохраняться только тогда, когда

носители власти «столь различаются между собой, что, защищая собственные интересы своих сословий, они оберегают все народное сообщество» (*The Spectator*. 1711–1712. № 287. January 29).

Теория смешанного правления может рассматриваться как одно из следствий общего умственного слома, выразившегося в переходе от средневековой схоластики к эмпиризму Нового времени. См.: *Greenleaf W.H. Order, Empiricism and Politics...*

1500–1700. London, 1964. Гл. IX. См. также: *Pargellis S. The Theory of Balanced Government // The Constitution Reconsidered*. N.Y., 1938. P. 37–49; наст. изд., гл. VI, разд. 3.

16 По мнению Роберта Шеклтона, Монтескье рассматривал равновесие английской конституции в соответствии с современной теорией разделения властей и заимствовал эту идею из болинброковского *The Craftsman* (см.: *Shackleton R. Montesquieu, Bolingbroke, and the Separation of Powers // French Studies*. 1949. Vol. III. P. 25–38; *Shackleton R. Montesquieu*. Oxford, 1961. P. 298–301). Оба этих утверждения кажутся неубедительными.

Видимо, следует ограничиться утверждением, что при рассмотрении английской конституции Монтескье попытался соотнести социальные силы с ветвями власти (которые он, действительно, именуется законодательной, исполнительной и судебной), но не достиг в этом вопросе ясности. См.: *Монтескье III. О духе законов*. Кн. XI. Разд. 6 (*Montesquieu Ch. Spirit of the Laws / Ed. by F. Neumann*. N.Y., 1949. P. 156; ср. с. lviii). О смешении понятий смешанного правления и разделения властей у Монтескье см.: *Weston C. Op. cit.* P. 124–125; *Kemp B. King and Commons*, 1660–1832. London, 1959. P. 82–85; и, в первую очередь, важнейшую работу, к которой мы, к сожалению, слишком поздно получили доступ:

Gwyn W.B. The Meaning of the Separation of Powers. New Orleans, 1965 [Tulane Studies in Political Science. Vol. IX]. P. 104, 109. Колонисты при случае находили у Монтескье доводы в пользу разделения властей; см., например: Boston Gazette and Country Journal. 1758. January 2. Болингброк спорил со сторонниками Уолпола о том, достигается ли равновесие правительства независимостью или взаимной зависимостью различных ветвей власти, однако обе стороны вели речь об английском смешанном правлении, или конституции, образуемой королем, лордами и общинами. См.: *Kramnick I.* Lord Bolingbroke: Political Thought and the Augustan Age. Diss. Harvard, 1965. P. 328 ff.; *Gwyn W.* Op. cit. P. 91–99. Аргументация Болингброка, одновременно апеллирующая к идеям равновесия властей, разделения их и смешанного правления, отзывается в известном меморандуме Томаса Хатчинсона от 14 июля 1772 года к законодательному собранию Массачусетса, где по аналогии с независимостью короля, лордов и общин в Англии доказывается необходимость независимого жалованья для губернатора Массачусетса. См.: *Hutchinson Th.* The History of... Massachusetts Bay. Cambridge, 1936. Vol. III. Appendix W. P. 408–409. В настоящей работе (см. гл. VI, разд. 3) высказывается предположение, что происхождение современного учения о разделении властей в Америке было связано с предпринятыми в революционные годы попытками воссоздать уравновешенное правительство в обществе, лишенном сословных границ. Показательны напряженные споры о Монтескье и разделении властей в предреволюционном Массачусетсе; см.: *Brennan E.* Plural Office-Holding in Massachusetts, 1760–1780. Chapel Hill, 1945. Гл. II. Об английских корнях этого учения см.: *Gwyn W.* Op. cit. Гл. III–V.

17 См.: *Hotman F.* Franco-Gallia... London, 1721. P. vii (предисловие Моулсворта вышло в 1775 году отдельным изданием под заглавием «Принципы истинного вига»); [*Mather M.*] America's Appeal to the Impartial World... P. 8. Ср. суждение из «Истории постоянных армий» Тренчарда, с одобрением процитированное Болингбромом в № 198 *The Craftsman*: «Все мудрые правительства стремятся держать законодательную и исполнительную власть врозь, чтобы они могли следить друг за другом. При нашем правлении король имеет в законодательной власти только запретительный голос, необходимый для защиты исполнительной власти. Долг палаты общин состоит среди прочего в том, чтобы наказывать нарушителей и восполнять притеснения, причиненные исполнительной властью; а как сделать это, если палата состоит из тех же особ, ведь вряд ли у них хватит гражданского мужества утопить или повесить самих себя?» (*Craftsman*. London, 1731. Vol. VI. P. 142).

18 Adams. Vol. III. P. 481; ср.: Four Letters on Interesting Subjects. Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet, 69]. P. 21. О европейском фоне этих суждений см.: *Gwyn W.B.* Op. cit. P. 5–8, 101, 103, 106, 110–111.

19 A Letter to the People of Pennsylvania. P. 4, 5, 7.

20 Так, Дикинсон пишет: «Местное правительство не только смешанное, но и зависимое, и из этого обстоятельства проистекает особенность его формы, очень тонкая» (*Dickinson J.* Letters from a Farmer in Pennsylvania... P. 58). Об этой особенности и сопряженных с нею конституционных затруднениях говорили давно. В 1711 году губернатор Нью-Йорка Хантер пронизательно предупреждал Болингброка, в ту пору государственного секретаря, что, в случае если Совет Нью-Йорка добьется «прав и привилегий палаты пэров»,

как Ассамблея уже добилась привилегий палаты общин, колония станет «политическим сообществом, равным Великому Совету всего королевства, претендующим на те же права и, следовательно, независимым от него». Свои умозаключения Хантер подкрепляет броской формулой Херрингтона, процитированной дословно, но без указания на источник: «Народное или независимое господство подобает тем, кто поддерживает должное равновесие власти в государстве, а удельное или зависимое господство не подобает тем, кто поддерживает это равновесие в уделе, поскольку в таком случае удельное или зависимое правительство станет народным и независимым» (Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York... Albany, 1856–1887. Vol. V. P. 255–256; ср.: Осеана. Heidelberg, 1924. P. 18). К середине XVIII века укрепилось представление о том, что колониальные правительства повторяли в миниатюре правительство Англии, а сохраняющиеся отличия «несомненно будут со временем исправлены» (Douglass W. A Summary, Historical and Political... Boston, 1749–1751. Vol. I. P. 215); в то же время было очевидно, что колониальные законодательные собрания не обладали властью, «соответствующей власти парламента в Великобритании. <...> Если три ветви [колониальных ассамблей] вместе имеют равную власть с парламентом, тогда и каждая из них в отдельности имеет такую же власть: власть палаты представителей равна власти палаты общин, совета — палаты лордов, а губернатор пользуется такой же властью, что и король, а это нелепость. <...> Мы поистине все британские подданные, от мала до велика, подчиняемся британским законам и обладаем британскими привилегиями <...> то, что в Америке правительство не может равняться с парламентом, оче-

видно из того обстоятельства, что оно не властно издавать законы, противоречащие решениям парламента или несовместные с ними» (Boston Gazette and Country Journal. 1756. May 10). Существовала и другая точка зрения, позднее востребованная революционными радикалами, а именно, что колонисты, покинув Англию, «полностью отказались от любой зависимости или подчинения двум низшим сословиям своей отчизны» ([Hicks W.] The Nature and Extent of Parliamentary Power Considered... P. 6), а следовательно, их Ассамблеи с момента учреждения были равны палатам парламента и образовывали самостоятельные смешанные правления во главе с английским королем. В итоге вопрос о том, какое место принадлежало колониям в «демократической» сфере английской конституции, стал в кризисные годы центральным. См., например: Warren J. An Oration... Boston, 1772 [JHL Pamphlet 35]. P. 9–10; Adams. Vol. IV. P. 100 ff., а также соображения Хатчинсона, приведенные выше (см. примеч. 16). Неясность имперской конституции до 1763 года и неопределенность статуса колоний соотносилась с более общим вопросом о сути Британской «империи» как таковой. К американским колониям это понятие может применяться только в узком и ограниченном значении. См.: Koebner R. Empire. Cambridge, 1961. P. 77 ff.

21 См.: New York Evening Post. 1747. November 16; Hart L. Liberty Described and Recommended... Hartford, 1775. P. 9, 13; [Allen J.] The Watchman's Alarm to Lord N---h... Salem, 1774. P. [5]. Аллен указывает, что его определение свободы — «истинная этимология этого слова» — было заимствовано из словаря Дениэля Феннинга (Royal English Dictionary. London, 1761). Точно так же он мог бы сослаться на пространные рассуждения о сво-

боде в «Письмах Катона», № 62–63, вскользь брошенную фразу из *The Spectator*, № 287, или разнообразные суждения Монтескье, Рапена или Болингброка. См.: *Neumann F.* Introduction // *Montesquieu Ch.* Spirit of the Laws. N.Y., 1949. P. xlix–liii.

22 *Dickinson J.* An Address to the Committee of Correspondence in Barbados... [1766] // *The Writings of John Dickinson.* Philadelphia, 1895 [Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania. Vol. XIV]. P. 262; [*Otis J.*] A Vindication of the British Colonies... Boston, 1765 [JHL Pamphlet 11]. P. 8; *The Votes and Proceedings of the Freeholders... of... Boston...* [JHL Pamphlet 36]. P. 7–8.

23 См.: [*Dulany D.*] Considerations on the Propriety of Imposing Taxes. P. 30; *The Votes and Proceedings of the Freeholders... of... Boston...* P. 8; [*Otis J.*] A Vindication of the British Colonies... P. 32.

24 [*Mather M.*] America's Appeal to the Impartial World... P. 8; *Lovell J.* An Oration... Boston, 1771. P. 11.

25 См.: Письма Катона, № 73; *New York Gazette: or, The Weekly Post Boy.* 1756. November 1. В последнем случае щедро цитировалось «обозрение царств земли» из одиннадцатой статьи «Вирджинского часового» в *Virginia Gazette* от сентября или октября 1756 года (единственную дошедшую до нас статью этого цикла, десятую, см.: *Virginia Gazette.* 1756. September 3). В этом же духе была выдержана статья о «несчастном положении ваших собратьев в других странах» в нью-йоркской газете (см.: *New York Mercury.* 1758. May 22), перепечатанная из *Pennsylvania Journal*, где, в свою очередь, приводились обширные выдержки из «покойного сочинителя воззвания к земледельцам Англии».

26 См.: *Otis J.* Rights of the British Colonies Asserted and Proved. P. 31;

[*Bland R.*] An Inquiry into the Rights of the British Colonies... P. 7–8; письмо Джефферсона Эдмунду Педлтону от 13 августа 1776 года: *Papers of Thomas Jefferson.* Princeton, 1950. Vol. I. P. 492; [*Hicks W.*] Considerations upon the Rights of the Colonists to the Privilege of British Subjects... P. 2; [*Wilson J.*] Considerations on the... Authority of the British Parliament Philadelphia, 1774 [JHL Pamphlet 44]. P. 12; *Adams J.* Dissertation on the Canon and Feudal Law // *Adams.* Vol. III. P. 451; *Otis J.* Op. cit. P. 70. Публицистика довольно часто касалась вопросов английской истории, поскольку представления о прошлом составляли существенный элемент политического мировоззрения колонистов. Особенно важны были древние, предположительно саксонские корни английской конституции, хотя, как указывал Джон Адамс, ее происхождение «было темно <...> монархическая и демократическая партии в Англии, стараясь усвоить саксонскую конституцию каждая своей системе, существенно затруднили вопрос <...> в чем же состояла эта конституция в отношении ко многим важным обстоятельствам» (*Adams.* Vol. III. P. 543). Большинство соглашалось с Чарльзом Кэрролом в том, что «свобода, которой англичане пользовались при саксонских королях, была вырвана у них норманнским завоевателем», но не готово было признать вслед за ним (и Рапеном), что «первые слабые признаки палаты общин» появились только к концу правления Генриха III (*Correspondence of "First Citizen" — Charles Carroll of Carrollton... and "Antilon" — Daniel Dulany, Jr...* Baltimore, 1902. P. 212). Морис Мур отмечал, что «вопрос о том, входили ли английские общины в саксонский Уитенагемот, составляет предмет продолжительного спора», но утверждал со ссылкой на Спелмана и Мэдокса, что по древней конститу-

ции общины не собирались регулярно, но созывались для обсуждения податей, и что этот обычай, упраздненный после норманнского завоевания, был постепенно возобновлен (The Justice and Policy of Taxing the American Colonies... [Wilmington, 1765; JNL Pamphlet 16]. P. 3–4). Ричард Бленд, опираясь на Петита, Бреди, Рапена и главным образом Тацита, возводил к саксонским временам всеобщее представительство всех свободных землевладельцев в парламенте; в то же время, отмечая отсутствие такого права в современной ему Англии, Бленд ни словом не упоминал о завоевании (см.: [Bland R.] Op. cit. P. 7–10). Уильям Хикс также обходил молчанием саксов и расплывчато писал о зарождении конституционной свободы в спорах эпохи норманнского господства (см.: [Hicks W.] Op. cit. P. 2–4; [Hicks W.] The Nature and Extent of Parliamentary Power Considered... P. 3). Однако наибольшее распространение получил взгляд, сформулированный выше: в саксонской Англии существовала совершенная конституция, опиравшаяся на выборный парламент; она была уничтожена норманнами, затем в новых формах постепенно восстанавливалась в ходе многовековой борьбы, в конце концов вылившейся в Славную революцию; а теперь, в XVIII веке, она находится под угрозой из-за нравственного упадка властного слоя. Принимая этот взгляд, колонисты не оспаривали власть парламента, но искали в древних истоках ее высокую суть, далекую от нравственного разложения эпохи Георга III. См.: Colbourn H. The Lamp of Experience. Гл. II; а также статьи того же автора о Дикинсоне и Джефферсоне: PM. 1959. Vol. 83. P. 280–292; WMQ. 3^d ser. 1958. Vol. 15. P. 56–70. Рапен также говорит о древнем происхождении английской конституции и увязывает до норманнские государственные фор-

мы с политикой XVIII века. См.: Rapin-Thoyras P. Dissertation on the... Whigs and Tories [1717]. Boston, 1773. P. 6–16. В другом месте Рапен подробно и убедительно рассуждает о до норманнском происхождении парламента. См.: Rapin-Thoyras P. Dissertation on the Government, Laws... of the Anglo-Saxons, Particularly, the Origin, Nature, and Privileges of Their Wittena-Gemot, or Parliament... // Rapin-Thoyras P. History of England. London, 1728. Vol. II. P. [135]–210. Об историографическом контексте этих взглядов см.: Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1951. Гл. II; Hill Ch. The Norman Yoke // Puritanism and Revolution. London, 1958. Гл. III; Douglas D. English Scholars, 1660–1730. London, 1951. Гл. VI; Kliger S. The Goths in England. Cambridge, 1952. P. 146 ff. 27 См.: Adams J. Dissertation on the Canon and Feudal Law. P. 451; [Jefferson Th.] A Summary View of the Rights of British America... P. 6; Adams A. A Concise Historical View of the... Planting... Boston, 1769. P. 51. См. также: Champion J. A Brief View of the Distresses... Our Ancestors Encountered in Settling New-England... Hartford, 1770. P. 10 ff.; Dana J. A Century Discourse... New Haven, [1770]. P. 18 ff. 28 См.: [Trenchard J., Moyle W.] An Argument, Shewing, that a Standing Army Is Inconsistent with a Free Government... P. 132–133. 29 См.: Echeverria D. Mirage in the West. Princeton, 1957. Гл. I; Koebner R. Op. cit. P. 93–96. 30 Two Discourses Delivered October 25, 1759... Boston, 1759. P. 60, 61. 31 См.: [Trenchard J., Moyle W.] An Argument, Shewing, that a Standing Army Is Inconsistent with a Free Government... P. 115; [Otis J.] A Vindication of the British Colonies... P. [3]. Этот фундаментальный тезис многократно повторялся в американской политической публицистике XVIII века. См.,

например, рассуждение Зенгера: «Поскольку причины и следствия соотносятся друг с другом, одинаковые причины всегда приводили и будут приводить к тем же последствиям» (New York Weekly Journal. 1733. December 24); отрывок относительно раннего памфлета: «В одних и тех же обстоятельствах люди будут поступать одинаково» (O Liberty, Thou Goddess Heavenly Bright... [N.Y., 1732; Evans 3595]. P. [1]). Ниже (с. 61–62) приведены сходные замечания Кэррола. См. также: Уильям Хупер Джеймсу Айрделлу, 26 апреля 1774 года: Colonial Records of North Carolina. Raleigh, N.C., 1886–1890. Vol. V. P. 985 («На примере Рима Британия может проследить причины своего нынешнего упадка и неизбежной гибели. Сходные причины всегда будут иметь сходное действие»); [Chalmers J.] Additions to Plain Truth... Philadelphia, 1776. P. 128. Анализ этих представлений см.: Boorstin D. The Mysterious Science of the Law. Cambridge, 1941. P. 32–33; об их отношении к идее прогресса см.: Ferguson W. The Renaissance in Historical Thought. Cambridge, 1948. P. 79–86; Persons S. The Cyclical Theory of History in Eighteenth-Century America // American Quarterly. 1954. № 6. P. 147–163.

32 Burgh J. Britain's Remembrancer: or, The Danger Not Over... London, 1746. P. 6; Brown J. An Estimate of the Manners and Principles of the Times. Boston, 1758. P. 11, 19, 60. Процитированные нами фразы из памфлета Брауна отчеркнуты в экземпляре, который принадлежал Томасу Холлису и теперь хранится в Гарвардском университете (Houghton Library; см. с. 15, 29, 115). Там, где у Брауна сказано, что Уолпол «ослабляет» конституционные основы, Холлис от руки вписал «уничтожает». Памфлет Брауна был известен в Бостоне и до его переиздания; местный журналист рекомендовал

своим читателям Монтеские как автора, которого хвалит «доктор Браун в своей знаменитой „Оценке“» (см.: Boston Gazette and Country Journal. 1758. January 2).

33 Письмо от 21 февраля 1763 года: PM. 1886. Vol. 10. P. 89. Книгопродавец, публицист и типограф Джон Алмон, в 1760–1770-х годах успешно осуществлявший проамериканскую пропаганду в Англии и постоянно общавшийся с американскими литераторами, в 1765 году замечал: «Только в эпоху крушения римской свободы продажность и разложение были столь же повсеместны, как ныне в Британии» (цит. по: Christie I. Wilkes, Wyvill and Reform. London, 1962. P. 38).

34 Morris L. The Dream and Riddle: A Poem. Рукопись. Robert Morris Papers, Rutgers University Library.

35 Письмо от 9 мая 1753 года: The Papers of Benjamin Franklin. New Haven, 1961. Vol. IV. P. 485–486. В числе известных Франклину английских публицистов, разделявших пессимистический взгляд на будущее Англии, был его старый друг Джеймс Ральф, автор сочинения «О пользе парламентов и злоупотреблении ими» (Лондон, 1744). Ральф писал, «что конституция повсюду ослаблена; по первому звуку трубы <...> она разом обратится в груды развалин. <...> Столь велика власть короля, столь раболепны наши вельможи и столь развращены сердца нашего народа, что самая надежда постепенно изнемогает» (цит. по: Colbourn H. The Lamp of Experience. P. 128).

36 A Pennsylvania Farmer at the Court of King George: John Dickinson's London Letters, 1754–1756 / Ed. by H. Colbourn // PM. 1962. Vol. 86. P. 257, 268, 421, 445.

37 Письмо Чарльза Кэррола из Кэрролтона Чарльзу Кэрролу-отцу от 29 января 1760 года: Maryland Historical Magazine. 1915. Vol. 10. P. 251; письмо Чарльза Кэррола-отца Чарльзу Кэрролу

из Кэрролтона от 3 сентября 1763 года: *Unpublished Letters of Charles Carroll of Carrollton...* N.Y., 1902. P. 78; письмо Чарльза Кэррола из Кэрролтона г. Брэдшоу от 21 ноября 1765 года: *Ibid.* P. 97; письмо Чарльза Кэррола-отца Уильяму Грейвсу от 23 декабря 1768 года: *Maryland Historical Magazine*. 1917. Vol. 12. P. 185. См. также: *Sachse W. The Colonial American in Britain*. Madison, 1956. P. 204–207.

38 *Mayhew J. Discourse Concerning Unlimited Submission*. Boston, 1750 [JHL Pamphlet 1]. P. 13, 20, 29, 30, 40; *Eliot A. A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard...* P. 47–48.

Глава IV

1 *Mayhew J. Observations on the Charter and Conduct of the Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts...* Boston, 1763. P. 103–108.

2 *Ibid.* P. 57; *Mayhew J. Remarks on an Anonymous Tract... Being a Second Defence...* Boston, 1764. P. 12; *Bradford A. Memoir of the Life and Writings of Rev. Jonathan Mayhew...* Boston, 1838. P. 372. Подробнее об «англиканском заговоре» см.: *Bridenbaugh C. Mitre and Sceptre*. N.Y., 1962. Гл. VII–IX. См. также: [*Aplin J.*] *Verses on Doctor Mayhew's Book of Observations* [1763; JHL Pamphlet 3]. Introduction // *Bailyn* 1965; наст. изд., с. 163–165.

3 *Adams J. Dissertation on the Canon and Feudal Law* // *Adams*. Vol. III. P. 450, 451; *Hume D. Of the Parties of Great Britain* // *David Hume's Political Essays*. N.Y., 1953. P. 86, 87; *The Writings of Samuel Adams*. N.Y., 1904–1908. Vol. I. P. 201–212. Страх перед союзом светского и духовного деспотизма определял взгляды Джона Адамса на американскую историю и революционный кризис. Он писал, что «ненависть, страх и ужас, внушаемые адским союзом, описанным выше, вдохновили, произвели и завер-

шили заселение Америки», и именно этот союз угрожал американцам в 1765 году: «По-видимому, приводится в действие полноценный план порабощения всей Америки. Его, однако, нужно осуществлять постепенно. Вероятно, в качестве первого шага задумано полное ниспровержение уклада наших отцов через введение в Америке канонического и феодального права» (*Adams J. Works*. Vol. III. P. 464). «Папизм», альянс католицизма с хищной властью, казался важнейшей и, так сказать, прототипической угрозой; однако он был лишь частным случаем более общего явления. Как с сожалением отмечал Моулсворт, слишком «распространено ошибочное мнение» о том, что «папистская вера, единственная из всех христианских сект, способна ввести и установить рабство, вплоть до того, что папизм считается неотделимым от рабства. <...> Другие вероисповедания, в особенности лютеранское, преуспели в этом деле ничуть не меньше папизма. <...> Не столько папизм, сколько учение о слепой покорности, какая бы вера его ни проповедовала, приводит к гибели свободы, а следовательно, всего благосостояния любой нации» (*Molesworth R. An Account of Denmark...* London, 1694. P. 258–259). Страх перед возможным союзом духовенства с властью ради установления деспотизма пронизывает переписку Элиота и Мейхью с Томасом Холлисом. Мейхью не только исходил из этих опасений, когда нападал на Общество для распространения Евангелия, но и прямо сформулировал их (см.: *Mayhew J. Popish Idolatry...* Boston, 1765). Свидетельства неубывающего страха перед учреждением епархии, непосредственно соотносившегося с мирскими вопросами, см., например, в письме Элиота Холлису от 26 января 1771 года: «Этот замысел никогда не оставят, мы боимся

неожиданного удара» (MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 255). См. также: *Bridenbaugh C.* Op. cit. N.Y., 1962. Гл. IX («Bishops and Stamps, 1764–1766»). О полемике Мейхью с Апторпом, как ее представлял Адамс, см. наст. изд., с. 164.

4 Суммарное изложение угроз, связанных с Законом о гербовом сборе, см.: *Hopkins S.* The Rights of Colonies Examined. Providence, 1765 [JHL Pamphlet 9]. P. 16–17. Почти параноидальные предположения Адамса о тайных замыслах Хатчинсона пронизывают его автобиографические сочинения, газетные статьи и переписку. См.: *Adams* 1961. Vol. I. P. 306; Vol. II. P. 39; Vol. III. P. 430; *Adams*. Vol. IV. P. 62–63, 67–71, 87; Vol. X. P. 285–286, 298. Общераспространенность такого рода опасений объясняет бурю, вызванную в 1773 году публикацией безобидных писем Хатчинсона от 1768 года. В заглавии издания провозглашалось, что в этих письмах «рассудительный читатель обнаружит роковой источник смятения и кровопролития» (JHL Pamphlet 40). По мнению Джосая Квинси, политика Хатчинсона по отношению к администрации премьер-министра Норта в 1774–1775 годах подтверждала его причастность к заговору. См.: *Journal of Josiah Quincy Jun. ... in England...* // MHS Procs. 1916–1917. Vol. 50. P. 444, 446, 447, 450, 452. О подозрениях Тэчера в отношении Хатчинсона (которого он именовал «Summa Potestatis» или кратко «Summa») см. вступление к его памфлету: *Thacher O.* Sentiments of a British American [1764; JHL Pamphlet 8] // *Bailyn* 1965. Фраза Отиса извлечена из его бранного памфлета: *Otis J.* Brief Remarks on the Defence of the Halifax Libel... Boston, 1765. P. 5. Обвинения в адрес Говарда см.: *Providence Gazette*. 1764. September 15. Неприязнь к группе ньюпортских роялистов была распространена в Провиденсе. См.:

Morgan E., Morgan H. The Stamp Act Crisis. Chapel Hill, 1953. Гл. IV; Introduction // *Howard M.* Letter from a Gentleman at Halifax. Newport, 1765 [JHL Pamphlet 10].

5 Letters from a Farmer in Pennsylvania... Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 23]. P. 55; Уоррен Эдмунду Дана, Бостон, 19 марта 1766 года: *Frothingham R.* Life and Times of Joseph Warren. Boston, 1865. P. 21–22; *Adams J.* Dissertation on the Canon and Feudal Law // *Adams*. Vol. III. P. 464; [Lee A.] Monitor VI // *Virginia Gazette (R)*. 1768. March 31. Предостережения Дикинсона об особой опасности «незаметных» налогов см.: *Warren M.* History of the... American Revolution... Boston, 1805. Vol. I. P. 45.

6 *Dickinson J.* Farmer's Letters. [JHL Pamphlet 23]. P. 54; *Writings of Benjamin Franklin*. N.Y., 1905–1907. Vol. V. P. 83. Ср.: *Crane V.* Benjamin Franklin's Letters to the Press, 1758–1775. Chapel Hill, 1950. P. 106–107, 277.

7 [Downer S.] A Discourse Delivered in Providence... at the Dedication of the Tree of Liberty... Providence, 1768 [JHL Pamphlet 25]. P. 10; *Baldwin E.* An Appendix Stating the Heavy Grievances... // *Sherwood S.* A Sermon Containing Scriptural Instructions to Civil Rulers... New Haven, [1774; JHL Pamphlet 52]. P. 52–53; *Observations on Several Acts of Parliament... and Also on the Conduct of the Officers of the Customs...* [Boston], 1769 [JHL Pamphlet 27]. P. 15; *Gordon W.* Discourse Preached December 15th 1774... Boston, 1775. P. 11; [Wilson J.] Considerations on the... Authority of the British Parliament. Philadelphia, 1774 [JHL Pamphlet 44]. P. 6–7; *Dickinson J.* Op. cit. P. 51n (здесь подробно описывается зловещий пример ирландского правительства, подточенного «пенсиями <...> украденными из национальной казны Ирландии под видом жалованья за отправление должностей, бесполезных

для нации и недавно созданных в видах корысти»), 55, 66; *The Votes and Proceedings of the Freeholders... of ... Boston... Boston*, [1772; JHL Pamphlet 36]. P. 21. В числе бесчисленных lamentаций об умножении паразитических должностей в колониальной администрации см., например: [*Laurens H.*] *Extracts from the Proceedings of the High Court of Vice-Admiralty in Charlestown... with... Observations on American Custom-House Officers... Charleston, 1769* [JHL Pamphlet 26]. Эндрю Элиот обличал «жалких подхалимов, придворных паразитов и жадных нахлебников» в письмах Холлису; см.: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 420, 438. См. далее: *A Ministerial Catechise, Suitable To Be Learned by All Modern Provincial Governors, Pensioners, Placemen &c. Dedicated to T[homas] H[utchinson], Esq. Boston, 1771* [JHL Pamphlet 34]; *A [Sixteenth] Report of the Record Commissioners of the City of Boston... Boston, 1886*. P. 258; цитаты в кн.: *Colbourn H. The Lamp of Experience. Chapel Hill, 1965*. P. 76, 141; *Gipson. Vol. XI. P. 199, 201, 221, 523, 551, 552, 558*. Показательно предреволюционное изложение тех же опасений, иллюстрирующее переход политических идей начала XVIII века в революционную идеологию: *A Letter to the Freeholders... // Boston Gazette and Country Journal. 1756. April 26*.

8 Жесткая риторика предреволюционных дискуссий о судебной власти восходила к началу XVIII века; по всей видимости, она использовалась уже в 1701 году и точно в 1707-м. См.: *An Essay upon the Government of the English Plantations... San Marino, 1945*. P. 40; *Lokken R. David Lloyd. Seattle, 1959*. P. 173–175. Подробности этих дискуссий и материал нижеследующего изложения см. во введении к изд.: *Bailyn 1965*; там же в примечаниях к памфлету «*A Letter to the People of Pennsylvania*».

9 *Klein M. Prelude to Revolution in New York: Jury Trials and Judicial Tenure // WMQ. 3^d ser. 1960. Vol. 17. P. 452*.

10 [*Drayton W.*] *A Letter from Freeman of South-Carolina... Charleston, 1774* [JHL Pamphlet 45]. P. 10, 20. Иные, не менее показательные, суждения об опасностях корыстного суда см.: [*Allen J.*] *An Oration upon the Beauties of Liberty... Boston, 1773* [JHL Pamphlet 38]. P. 21 ff.; *The Conduct of the Cadwallader Colden... [N.Y.], 1767* (переизд. в кн.: *Collections of the New-York Historical Society. N.Y., 1877. Vol. X. P. 433–467*; [*Allen J.*] *The American Alarm... for the Rights, and Liberties, of the People... Boston, 1773* [JHL Pamphlet 39]. P. 17, 20, 27, 28 первой паг.; *Votes and Proceedings of Boston. P. 37–38*; *Adams 1961. Vol. II. P. 36, 65–67*; *Vol. III. P. 297 ff.*

11 *Votes and Proceedings of Boston. P. 20*; *Hutchinson Th. The History of... Massachusetts-Bay. Cambridge, 1936. Vol. III. P. 278, 279*. См. также: *Gipson. Vol. XII. P. 47, 139 ff.*; *Hutchinson Th. Op. cit. Vol. III. Appendices V, W*.

12 См.: *Klein M. Op. cit. P. 453–459*.

13 *Ubbelohde C. The Vice-Admiralty Courts and the American Revolution. Chapel Hill, 1960. P. 112, 125–126*. Другие примеры критики судов адмиралтейской юрисдикции указаны в изд.: *Bailyn 1965*. См. также: [*Laurens H.*] *Op. cit.*; *Adams. Vol. III. P. 466–467*; *Votes and Proceedings of Boston. P. 24*; *Boston under Military Rule, 1768–1769... Boston, 1936. P. 46, 54, 56, 68, 72*. Здесь встречается расхожее сравнение адмиралтейских судов со Звездной палатой.

14 *Adams. Vol. IV. P. 53 ff., 63* и цитаты в примеч. 29; *Brennan E. Plural Office-Holding in Massachusetts, 1760–1780. Chapel Hill, 1945. Гл. I, II. О Хатчинсоне см. также примеч. 4*.

15 [*Drayton W.*] *Op. cit. P. 9, 18–19, 32–33*; *McCrary E. The History of South*

Carolina under the Royal Governments, 1719–1776. N.Y., 1899. P. 533–535, 710–713; Adams 1961. Vol. I. P. 306; Vol. II. P. 39.

16 Подробнее о судьбе Уилкса в интересующем нас ключе см.: *Maier P. John Wilkes and American Disillusionment with Britain // WMQ. 3^d ser. 1963. Vol. 20. P. 373–395.*

17 Boston Sons of Liberty to Wilkes, June 6, 1768 // *MHS Procs. 1913–1914. Vol. 47. P. 191.* Источник второй цитаты — Вергилий, «Буколики», I, 45 [пер. С. Шервинского].

18 Уильям Пэлфри Уилксу, 21 февраля 1769 года: *MHS Procs. 1913–1914. Vol. 47. P. 197.*

19 Sixteenth Report of the Boston Record Commissioners. P. 263.

20 Gipson. Vol. X. P. 200–201, 328–329, 408; ср.: *Knollenberg B. Origin of the American Revolution, 1759–1766. N.Y., 1960. P. 87–96.*

21 Элиот Холлису, Бостон, 27 сентября 1768 года, 10 июля и 7 сентября 1769 года: *MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 428, 442, 444.* «Хроника наших времен» представляла собой серию газетных статей, выходявших с 13 октября 1768 года до 30 ноября 1769-го. Эти статьи, в которых день за днем описывались причиненные военными обиды, сочинялись, по всей видимости, в Бостоне, но отправлялись в Нью-Йорк для еженедельной публикации в *New York Journal* и в Пенсильванию для перепечатки в *Pennsylvania Chronicle*. После первой публикации все эти статьи были вновь напечатаны в *Boston Evening Post* и после этого многократно воспроизводились в английских и американских изданиях. В наше время они собраны Оливером Дикерсоном в изд.: *Boston under Military Rule, 1768–1769. Boston, 1970.*

22 *Rudé G. Wilkes and Liberty. Oxford, 1962. P. 49 ff.; Maier P. Op. cit. P. 386–387; Gipson. Vol. XI. P. 275, 281.* Упоминание лондонской резни в частной переписке см., например,

в письме Уильяма Страхана Дэвиду Холлу, Лондон, 30 декабря 1768 года: *PM. 1886. Vol. 10. P. 468–469.* О последствиях гибели бостонского мальчика в истории местного сопротивления см.: *Cary J. Joseph Warren. Urbana, 1961. P. 91–92.*

23 Элиот Холлису, 18 июня 1770 года: *MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 452.*

24 См.: *Allen J. An Oration upon the Beauties of Liberty... P. xiii; [Bowdoin J. et al.] A Short Narrative of the Horrid Massacre in Boston... Boston, 1770 [JHL Pamphlet 32].* В течение года памфлет трижды перепечатывался в Бостоне, трижды в Лондоне и один раз (под другим заглавием) в Дублине. О прямой связи между резней и постоянной армией см. с. 8. Речи, ежегодно произносившиеся в День резни, оттеняли эту связь ужасающими подробностями. См., например: *Warren J. An Oration... Boston, 1772 [JHL Pamphlet 35]. P. 11–12; Hancock J. An Oration... Boston, 1774 [JHL Pamphlet 41]. P. 13–15.* Особенно показательна точка зрения Джона Адамса и Джосайи Квинси, которые в качестве адвокатов защищали учинивших стрельбу солдат. Оба они, предпринимая усилия во благо своих подзащитных, тем не менее утверждали, что резня «служит сильнейшим доказательством опасности постоянных армий». Адамс не счел нужным отказаться от выступления в память о резне в интересах судебного производства, а Квинси публично призывал и дальше обсуждать «роковые следствия <...> политики постоянных армий и <...> дислокации войск в многолюдных городах в мирное время» (*Quincy J. Memoir of the Life of Josiah Quincy Jun.... Boston, 1825. P. 67; Adams 1961. Vol. II. P. 74, 79; Gipson. Vol. XI. P. 281.*) Полную документацию и превосходный анализ судебного процесса см. в изд.: *Legal Papers of John Adams / Ed. by L. Kinvin Wroth, H.B. Zobel. Cambridge, 1965. Vol. III.*

25 См.: *Votes and Proceedings of Boston*. P. 13–30.

26 Причины сопротивления Чайному закону со стороны торгового сообщества рассмотрены в работе: *Jensen A. The Maritime Commerce of Colonial Philadelphia*. Madison, 1963. Опровергая выводы Шлезингера, автора книги «*Colonial Merchants and the American Revolution*» (1918), исследователь констатирует: «Трудно понять, как можно объявить конституционный вопрос простой ширмой для фундаментальных экономических проблем, хотя сохранилось внушительное количество современных событиям свидетельств частного и публичного свойства, приводящих к обратному заключению» (с. 193).

27 Так, радикал и цареубийца Эдмунд Ладлоу рассказывает в своих «Записках» (1663–1673), как Карл I, на беду тяготевший к испанскому и французскому деспотизму, «немедленно после восшествия на трон сорвал маску и открыто обнаружил свое намерение сделать власть короны неограниченной и независимой» (*Ludlow E. Memoirs*. Oxford, 1894. Vol. I. P. 10). Сходным — или скорее противоположным — образом эту метафору использовал в 1712 году губернатор Нью-Йорка Хантер, много месяцев с нарастающим возмущением наблюдавший заносчивость местного законодательного собрания. В конце концов он сообщал государственному секретарю: «Теперь маска сброшена; они поставили под вопрос участие Совета в законодательстве <...> и им остался только один короткий шаг до того, о чем я не хочу говорить [то есть независимости]» (*Documents Relative to the Colonial History of the State of New-York*... Albany, 1856–1887. Vol. V. P. 296; ср. также с. 255–256). Государственным секретарем в ту пору был Болингброк, сам оперировавший этой метафорой в подобных обстоя-

тельствах (см., например: *Bolingbroke H. Works*. Philadelphia, 1841. Vol. I. P. 116).

28 См.: [*Hamilton A.*] *A Full Vindication of the Measures of the Congress // Papers of Alexander Hamilton*. Vol. I. N.Y.; London, 1961. P. 50; *Baldwin E.* *An Appendix Stating the Heavy Grievances...* P. 67; [*Seabury S.*] *A View of the Controversy...* // *Letters of a Westchester Farmer (1774–1775)* [Publications of the Westchester County Historical Society. Vol. VIII]. White Plains, 1930. P. 123; *Noble O.* *Some Strictures upon the... Book of Esther...* Newburyport, 1775 [JHL Pamphlet 58]. P. 28, 26; *Hancock J.* *Op. cit.* P. 9; [*Jefferson Th.*] *A Summary View of the Rights of British America...* Williamsburg, [1774; JHL Pamphlet 43]. P. 11; о менявшихся взглядах Дикинсона на причины кризиса см. вступление к его памфлету «*Late Regulations*» (Philadelphia, 1765 [JHL Pamphlet 14]) в изд.: *Bailyn* 1965; *Colbourn H.* *Op. cit.* P. 155; Вашингтон Брайну Фэрфаксу, 27 августа 1774 года: *Writings of George Washington...* Washington, DC, 1931–1944. Vol. III. P. 241, 242; *Gipson*. Vol. XII. P. 36n; *MHS Colls.* 4th ser. Vol. IV. P. 400, 429, 444; [Eighteenth] *Report of the Record Commissioners of the City of Boston...* Boston, 1887. P. 26 (ср.: *Ibid.* P. 83–86).

29 *Quincy J.* *Observations on the... Boston Port-Bill; with Thoughts on... Standing Armies // Quincy J. Memoir...* P. 446 (ср.: *Ibid.* P. 464–465); *Adams*. Vol. X. P. 242–243 (более развернутые высказывания Адамса о «темных кознях и злодейских махинациях» кабинета, очевидным образом увязанных с интригами Хатчинсона и его сторонников, см.: *Adams*. Vol. IV. P. 18 ff., 62–64, 70, 91–92; *Adams* 1961. Vol. II. P. 80, 90, 119); *Miller J.* *Origins of the American Revolution*. Boston, 1943. P. 332. Дополнительные свидетельства всеобщего страха перед «постоянным, неумолимым и всеобщим планом нашего порабощения» см.: *Votes and Pro-*

ceedings of Boston. P. 30, 37; [Allen J.] The American Alarm... P. 8–9, 17, 18, 33; Morgan E. The Gentle Puritan. New Haven, 1962. P. 263–265.

30 [Allen J.] The American Alarm... P. 18–19 (тот же автор говорил о «войсках варваров-шотландцев», подавлявших волнения в Лондоне; см.: Allen J. Oration upon the Beauties of Liberty. P. xiii); Arthur Lee Papers (MSS in Houghton Library, Harvard University). Vol. I. P. 2; Vol. II. P. 26, 33; Элиот Холлису, 25 декабря 1769 года: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 445.

31 [Johnson S.] Some Important Observations... Newport, 1766 [JHL Pamphlet 19]. P. 15; Mayhew J. The Snare Broken... Boston, 1766 [JHL Pamphlet 20]. P. 9; [Braxton C.] An Address to... Virginia; on the Subject of Government... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 66]. P. 10. Джефферсон впервые сформулировал свою точку зрения в заметках по поводу книги Франсуа Суле «История волнений в английской Америке» (Soulé F. Histoire des troubles de l'Amerique anglaise. London, 1785) в связи с пассажем об образовании Георга III: «Нынешний король воспитан в понятиях тори. Он обеспечил им решающие победы. К ним прибавился богатый сброд, образовавшийся в Ост-Индиях. Америка добавила бы слишком много веса вигам, поэтому следовало силой принудить их к сотрудничеству с тори». Позднее Джефферсон развернул эту точку зрения, обращаясь к самому Суле: «Корни войны прослежены к их истинному источнику. Воспитание короля в понятиях тори было первым шагом к той перемене английского правления, которой эта партия неизменно желает. Естественно, это обеспечило правление тори на всю его жизнь. Как только он взшел на престол и освободился от врагов при помощи Парижского мира, тори начали претендовать на безграничную власть в Америке; эти

претензии были столь очевидны и проявления их столь обильно следовали друг за другом, что не требовалось других доказательств существования системы, имеющей целью либо совершенно поработить нас и тем самым превратить в инструмент для такого рода попыток в самой Британии, либо отделить Америку от Британии с тем, чтобы она не добавляла веса вигам. Однако этот второй вариант не принимался к исполнению. Они столь мало знали об Америке, что думали, будто она не выдержит столкновения и с мизинцем Великобритании» (Jefferson Th. The Papers... Princeton, 1954. Vol. X. P. 373n2, 369).

32 [Allen J.] The American Alarm... P. 8–9; Noble O. Op. cit. P. 6; Allen J. Oration upon the Beauties of Liberty. P. 29.

33 Элиот Холлису, 25 декабря 1769 года: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 446; Gipson. Vol. XII. P. 173–191, 150n, 245, 255, 326, 328; Jefferson Th. The Papers... Princeton, 1950. Vol. I. P. 220, 214; Arthur Lee Papers. Vol. II. P. 62.

34 Foord A. His Majesty's Opposition, 1714–1830. Oxford, 1964. P. 37–38, 51, 53–54, 147–148, 170, 291, 318–319; Noble O. Op. cit. P. 10, 12, 17–18. См. также: Salter R. A Sermon... New London, 1768; [Johnson S.] Op. cit. P. 39, 55–56; Fish E. Joy and Gladness... Providence, 1767. Еще раньше эту библейскую аллюзию использовал Филипп Ливингстон, назвавший Кадуолдера Колдена нью-йоркским Аманом (см.: WMQ. 3^d ser. 1960. Vol. 17. P. 445).

35 Four Letters on Interesting Subjects. Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 69] P. 5; Джон Дикинсон (?) Артуру Ли, 27 октября 1774 года: Lee Papers. Vol. II. P. 26. Рассуждения о том, что к резне привели последовательные усилия врагов Массачусетса «довести» его до восстания, см.: [Bowdoin J. et al.] Op. cit. P. 44 (ср. с. А:86).

36 Baldwin E. Op. cit. P. 51, 67–68.

37 [Johnson S.] Op. cit. P. 30; *Bradbury Th. The Ass, or, the Serpent...* Boston, 1768. P. 12n; Вильям Пэлфри Уилксу, 21 февраля и 12 апреля 1769 года: *MHS Procs.* 1913–1914. Vol. 47. P. 197, 199; Элиот Холлису, 28 июня 1770 года: *MHS Colls.* 4th ser. Vol. IV. P. 453; Кэрролл Эдмунду Дженнингсу и Уильяму Грейвсу, 9 августа 1771 года и 15 августа 1774 года: *Maryland Historical Magazine.* 1937. Vol. 32. P. 197, 225. Слова Гальбы извлечены из Тацита («История», I, 16). Речь Гальбы в английском переводе была перепечатана с пространным введением в № 41 «Писем Катона».

38 [Robinson-Morris M., Lord Rokeby]. *Considerations on the Measures Carry on with Respect to the British Colonies in North America* / 2^d ed. London, 1774. P. 10. Этот памфлет в 1774–1775 годах трижды перепечатывался в Бостоне, дважды в Филадельфии и по разу в Нью-Йорке и Хартфорде. Абилайя Адамс отмечала тождество взглядов своего мужа с воззрениями Рокби. См.: *Adams Family Correspondence.* Cambridge, 1963. Vol. I. P. 202, 203nn. См. также: [Priestley J.] *An Address to Protestant Dissenters.* Boston, 1774. P. 6 (этот памфлет, сперва опубликованный в Лондоне в 1773 году, был трижды переиздан в Америке в 1774-м); *Handlin O., Handlin M. James Burgh and American Revolutionary Theory* // *MHS Procs.* 1961. Vol. 73. P. 38–57; *Colbourn H. John Dickinson, Historical Revolutionary* // *PM.* 1959. Vol. 83. P. 284; *Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman.* Cambridge, 1959. Гл. IX.

39 Первый памфлет Боллана (1768) именовался «An Epistle from Timoleon...»; о курьезных осложнениях репутации Боллана в Массачусетсе см.: *Bailyn* 1965. P. 721–722. См. далее: Странхан Холлу, 23 февраля 1765 года, 13 февраля и 12 марта 1768 года: *PM.* 1886. Vol. 10. P. 89, 329, 333. (Издателя

Эдмунда Дилли также пугали «взяточничество и продажность <...> толпы наемников и нахлебников <...> которые, подобно пиявкам, высасывают жизненные соки <...> нашей конституции»; см.: *PM.* 1959. Vol. 83. P. 284.) Речь Рокингема и Питта см. в изд.: *Hansard T. The Parliamentary History of England...* London, 1806–1820. Vol. XVI. P. 742–747, 752.

40 *Adams.* Vol. IV. P. 31, 28, 54–55; Уильям Хупер Джеймсу Айределу, 26 апреля 1774 года: *Colonial Records of North Carolina.* Raleigh, NC, 1886–1890. Vol. IX. P. 985–986; *Drayton W. A Charge on the Rise of the American Empire...* Charleston, 1776. P. 2–3; [Seabury S.] *A View of the Controversy...* // *Letters of a Westchester Farmer...* P. 140; *Writings of Benjamin Franklin.* Vol. VI. P. 311–312; *Letters of Members of the Continental Congress.* Washington, DC, 1921–1938. Vol. I. P. 53, 54. По ходу развития англо-американского противостояния аналогия между Британией и Римом стала общепринятой и фигурировала едва ли не в каждом публицистическом выступлении. Так, опубликованные в *Monitor* письма Артура Ли изобилуют рассуждениями в этом духе (см. в особенности № II: *Virginia Gazette [R].* 1768. March 3), как и письма Чарльза Кэррола; эти примеры взяты почти наугад. Реплику Югурты Адамс нашел у Саллюстия («Югуртинская война», XXXV, 12–13). Сочинения Саллюстия составляли неисчерпаемый клад апофегм и грозных предвещаний о последствиях общественного разложения. Томас Гордон акцентировал эту тему в «Рассуждениях», предпосланных его популярному переводу Саллюстия (см. в особенности «Рассуждение VI»). Процитированные Адамсом слова Югурты в XVIII веке были, наверно, самым памятным речением из Саллюстия. Они приводились в «Письмах Катона»

(№ 18), использовались в колониях для описания Англии уже в 1754 году (см. упомянутое выше письмо Дикинсона, с. 90) и, естественно, не были забыты публицистами предреволюционных лет. Подробнейшее рассуждение об Англии, Риме и последствиях продажности содержится в письме Хупера, где Англия после Уолпола прямо сравнивается с Римом времен Югурты.

41 *Williams S.* A Discourse on the Love of Our Country... Salem, 1775 [JHL Pamphlet 55]. P. 21, 22, 23, 25, 26. См., например: *Coombe Th.* A Sermon Preached... Philadelphia, 1775. P. 19–20; *Wells R.* A Few Political Reflections... Philadelphia, 1774. P. 38–40, 50.

42 *Adams J.* Dissertation on the Canon and Feudal Law // Adams. Vol. III. P. 452n; *Mayhew J.* Op. cit. P. 36, 38. Идея о том, что Америка служит прибежищем свободы, бытовала далеко не только в колониях. Еще в 1735 году она была изложена в пространной поэме Джеймса Томсона «Свобода» (соответствующий отрывок и ссылки на научную литературу см.: Bailyn 1965. P. 730). Вообще считалось, что свобода постоянно перемещается на запад. Томас Паунелл подробно изъяснял эту концепцию в начале книги «Управление колониями»: по его словам, «по духу народа» он давно заключил, что колонии «станут в будущем — и, возможно, не столь отдаленном — убежищем для свободы человеческого рода, извечно гонимой развращенным деспотизмом правительств и извечно бегущей на запад» (*Pownall Th.* Administration of the Colonies / 4th ed. London, 1768. P. 44–45). За этими отзывами стояло более общее представление о том, что заморские поселения суть естественное пристанище свободы и добродетели, которые в метрополии гибнут от продажности и самовластия. Эндрю Элиот признавался, что с трепетом читал рассказ цареубийцы и «честного генерала [Эдмунда] Ладлоу о защите,

которую предоставили ему магистраты Берна, и чувствовал тайную радость от мысли, что есть обитель свободы, где найдут прибежище патриоты и поруганная добродетель» (Элиот Холлису, 29 января 1769 года: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 436).

43 [*Robinson-Morris M., Lord Rokeby*]. Op. cit. P. 148; *Baldwin E.* The Duty of Rejoicing under Calamities and Afflictions... N.Y., 1776. P. 38; Уильям Хупер Джеймсу Айределу, 26 апреля 1774 года: Colonial Records of North Carolina. Raleigh, NC, 1886–1890. Vol. IX. P. 985–986.

44 [*Johnson S.*] Op. cit. P. 21, 23; [*Nicholas R.*] Considerations on the Present State of Virginia Examined. N.Y., 1919. P. 68, 42. Первое изд.: [Williamsburg], 1774.

45 [*Braxton C.*] Op. cit. P. 19; [*Seabury S.*] Op. cit. P. 12, 117; *Massachusetts* [*Leonard D.*] The Origin of the American Contest with Great-Britain... N.Y., 1775 [JHL Pamphlet 56]. P. 84; [*Galloway J.*] A Candid Examination of the Mutual Claims of Great-Britain and the Colonies... N.Y., 1775. P. 31; [*Paine Th.*] Common Sense... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 63]. P. [ii], 30, 60 [*Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959. С. 34, 47].

Отступление о заговоре

1 См.: *Bailyn B.* The Origins of American Politics. N.Y., 1968.

2 [*Thacher O.*] The Sentiments of a British American. Boston, 1764 [JHL Pamphlet 8.] P. 4; [*Howard M.*] A Letter from a Gentleman at Halifax... Newport, 1765 [JHL Pamphlet 10.] P. 6. Сходным образом Дэниел Далани, занимавший нейтральную позицию, считал нужным объяснить в 1773 году: «Я бы не стал предполагать, будто [состоятельные купцы] вовлечены в заговор против свободы, поскольку торговля всегда привита к древу свободы

и чувствует любую нанесенную ей рану» (Correspondence of “First Citizen” — Charles Carroll of Carrollton, and “Anti-lion” — Daniel Dulany, Jr. ... Baltimore, 1902. P. 35.

3 [Dickinson J.] Letters from a Farmer in Pennsylvania... Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 23]. P. 58–59 (ср.: Ibid. P. 62–64).

4 Rudé G. Wilkes and Liberty. Oxford, 1965. P. 186.

5 Christie I. Wilkes, Wyvill and Reform. London, 1962. P. 32. В частном письме к своему другу Чарльзу О’Хара от 30 сентября 1770 года Берк формулировал более обобщенный прогноз: «Без какой-либо необычайной перемены <...> двор [опираясь на чернь] может получить столь же неограниченную власть в этой стране, как шведский король в своей, ничем не рискуя и встречая не больше сопротивления, чем это необходимо, чтобы видимостью честного обсуждения обеспечить вес своим решениям. Я знаю, что об этом говорят с тех пор, как корона добилась сильного влияния на парламент. Но на самом деле все обстояло иначе, пока народ предпочитал одного другому, пока для установления нового правительства требовался новый парламент, пока искусство, ловкость и авторитет были необходимы, чтобы добиться большинства. Готовы ли были к этому в прошлое царствование, я не знаю; но этот род власти или оставался неизвестен, или никто не отваживался воспользоваться им» (The Correspondence of Edmund Burke. Cambridge; Chicago, 1960. Vol. II. P. 336–337).

6 Macaulay C. Observations on a Pamphlet, Entitled, Thoughts on the Cause of the Present Discontents / 3^d ed. London, 1770. P. 7, 13; Letters from George III to Lord Bute, 1756–1766. London, 1939. P. XLI.

7 Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Third. London, 1845.

Vol. I. P. 10; Vol. III. P. 233; Vol. IV. P. 92; Hansard T. The Parliamentary History of England... Vol. XVI. P. 842 (ср.: Walpole H. Op. cit. Vol. IV. P. 94); Foord A. His Majesty’s Opposition, 1714–1830. Oxford, 1964. P. 314, примеч. 2; Cochrane J.A. Dr. Johnson’s Printer. Cambridge, 1964. P. 173, примеч. 3; Mansfield H. Statesmanship and Party Government. Chicago, 1965. P. 104; Christie I. Op. cit. P. 35, 11; George M. English Political Caricature to 1792. Oxford, 1959. Vol. I. P. 120–121. О действительном влиянии Бьюта см.: Pares R. King George III and the Politicians. Oxford, 1953. P. 104–109. 8 Gipson. Vol. XII. P. 127, 136; Christie I. Op. cit. P. 67, 127, 136, 223; Фазергилл Айронсайду, 22 декабря 1774 года: Bulletin of the Friends of Historical Society, 1913. № 5. P. 5; Стрэн Дэвиду Холлу, 24 августа 1770 года, 10 ноября 1768 года: PM. 1887–1888. Vol. XI. P. 351; Ibid. 1886. Vol. X. P. 464. Фазергилл признавал, впрочем, высокую степень «общенародного разложения», которое он объяснял не «богатствами востока», но чувственностью и вольномыслием — продуктами рабства, завезенными в Англию вест-индскими плантаторами.

9 Van Schaack H. The Life of Peter Van Schaack. N.Y., 1842. P. 56–57, 58. Сходным образом Джеймс Айрделл, излагая в 1776 году историю решений Континентального конгресса, объяснял, что им всегда предшествовало внимательное рассмотрение мотивов английского правительства: исходил ли Гренвиль «из принципа или из каких бы то ни было дурных побуждений»? (Iredell J. Causes Leading up to the American Revolution // Life and Correspondence of James Iredell... N.Y., 1857–1858. Vol. I. P. 312 ff.)

10 Идея о заговоре проходит лейтмотивом через обильную переписку Бернарда 1760-х годов (13 рукописных томов, Sparks MSS, Houghton Library, Harvard University; выдержки в изд.:

The Barrington-Bernard Correspondence... Cambridge, 1912). См. также: Gipson. Vol. X. P. 116; Vol. XI. P. 33–34, 155, 157, 159; Бернад графу Галифаксу, 2 декабря 1763 года: *Quincy J. Reports of the Case... in the Superior Court of Judicature... Between 1761 and 1772...* Boston, 1865. P. 394

11 *Hansard T.* Op. cit. P. 478, 479; ср.: Gipson. Vol. XI. P. 234, 244.

12 «Факция относится к партии как превосходная степень к положительной: партия есть политическое зло, факция — худшая из всех партий» (*Bolingbroke H. The Idea of a Patriot King // Bolingbroke H. Works...* London, 1754. Vol. III. P. 83.

13 *Monitor IX // Virginia Gazette (R).* 1768. April 21; *Frothingham R. Life and Times of Joseph Warren.* Boston, 1865. P. 158.

14 *Lincoln W. History of Worcester, Massachusetts...* Worcester, 1837. P. 87, 88 (указанием на этот источник я обязан Ричарду Д. Брауну).

15 *American Colonial Documents to 1776.* London, 1955 (English Historical Documents. Vol. IX). P. 851; *Journals of the Continental Congress, 1774–1789.* Washington, D.C., 1904–1937. Vol. IV. P. 139, 141, 142, 144, 146. См. также: *Letters of Members of the Continental Congress.* Vol. I. P. 348; *American Historical Review.* 1895–1896. Vol. I. P. 684 ff.

16 *Hazelton J. The Declaration of Independence, Its History.* N.Y., 1906. P. 232 ff.; [*Hutchinson Th.*] *Strictures upon the Declaration of the Congress at Philadelphia...* Boston, 1958. P. 5–7, 9. См. также полуофициальный ответ английского правительства, написанный Джоном Линдом по заказу казначейства и занимающий 132 страницы: *Answer to the Declaration of the American Congress.* London, 1776.

17 На связи колониальных заговорщиков с оппозиционными группами в Англии и с генералом Хоу сильнее

других настаивал Гэллоуэй: *Galloway J. Historical and Political Reflections on the Rise and Progress of the American Rebellion...* London, 1780; *Idem. A Reply to... Sir William Howe...* London, 1780.

18 См. в первую очередь: *Davidson Ph. Propaganda and the American Revolution, 1763–1783.* Chapel Hill, 1941; *Miller J. Sam Adams, Pioneer in Propaganda.* Boston, 1936; *Idem. Origins of the American Revolution.* Boston, 1943. В высшей степени проницательный анализ обращения публицистических идеологов революционного времени в историографические концепты см. в работе: *Fisher S. The Legendary and Myth-making Process in Histories of the American Revolution // Proceedings of the American Philosophical Society.* 1912. Vol. 51. P. 53–75.
19 *Sir Henry Cavendish's Debates of the House of Commons...* London, 1841–1843. Vol. I. P. 398–399.

Глава V

1 См.: *McIlwain Ch. The Historical Background of Federal Government // Federalism as a Democratic Process.* New Brunswick, N.J., 1942. P. 35.

2 *Interim Report... on House of Commons Personnel...* London, 1932; цит. по: *Haskins G. The Growth of English Representative Government.* Philadelphia, 1948. P. 130; см. также: *Idid.* P. III, 76–77.

3 *Chrimes S. English Constitutional Ideas in the Fifteenth Century.* Cambridge, 1936. P. 131. О политическом функционировании этой формы представительства см.: *Beer S. The Representation of Interests in British Government: Historical Background // American Political Science Review.* 1957. Vol. 51. P. 614–628. Приведенное суждение Берка находится в его речи к избирателям Бристоля (1774). Онслору высказывал почти тождественный взгляд: «Каждый депутат, будучи из-

бран, становится представителем всех общин, вне зависимости от того, откуда его делегировали» (The Law and Working of the Constitution: Documents, 1660–1914. London, 1952. Vol. I. P. 392).

4 Colegrove K. New England Town Mandates // Publications of the Colonial Society of Massachusetts. Boston, 1919. Vol. XXI (Transactions). P. 411–436; Smith W. History of the Late Province of New-York, from Its Discovery to... 1762. N.Y., 1829 [Collections of the New-York Historical Society for the Year 1829]. Vol. I. P. 309; см. также: Ibid. Vol. II. P. 14. Уильям Дуглас резко осуждал закон Массачусетса, согласно которому депутат обязан быть «жителем округа, от которого он избирается», на том основании, что человек хорошего происхождения, «ревностный, проживающий в этой провинции, начитанный, наблюдательный и ежедневно знакомящийся с политическими и торговыми делами, несомненно более пригоден для законодательной деятельности, чем торговец ромом и пивом, именуемый трактирщиком и проживающий в бедном и неизвестном местечке вдали от деловых операций». По мнению Дугласа, любой житель провинции, обладающий собственностью в одном из ее округов, имеет право представлять этот округ (см.: Douglass W. A Summary, Historical and Political, of the... British Settlements in North-America. Boston, 1749–1751. Vol. I. P. 506–507). В 1728 году житель Пенсильвании доказывал, что депутат — не более чем «инструмент в руках народных. <...> Здесь не происходит никакого пресуществления, подобно тому, как доверенность не означает полной уступки титула» (цит. по: Lokken R. David Lloyd. Seattle, 1959. P. 232). См. материал, собранный в работе: Phillips H. The Development of a Residential Qualification for Representatives in Colonial Legislatures. Cincinnati, 1921. См. также подробное ис-

следование: McCormick R. The History of Voting in New Jersey. New Brunswick, 1953. Гл. III. Предреволюционные идеи представительства наиболее отчетливо сформулированы в массачусетской публицистике 1754 года вокруг спорного акцизного законопроекта. См.: Evans 7176, 7186, 7227, 7296, 7303, 7304, 7312, 7319, 7332, 7418. Последнему номеру соответствует изд.: Fowle D. An Appendix to the Late Total Eclipse of Liberty... Thoughts on... the Inherent Power of the People... Not Given Up to Their Representatives... Boston, 1756. Этот памфлет подвергнувшегося преследованиям печатника Дэниэла Фоула был перепечатан в 1775 году.

5 Колониальные поверенные в Англии по сути (хотя это не произносилось вслух) более всего представляли интересы определенных округов. Парламентарии из их числа разделяли ощущение Чарльза Гарта, считавшего, что «равно представляет в парламенте провинцию Южная Каролина и город Девайзес» (Namier L. Charles Garth, Agent for South Carolina // English Historical Review. [1939]. Vol. 54. P. 645). Однако по ходу развития кризиса стало ясно, что взгляд на колониальных поверенных в Англии как на санкционированных конституцией представителей колоний противоречил исходным принципам американцев, и от него отказались.

6 [Whately Th.] The Regulations Lately Made Concerning the Colonies and the Taxes Imposed upon Them, Considered. London, 1765. P. 109. О памфлете Уэтли и возражении на него, составленном Далани, см. вступительную статью к переизд.: [Dulany D.] Considerations on the Propriety of Imposing Taxes [Annapolis, 1765; JHL Pamphlet 13] // Bailyn 1965.

7 Carpenter W. The Development of American Political Thought. Princeton, 1930. P. 47, примеч.; [Dulany D.] Op. cit. P. 7, 10. Ср.: «Колонисты утверждают,

что подобающее представительство может быть обеспечено только прямым участием в выборах, а если оно невозможно, то очевидным сходством интересов депутата и тех, кого он представляет, или, по меньшей мере, нераздельным переплетением интересов избирателей и тех, кто лишен права голоса» ([*Devotion E.*] *The Examiner Examined...* New London, 1766. P. 16). Из многочисленных опровержений принципа косвенного представительства см., например: *Moore M.* *The Justice and Policy of Taxing the American Colonies...* Wilmington, N.C., 1765 [JHL Pamphlet 16]; *Bland R.* *An Inquiry into the Rights of the British Colonies, Intended as an Answer to The Regulations Lately Made...* Williamsburg, 1766 [JHL Pamphlet 17]; *Some Observations of Consequences in Three Parts...* [Philadelphia], 1768. P. 23 ff.

8 [Otis J.] *Considerations on Behalf of the Colonies...* London, 1765. P. 9; *Church B.* *An Oration Delivered March Fifth 1773...* Boston, 1773. P. 15; [*Lee A.*] *Monitor III // Virginia Gazette (R).* 1768. March 10.

9 [Otis J.] *Op. cit.* P. 6; [*Zubly J.*] *An Humble Enquiry into the Nature of the Dependency of the American Colonies...* [Charleston], 1769 [JHL Pamphlet 28]. P. 17 (см. также: *Ibid.* P. 11, 16, 22); [*Dickinson J.*] *An Essay on the Constitutional Power of Great-Britain over the Colonies in America...* Philadelphia, 1774 // *Pennsylvania Archives.* 2^d ser. Vol. III. P. 594; *The Triumph of the Whigs; or, T'Other Congress Convened.* N.Y., 1775 [JHL Pamphlet 62]. P. 8.

10 [*Dulany D.*] *Op. cit.* P. [3]; *Virginia Gazette (R).* 1768. March 17; [*Johnson S.*] *Some Important Observations...* Newport, 1766 [JHL Pamphlet 19]. P. 32;

[*Wilson J.*] *Considerations on the... Authority of the British Parliament.* Philadelphia, 1774 [JHL Pamphlet 44]. P. 9.

11 *Moore M.* *The Justice and Policy of Taxing the American Colonies...* P. 7;

[*Adams J.*] *Thoughts on Government...* Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 65]. P. 9, 10; *Four Letters on Interesting Subjects.* Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlets 69]. P. 21–22. Показательно, что Джефферсон приписывал большое значение отказу короны увеличить число депутатов в колониальных законодательных собраниях пропорционально росту населения. См.: [*Jefferson Th.*] *A Summary View of the Rights of British America...* Williamsburg, [1774; JHL Pamphlet 43]. P. 17, 18. Адамс также полагал, что имперский парламент может считаться представительным только в том случае, если в нем будет отражено сложное многообразие населяющих империю народов. См.: *Adams.* Vol. IV. P. 101–102.

12 О преемственной связи между радикальными теориями представительства см.: *De Grazia A.* *Public and Republic.* N.Y., 1951. P. 21 ff., 45 ff.; *Robbins C.* *The Eighteenth-Century Commonwealthman.* Cambridge, 1959. P. 30, 193, 268, 338–339, 364–366, 370–374; *Christie I.* *Wilkes, Wyvill and Reform.* London, 1962, passim, в особенности с. 36, 43, 48–49, 63, 146–147, 179–184; *Gipson.* Vol. XI. P. 194–195, 220–221.

13 См., например: *Локк Дж.* Второй трактат о правлении. Гл. 13. § 149. Ср. рассуждения о Славной революции у Отиса: *Otis J.* *Rights of the British Colonies Asserted and Proved.* Boston, 1764 [JHL Pamphlet 7]. P. 15 ff. В вопросе о роспуске правительства Отис ссылается на Локка (с. 23). Локковская идея о действенном согласии в момент восстания использовалась для легитимации Континентального конгресса, который сопоставлялся с «собранием баронов в Раннимеде, когда была подписана Великая хартия вольностей, Согласительным парламентом, призвавшим Карла II, и собранием лордов и общин, вручившим корону Вильгельму III» (*Wilson J.*,

Dickinson J. Address to the Inhabitants of the Colonies [1776] // *Journals of the Continental Congress, 1774–1789*. Washington, D.C., 1904–1937. Vol. IV. P. 137.

14 Цит. по: *McLaughlin A.* The Foundations of American Constitutionalism. N.Y., 1932. P. 83–84. См. также: [*Mather M.*] *America's Appeal to the Impartial World...* Hartford, 1775 [JHL Pamphlet 59]. P. 39. О политических проблемах такого рода см.: *Carpenter W.* *Op. cit.* P. 91 ff.; *Gough J.* *Fundamental Law in English Constitutional History*. Oxford, 1955. P. 120, 175–176; *McIlwain C.* *Constitutionalism and the Changing World*. N.Y., 1939. P. 64–65.

15 *Carpenter W.* *Op. cit.* P. 43, 91; [*Seabury S.*] *A View of the Controversy...* [N.Y., 1774] // *Letters of a Westchester Farmer (1774–1775)*. White Plains, 1930 (Publications of the Westchester County Historical Society. Vol. VIII). P. III.

16 [*Inglis C.*] *The True Interest of America... Strictures on a Pamphlet Intituled Common Sense...* Philadelphia, 1776. P. 18. См. выше, гл. III, примеч. 12. Об истоках американского конституционализма в XVII веке см.: *Weston C.* *English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832*. London, 1965. P. 99–100; *Gough J.W.* *Op. cit.* P. 51, 59, 67.

17 [*Bland R.*] *The Colonel Dismounted: Or the Rector Vindicated...* Williamsburg, 1764 [JHL Pamphlet 4]. P. 22; [*Hicks W.*] *Considerations upon the Rights of the Colonists to the Privileges of British Subjects...* N.Y., 1766 [JHL Pamphlet 18]. P. 1.

18 Конституционные взгляды Отиса подробно рассматриваются во вступительных статьях к двум его памфлетам (*Otis J.* *Rights of the British Colonies Asserted and Proved*; *Idem.* *Vindication of the British Colonies...* Boston, 1765 [JHL Pamphlet 11]) в изд.: Bailyn 1965.

19 *Adams*. Vol. X. P. 248; *Quincy J.* *Reports of Cases... in the Superior Court*

of Judicature... Between 1761 and 1772... Boston, 1865. P. 474; *Thorne S.* *Dr. Bonham's Case* // *Law Quarterly Review*. 1938. Vol. 54. P. 545, 549, 551. См. подготовленное тем же исследователем изд.: *A Discourse upon the... Statutes...* San Marino, 1942. P. 85–92. Об анахронизме юридических интерпретаций Отиса также свидетельствуют неоговоренные, возможно, даже неосознанные заимствования из Гроция, о которых пойдет речь ниже (см. с. 282–283, примеч. 46). Достоверная реконструкция взглядов Коука и других ранних английских юристов на судебную «аннуляцию» законов, по всей видимости, стала возможна лишь после того, как в начале XIX века окончательно сложилось новое, американское понимание «конституции». Канцлер Кент в своих знаменитых «Комментариях» ссылается на мнение Блэкстона об абсолютном верховенстве парламента, и пишет далее: «Когда говорится, что [английское право] лишает силы любой законодательный акт, противоречащий естественной справедливости и здравому смыслу или неисполнимый, имеется в виду, что суды должны дать этим актам приемлемое толкование. Из чувства долга и уважения к законодателю они не будут полагать, будто несправедливые или нелепые следствия входили в замысел закона. Однако если закон не оставляет никаких сомнений относительно своих целей и допускает только одно толкование, то, согласно английскому праву, он вне всяческих сомнений обязателен к исполнению. Воля законодателя есть высший закон страны и требует полного подчинения» (*Kent J.* *Commentaries on American Law*. N.Y., 1826. Vol. I. P. 419–420). Об американском понимании «аннуляции» см.: *Ibid.* P. 420–421, 425.

20 *Otis J.* *Rights of the British Colonies*. P. 41, 73, примеч. 39–40, 47.

21 См.: *Gough J.* *Op. cit.* P. 35–36, 45.

- 22 *Eliot A.* A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard... Boston, 1765 [JHL Pamphlet 15]. P. 19; [*Howard M.*] A Letter from a Gentleman at Halifax. Newport, 1765 [JHL Pamphlet 10]. P. 10; [*Bland R.*] The Colonel Dismounted: Or the Rector Vindicated... P. 27, 29.
- 23 Высказывания Сэмюэля Адамса цит. по: *Adams R.* Political Ideas of the American Revolution. N.Y., 1958. P. 138. Тексты писем см.: *Adams S.* Writings. N.Y., 1904–1908. Vol. I. P. 152 ff., в первую очередь с. 156; текст циркуляра см.: *Ibid.* P. 184–188; [*Hicks W.*] The Nature and Extent of Parliamentary Power Considered... Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 24]. P. 31; [*Zubly J.*] *Op. cit.* P. 5.
- 24 *Cooke S.* A Sermon Preached at Cambridge... Boston, 1770. P. 11; *Turner Ch.* A Sermon Preached before His Excellency Thomas Hutchinson. Boston, 1773. P. 16, 17, 18–19; *Whiney P.* The Transgressions of a Land... Boston, 1774. P. 8; [*Mather M.*] *Op. cit.* P. 22–23; Four Letters on Important Subjects. P. 15–16, 18, 19, 22.
- 25 The Genuine Principles of the Ancient Saxon, or English Constitution... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 70]. P. 4, 35, 34. О Хьюльме и влиянии его труда см.: *Robbins C.* *Op. cit.* P. 363–365. К 1776 году в пользу постоянной конституции успели высказаться даже тории, см., например: [*Seabury S.*] *Op. cit.* P. 123; [*Chandler Th.*] What Think Ye of the Congress Now?... N.Y., 1775. P. 44. Удивительная скорость, с которой созревали революционные идеи, хорошо видна при сравнении концепций Сибири и Чандлера с резолюцией городской сходки Конкорда (1776). См.: *Sources and Documents of the American Revolution...* Oxford, 1923. P. 177.
- 26 [*Howard M.*] *Op. cit.* P. 11.
- 27 *Otis J.* Vindication of the British Colonies. P. 3–4, 8, 9, 13, 14.
- 28 [*Dickinson J.*] An Address to the Committee of Correspondence in Barbados... [Philadelphia, 1766] // Writings of John Dickinson. Philadelphia, 1895 [Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania. Vol. XIV]. P. 261, 262; *Dickinson J.* A Speech Delivered... 1764 // *Ibid.* P. 34; [*Downer S.*] A Discourse Delivered in Providence... at the Dedication of the Tree of Liberty. Providence, 1768 [JHL Pamphlet 25]. P. 6.
- 29 [*Hamilton A.*] The Farmer Refuted... [N.Y., 1775] // Papers of Alexander Hamilton. NY; London, 1961. Vol. I. P. 122; [*Livingston Ph.*] The Other Side of the Question... N.Y., 1774 [JHL Pamphlet 51]. P. 9.
- 30 [*Jefferson Th.*] *Op. cit.* P. 22; *Otis J.* Vindication of the British Colonies. P. 32; Four Letters on Interesting Subjects. P. 22; [*Lee A.*] Monitor III // Virginia Gazette (R). 1768. March 10 (см. также № IV и V, где Ли развивает свои доводы в пользу «подтверждения наших прав <...> заслуживающего название Великой американской хартии»); Элиот Холлису, 10 июля 1769 года: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 442. Затем сомнения в целесообразности исчисления прав, как и в других идеях предреволюционного времени, возникли вновь. См. в первую очередь тонкий анализ этого вопроса в письме Мэдисона к Джефферсону от 17 октября 1788 года: Papers of Thomas Jefferson. Princeton, 1958. Vol. XIV. P. 18–19, в особенности доводы 2 и 4.
- 31 A Concise View of the Principles of the Constitution and Government of the United States... // Annals of the American Revolution... Hartford, 1824. P. 385.
- 32 *Andrew Ch.* The Colonial Period of American History. New Haven, 1934–1938. Vol. I. P. 440; *McIlwain C.* *Op. cit.* P. 241 (см. также: *Andrew Ch.* *Op. cit.* Vol. II. P. 102 ff.). См.: *Wright B.* The Early History of Written Constitutions in America // Essays... in Honor of Charles Howard McIlwain. Cambridge, 1936. P. 344–371. Уже утверждалось, что «Плимуту принадлежит заслуга установления пер-

- вой американской конституции» (уложение 1636 года) (*Haskins G. The Legacy of Plymouth // Social Education. 1962. Vol. 26. P. 9*).
- 33 *Andrew Ch.* Op. cit. Vol. II. P. 137, 49, 283n; Vol. III. P. 269, 286, 287n–288n. О «герцогских законах» Нью-Йорка см.: *McKinley A.* The Transition from Dutch to English Rule in New York // *American Historical Review. 1900–1901. Vol. 6. P. 704 ff.*
- 34 [*Fitch Th. et al.*]. Reasons Why the British Colonies Should Not Be Charged with Internal Taxes. New Haven, 1764 [JHL Pamphlet 6]. P. 9; *Dickinson J.* A Speech Delivered... 1764. P. 30; *Cooke S.* Op. cit. P. 33. Обратим внимание, что Дикинсон в 1764 году по сути считает пенсильванскую Хартию о привилегиях (1701) неизменяемым основным законом. См.: *Jacobson D.* John Dickinson's Fight against Royal Government, 1764 // *WMQ. 3^d ser. 1962. Vol. 19. P. 72–74.* К важному выводу приходит Чарльз Эрдман, показавший, что колониальные хартии в предреволюционный период обрели черты современных конституционных актов, а во время революции, претерпев немногочисленные изменения, действительно становились конституциями штатов. См.: *Erdman Ch.* The New Jersey Constitution of 1776. Princeton, 1929.
- 35 *Webster S.* The Misery and Duty of an Oppressed and Enslav'd People... Boston, 1774. P. 10 ff. (здесь цит. с. 22); [*Mather M.*] Op. cit. P. 24. См. также: [*Johnson S.*] Op. cit. P. 42 ff. Подробно об этой теме и о политическом значении возрожденного обличительного проповедничества предреволюционных лет см.: *Miller P.* From the Covenant to the Revival // *The Shaping of American Religion. Princeton, 1961.*
- 36 *Haskins G.* Op. cit. P. 9–10, 22; *Andrew Ch.* Op. cit. Vol. I. P. 458; *Haskins G.* Law and Authority in Early Massachusetts. N.Y., 1960. P. 120, 136 ff.
- 37 *Andrew Ch.* Op. cit. Vol. III. P. 117, 119; *The Colonial Laws of New York...* Albany, 1894. Vol. I. P. 244–248; *Documents Relative to the Colonial History of the State of New York...* Albany, 1856–1887. Vol. IV. P. 263–264.
- 38 *The Grants, Concessions, and Original Constitutions of the Province of New Jersey...* [Somerville, N.J., 1881]. P. 382–409; *Pomfret J.* The Province of West New Jersey, 1690–1702. Princeton, 1956. P. 92 ff.; *Andrew Ch.* Op. cit. Vol. III. P. 273–274 (ср. с. 167), 286; *The Federal and State Constitutions, Colonial Charters...* Washington, D.C., 1909. Vol. V. P. 3044 ff.
- 39 *The Grants, Concessions, and Original Constitutions of the Province of New Jersey...* P. 394, 395; *The Colonial Laws of New York...* Vol. I. P. 247.
- 40 [*Hamilton A.*] Op. cit. P. 163.
- 41 См.: *McIlwain Ch.* Op. cit. P. 26–29, 52–55, 72 ff.; *Gough J.* Op. cit. P. 117 ff.; *Judson M.* The Crisis of the Constitution... 1603–1645. New Brunswick, N.J., 1949. Гл. IV–V; *Mosse G.* The Struggle for Sovereignty in England. East Lansing, Mich., 1950. Гл. IV.
- 42 *Judson M.* Henry Parker and the Theory of Parliamentary Sovereignty // *Essays...* in Honor of McIlwain. P. 144, 150, 151, 152.
- 43 См.: *Ibid.* P. 153, 163, 164; *Gough J.* Op. cit. P. 176 ff.
- 44 *McIlwain Ch.* Op. cit. P. 63–64. О сложной позиции Блэкстона см.: *Barker E.* Essays on Government. Oxford, 1945. P. 137–138. О том, как Блэкстон применял эти положения к проблеме власти парламента над колониями, см.: *Gipson L.* The Great Debate... on the Stamp Act, 1766, as Reported by Nathaniel Ryder // *PM. 1962. Vol. 86. P. 17.*
- 45 *Hansard T.* The Parliamentary History of England... London, 1806–1820. Vol. XVI. P. 612; [*Ingersoll J.*] Mr. Ingersoll's Letters Relating to the Stamp-Act. Hew Haven, 1766 [JHL Pamphlet 22]. P. 13.

46 *Otis J. Rights of the British Colonies Asserted and Proved*. P. 12, 39, 47, 48. В соответствующем месте своего трактата (*De jure belli et pacis*, I, i, 10, § 5) Гроций рассуждает о том, что естественное право служит логически необходимым ограничителем абсолютной власти. Выкладки Гроция существенны для понимания контекстов, породивших аргументацию Отиса и неразрешенную им дилемму. У Гроция говорится: «Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом. Хотя божественное всемогущество и безмерно, тем не менее можно назвать и нечто такое, на что оно не распространяется, поскольку то, что об этом говорится, только произносится, но лишено смысла, выражающего реальный предмет, ибо само себе противоречит. Действительно, подобно тому, как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро». О системе взглядов Отиса см. вступительные статьи к «Утверждению и обоснованию прав британских колоний» и «Защите британских колоний» в изд.: Bailyn 1965.

47 Так, например, Болингброк тоже выражение использовал в нападениях на «Робинократию» Уолпола: всевластие кабинета «с полным правом можно назвать <...> *imperium in imperio*, а это лучшими теоретиками правления всегда отвергалось как солецизм» (*The Craftsman*. 1728. Oct. 18. № 172 // *The Craftsman*. London, 1731. Vol. V. P. 153). Католики подверглись сходным обвинениям за то, что проповедуют «этот политический солецизм, *imperium in imperio*, ведущий к самой ужасной анархии и беспорядку, гражданской войне и кровопролитию» (*The Votes and Proceedings of the Freeholders... of... Boston... Boston*, [1772]. [JHL Pamphlet 36]. P. 4). Дэ-

ниель Леонард писал, что «*imperium in imperio*» есть «верх политической нелепости» (*Leonard D. The Origin of the American Contest with Great-Britain... N.Y.*, 1775 [JHL Pamphlet 56]. P. 56). Это понятие последовательно опровергается в приведенных ниже замечаниях Айрделла (с. 144).

48 *Otis J. Rights Asserted and Proved*. P. 40; *Adams*. Vol. X. P. 296–297; *Otis J. Vindication of the British Colonies*. P. 4, 14, 5; [*Otis J.*] *Brief Remarks on the Defence of the Halifax Libel... Boston*, 1765. P. 5, 22. Двусмысленную позицию Отиса в 1770 году отмечал губернатор Бернард; см.: *Gipson*. Vol. XII. P. 39.

49 *Brennan E. James Otis: Recreant and Patriot // New England Quarterly*. 1939. Vol. 12. P. 722.

50 Эдмунд Берк предрекал в своей «Речи о налогодоброжелании Америки»: «Если самым неразумным и роковым образом вы загрязните и отравите самый источник управления, уступив хотя бы немного неограниченного и беспредельного по своему существу суверенного владычества, вы только подадите им повод поставить под сомнение его суверенный характер. Если загнать вепря слишком сильно, он неминуемо нападет на охотников. Если суверенную власть и их свободу нельзя сочетать, то что они выберут? Они бросят эту суверенную власть вам в лицо. Уговорить сдать в рабство невозможно».

51 *McLaughlin A. The Background of American Federalism // American Political Science Review*. 1918. № 12. P. 215. В нижеследующем анализе мы во многом опираемся на эту работу, где доказывается, что «в своих узловых моментах американский федерализм был заимствован из устройства Британской империи до 1764 года» и что именно об этом устройстве много «спорили в период между Семилетней войной и принятием федеральной конституции, особенно последние

10–12 лет перед объявлением независимости». См. также: *McLaughlin A. Foundations of American Constitutionalism*. Гл. VI; *McIlwain Ch. Historical Background of Federal Government*. 52 Бурламаки в «Началах естественного и политического права» (1747; первый полный перевод на английский язык, 1752) толковал: «Обязательства бывают двух видов — внутренние и внешние. Внутренними я называю обязательства, подсказанные нашим разумом и составляющие первоначальное правило поведения, а также добра или зла, которыми черваты наши поступки. Внешние обязательства происходят от воли того, кому мы подчиняемся и кто разрешает или запрещает определенные вещи под страхом наказания» (*Burlamaqui J.-J. Principles of Natural and Politic Law*. London, 1752. Vol. I. Ch. VI. P. 13; см. также: *Ibid.* Vol. I. Ch. X. P. 8–10). Сходным образом Ваттель утверждал, что народы, подобно людям, от природы «свободны и независимы друг от друга», не считая случаев, когда они связаны какими-либо обязательствами. Такие обязательства «и соответствующее им право <...> делятся на внешние и внутренние. Внутреннее обязательство предписывает совести и включает понятие долга; внешнее относится к другим людям и создает среди них некоторое право». Далее Ваттель рассматривает свободу действий, допустимую для наций, в свете внешних и внутренних обязательств (*Vattel E. Law of Nations*. London, 1759. Vol. I: Introduction. Secs. 16–17, 20, 27. P. 5–7; именно этим изданием пользовались Отис и Бленд). Предложенная Бурламаки оппозиция внешних и внутренних обязательств могла прямо применяться к спору о полномочиях парламента в Америке. См. письмо Сэмюэля Купера к Томасу Паунеллу от 25 марта 1773 года: *American Historical Review*. 1902–1903. Vol. 8. P. 328.

О значении той же дихотомии для размышлений Херрингтона см.: *Blitzer Ch. An Immortal Commonwealth*. New Haven, 1960. P. 111 ff.

53 [*Bland R.*] *Colonel Dismounted: Or the Rector Vindicated*. P. 22;

[*Hopkins S.*] *The Rights of Colonies Examined*. Providence, 1765 [JHL Pamphlet 9]. P. 10, 11. Позже Хопкинс предложил еще одно различие в связи с налогообложением колоний: налоги на «внутренние отправления» и на «внешний ввоз». См.: *Bailyn* 1965. P. 504.

54 О памфлете из Коннектикута и затронутых в нем вопросах см. вступительную статью к нему, а также дополнительные материалы в изд.: *Bailyn* 1965. См. также: [*Dulaney D.*] *Op. cit.* P. 33.

55 Письмо Хатчинсона Эбенезеру Силману от 9 ноября 1764 года цит. по: *Morgan E., Morgan H. The Stamp Act Crisis*. Chapel Hill, 1953. P. 216. См. также: Томас Уотли Джону Темплу, 2 мая 1767 года: *MHS Colls.* 6th ser. Vol. IX. P. 83; *Morgan E. Colonial Ideas of Parliamentary Power, 1764–1766 // WMQ.* 3^d ser. 1948. Vol. 5. P. 311–341. Здесь доказывается, что в колониях никогда не признавали право парламента устанавливать внешние налоги, что «уступки» колонистов были измышлены английскими публицистами и политиками, а возражения американцев против парламентского налогообложения окончательно оформились в ходе споров вокруг Закона о гербовом сборе. Я во многом опираюсь на выводы Моргана, однако расхожусь с ним в двух отношениях. Я полагаю, что идея уступок парламенту в колониях все же бытовала, хотя приверженцы ее были малочисленны и не очень последовательны. Важнее, однако, другой вопрос, касающийся развития американской конституционной мысли. В этой перспективе факт признания или непризнания полномочий

парламента устанавливать внешние налоги не столь существен, как более общее различие внутренней и внешней сферы управления, позволявшее колонистам подразделять и классифицировать полномочия парламента (см. цитаты в примеч. 65). Примеры согласия колонистов на внешнее налогообложение приведены в моем издании революционных памфлетов; помимо того можно указать на письмо Чарльза Кэррола, где обосновывается право парламента производить сборы с колоний, «налагая пошлины на наш ввоз и вывоз» (Unpublished Letters of Charles Carroll of Carrollton... N.Y., 1902. P. 90). В более общем смысле см.: *Iredell J. Causes Leading up to the American Revolution // Life and Correspondence of James Iredell. N.Y., 1857–1858. Vol. I. P. 287 ff.*

56 *The Writings of Benjamin Franklin. N.Y., 1905–1907. Vol. IV. P. 421, 424, 445, 446.* О конституционных воззрениях Франклина см.: *Benjamin Franklin's Letters to the Press, 1758–1775. Chapel Hill, 1950. P. xxxvii–xlvi, 60–61* (а также упомянутые там документы).

57 [*Dulany D.*] *Op. cit.* P. 15.

58 [*Dickinson J.*] *Letters from a Farmer in Pennsylvania... Philadelphia, 1768 [JHL Pamphlet 23]. P. 20, 24.*

59 [*Hicks W.*] *The Nature and Extent of Parliamentary Power Considered... P. xiii.* В этой же работе читаем: «До тех пор, пока власть британского парламента признается во всех отношениях верховной и суверенной, свобода Америки есть только приятный сон, а ее права — обманчивые тени» (с. 23). См. также: [*Downer S.*] *Op. cit.* P. 7; [*Zubly J.*] *Op. cit.* P. 2–4, 6, 9.

60 [*Knox W.*] *The Controversy Between Great Britain and Her Colonies Reviewed... [London, 1769] // Old South Leaflets. № 210. P. 8–9, 10–11* (в оригинальном изд. с. 34–35, 44, 50). Ср.: [*Mein J.*] *Sagittarius's Letters and*

Political Speculations... Boston, 1775. P. 12; [Boucher J.] A Letter from a Virginian... [N.Y.], 1774 [JHL Pamphlet 46]. P. 20, 23; Leonard D. Op. cit. P. 62–63.

61 По распоряжению палаты материалы прений были собраны в особом издании: *The Speeches of His Excellency Governor Hutchinson to the General Assembly... 1773. With the Answers of His Majesty's Council and the House of Representatives Respectively... Boston, 1773 [JHL Pamphlet 37].* Кроме того, они переизданы (за исключением последней речи Хатчинсона от 6 марта) в изд.: *Speeches of the Governors of Massachusetts, from 1765 to 1775... Boston, 1818. P. 336–396.* Цитированные фрагменты располагаются на с. 5, 7, 11, 13, 18, 19, 20, 31, 35, 56–57, 60, 61, 81, 115 первого издания и с. 337, 338, 340, 342, 344, 345, 351, 353, 364, 368, 369, 379 второго.

62 *Dickinson J. Essay on the Constitutional Power of Great-Britain // Pennsylvania Archives. 2^d ser. Vol. III. P. 569–589, 603* (ср. статью 4 «Декларации и резолюций» конгресса); [*Seabury S.*] *Op. cit.* P. 119; [*Galloway J.*] *A Reply to an Address to... a Candid Examination... N.Y., 1775. P. 17, 20, 26.*

63 [*Mather M.*] *Op. cit.* P. 34, 47, 44, 46.

64 *Iredell J. Address to the Inhabitants of Great Britain. [S.l., 1774] // Life and Correspondence of James Iredell... Vol. I. P. 206, 207, 217, 219; [Wilson J.] Op. cit. P. [iii], 31.* О деле Кэлвина и историко-юридической аргументации колонистов см.: *Bailyn 1965. P. 709–710* (и упомянутые там материалы). О доводах Хатчинсона см.: *The Speeches of His Excellency Governor Hutchinson to the General Assembly... P. 62–83.* См. также общую работу: *Adams R. Op. cit. Гл. III, V.*

65 [*Seabury S.*] *Op. cit.* P. 112, 125; [*Lind J.?*] *An Englishman's Answer, to the Address, from the Delegates... N.Y., 1775. P. 14–16; Novanglus and Massachusettsensis... Boston, 1819. P. 202–203*

(см. также: *Massachusetts Gazette*. 1775. February 20–27). «План союза» (1774) Гэллоуэя см. в изд.: *Sources and Documents of the American Revolution...* P. 116–118. См. далее: [*Chandler Th.*] *Op. cit.* P. 44. Томас Паунелл, отвечая Дикинсону во втором издании своего «Управления английскими колониями» (1774), отчетливо разграничил теоретический и практический подходы к распределению верховной власти между парламентом и колониями. Симпатизировавший колонистам Паунелл, бывший губернатор Массачусетса (см. вступительную статью к памфлету Далани в изд.: *Bailyn* 1965) признавал, что «в обычном отправлении» власти парламент согласился бы на предложенное Дикинсоном различие полномочий, однако в «учреждении и соблюдении законов власть парламента, своего рода высшего суда, должна считаться всеобщей, распространяющейся на все случаи». Точно также, хотя Англия «навсегда отказалась» от взимания внутренних налогов с колоний, она никогда не согласится на «нескрываемое унижение», связанное с формальным упразднением этого права (см.: *Pownall Th.* *Op. cit.* Vol. II. P. 89–111). Вслед за Дикинсоном Паунелл подробно останавливается на различии между внешней и внутренней сферами управления (см.: *Ibid.* Ch. V. Vol. II. P. 32 ff.). Эта тема не забылась с объявлением независимости и фигурировала в позднейших спорах о федеральном устройстве. См.: *Lee R.H.* [*Federal Farmer*] // *Empire and Nation*. Englewood Cliffs, N.J., 1962. P. 110–111, 120.

66 *Royal Instructions to the Peace Commission of 1778* // *Sources and Documents of the American Revolution...* P. 192, 200.

67 О спорах вокруг понятия суверенитета в конце XVIII — начале XIX века см., например: *Adams R.* *Op. cit.* Гл. VII, VIII; *Records of the Federal*

Convention of 1787. New Haven, 1911–1937. Vol. I. P. 27, 323, 328, 331–332, 467; Vol. II. P. 347, 584; *The Federalist*. № 9, 15, 20, 31, 32, 39, 40, 44, 45, 62, 81; *Main J.* *The Antifederalists*. Chapel Hill, 1961. P. 120–125; *Merriam C.* *A History of American Political Theories*. N.Y., 1936. P. 254 ff. В первую очередь стоит указать на соображения Мэдисона «об истинном разделении власти между всеобщим и местным правительствами», которые он в 1787 году сообщал Джефферсону, и его публичное выступление на этот предмет в 1792-м: *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. XII. P. 273–279; *Madison G.* *Writings*. N.Y., 1900–1910. Vol. VI. P. 91–93.

68 *A Concise View of the Principles of the Constitution and Government of the United States...* P. 394.

Глава VI

1 *The Eclipse*. [Boston], 1754. P. 7; *Warren J.* *An Oration...* Boston, 1772 [JHL Pamphlet 35]. P. 6; [*Allen J.*] *The American Alarm...* for the Rights and Liberties, of the People... Boston, 1773 [JHL Pamphlet 39]. 1st sec. P. 9; *A Serious Address to...* New-York... N.Y., 1774 [JHL Pamphlet 42]. P. 5; [*Dickinson J.*] *Letters from a Farmer in Pennsylvania...* [Philadelphia, 1768; JHL Pamphlet 23]. P. 38; *Quincy J.* *Observations on the... Boston Port-Bill; with Thoughts on... Standing Armies...* [Boston, 1774] // *Quincy J.* *Memoir of the Life of Josiah Quincy Junior...* Boston, 1825. P. 451; *Adams*. Vol. IV. P. 28. Любопытно, что фраза Дикинсона в первой, газетной, версии «Писем фермера» почти полностью совпадала со словами Квинси: «Мы, следовательно, — я говорю это с горечью, я говорю это с возмущением — мы рабы».

2 *New York Evening Post*. 1747. November 16; [*Mather M.*] *America's Appeal to the Impartial World...* Hartford, 1775 [JHL Pamphlet 59]. P. 48.

- 3 New York Evening Post. 1747. November 16 (ср.: Boston Gazette. 1756. May 10); [Wells R.] A Few Political Reflections... Philadelphia, 1774. P. 82; Mather M. America's Appeal to the Impartial World... P. 48; [Hopkins S.] The Rights of Colonies Examined. Providence, 1765 [JHL Pamphlet 9]. P. 16.
- 4 Локк Дж. Второй трактат о правлении. Гл. 4. § 23.
- 5 [Camm J.] Critical Remarks on a Letter Ascribed to Common Sense... Williamsburg, 1765. P. 19.
- 6 Some Fugitive Thoughts on a Letter Signed Freeman... [Charleston], 1774. P. 25; [Jefferson Th.] A Summary View of the Rights of British America... Williamsburg, [1774; JHL Pamphlet 43]. P. 16–17; Jameson J. The American Revolution Considered as a Social Movement. Princeton, 1926. P. 32–33. О спорах вокруг поправки о работоторговле в первом варианте Декларации независимости см.: Becker C. The Declaration of Independence. N.Y., 1922. P. 212–213; Quarles B. The Negro in the American Revolution. Chapel Hill, 1961. P. 42–43.
- 7 Considerations upon the Act of Parliament. Boston, 1764 [JHL Pamphlet 5]. P. 15–16; Otis J. Rights of the British Colonies... Boston, 1764 [JHL Pamphlet 7]. P. 29.
- 8 [Johnson S.] Some Important Observations... Newport, 1766 [JHL Pamphlet 19]. P. 5, 7, 8, 9, 52; [Dickinson J.] Op. cit. P. 48; Lee A. ["Monitor" Letters. № II, IV, VI] // Virginia Gazette (R). 1768. March 3, 17, 31. См. также: [Downer S.] A Discourse Delivered in Providence... Providence, 1768 [JHL Pamphlet 25]. P. 10, 12. В 1767 году в бостонской газете цитировалось определение рабства, принадлежащее доктору Джонсону. См.: Gipson. Vol. XI. P. 144.
- 9 Cooke S. A Sermon Preached at Cambridge... Boston, 1770. P. 41, 42; Rush B. The Selected Writings. N.Y., 1947. P. 17.
- 10 [Wells R.] A Few Political Reflections... P. 79–80, 81, 82, 83; [Allen J.] The Watchman's Alarm to Lord N---h... Salem, 1774. P. 25, 27, 28; Sharp G. A Declaration of the People's Natural Right to Share in the Legislature... N.Y., 1774. P. 14n; [Mein J.] Sagittarius's Letters and Political Speculations... Boston, 1775. P. 38–39; [Jefferson Th.] A Summary View of the Rights of British America... P. 16–17. Памфлет Шарпа, впервые опубликованный в Лондоне в 1774 году, был четырежды переиздан в колониях в течение года (см.: Adams Th. American Independence... A Bibliographical Study... Providence, 1965. № 1393e-h). Об исходных, английских политических контекстах этой работы см.: Klingberg F. The Anti-Slavery Movement in England. New Haven, 1926. Гл. II.
- 11 Hart L. Liberty Described and Recommended... Hartford, 1775. P. V, 9 ff., 15, 16, 20, 22, 23.
- 12 Quarles B. Op. cit. P. 33–35; [Hopkins S.] A Dialogue Concerning the Slavery of Africans... Norwich, 1776. P. 12, 15, 23, 24, 30, 50, 52, 54.
- 13 Quarles B. Op. cit. P. 40–41; Drake Th. Quakers and Slavery in America. New Haven, 1950. P. 85–90; DuBois W. The Suppression of the African Slave-Trade... N.Y., 1896. P. 42–47.
- 14 [Hutchinson Th.] Strictures upon the Declaration of the Congress at Philadelphia... [London, 1776] // Old South Leaflets. Boston, 1958. P. 11 (№ 227); Quarles B. Op. cit. P. 43. О судьбе антирабовладельческой риторики революционных лет в эпоху перед Гражданской войной см.: Detweiler Ph. Congressional Debate on Slavery and the Declaration of Independence, 1819–1821 // American Historical Review. 1957–1958. Vol. 63. P. 598–616.
- 15 Parsons J. Freedom from Civil and Ecclesiastical Slavery... Newburyport, [1774].
- 16 Adams 1961. Vol. III. P. 312. Англиканские противники революции под-

черкивали непримиримость конгрегационалистов Новой Англии. В одном из памфлетов говорится: «Полнейшим безумием было бы ждать ангельской терпимости от жителей Новой Англии, где ее преследуют и ненавидят»; в вопросах терпимости народ Новой Англии «еще не достиг XVII и XVIII веков» ([*Chalmers J.*] *Plain Truth...* Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 64]. P. 64).

17 *Gewehr W.* *The Great Awakening, 1740–1790.* Durham, N.C., 1930. P. 49 ff.; *Brydon G.* *Virginia's Mother Church...* Richmond; Philadelphia, 1947–1952. Vol. II. P. 159 ff.; *Baldwin A.* *The New England Clergy and the American Revolution* Durham (N.C.), 1928. P. 65, 76, 77, 79. Об американских «раскольниках» («Separates») см.: *Goen C.* *Revivalism and Separatism in New England, 1740–1800.* New Haven, 1962.

18 См.: *Livingston W. et al.* *The Independent Reflector...* Cambridge, 1963. № 17–22.

19 В том, что они принадлежат к пресвитерианству, их в конце концов убедил «старик шотландец», давший им приют на одну ночь. См.: *Brydon G.* *Op. cit.* Vol. II. P. 157.

20 *Historical Collections of the American Colonial Church.* Vol. I. Virginia. [Hartford], 1870. P. 461; *Bland R.* *A Letter to the Clergy of Virginia...* Williamsburg, 1760. P. 4, 18, 19; *Camm J.* *A Single and Distinct View...* Annapolis, 1763. P. 24; *Morton R.* *Colonial Virginia.* Chapel Hill, 1960. Vol. II. P. 811; *Henry W. Patrick Henry.* N.Y., 1891. Vol. I. P. 41.

21 О полемике между Эпторпом и Мэйхью см. выше, с. 65–66; см. также: Introduction [to Pamphlet 3] // *Bailyn* 1965. О раннем этапе жизни Мэйхью см.: Introduction [to Pamphlet I] // *Ibid.*

22 *Garrett W.* *Apthorp House, 1760–1960.* Cambridge, 1960. P. 12, 13; [*Apthorp E.*] *Considerations on the Institution and Conduct of the Society...* Boston, 1763. P. 7, 10–11, 14, 17, 23.

23 Знаменательным образом «этимология слова „правоверие“ („orthodox“)) сыграла важную роль в выступлениях баптистов десять лет спустя, когда речь шла уже об официальном статусе конгрегационалистской церкви в Массачусетсе (Мэйхью, по крайней мере формально, принадлежал именно к этой церкви). См.: *Allen J.* *The American Alarm...* 4th sec. P. 11.

24 *Mayhew J.* *Observations on the Charter and Conduct of the Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts...* Boston, 1763. P. 20, 21, 26, 155–156; *Hooker R.* *The Mayhew Controversy // Church History.* 1936. Vol. 5. P. 254; *Adams.* Vol. X. P. 288.

25 *Brydon G.* *Op. cit.* Vol. II. P. 249 ff., 367 ff.; *Gewehr W.* *Op. cit.* Ch. V. P. 146–147; *Virginia Magazine of History and Biography.* 1898–1899. Vol. 6. P. 131, 132.

26 *Brydon G.* *Op. cit.* P. 378–380, 381, 555–557.

27 Так, например, ополчение и вольные землевладельцы графства Огаста наказывали своей делегации не забывать при обсуждении американских прав и привилегий о «несправедливости, порожденной религиозным неравенством», и включить в декларацию норму, по которой «ни одно религиозное собрание никогда не будет иметь привилегий в американской конфедерации». Отвечая на это предложение, публицист из издания *Перди Gazette*, выступавший за приоритет англикан, все же должен был признать, что «принудительный налог в пользу церкви, к которой не принадлежит плательщик, до некоторой степени несовместим со свободой»; тон его статьи был оборонительным, а аргументация сводилась к тому, что если официальная церковь существует для общего блага, то ее оппоненты должны согласиться на нее «в рассуждение тех выгод, которые они могут получить от государства» (*The Sentiments of the Several Companies of Militia and*

Freeholders of Augusta, in Virginia... // American Archives... Washington, D.C., 1837–1853. 5th ser. Vol. II. Cols. 815, 816).

28 Papers of James Madison. Chicago, 1962. Vol. I. P. 112, 170–175; *Brydon G.* Op. cit. P. 562–563, 564, 565, 566; Journal of the House of Delegates of Virginia. Anno Domini, 1776. Richmond, 1828. P. 7, 15, 25, 35, 48, 24–25.

29 См.: *Goen C.* Op. cit. P. 208 ff., 269, 273 ff.; о Бакусе см.: *Ibid.* P. 215–224.

30 *Adams A.* Religious Liberty an Invaluable Blessing... Boston, 1768. P. 32, 39.

31 [*Backus I.*] A Seasonable Plea for Liberty of Conscience, Against Some Late Oppressive Proceedings... Boston, 1770. P. 3, 8, 14; *Backus I.* A Letter to a Gentleman in the Massachusetts General Assembly, Concerning Taxes To Support Religious Worship. [Boston], 1771. P. 10 ff., 18, 20, 21.

32 Элиот Холлису, 29 января 1771 года: MHS Colls. 4th ser. Vol. IV. P. 455, 456, 457.

33 *Ibid.* P. 455; The Acts and Resolves, Public and Private, of the Province of the Massachusetts Bay... Boston, 1869–1922. Vol. IV. P. 1036, 1038, 1040.

34 *Turner Ch.* A Sermon Preached before His Excellency Thomas Hutchinson... Boston, 1773. P. 39; *Backus I.* An Appeal... Boston, 1773. P. 16 ff., 23, 28, 30 ff., 43–44, 52, 54, 55.

35 *Allen J.* The American Alarm, or the Bostonian Plea, for the Rights, and Liberties of the People. 4th sec. P. 2, 3, 7, 8, 9.

36 Три нижеследующих абзаца содержат цитаты из изданий: *Adams* 1961. Vol. III. P. 311, 323; *Hovey A.* A Memoir of the Life and Times of the Rev. Isaac Backus, A.M. Boston, 1858. P. 205, 210, 220–221.

37 *Parsons J.* Freedom from Civil and Ecclesiastical Slavery, the Purchase of Christ. Boston, 1774. P. 7, 8–9n, 9–10, 14, 15.

38 *Ibid.* P. 8–9n; *Williams S.* A Discourse on the Love of Our Country... Salem, 1775 [JHL Pamphlet 55]. P. 15.

39 [*Adams J.*] Thoughts on Government... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 65]. P. 27. Чувства Адамса разделяли многие. Так, Дэвид Рамзей писал в своей «Истории Американской революции», вышедшей в 1789 году в Филадельфии: «Ни в одной стране мира, ни в одну эпоху у людей не было права выбирать, при какой власти они хотят жить. В древности свободные правительства составлялись случайно; в современной Европе — по большей части в результате уступок со стороны монархов или военных вождей. В одной Америке в образовании государств участвуют только разум и свобода» (*Ramsay D.* History of the American Revolution. Philadelphia, 1789. Vol. I. P. 356).

40 О происхождении и развитии описанной выше классической теории английского государственного строя, а также о ее внутренних противоречиях, см. наст. изд., гл. 3, с. 50–53 и примеч. 15, 16.

41 *Allen J.* The American Alarm. 1st sec. P. 12; *Warren J.* Op. cit. P. 9–10. Подробнее об этой проблеме на материале начала XVIII века см.: *Bailyn B.* The Origins of American Politics. Part III // Perspectives in American History. 1967. Vol. I.

42 Letters of Richard Henry Lee. N.Y., 1912–1914. Vol. I. P. 19.

43 [*Hicks W.*] Considerations upon the Rights of the Colonists to the Privileges of British Subjects... N.Y., 1766 [JHL Pamphlet 18]. P. 12–13; *Adams*. Vol. IV. P. 117; *Bailyn B.* Politics and Social Structure in Virginia // Seventeenth-Century America. Chapel Hill, 1959. P. 113.

44 Letters to the Ministry from Governor Bernard, General Gage, and Commodore Hood... Boston, 1769 [Evans III 76]. P. 12; Copies of Letters from Governor Bernard, &c. to the Earl of Hillsborough. Boston, 1769. P. 9. См. также: The Barrington — Bernard Correspondence... Cambridge, 1912. P. 198, 256–258.

45 [Drayton W.] A Lettre from Freeman of South-Carolina... Charleston, 1774 [JHL Pamphlet 45]. P. 4; Select Letters on the Trade and Government of America... by Governor Bernard... / 2d ed. London, 1774. P. 83. № 3; The Dougliad. On Liberty... [N.Y., 1770; JHL Pamphlet 33]. P. 2–3.

46 Copy of Letters Sent to Great-Britain by His Excellency Tomas Hutchinson... and Several Other Persons... Boston, 1773 [JHL Pamphlet 40]. P. 31; Adams. Vol. IV. P. 25, 27, 28; A Lettre from Freeman of South-Carolina... P. 18, 32 (ср.: Ibid. P. 12). Оппонент Адамса, «Массачусетсианец» (Дэниел Леонард), оправдывал порядок назначения королевских чиновников в советы и усматривал в нем подобие необходимого порядка, недостижимого в колониях, ибо «их младенческое состояние не предполагает наличия сословия пэров» (Novanglus and Massachusettsensis... Boston, 1819. P. 194). Адамс сформулировал «шестой принцип революции <...> необходимость противостоять введению королевского или парламентского дворянства или аристократии в этой стране» (MHS Colls. 5th ser. Vol. IV. P. 344).

47 Она не исчезла и после объявления независимости. Ее все еще отстаивали — как ретроспективно, в применении к тринадцати колониям, так и на будущее, в Канаде — не только лоялисты в изгнании, как Джозеф Гэллоуэй или Уильям Смит-младший, но и высокопоставленные англичане, как, например, младший Питт, объяснявший потерю колоний «их стремлением приблизить свое устройство к великобританскому». Итогом дискуссии стал закон 1791 года, учредивший в Канаде сословие пожизненных пэров, которым предстояло составлять советы провинций. См.: Weston C. English Constitutional Theory and the House of Lords, 1556–1832. London, 1965. P. 160 ff.

48 [Chandler Th.] What Think Ye of the Congress Now?.. N.Y., 1775. P. 34–35; Ramsay D. Op. cit. P. 350. О «быстром переходе от монархии к республике в форме правления и в общественных убеждениях» см.: Kenyon C. Republicanism and Radicalism in the American Revolution... // WMQ. 3^d ser. 1962. Vol. 19. P. 165–166; Papers of Thomas Jefferson. Princeton, 1950. Vol. II. P. 26.

49 [Inglis Ch.] The True Interest of America... Strictures on a Pamphlet Intituled Common Sense... Philadelphia, 1776. P. 17, 49 ff.; Boucher J. A View of the Causes and Consequences of the American Revolution... London, 1797. P. lxi.

50 См. письмо Сэмюэля Джонсона к архиепископу Кентерберийскому от 13 июля 1760 года: Zeichner O. Connecticut's Years of Controversy. Chapel Hill, 1949. P. 28; Мэдисон Джефферсону, 24 октября 1787 года: Papers of Thomas Jefferson. Vol. XII. P. 276–277; The Federalist. № 14; Lokken R. The Concept of Democracy in Colonial Political Thought // WMQ. 3^d ser. 1959. Vol. 16. P. 570–580. Ср.: Palmer R. Notes on the Use of the Word “Democracy”, 1789–1799 // Political Science Quarterly. 1953. Vol. 68. P. 203–226. Об опасности демагогов при демократическом правлении писал Чэлмерс; см.: [Chalmers J.] Additions to Plain Truth... Philadelphia, 1776. P. 128–129. Джон Адамс отчаянно старался прояснить разницу между демократией и республикой: «Я всегда выступал за вольную республику, но не за демократию, которую считаю строем столь же деспотическим, тираническим, кровавым, жестоким и недопустимым, как власть Фалариса с его быком. Робеспьер — превосходный пример первого героя — пустозвона демократии». Не столь успешны были попытки определить республику как вариант английского равновесного строя, приспособленный

к условиям страны «без короля и родовой знати». См. письма Адамса к Мерси Уоррен от 1807 года: *MHS Procs. 5th ser. Vol. IV. P. 325, 353, 394, 473*. Признание Адамса в том, что он «никогда не понимал», что такое республиканское правление («уверен, что никто и никогда этого не понимал и никогда не поймет»), не кажется преувеличением на фоне следующего утверждения: «Говоря технически, или, если угодно, научно, существуют монархические, аристократические и демократические республики» (*Adams. Vol. X. P. 378*). Так или иначе Адамс постоянно возвращался к мысли о воспроизведении английской системы противовесов в американских штатах. См.: *Palmer R. The Age of the Democratic Revolution... The Challenge. Princeton, 1959. P. 58–59, 267–276*.

51 Вот как Айан Кристи формулирует идеологию английского радикализма революционного времени: «Они не были демократами <...> они стремились к широкой олигархии собственников, в рамках которой низшие классы твердо знают свое место. Холлис [наставник Мэйхью и Элиота в либертарианстве] даже выступал за то, чтобы массы оставались неграмотными» (*Christie I. Wilkes, Wyvill and Reform. London, 1962. P. 15–16*). В заключении к своей книге (с. 222 и далее) Кристи подчеркивает разницу между реформаторским радикализмом 1760-х годов, преимущественно отстаивавшим политические свободы в Англии и Америке, и позднейшим вариантом радикализма в среде рабочего класса, обеспокоенного, по словам чартиста Рэйнера Стивенса, «вопросом ножа и вилки». Иной взгляд см. в работе: *Weston C. Op. cit. P. 143 ff*. Характеристика Кристи подходит и к большинству английских республиканцев и радикалов кофейен начала XVIII века, чьи взгляды оказались так

влиятельны в Америке. Тренчард и Гордон, например, не видели оснований менять систему собственности в Англии (см.: *Cato's Letters. N° 85*), возражали не против неравноправия как такового, но против искусственного неравноправия (N° 45), выступали против прямой власти большинства (N° 62), яростно боролись против школ для бедных, которые, по их словам, «отнимают беднейшее отребье от плуга или ремесла и делают их торговцами, обрекая тем самым детей торговцев на работу в поле, на преступления, на голод и нищенство. <...> Мало что наносит такой же вред обществу, как превращение попрошаек в грамотеев. <...> Что может выиграть общество, если отбросы выйдут из своих лачуг, но туда отправятся лучшие» (N° 133)?

52 *Copies of Letters from Governor Bernard. P. 16; [Randolph J.] Considerations on the Present State of Virginia. N.Y., 1919. P. 15, 17; Eliot A. A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard... Boston, 1765 [JHL Pamphlet 15]. P. 49; [Dickinson J.] Op. cit. P. 58; [Drayton W.] Op. cit. P. 4; [Inglis Ch.] Op. cit. P. 24, 53; [Lind J.?] An Englishman's Answer to the Address from the Delegates... N.Y., 1775. P. 19; Barnard E. A Sermon Preached before His Excellency Francis Bernard... Boston, 1766. P. 13.*

53 Большинство жителей всех штатов, пишет Рамзей, «признавали достоинства системы власти, состоящей из нескольких ветвей. Затруднение вызывал сам принцип выделения двух слоев из однородного населения» (*Ramsay D. Op. cit. P. 351*).

54 [*Paine Th.*] *Common Sense... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 63]. P. 6, 7, 8, 11, 54, 56, 57 [Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 23–25, 45, 46]*.

55 Цит. по: *Thomas Paine / Ed. by H.H. Clark. N.Y., 1961. P. CL*.

56 [Chalmers J.] Plain Truth... P. 3, 4, 8, 11, 10, 62, 63, 65. Английскую форму правления отставивал и автор, укравшийся за псевдонимом «Rationalis»; его работа была опубликована в приложении к памфлету Чалмерса. Аноним подчеркивал, что все трудности англичан происходят не от государственного строя, но от порочных политиков, искажающих его принципы: «Бесконечные распри и беды, случившиеся в древних и новых республиках», хорошо известны: политический строй, лишенный внутреннего равновесия и взаимного ограничения частей, порождает клики, одна из которых обязательно побеждает другую, и превращается в «многоголовое чудовище, тиранию многих»: «Кровь и опустошение, <...> взаимная и яростная непримиримость партий, <...> люди, злые и дикие, как волки и тигры, <...> ужасные раздоры, насилие и смятение, <...> деспотизм» — таковы плоды демократического правления в Риме, Афинах, Карфагене, Голландии и даже в Англии, где Кромвель отобрал власть у республики и «правил неограниченно» (см.: Ibid. P. 71, 75–78).

57 [Inglis Ch.] Op. cit. P. 17. Об истории публикации этого памфлета, изначально озаглавленного «Разоблаченный обманщик...», см.: Adams Th. American Independence... № 219a–c.

58 Adams 1961. Vol. III. P. 330, 331, 333; Adams J. Thoughts on Government. P. 8, 9, 10, 11–12, 13, 14, 15, 21, 26. Автобиографическая запись Адамса от 1775 года наглядно демонстрирует, как образ сбалансированной власти сдвигался от идеи равновесия между общественными слоями, представленными в системе правления, к разделению полномочий между институциями. «Какую же форму правления вы можете предложить?», — спросили Адамса на Континентальном конгрессе.

«Настолько близкую к той, при которой мы все родились и жили, насколько это позволяют обстоятельства. Ни королей, ни знати у нас никогда не было. Никаких наследственных титулов или званий в нашей стране нет, и они не нужны нам: у нас есть и были губернаторы, советы и депутаты законодательных собраний. Власть, разделенная на три ветви, должна быть сохранена, должны остаться и независимые судьи. Откуда и как мы будем брать губернаторов и советы? При помощи выборов. Как и кто будет избирать их? Народные депутаты на конвенте, несомненно, найдут наилучший способ» (Adams 1961. Vol. III. P. 356).

59 Papers of Thomas Jefferson. Vol. I. P. 333, 335; Генри Адамсу, Уильямсбург, 20 мая 1776 года: Adams. Vol. IV. P. 201; [Braxton C.] An Address to... Virginia; on the Subject of Government... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 66]. P. 10, 11, 13, 15–16, 18, 20, 22, 23.

60 Letters of Richard Henry Lee. Vol. I. P. 203; Papers of Thomas Jefferson. Vol. I. P. 334, 366, 504.

61 The People the Best Governors: Or, a Plan of Government Founded on the Just Principles of Natural Freedom. [Hartford?], 1776 [JHL Pamphlet 68]. P. [3]–6.

62 The Interest of America // American Archives. 4th ser. Vol. VI. Col. 841–843.

63 Ассамблея должна была формироваться в результате прямых выборов; сенаторы избирались из числа членов Ассамблеи особо уполномоченными депутатами; Совет составлялся из числа сенаторов решением сената, Ассамблеи, губернатора и вице-губернатора. Совет должен был служить альтернативным исполнительным органом и одновременно третьей палатой законодательного собрания. Триединая сущность, по замыслу автора, должна была «придать зрелость и мудрость законам и устойчивость госу-

- дарственному порядку, защищая его от воздействия внезапных приступов и вспышек» (An Essay of a Frame of Government for Pennsylvania. Philadelphia, 1776. P. [3], 5 ff., 10, 11 ff.).
- 64 The Genuine Principles of the Ancient Saxon, or English Constitution... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 70]. P. 4, 13, 16, 17, 18–19, 23, 36, 37.
- 65 Essex Result // Memoir of Theophilus Parsons... Boston, 1859. P. 370.
- 66 Four Letters on Interesting Subjects. Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 69]. P. 19–20.
- 67 Raab F. The English Face of Machiavelli. London, 1964. P. 221, 216.
- 68 Boucher J. Op. cit. P. 499n.
- 69 Гораций Уолпол, как и многие европейцы того столетия, обратил внимание на эту особенность американцев. В своих мемуарах он сообщает случай, наделавший много шума в Лондоне как раз тогда, когда колонисты искали союза с короной против парламента: «Богатый купец в одной из провинций сказал: „Говорят, король Георг честнейший малый; я бы выкурил с ним трубочку“». Уолпол комментирует: «Столь мало в той части света уважают величие европейского монарха!» (Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Third. London, 1845. Vol. II. P. 72n).
- 70 [Johnson S.] Op. cit. P. 27–28.
- 71 Backus I. A Fish Caught in His Own Net... Boston, 1768. P. 61; [Allen J.] The American Alarm... 4th sec. P. 11; 1st sec. P. 15; Adams A. Op. cit. P. 38, 39.
- 72 [Johnson S.] Op. cit. P. 22; Sentiments of the Several Companies // American Archives. 5th ser. Vol. II. Col. 817.
- 73 Bland R. An Inquiry into the Rights of the British Colonies... Williamsburg, 1766 [JHL Pamphlet 17]. P. 25; Four Letters on Interesting Subjects. P. 2–3.
- 74 См., например: Eliot A. Op. cit. P. 12–30; Turner Ch. Op. cit. P. 30.
- 75 Bailyn B. Politics and Social Structure in Virginia. P. 94n15; Hitchcock G. A Sermon Preached Before... Gage... Boston, 1774. P. 27–28; Cooke S. Op. cit. P. 16; Haven J. A Sermon Preached Before... Bernard... Boston, 1769. P. 46–47; Whitney P. The Transgressions of a Land... Boston, 1774. P. 16.
- 76 [Leslie Ch.] The Finishing Stroke. Being a Vindication of the Patriarchal Scheme of Government... London, 1711. P. 87 (Этой ссылкой я обязан г. Джону Дану).
- 77 [Allen J.] An Oration upon the Beauties of Liberty... Boston, 1773 [JHL Pamphlet 38]. P. 28.
- 78 Hunt I. The Political Family, or a Discourse Pointing Out the Reciprocal Advantages Which Flow from an Uninterrupted Union Between Great-Britain and Her American Colonies... Philadelphia, 1775. P. 6, 7, 29–30.
- 79 [Seabury S.] Free Thoughts on the Proceedings of the Continental Congress Held at Philadelphia September 5, 1774... [N.Y., 1774] // Letters of a Westchester Farmer (1774–1775). White Plains, 1930 [Publications of the Westchester County Historical Society. Vol. VIII] P. 59, 61, 62; [Seabury S.] The Congress Canvassed... [N.Y.], 1774 [JHL Pamphlet 49]. P. 20.
- 80 [Chandler Th.] The American Querist: Or, Some Questions Proposed... [N.Y.], 1774 [JHL Pamphlet 47]. P. 4, 5, 30; [Chandler Th.] A Friendly Address to All Reasonable Americans... N.Y., 1774 [JHL Pamphlet 50]. P. 5.
- 81 Leonard D. [Massachusetts] // Novanglus and Massachusetts. P. 187–188; Boucher J. On Civil Liberty, Passive Obedience, and Nonresistance // Boucher J. Op. cit. P. lxxxiv, 504, 506, 507–508, 511, 512n, 513n, 512–516, 524, 525, 534, 535, 548, 552–553.
- 82 [Leonard D.] [Massachusetts]. The Origin of the American Contest with Great-Britain... [N.Y., 1775; JHL Pamphlet 56] // Novanglus and Massachusetts. P. 152.

Эпилог

1 Пер. с англ. И.В. Елагина. —
Примеч. пер.

2 См. первые главы настоящей книги, а также работы и публикации: Bailyn 1965; *Bailyn B. The Ordeal of Thomas Hutchinson. Cambridge, 1974.* Гл. III, VI; *Idem. Faces of Revolution. N.Y., 1990; A Dialogue between an American and a European Englishman (1768) / Ed. by B. Bailyn // Perspectives on American History. 1975. Vol. 9. P. 343–410.*

3 См.: *Wood G. The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill, 1969. Ч. 2–3.*

4 Некоторые аспекты этой темы рассматриваются в работе, описывающей использование революции в «риторических стратегиях» обоих лагерей в споре о ратификации, где каждая из сторон стремилась завоевать общественную поддержку при помощи ссылок на революционный опыт. См.: *Black F. The American Revolution as “Yardstick” in the Debates on the Constitution, 1787–1788 // Proceedings of the American Philosophical Society. 1973. № 117. P. 162–185.* В настоящей главе споры вокруг Конституции рассматриваются как историческое событие, а не риторический агломерат. Речь пойдет об основных вопросах, определявших политическое сознание отцов-основателей, и о преемственности в развитии революционной идеологии. См. замечательную работу, в которой этот подход применен к чуть более позднему времени: *Banning L. Republican Ideology and the Triumph of the Constitution, 1789–1793 // WMQ. 1974. Vol. 31. P. 167–168.* Более развернутое рассмотрение этих вопросов содержится в другой работе того же автора: *Banning L. Jeffersonian Persuasion. Ithaca, 1978.* В другом месте он осторожно корректирует свои выводы; см.:

Reviews in American History. 1989. № 17. P. 199–204.

5 См.: *Elliot 1836; Essays on the Constitution of the United States... 1787–1788 / Ed. by P.L. Ford. Brooklyn, 1892; Pamphlets on the Constitution of the United States... 1787–1788 / Ed. by P.L. Ford. Brooklyn, 1888; Letters from the Federal Farmer to the Republican / Ed. by W. Bennett. University, AL, 1978.* Из многочисленных полных изданий «Федералиста» удобнее всего издание Дж. Кука: *The Federalist Papers / Ed. by E. Cooke. Middletown, 1961.* По нему будут цитироваться последние десять статей серии (LXXVI–LXXXV). Предшествующие статьи уже успели выйти в числе отзывов на Конституцию, публикуемых в серии «ДН», и я буду пользоваться этим изданием.

6 См.: *The Antifederalists / Ed. by C. Kenyon. Indianapolis, 1966; The Complete Anti-Federalist / Ed. by H. Storing. Chicago, 1981; ДН. Vol. I–[XXII].* В последнем издании помещен обзор предыдущих публикаций материалов конституционного спора. Четыре тома (XIII–XVI) содержат частные и публичные отзывы о Конституции, а не непосредственные материалы дебатов, сопровождавших ратификационные конвенты. Эти отзывы объединены сквозной нумерацией; ниже ссылки на них будут обозначаться сокращением «СС» и порядковым номером документа. Так, речь Джеймса Уилсона от 6 октября 1787 года будет обозначена как «СС 134».

7 Генри Нокс Джону Салливану, Нью-Йорк, 19 января 1788 года: ДН. Vol. XV. СС 461.

8 См.: *Kaminsky J. Antifederalism and the Perils of Homogenized History: A Review Essay // Rhode Island History. 1983. Vol. 42. P. 35.*

9 См.: *Storing H. The “Other” Federalist Papers: A Preliminary Sketch // Political Science Reviewer. 1976. Vol. 6. P. 216–247.*

10 Вашингтон Гамильтону, 28 августа 1788 года: *Papers of Alexander Hamilton*. N.Y., 1961–1979. Vol. V. P. 207. Отзыв Вебстера цит. по: *DH*. Vol. XVI. P. 415, примеч. Отзыв Айрделла см.: *Ibid*. Vol. IV. СС 616.

11 Речь Уилсона и сведения о вызванной ею полемической продукции см.: *Ibid*. Vol. XIII. СС 134.

12 Руфус Кинг Иеремии Водстворту, Нью-Йорк, 23 декабря 1787 года: *Ibid*. Vol. XV. СС 368. Суждения Хэнсона см.: *Ibid*. P. 521–522. Видимо, такого рода критические отзывы были достаточно распространены, раз федералисты решили составить на их основе хитроумную мистификацию — письмо, якобы втайне посланное Бенджамином Рашем Гамильтону. Сперва Раш поздравляет Гамильтона с тем, что им удалось подкупить печатников и остановить публикацию любых антифедералистских сочинений, а затем добавляет: «Я хотел бы, сэр, уговорить Публия не писать столь многословно; если бы его статьи были покороче, они имели бы намного больше успеха; к тому же в них отсутствует ораторский дух, без которого нельзя удерживать внимание публики. Многие говорят здесь (и, к сожалению, справедливо), что эти статьи наполнены заимствованиями из британской истории и политики и общими положениями, которые свидетельствуют скорее против Конституции, чем в ее пользу. Позвольте мне убедить вас сменить план» (*Newport Mercury* [R.I.]. 1788. March 24. P. 4). О более грубых выпадах против тяжеловесных статей «Федералиста», якобы способных «изнурить ум любого смертного», см.: *Rutland A. The First Great Newspaper Debate... 1787–1788 // Proceedings of the American Antiquarian Society*. 1987. Vol. 97 (1). P. 53; *DH*. Vol. XIII. P. 493, примеч.

Только в XX веке «Федералисту» стали приписывать огромное значе-

ние (об обращениях к нему в годы перед Первой мировой войной см. работу Рейкова в сборнике «*Saving the Republic*», подробно описанном ниже). Он пользуется репутацией главного американского труда по политической теории и дает пищу для полноценной академической дисциплины. Изучение Конституции и американской политической мысли утопает в бесконечных работах о «Федералисте». Количество этих работ исчисляется сотнями, если не тысячами. Все нарастающая сложность и изощренность исследовательских подходов изумила бы авторов цикла, второпях писавших ради победы в конкретном политическом споре. Среди исследований «Федералиста» наибольшего внимания заслуживают следующие: *White M. Philosophy, The Federalist, and the Constitution*. N.Y.; Oxford, 1987; *Howe D. The Political Psychology of "The Federalist" // WMQ*. 1987. Vol. 44; *Saving the Revolution: The Federalist Papers and the American Founding / Ed. by Ch. Kesler*. N.Y.; London, 1987; *Epstein D. The Political Theory of The Federalist*. Chicago, 1984.

13 Речь Элсворта от 7 января 1788 года на конвенте Коннектикута см.: *DH*. Vol. III. P. 553 (а также: *Ibid*. Vol. XV. СС 420; *Eliot* 1836. Vol. II. P. 190–197). Речь Уилсона от 1 и 7 декабря 1787 года на конвенте Пенсильвании см.: *Ibid*. Vol. II. P. 450–451, 517. О работах Стивенса и борьбе федералистов против традиционных представлений пойдет речь ниже, в разделе 3. К концу января 1788 года вопрос о судебном надзоре стал предметом горячих споров, чего не произошло на конвенте в Филадельфии. Право Верховного суда определять «смысл каждой статьи Конституции», не подчиняясь при этом никаким «твердо установленным правилам», ставилось под сомнение в резких и блестящих полемических статьях,

подписанных псевдонимом «Брут». Свои аргументы на этот счет, которые потом будут повторять многие поколения, автор изложил в семи из шестнадцати статей, появившихся в Нью-Йорке между 31 января и 20 марта 1788 года. См.: *Ibid.* Vol. XV. СС 489; Vol. XVI. СС 510, 530, 551, 576, 598, 632. (Об авторстве этих статей см.: *Ibid.* Vol. XIII. СС 178.) Ответы «Федералиста» составлялись Гамильтоном, в прошлом нью-йоркским адвокатом, которому случалось обосновывать в суде право судебного надзора. Статьи Гамильтона (№ LXVIII, LXXXI, LXXXII от 28 мая 1788 года) запоздали, хотя изложенная в них позиция была отчасти предвосхищена раньше, в № XXII от 14 декабря 1787 года. «Американец» также высказался о судебном надзоре раньше Мэдисона, в ясной и сильной статье № VII от 21 января (см. ниже примеч. 43). Невыразительные возражения Хэнсона «Бруту» см. в его «Замечаниях о предложенном плане»: *DH.* Vol. XV. P. 536. СС 490.

14 См.: *Kenyon C. Men of Little Faith: The Anti-Federalists on the Nature of Representative Government // WMQ.* 3^d ser. 1955. Vol. 12. P. 3–43.

15 Яркая речь Тредвелла, подготовленная для заседания нью-йоркского ратификационного конвента, но, по всей видимости, не произнесенная, опубликована в изд.: *Eliot* 1836. Vol. II. P. 396–401. Сходное с нашим истолкование антифедералистской программы в контексте смены поколений см.: *Maier P. The Old Revolutionaries.* N.Y., 1980. P. 282 ff.

16 *A Columbian Patriot [Warren M.]. Observations on the Constitution // DH.* Vol. XVI. P. 276–277, 282–284. СС 581. Впрочем, не только антифедералисты объявляли своих оппонентов наследниками врагов революции. Федералистский пасквиль из Пенсильвании перечислял семь характеристик, сближавших антифедералистов с тори об-

разца 1776 года, в том числе непризнание конвентов и городских сходок в качестве легитимных органов; убежденность в том, что только они, антифедералисты, осведомлены об истинных началах правления; и постоянные речи о вымышленных обидах. «Будем надеяться, что антифедералисты закончат свой путь так же, как и кое-кто из тори, коих они напоминают во многих частностях, а именно в бедности и ссылке» (*Ibid.* Vol. II. P. 157).

17 «Истинное сообщение» Лютера Мартина представляет собой расширенную версию его речи в законодательном собрании Мэриленда 29 ноября 1787 года, где он оправдывает свое поведение на конвенте в Филадельфии (см.: *DH.* Vol. XIV. СС 304В). Из статей Брайена я цитирую двенадцатую (*Ibid.* Vol. XV. СС 470), где подробно объясняется, почему федералистов следует именовать «заговорщиками»: такое обозначение «не было выбрано опрометчиво или необдуманно, как иногда полагают; это язык разума, беспристрастного и осмотрительного, одушевленного чистейшим патриотизмом. Рассмотрение природы и устройства новой Конституции делает подобное наименование естественным; его справедливость замечательно подтверждается действиями покровителей этого плана правления». Демонстрируя параноидальную логику, Брайен уверяет далее, что любые сомнения в существовании заговора опровергаются тем неудовольствием, которое федералисты выказывают перед лицом этих обвинений: «невинности нечего страшиться этого клейма». В позднейших статьях Брайен продолжал расписывать федералистский заговор, вплоть до № XVII, обращенного против Франклина. Здесь он заявил, что полностью разоблачил «коварный план порабощения сограждан, гнусного разделения между благородным сословием и народным

большинством, возводящего одних в дворянство и низводящего других до положения рабов» (Ibid. Vol. XVI. СС 642). О Руфусе Кинге и Цинцинна-тах см.: Ibid. P. 528. См. также наст. изд., с. 95–104.

18 Статьи № V, IX, XI. См. изд.: Ibid. Vol. XV. СС 356; Vol. XVI. СС 507, 609.

19 Ibid. Vol. XVI. P. 475.

20 Статью «Брута» (№ VII) см. в изд.: Ibid. Vol. XV. СС 411. Речи Генри на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 56, 386. Первая из них, произнесенная 5 июня и опубликованная с купюрами, в устном исполнении должна была продолжаться час. Это одна из самых коротких речей Генри; другая речь, произнесенная им вскоре после первой, почти полностью заняла два дневных заседания конвента. Ее текст см.: Ibid. P. 137–176. Статью «Брута» (№ VII) о национальном долге см.: DH. Vol. XV. СС 437.

21 Соображение Мейсона о федерализме, повторявшиеся им неоднократно, см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 29. Статью «Старого вига» (Джорджа Брайна?), № 6, см.: DH. Vol. XIV. СС 292. О возражениях предреволюционных тори против идеи «двойного суверенитета», неотличимых от аргументации антифедералистов, см. наст. изд., с. 140–143.

22 Статьи «Брута» (№ V, VI, продолжение в № VII) см. в изд.: Ibid. Vol. XIV. СС 343; Vol. XV. СС 384, 411. Нарисованную публицистом мрачную картину вездесущего государства Хэнсон объявил «декламаторским бредом, нелепым закливанием привидений и домовых» (Ibid. Vol. XV. P. 545. СС 490А). Почти все ведущие антифедералисты оспаривали возможность длительного сосуществования соперничающих властей и предсказывали, что «правительства штатов придется упразднить или же они будут существовать бесцельно» (Ibid. Vol. XIV. P. 29. СС 242). Эти опасения разделяли и колеблющи-

еся, подобно Сэмюэлю Адамсу, долго выбиравшему между двумя позициями и тщательно рассматривавшему доводы сторон (см.: Адамс Ричарду Генри Ли, 3 декабря 1787 года: Ibid. СС 315). Антифедералистскую аргументацию в пользу разделения внутренней и внешней сфер власти см. также в статьях «Старого вига» (№ VI) и «Брута» (№ V): Ibid. P. 218. СС 292; P. 427. СС 343. Контраргументы Гамильтона приведены в соответствующей статье «Федералиста» (№ XXX). Уилсон, единомышленник Гамильтона, в речи на конвенте Пенсильвании 11 декабря 1787 года суммировал свои возражения Уильяму Финли, возобновлявшему аргументы колониальной эпохи против вводимых парламентом «внутренних налогов или акцизов» (Ibid. Vol. II. P. 557–558). См. наст. изд., с. 136 и сл.

23 Речь Чарльза Тернера на конвенте Массачусетса цит. по: Eliot 1836. Vol. II. P. 30–32. Речь Генри см.: Ibid. Vol. III. P. 314, 324.

24 См. статью «Земледельца федерации» (№ 3): DH. Vol. XIV. P. 38–39. СС 242; Ibid. P. 61–63, 112–119.

25 *A Columbian Patriot* [Warren M.]. Op. cit. P. 280. СС 581. Речь Мейсона на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 371–381. Более обширный материал о взглядах Мейсона на постоянные армии и угрозу ополчениям см.: *Papers of George Mason, 1725–1792*. Chapel Hill, 1970. Vol. III. P. 1073–1081. Речь Патрика Долларда на конвенте Южной Каролины см.: Eliot 1836. Vol. IV. P. 338. Статью «Демократического федералиста» см.: DH. Vol. XIII. СС 167. P. 390. О Бурге см. в наст. изд., с. 38. Статью «Брута» (№ VIII) см.: Ibid. Vol. XV. P. 337–338. СС 437. Статью «Земледельца федерации» (№ III) см.: Ibid. Vol. XIV. P. 39. СС 242. Речь Колдуэлла см.: Eliot 1836. Vol. IV. P. 62. Речь Холмаса см.: Ibid. Vol. II. 111.

26 Речь Тейлора на конвенте Массачусетса см.: Ibid. Vol. II. P. 53. Речь

Лондеса на конвенте Южной Каролины см.: *Ibid.* Vol. IV. P. 289.

27 Уильям Симс-мл. Питеру Осгуду-мл., Эндовер, Массачусетс, 15 ноября 1787 года: *DH.* Vol. XIV. P. III. CC 262; *Brutus.* № III // *Ibid.* P. 123–124. CC 264; *Mason G. Objections to the Constitution* // *Ibid.* P. 151. CC 276A; *Martin L. Genuine Information.* IX // *Ibid.* Vol. XV. P. 496–497. CC 484. «Цинциннат» в статье № V рассуждал так: предположим, британский Тайный совет, официальный совещательный орган при короле, «получил исключительное право осуществлять импичменты. Не очевидно ли, что этот орган стал бы в таком случае всевластным, а импичмент бесполезным для интересов народа?» (*Ibid.* Vol. XIV. CC 307). Наиболее развернутое возражение на статьи Мейсона и Мартина против права помилования было написано Айрделлом. В статье III из цикла, подписанного псевдонимом «Маркус», Айрделл признавал, что президент теоретически может помиловать своего пособника, чтобы «утаить собственную вину», однако он не считал такой ход событий вероятным: помилованный сообщник после этого получил бы возможность свидетельствовать против президента, не боясь наказания. Более того, президенту в таком положении выгоднее не вмешиваться в судопроизводство, поскольку в ином случае он ясно обнаруживает свое соучастие. Далее Айрделл утверждал, что опасности, проистекающие из права помилования, уравновешиваются необходимостью защищать собственных тайных агентов: в ходе войны они могут быть разоблачены как помощники врага и в этом качестве подвергнуться народному гневу. Ни суды, ни присяжные в таком случае не спасут такого «полезного, хоть и бесчестного человека»; для него «глава великого государства должен иметь право помилования» (*Ibid.* Vol. XVI. CC 596). См.

также: *Impartial Citizen.* № V // *Ibid.* Vol. VIII. P. 428–430; *Federalist* [Hamilton A.]. № LXIX, LXXIV // *Ibid.* Vol. XVI.

CC 617, 644.

28 Речь Сэмюэля Нэссона на конвенте Массачусетса см.: *Eliot* 1836. Vol. II. P. 137; речь Генри на конвенте Вирджинии см.: *Ibid.* Vol. III. P. 147. Статьи «Агриппы» (№ IV, V, и в особенности VI и VII) см.: *Essays on the Constitution of the United States...* 1787–1788. P. 63 ff. Здесь цитируется № IX (*Ibid.* P. 79).

29 Речь Синглтери см.: *Eliot* 1836. Vol. II. P. 101. Ссылку на Хопкинса см.: *United States Chronicle.* Providence (R.I.), 1788. August 5. Ссылку на «издания 1774, 1775, 1776 и 1777 годов» см.: *An Old Whig.* № III // *DH.* Vol. XIII. CC 181; *Centinel.* № II–III // *Ibid.* CC 190; Vol. XIV. CC 243. Речь Роберта Уайтхилла на конвенте Пенсильвании см.: *Ibid.* Vol. II. P. 527. О Бурге см. выше, примеч. 25. Речи Генри на конвенте Вирджинии см.: *Eliot* 1836. Vol. III. P. 396, 411. См. далее: *A Columbian Patriot* [Warren M.] // *DH.* Vol. XVI. CC 581. P. 281–282, а также наст. изд., с. 32, 44.

30 Речь Генри на конвенте Вирджинии см.: *Eliot* 1836. Vol. III. P. 148, 149, 164, 165, 327. Сходные суждения о «принципе самолюбия» в антифедералистском лагере см.: *Brutus.* № IV // *DH.* Vol. XIV. CC 306. Федералистский извод этой темы см.: *A Countryman* [Sherman R.]. № II // *Ibid.* Vol. XIV. CC 284.

31 Речь Мейсона на конвенте Вирджинии см.: *Eliot* 1836. Vol. III. P. 32. Речи Джозефа Мак-Доуэлла и Уильяма Ленуара на конвенте Северной Каролины см.: *Ibid.* Vol. IV. P. 150, 203–204. См. далее: *Cato.* № V // *DH.* Vol. XIV. CC 286; речь Чарльза Тернера на конвенте Массачусетса в изд.: *The Debates in the Several State Conventions...* Vol. II. P. 30–32; речь Патрика Долларда на конвенте Южной Каролины в изд.: *Ibid.* Vol. IV. P. 337.

См. также: [Paine Th.] Common Sense... Philadelphia, 1776 [JHL Pamphlet 63]; *A Georgian* // DH. Vol. III. P. 236.

32 *Brutus*. № I // Ibid. Vol. XIII. P. 417–418. СС 178. Аналогичное суждение см. в другой статье: *Agrippa* [Winthrop J.]. № IV // Essays on the Constitution of the United States... 1787–1788. P. 63–65.

33 *Cato*. № III // DH. Vol. XIII. СС 195; *Federal Farmer*. № II // Ibid. Vol. XIV. P. 29. СС 244; *Agrippa* [Winthrop J.]. № VII // Essays on the Constitution of the United States... 1787–1788. P. 73. Речь Мейсона на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 30. Об авторитете Монтескье в американских спорах на эти темы см.: Spurlin P. *Montesquieu in America*, 1760–1801. University, AL, 1940. Гл. VI.

34 Речь Генри на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 150. См. далее: *An Old Whig*. № V // DH. Vol. XIII. СС 224; *Federal Farmer*. № II // Ibid. Vol. XIV. P. 27. СС 242.

35 Пикеринг Чарлзу Тилингесту, Филадельфия, 24 декабря 1787 года: Ibid. P. 197. СС 288С; *Federalist* [Hamilton A.]. № XXIX // Ibid. Vol. XV. СС 249. Речь Гамильтона на конвенте Нью-Йорка см.: Eliot 1836. Vol. II. P. 262–263, 320. См. далее: *Impartial Citizen*. № V // DH. Vol. VIII. P. 428; *Aristides* [Hanson A.]. Remarks... // Ibid. Vol. XV. P. 536. СС 490А; *Federalist* [Hamilton A.]. № XXX // Ibid. Vol. XV. P. 164. СС 391; статью «Кассия» в изд.: *Virginia Independent Chronicle*. 1788. April 2. Речь Мэдисона на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 433. См. также: *Federalist* [Madison J.]. № XIV // DH. Vol. XIV. СС 310.

36 [Webster N.] *An Examination into the Leading Principles of the Federal Constitution... by a Citizen of America* [Philadelphia, 1787] // Pamphlets on the Constitution of the United States...

1787–1788. P. 82; *An American Citizen* [Coxe T.]. № V // DH. Vol. XIII. СС 183А. 37 Пикеринг Тилингесту: Ibid. Vol. XIV. P. 203; Сэмюэл Холден Парсонс Уильяму Кашингу, Мидлтаун, Коннектикут, 11 января 1788 года: DH. Vol. III. P. 570; *Aristides* [Hanson A.]. Op. cit. P. 532; *Marcus* [Iredell J.]. № IV // DH. Vol. XVI. P. 385. СС 616. Речь Корбина и Николаса на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 112–113, 389–390.

38 *Federalist* [Hamilton A.]. № VIII, XXVI // DH. Vol. XIV. СС 274; Vol. XV. СС 366; *An Impartial Citizen*. № VI // Ibid. Vol. VIII. P. 498.

39 *Federalist* [Hamilton A.]. № XV, XXII, XXVII, XXXII–XXXIII // DH. Vol. XIV. СС 312, 347; Vol. XV. СС 378, 405.

40 Речь Элсворта на конвенте Коннектикута см.: Ibid. Vol. XV. P. 278–279. СС 420 (курсив наш). См. также примеч. 13 к настоящей главе. См. далее: *Federalist* [Hamilton A.]. № XX // Ibid. Vol. XIV. СС 340. Большинство федералистов разделяло убеждение Мэдисона в том, что принцип федерализма позволял избавиться от старинного страха перед двойным суверенитетом. Так, адвокат из Коннектикута Сэмюэл Холден Парсонс через месяц после выхода статьи XX «Федералиста» варьировал ее формулировки и объяснял, что двойной суверенитет нелеп только в том случае, когда две власти «совпадают в своих полномочиях». Ведь существуют зачем-то законодательные собрания в городах и графствах: разве это не значит, что и штат может существовать и издавать законы? (Парсонс Кашингу, 11 января 1788 года: Ibid. Vol. III. P. 573).

41 Речь Рэндолфа и Корбина на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 85, 69, 107–108. См. также: *Federalist*. № IX // DH. Vol. XIV. P. 160. СС 277.

42 Речь Уилсона на конвенте Пенсильвании см.: Ibid. Vol. II. P. 352–353,

355. См. далее: *Federalist* [Hamilton A.]. № IX // *Ibid.* Vol. XIV. СС 277; речь Бойдуйана на конвенте Массачусетса в изд.: Eliot 1836. Vol. II. P. 128. О взглядах Монтескье на конфедерацию как форму республиканского устройства, способную разрешить проблему территории, см.: *Spurlin P.* Op. cit. P. 196–200.

43 Семь статей Стивенса-Американца см.: *New York Daily Advertiser*. 1787. November 2, 23, 30, December 5–6, 12; 1788. January 12, 21. Здесь используются и цитируются № I–IV, VI.

44 *Federalist* [Hamilton A.]. № LXXXV // *The Federalist Papers*. P. 582, 583.

45 Мэдисон Джефферсону, 24 октября 1787 года: *Papers of James Madison*. Chicago; London, 1977. Vol. X. P. 205–220; *Federalist*. № X, LI // DH. Vol. XIV. СС 285; Vol. XVI. СС 503. Знаменитый фрагмент, приведенный ниже, см.: *Ibid.* Vol. XIV. P. 181.

46 Убеденный антифедералист Джеймс Уинтроп считал нужным сохранить суверенитет штатов в интересах местных групп: «Только блюдя местную выгоду, мы удовлетворим всеобщей. В общество приходят не заботиться о других, но ради своего блага. Те, кто объединен общими намерениями, столь же успешно могут способствовать общему процветанию» (*Agrippa*. № VII // *Essays on the Constitution of the United States... 1787–1788*. P. 73). За три дня до появления статьи III «Федералиста» федералистский взгляд на вопрос о выгоде был изложен в работе «Филантропа»: «Конечно, правильно понятая личная выгода с общей точки зрения есть всеобщее благо» (DH. Vol. III. P. 468–470).

47 Стоит заметить, что статья X «Федералиста», не заключавшая новаторской политической теории, развивала давние идеи Мэдисона. Еще до начала конвента, в апреле 1787 года, в меморандуме «Пороки политической системы Соединенных Штатов» Мэди-

сон отмечал «угрозу общественным свободам» в мажоритарных республиках и доказывал, что в республиках с большой территорией легче достигается взаимное равновесие различных групп, не позволяющее ни одной из них посягать на права личности. Когда речь зашла о функционировании конституционного строя, он использовал идею расширенных границ как аргумент в пользу одного своего предложения, в конце концов отвергнутого конвентом. Мэдисон считал нужным позволить конгрессу упразднить законы штатов, которые, по мнению федеральных депутатов, противоречат Конституции и федеральным законам или нарушают права человека. Что же заставляет верить, что сам конгресс не будет действовать из корыстолюбия, пристрастия или даже деспотизма? Защищая свое предложение в письме Джефферсону от 24 октября, Мэдисон утверждал, что беспристрастность конгресса будет обеспечена обилием разнообразных интересов в обширной американской республике. Ни одна единичная группа не сможет получить власть над конгрессом и использовать его полномочия, в том числе право вето, в своих целях. Этому доказательству Мэдисон придавал столь большое значение, что собственноручно выписал его из письма Джефферсону, — видимо, затем, чтобы использовать в будущем. Случай скоро представился. Меньше чем через месяц Мэдисон развил свою аргументацию в статье X «Федералиста» от 22 ноября, отчасти напоминающей его ранний меморандум; здесь вновь доказывалось, что в больших республиках разрушительная сила внутреннего противоречия интересов снижается, а не растет. Этот же тезис развивается и в статье LI от 6 февраля 1788 года. Мэдисон удивился бы, узнав, что столетия спустя его вполне традиционные рассуждения о групповых интересах

и расширении границ будут, с одной стороны, объявлены началом новой политической науки, а с другой — оправданием патрицианского господства. См.: Papers of James Madison. Vol. X. P. 205–206; выписка на с. 209–214. 48 *Federalist*. № LV // DH. Vol. XVI. P. 114–115. СС 525. Речь Мэдисона на конвенте Вирджинии см.: Eliot 1836. Vol. III. P. 536–537.

49 Вашингтон маркизу де Лафайету, Монт Вернон, 7 февраля 1788 года: DH. Vol. XVI. СС 509; *Fabius* [Dickinson J.]. № IX // Pamphlets on the Constitution of the United States... 1787–1788. P. 215. Речи Уэста, Томпсона и Эймса на конвенте Массачусетса см.: Eliot 1836. Vol. II. P. 32–33, 33–34, 10. См. далее: *Bernhard W. Fisher Ames*. Chapel Hill, 1965. P. 6, 73; *Stourzh G. Alexander Hamilton and the Idea of Republican Government*. Stanford, 1970. P. 70–74; *Federalist*. № LXXVI // The Federalist Papers. P. 513–514. В более ранней работе Гамильтон утверждал, что только «умы, одушевленные и руководствующиеся высшей добродетелью», способны преодолеть естественную продажность обыкновенных людей, вознесенных на высшие должности республики, и что именно эти высшие умы, пользуясь преимуществами государственного строя, будут стоять на страже всеобщей свободы. См.: *Federalist*. № XXII // DH. Vol. XIV. СС 347.

50 *Murray W. Political Sketches* // American Museum. 1787. September. Vol. II. № 3. P. 220, 227, 228, 230, 231, 232. См.: *Conde A. de. William Vans Murray's "Political Sketches": A Defence of the American Experiment* // Mississippi Valley Historical Review. 1954–1955. Vol. 41. P. 623–640. В политическом отношении Мюррей был учеником Джона Адамса. Адамс состоял послом в Лондоне в тот момент, когда Мюррей писал свои работы, и стал их адресатом. Сам Адамс в это же время

трудился над трехтомной «Защитой конституций <...> Соединенных Штатов Америки» (1787–1778), где сходным образом опровергал Монтескье. Его взгляды совпадали с воззрениями Уэбстера и Стивенса, хотя и вырабатывались независимо от них. См.: *Adams J. Defence of the Constitutions... of the United States of America* // Adams. Vol. VI. P. 206–216.

51 *Webster N. Sketches of American Policy*. N.Y., 1937. P. 24, примеч.; *Idem. An Examination into Leading Principles of the Federal Constitution... by a Citizen of America* // Pamphlets on the Constitution of the United States... 1787–1788. P. 57, 59, 60. См. также сходные аргументы в другой работе того же автора: *Idem. To the Dissenting Members of the Late Convention of Pennsylvania* (December 31, 1787) // DH. Vol. XV. P. 195. СС 399. Обращение федералистов к Вебстеру засвидетельствовано письмом Томаса Фитцсиммонса из Филадельфии от 15 сентября 1787 года, воспроизведенном на микрофише в приложении к тому же изданию (с. 707–708).

52 *Americanus* [Stevens J.]. № VI // New York Daily Advertiser. 1787. December 12. Суждения о Спарте находятся в статье I от 2 ноября 1787 года. Гамильтон в «Континенталисте» (1782) доказывал, что глупо требовать беспристрастности от республиканской политики: «С наименьшей легкостью мы могли бы согласиться на общее владение женщинами и имуществом по образцу спартанцев, перенять их железную монету, длинные бороды или похлебку <...> столь же смешно искать образцы в грубой древности Греции и Рима, как у готтентотов или лапландцев» (цит. по: *Stourzh G. Op. cit.* P. 70).

53 Обсуждение Конституции в федералистских кругах всегда разворачивалось вокруг вопросов власти, правоприменения и злоупотребления полномочиями; наиболее отчетливо

и содержательно теоретические и практические измерения власти рассмотрены в работе: *A Landholder* [Ellsworth O.]. № III // DH. Vol. XIV. CC 272.

54 См., например, речь Уилсона на конвенте Пенсильвании: DH. Vol. III. P. 352–353; общее мнение этого конвента: Ibid. P. 367; *Federalist* [Madison J.]. № XIV // Ibid. Vol. XIV. CC 310.

55 *An American Citizen* [Coxe T.]. № IV // Ibid. Vol. XIII. P. 435. CC 183A.

56 *Federalist* [Madison J.]. № XX // Ibid. CC 340; Мэдисон Джефферсону, 24 октября 1787 года: Papers of James Madison. Vol. X. P. 209–210.

57 См. выше, с. 215.

58 Речь Эдварда Рутледжа на конвенте Южной Каролины см.: Eliot 1836. Vol. IV. P. 276.

Указатель имен

- Адамс А. 274
Адамс Дж. 16, 20, 24–25, 27, 29–31, 39, 45, 47, 50, 52, 66–68, 73, 78, 80, 90, 93, 105, 114, 149, 159, 164, 172–173, 175, 179, 184–186, 188, 248, 252–253, 261, 265, 268–269, 271–272, 274, 279, 289–292, 301
Адамс С. 20, 47, 67, 117, 281, 297
Аддисон Дж. 20, 39, 254
Айрделл Дж. 144, 207, 210, 267, 274–276, 283, 295, 298
Айронсайд Дж. 276
Аллен Дж. 25, 154, 171, 248–249, 264
Алмон Дж. 267
Апторп Г.Б. 65, 246, 269
Арбетнот Дж. 22
Аристотель 29, 51, 182
-
- Бакус А. 168–169, 171–172, 195–196
Барон Р. 37, 253
Баучер Дж. 103, 202–204, 250, 252
Белкнап Дж. 103
Беккариа Ч. 31–32, 98, 222
- Бентли Р. 29
Берк Э. 89, 96–97, 103–104, 107, 110, 202, 276–277, 283
Бернард Ф. 73, 75, 81, 99, 178–179, 276–277, 283
Бернет Дж. 38–39
Беррингтон Д. 33
Биллиндж Э. 126
Бирд Ч. 209
Бленд Р. 18, 20–21, 24, 46, 114, 135, 151, 161–162, 165–166, 197, 246, 266, 284
Блэкстон У. 33, 111–113, 120, 130, 146, 280, 282
Боден Ж. 128
Болдуин Э. 85
Болингброк Г. 20, 32, 37, 42, 58, 109, 249, 252–253, 255, 261, 263, 265, 272, 283
Боллан У. 88, 274
Боудуайн Дж. 77, 236, 300
Брайен Дж. 297
Брайен С. 213, 296
Браун Дж. 59, 267
Браун Р.Д. 277
Бредвольд Л.И. 12
Бреди Р. 33, 266
Брэддок Э. 23
- Брэктон Г. 33
Брэкстон К. 186, 188
Брут 30, 44
Бург Дж. 38, 59, 88, 220, 253, 297–298
Бурламаки Ж.-Ж. 31–32, 249, 284
Бьют, лорд
 см. Стюарт Дж.
Бэкон Ф. 28, 33, 39, 129, 144
-
- Ваттель Э. 31–32, 98, 115, 117, 284
Вашингтон Дж. 25, 79–80, 103, 210, 213, 272, 295, 301
Вебстер Н. 210, 227, 240–241, 295, 301
Веддерберн А. 32
Вергилий 29, 271
Вильгельм III 255, 279
Водсворт И. 295
Вольтер 31–33, 57
Вон Дж. 33
Ворд С. 247
-
- Гай 29
Галифакс Дж.С. 20, 277
Гальба 87
Гамильтон А. 31, 91, 121–122, 127–128, 200, 207, 210, 226, 229–230, 232–233,

- 235–236, 238, 243,
295–297, 299, 301
- Гарт Ч. 278
- Гатри У. 38
- Гей Дж. 42
- Генри П. 91, 151, 162, 186,
207, 214, 216,
219–221, 224, 292,
297–299
- Генрих VIII 32
- Георг I 88, 253
- Георг II 71, 251
- Георг III 40, 89, 96, 100,
103, 144–145, 195,
216, 265–266, 273,
293
- Геродот 29
- Герри Э. 207
- Гиббон Э. 43
- Гилберт Дж. 33
- Гоббс Т. 32, 113, 129–130,
146
- Говард М. 21, 25, 67, 95,
119–120, 134, 269
- Говард С. 249, 259
- Голдсборо Дж. 33
- Гомер 29
- Гораций 29
- Гордон Т. 35–39, 44, 88,
254, 256, 274, 291
- Грейвс У. 268, 274
- Гренвилль У. 99, 110,
134, 140, 276
- Гроций Г. 31–32, 39, 98,
133, 280, 283
- Гэллоуэй Дж. 32, 90–91,
103, 121, 143, 145,
214, 277, 286, 290
- Гэррет Дж.Н. 14
-
- Далани Д. 54, 109, 136,
138, 249, 253–254,
275, 278, 286
- Дан Дж. 252, 293
- Дана Э. 269
- Дартмут, лорд
см. Легг У.
- Делолм Ж.-Л. 31
- Демосфен 29, 111
- Дефо Д. 20, 22–23, 248
- Джей Дж. 207
- Джекилл Дж. 109
- Дженкинсон Р.Б. 81
- Дженнингс Э. 274
- Джефферсон Т. 16, 19–20,
24–25, 29–31, 37, 48,
79, 82, 100, 122, 151,
154, 159, 167,
187–188, 236, 248,
253, 265–266, 273,
279, 281, 286, 290,
300, 302
- Джонс Т. 103
- Джонсон С. 29, 145, 152,
287, 290
- Джоунс Г.М. 10
- Дикерсон О. 104, 271
- Дикинсон Дж. 20–21,
29–30, 46, 54, 60–61,
68, 79, 81, 86, 95,
100–101, 121, 124,
138–139, 143, 145,
149, 152, 181, 215,
220, 238, 259, 263,
266, 269, 272–273,
275, 282, 286
- Дилли Э. 274
- Дион 29
- Добре Б. 12
- Додридж Ф. 37
- Доллард П. 297–298
- Дрейтон У. 25, 180–181
- Дуглас У. 278
- Душе Дж. 202
- Дэвидсон Ф. 104
- Дэвис С. 161
-
- Евклид 234
- Еврипид 29
-
- Зенгер Дж.П. 38, 44, 267
-
- Идес П. 247
- Инглис Ч. 32, 113–114,
184, 248
-
- Калигула 213
- Калмерс Дж. 183–184
- Камм Дж. 18, 246
- Карл I 95, 129, 220,
249–250, 256, 262,
272
- Карл II 96, 279
- Карлейль Т. 145
- Кармайкл Дж. 19
- Картер Л. 161
- Картрайт Дж. 37
- Кассий 30
- Катилина 30
- Катон 29–30, 39, 252–253
- Кашинг У. 299
- Квинси Дж., мл. 28, 31,
39, 47, 67, 80–81,
149, 269, 271, 286
- Кент Дж. 280
- Кеньон С. 209
- Кер Г. 254
- Кинг Р. 210, 213, 295,
297
- Кокс Т. 214, 227, 243
- Колден К. 273
- Колдуэлл Д. 217–218, 297
- Коллинсон П. 60
- Корбин Ф. 228, 232, 236,
299
- Корнелий Непот 29
- Косби У. 59
- Коук Э. 33, 39, 44, 111,
114–117, 130, 144,
250, 280
- Кристи А. 12, 96, 98, 291
- Кромвель О. 32, 46, 184,
292
- Ксенофонт 29
- Ксеркс I 261
- Кук Дж. 294
- Кук С. 153, 158
- Купер С. 284
- Курций 29
- Кэмден, граф
см. Пратт Ч.
- Кэмм Дж. 151, 161–162,
165
- Кэррол Ч. 61–62, 87, 256,
265, 267–268, 274,
285
- Кэррол Ч., ст. 267–268

- Ладлоу Э. 272, 275
Ласки Г. 183
Лафайет М.Ж. 238, 301
Легг У. 98
Ленуар У. 298
Леонард Д. 145, 201, 204, 283, 290
Лесли Ч. 44, 199, 256
Ли А. 68, 81, 84, 99, 109, 111, 122, 153, 177, 261, 273–274, 281
Ли Р.Г. 80, 177, 186, 226, 297
Ливий 29–30
Ливингстон Дж. 23
Ливингстон Ф. 21, 122, 273
Ливингстон У. 44, 160–161, 251, 253, 256
Линд Дж. 145, 277
Ллойд Д. 261
Локк Дж. 20, 28, 31–33, 36, 39, 44, 46, 57, 88, 98–99, 109, 112, 233, 249–250, 252–253, 279
Лондес Р. 218, 298
Лукач 29
Лукиан 29
Лукреций 29
Лютер М. 161
-
- Мак-Доуэлл Дж. 298
Мак-Илвайн Ч. 106, 123, 128, 130
Мак-Киллоп А. 12, 255
Макдугалл А. 179
Макиавелли Н. 58, 182
Маккоби С. 12
Маколей К. 38, 96–97, 254
Мандевиль Б. 32, 42
Марк Аврелий 29
Маркс К. 183
Мартин Л. 207, 213, 218, 296, 298
Матер М. 143
Мейн Дж. 154
- Мейсон Дж. 79–80, 188, 207, 214, 217–218, 221, 223, 237, 297–299
Мейхью Дж. 18, 22, 29, 37, 39, 44, 58, 63, 65–66, 81, 93, 163–165, 246, 250–251, 253–254, 256, 268–269, 288, 291
Миллер Дж. 104
Мильтон Дж. 20, 35, 37, 39, 60, 250
Мойл У. 251
Мольер Ж.-Б. 29
Монтескье Ш. 31–33, 98, 220, 222–223, 226, 233–235, 239–242, 262–263, 265, 267, 299–301
Мор Т. 235
Морган Э. 284
Моррис Л. 59–60
Моулсворт Р. 37, 49, 52, 88, 252, 260, 263, 268
Мур М. 265
Мэдисон Дж. 45, 101, 127, 166, 182, 206–207, 211, 214, 226, 231, 233–238, 243, 281, 286, 290, 296, 299–302
Мэдокс Т. 33, 265
Мэйнуоринг Р. 32, 129, 220, 250, 256
Мэннинг Дж. 172
Мэнсфилд, лорд см. Мюррей У.В.
Мэтер К. 23
Мэтер М. 52
Мюррей У.В. 81, 239–240, 301
-
- Найлс И. 105
Невил Г. 35, 39
Недем М. 39, 257
Нерон 201, 213
- Николас Р. 252
Николас У. 228, 299
Нил Д. 34
Нобл О. 84
Нокс Г. 210, 294
Нокс У. 140, 146
Норис А. 38
Норт Ф. 81, 84–85, 97, 145, 269
Ньюкасл, герцог см. Пелхэм-Холлс Т.
Нэссон С. 298
-
- О’Хара Ч. 276
Овидий 29
Оливер П. 100, 103
Оливер Э. 73, 179
Оруэлл Дж. 17, 246
Осгуд-мл. П. 298
Отис Дж. 20, 25, 30–31, 33, 45, 55, 58, 67, 109–110, 114–117, 120–123, 133–135, 152, 158, 248, 250, 262, 269, 279–280, 283–284
-
- Палтни У. 109, 127
Паоли П. 49
Паркер Г. 129–130
Парсонс Дж. 173–174
Парсонс С.Х. 299
Паунелл Т. 130, 275, 284, 286
Педлтон Э. 265
Пейн Т. 25, 32, 182–188, 248
Пелхэм-Холлс Т. 132
Пембертон А. 173
Пенн У. 57, 123–124, 126
Петит У. 33, 109, 266
Петроний 29
Пизон 87
Пикеринг Т. 226, 228, 299
Пим Дж. 220
Пинкни Ч. 236
Питт У. 89, 97, 145, 149, 274

- Питт У., мл. 103, 290
 Платон 29–30, 235
 Плиний 29
 Плутарх 29–30
 Покок Дж. 41
 Полибий 29, 182
 Поуп А. 42
 Прайс Р. 37, 88
 Пратт Ч. 33, 64, 109, 149
 Придо Х. 34, 258
 Принс Т. 34
 Пристли Дж. 37, 88
 Пуфендорф С. 29, 31–32, 39, 98
 Пэлфри У. 271, 274
-
- Райт Дж. 257
 Ральф Дж. 23, 38, 248, 267
 Раме П. де ла 29
 Рамзей Д. 103, 289, 291
 Рапен-Тойра П. де 38, 82, 253–254, 265–266
 Рассел У. 88
 Раш Б. 147, 153, 295
 Реймонд Р. 33
 Рико П. 260
 Робертсон А. 31
 Робеспьер М. 290
 Робинс К. 12, 35
 Робинсон-Моррис М. 274
 Рокби, лорд
 см. Робинсон-Моррис М.
 Рокингем, маркиз
 см. Уотсон-Вентуорт Ч.
 Руде Дж. 12, 96
 Руссо Ж.-Ж. 29, 31–32
 Рутледж Э. 302
 Рэндолф Э. 232, 236, 299
-
- Сайк Н. 251
 Салливан Дж. 33, 294
 Саллюстий 29–30, 38, 274
- Сатерланд Л. 12
 Светоний 29
 Свифт Дж. 20, 22–23, 25, 29, 42
 Селден Дж. 202
 Сенека 29
 Сибири С. 21, 31, 79, 91, 113, 145, 200–201, 281
 Сибторп Р. 32, 129, 220, 250, 256
 Сидни А. 28, 35, 37, 39, 88, 109, 191, 220, 250–252, 258
 Силман Э. 284
 Симс У., мл. 298
 Синглтери Э. 219–220, 298
 Смит М. 207
 Смит У. 40, 255, 290
 Солкелд У. 33
 Софокл 29
 Спелман Г. 33, 265
 Стайлз Э. 156
 Стивен Л. 36, 251
 Стивенс Дж. 211, 233–236, 241–242, 295, 300–301
 Стивенс Р. 291
 Сторинг Г. 209–210
 Страбон 29
 Страхан У. 271
 Стрэн У. 59, 88, 97–98, 276
 Стюарт Дж. 81, 96–97, 220, 276
 Суле Ф. 273
 Сулла 190
 Схак П. ван 98
-
- Тауншенд Ч. 18, 69, 74, 78, 138
 Тацит 29–30, 38–39, 266, 274
 Тейлор Дж. 218, 297
 Тейлор Э. Дж. П. 246
 Темпл Дж. 284
 Тернер Ч. 297–298
 Тилингест Ч. 299
- Тиндал М. 257
 Токвиль А. де 182
 Томпсон С. 238, 301
 Томсон Дж. 42, 255, 275
 Торн К. С. 14, 115
 Трамбалл Дж. 20, 103
 Тревор-Роупер Х. 11
 Тредвелл Т. 212, 296
 Тренчард Дж. 35–39, 42, 44, 48, 57–58, 75, 77, 88, 251–252, 254, 256, 259, 263, 291
 Тэчер О. 29, 67, 73, 95, 269
-
- Уайтлог Б. 38
 Уайтхилл Р. 298
 Уилбер Р. 207
 Уилкс Дж. 74–75, 77–78, 87–88, 220, 271, 274
 Уилсон Дж. 20, 69, 101, 112–113, 144–145, 207, 210, 212, 217, 233, 236, 294–295, 299, 302
 Уильям III 36
 Уильямс С. 33, 173, 211
 Уимс П. 103
 Уиндам У. 111
 Уинтроп Дж. 207, 219, 223, 300
 Уитни П. 47, 257
 Ульпиан 29
 Уолпол Г. 97, 293
 Уолпол Р. 12, 36–37, 40–44, 59, 62, 80, 132, 255–256, 263, 267, 275, 283
 Уонтон Г. 247
 Уоркман Б. 213–214
 Уоррен Дж. 68, 269
 Уоррен М. О. 20, 32, 103, 212, 291
 Уотли Т. 284
 Уотсон-Вентуорт Ч. 89, 97, 274
 Уоттс А. 37
 Уэллес Н. 253

- Уэллс Р. 153
Уэст С. 238, 301
Уэтли Т. 278
-
- Фазергилл Дж. 98, 276
Феннинг Д. 264
Филмер Р. 31–32,
129–130, 199, 250
Финли У. 297
Фитцсиммонс Т. 301
Форд П. 209
Фортескью Дж. 33
Фостер Д. 33
Фоул Д. 278
Франклин Б. 23, 31, 38,
60, 69, 84, 86,
90–91, 98, 137–138,
213, 215, 254, 267,
285, 296
Франклин Дж. 38, 59,
254
Фукидид 29
Фурд А.С. 12
Фэрфакс Б. 272
-
- Хант И. 199–200
Хантер Р. 263–264, 272
Харт Л. 155–156, 158
Хатчинсон Т. 67, 73,
80–81, 99–100,
102–103, 136–137,
140–143, 146, 157,
212, 214, 220,
263–264, 269–270,
272, 284–285
Хатчинсон Ф. 32–33, 37,
253
Хейл М. 33, 130, 250
Херви Дж. 251
Херрингтон Дж. 35, 39,
235, 264, 284
- Хикс У. 117, 266
Хилл У. 212–213, 220
Хилсборо, граф
см. Хилл У.
Ходли Б. 36–37, 39, 44,
199, 251–252, 256
Холл Д. 59, 88, 271, 276
Холл Дж. 32
Холл М. 254
Холлис Т. 37, 59, 76–77,
80, 87, 169, 250–251,
253–254, 267–268,
270–271, 273–275,
281, 289, 291
Холмс А. 218, 297
Хольт Дж. 33
Хопкинс Дж. 25
Хопкинс Стивен 21, 24,
67, 119, 136, 150,
220, 247, 254, 284,
298
Хопкинс Сэмюэл
156–158
Хотман Ф. 52
Хоу У. 103, 277
Хукер Р. 130
Хупер У. 267, 274–275
Хэмпден Дж. 88
Хэнсон А. 210–211, 220,
226, 228, 295–297
Хюльм О. 119, 281
-
- Цезарь 29–30
Цицерон 29–30
Цубли Дж.И. 110–111, 117,
139–140
-
- Чалмерс Дж. 292
Чандлер Т.Б. 22, 24,
122, 145, 201, 204,
281
- Чаплин Э. 20–21, 24
Чатем, граф
см. Питт У.
Чэлмерс Дж. 32, 290
-
- Шаак П. ван 32
Шакфорд С. 34
Шарп Г. 287
Шеббер Дж. 22
Шеклтон Р. 262
Шекспир У. 29
Шерман Р. 207
Ширли У. 80–81
Шлезингер А. 272
-
- Эдвардс Дж. 156
Эймс Ф. 238, 301
Элиот Дж. 209
Элиот Э. 19, 37, 63,
76–77, 80–81, 83, 87,
122, 130, 169, 181,
250, 253, 268,
270–271, 273–275,
281, 289, 291
Элмон Дж. 97
Элсворт О. 207, 210–211,
230–231, 295,
299
Эндрюз Л. 202
Эпиктет 29
Эпторп И. 18, 163–165,
288
Эрдман Ч. 282
- Ювенал 29
Югурта 90, 274–275
Юм Д. 32, 58, 66, 217, 249,
253
Юстиниан 29
-
- Яков I 129

Бернард Бейлин
Идеологические истоки Американской революции

Выпускающий редактор Татьяна Трофимова
Корректор Елена Елочкина
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Новое издательство
119017, Москва
Пятницкая улица, 41
Телефон/факс (495) 951 6050
e-mail info@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 31 марта 2010 года
Формат 60×90 1/16
Гарнитура Charter
Объем 19,25 условного печатного листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, Библиотечная улица, 11